

Министерство образования и науки Российской Федерации
Амурский государственный университет

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 11

Благовещенск
2014

*Печатается
по решению ученого совета Амурского государственного университета*

С48 **Слово:** Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 11 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2014. – 293 с.

Выпуск содержит обработанные и научно интерпретированные диалектные и фольклорные материалы, собранные преподавателями и студентами Амурского государственного университета во время научных экспедиций в села Амурской области, а также результаты других исследований регионального языкового материала. В альманахе представлены разделы «Современные лингвистические исследования», «История края. Избранное», «Речевые портреты», «Речевые жанры», «Словарь», «Когнитивная диалектология», «Язык фольклора», «Школа», которые будут интересны не только для лингвистов и фольклористов, но и историков, этнографов, краеведов. К альманаху прилагается компакт-диск, включающий образцы речи и фольклора, опубликованные в выпуске, а также фото- и видеоматериалы, выполненные во время фольклорно-диалектологических экспедиций.

Издание входит в базу данных РИНЦ и elibrary.ru.

ББК 822.3(2Рос) – 67

Редакторы: Е.А. Оглезнева, д-р филол. наук
 Н.Г. Архипова, канд. филол. наук

Редакция компакт-диска: А.В. Бородатов, Д.Н. Галимова

Ответственный за выпуск: Н.А. Сосина

В оформлении обложки использована фотография Андрея Оглезнева

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-51116 от 04 сентября 2012 г.

© Амурский государственный университет, 2014
© Кафедра русского языка, 2014
© Лаборатория региональной лингвистики, 2014
© Галимова Д., Оглезнева Е., Старыгина Г., фото

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакторов.....</i>	<i>8</i>
<i>Современные лингвистические исследования</i>	
<i>Территориальные диалекты в Сибирском и Дальневосточном регионах</i>	
<i>Архипова Н.Г. (Благовещенск). Старообрядцы (семейские) Амурской области: история расселения, особенности говора</i>	<i>11</i>
<i>Игнатович Т.Ю. (Чита). Восточнозабайкальский региолект в сибирском диалектном пространстве</i>	<i>15</i>
<i>Пляскина Е.И. (Чита) Названия мехового пальто в забайкальских говорах</i>	<i>22</i>
<i>Языковое бытие региона</i>	
<i>Касимова Е.В. (Благовещенск). Регионально окрашенная лексика в публицистических и художественных текстах, ее функции (на материале дальневосточной литературы и публицистики)</i>	<i>26</i>
<i>Кунгушева И.А. (Благовещенск). Лексико-семантическая парадигматика коммерческой эргонимии города Благовещенска</i>	<i>31</i>
<i>Михайлюкова Н.В. (Владивосток). Название предприятий автобизнеса в языке города Владивостока: жанровый аспект</i>	<i>37</i>
<i>Оглезнева Е.А. (Благовещенск). «На Дальнем Востоке говорят правильно»: миф или реальность?</i>	<i>42</i>
<i>Старыгина Г.М. (Благовещенск). Эргонимическое пространство города Благовещенска</i>	<i>51</i>
<i>Региональная лексикография, источниковедение и топонимика</i>	
<i>Биктимирова Ю.В. (Чита). Качественные и относительные прилагательные в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв.</i>	<i>56</i>
<i>Ильин Д.Ю. (Волгоград). Топоэффиктор как индикатор изменений семантики топонимических единиц в языке региона</i>	<i>64</i>
<i>Коробкова Т.В. (Владивосток). Особенности функционирования неофициальных топонимов в живой речи дальневосточников (на материале речи жителей приморских поселков)</i>	<i>69</i>
<i>Косицына И.К. (Благовещенск). Мемуарные произведения восточной эмиграции: опыт лингвокультурологического описания (на материале книги Т.И. Золотаревой «Маньчжурские были»)</i>	<i>74</i>
<i>Национальная и региональная языковые картины мира</i>	
<i>Кейдун И.Б. (Благовещенск). Комментирование конфуцианской классики (на примере текста «Ли цзи») в цинский период: торжество ценностей китайской национальной культурной традиции</i>	<i>81</i>
<i>Лемешко Ю.Г. (Благовещенск). Благопожелание на китайской народной картине няньхуа как источник изучения ценностной картины мира</i>	<i>84</i>
<i>Шатравка А.В. (Благовещенск). Функционирование классификаторов в современном китайском языке</i>	<i>89</i>

<i>Фонетический уровень языка: специфика регионального воплощения в речи</i>	
<i>Андросова С.В., Андросов Е.Ю., Чала Р.А. (Благовещенск). Некоторые аспекты автоматического транскрибирования для американского варианта английского языка: от изолированного слова к тексту</i>	<i>93</i>
<i>Процукович Е.А. (Благовещенск). Качественные характеристики согласных фонем /t/ и /t'/ в русской речи селемджинских эвенков</i>	<i>101</i>
<i>Шелевая Н.Н. (Благовещенск). Перцептивные характеристики английских гласных в восприятии жителей североамериканского региона.....</i>	<i>105</i>
<i>Вопросы массовой коммуникации</i>	
<i>Белозубова Н.И. (Благовещенск). Рекламный текст в дальневосточном зарубежье как источник изучения восточной ветви русской эмиграции.</i>	<i>110</i>
<i>Куроедова М.А., Назарова М.В. (Благовещенск). К вопросу о технологиях формирования имиджа политического лидера средствами PR</i>	<i>117</i>
<i>История края. Избранное</i>	
<i>«Подарил свою шапочку Амуру». Воспоминания профессора П.В. Умрихина, коренного амурчанина, о жизни на Амуре. Подгот. к печати Н.Г. Архиповой.....</i>	<i>125</i>
<i>Речевые портреты</i>	
<i>Оглезнева Е.А., Панасенко М.А. (Благовещенск). Речевой портрет Пелагеи Петровны Ратушкиной, жительницы с. Новоивановка Свободненского р-на Амурской области, как неординарной языковой личности</i>	<i>141</i>
<i>Речевые жанры</i>	
<i>Кормазина О.П. (Владивосток). Жанр воспоминания в живой речи приморцев: к вопросу о возможностях варьирования.....</i>	<i>156</i>
<i>Петрова Т.И. (Владивосток). Диалог в тайге как фрагмент языкового существования дальневосточников</i>	<i>162</i>
<i>Лагута Н.В., Панасенко М.А. (Благовещенск). Информационные и оценочные речевые жанры в речи современной носительницы амурских говоров (на материале записей речи П.П. Ратушкиной)</i>	<i>169</i>
<i>Рассказы о семье. Подгот. к печати Н.В. Лагута.....</i>	<i>175</i>
<i>«Раньше любовь была, совесть была, жалность какая-то была...».....</i>	<i>175</i>
<i>«Плохо ли, хорошо, но мы жили!»</i>	<i>177</i>
<i>«Мама, я буду жениться!».....</i>	<i>178</i>
<i>«Так и жили, и детей нажили».....</i>	<i>179</i>
<i>«Они сватали, а я сидела плакала: не хотела замуж».....</i>	<i>180</i>
<i>«А раньше про любовь-то не знали, чё говорить...»</i>	<i>181</i>
<i>«Выходишь замуж – он глава семьи считается, вот!»</i>	<i>182</i>
<i>«Раньше держали знаешь как в руках!»</i>	<i>184</i>
<i>«Жили в одном и каждому распределено!».....</i>	<i>185</i>
<i>«Ой, щас помню его! Хорош был парень!».....</i>	<i>185</i>
<i>Словарь</i>	
<i>О – ОС (Сост. Г.М. Старыгина)</i>	<i>187</i>

Когнитивная диалектология

<i>Галимова Д.Н. (Благовещенск). Фрагмент аксиологической картины мира амурских диалектоносителей: метафорическая модель «жизнь – движение»</i>	<i>197</i>
<i>Васильев В.П., Васильева Э.В. (Кемерово). Номинативно-категориальная среда существования концепта (в связи с опытом создания словаря-концептуария)</i>	<i>201</i>

Язык фольклора

<i>«Выпрягайтэ, хлопцы, конэй...» Спевка в селе Максимовка Октябрьского района Амурской области, 2011. Подгот. к печати А.В. Блохинская, Д.Н. Галимова</i>	<i>209</i>
--	------------

Школа

<i>Галуза О.Ю. (Благовещенск). Школьный диалектный словарь Приамурья как лингво-краеведческий источник</i>	<i>241</i>
<i>Архипова Н.Г. (Благовещенск). Программа спецкурса «Старообрядцы Амурской области в аспекте языка и культуры»</i>	<i>248</i>
<i>Алексеева Г.К. (Благовещенск). Чехов на Амуре: материалы к урокам русского языка и литературы.....</i>	<i>255</i>
<i>Королькова И.В. (Благовещенск). Портрет одного слова: урок словесности в 6 классе.....</i>	<i>259</i>
<i>Историческая справка о селах.....</i>	<i>265</i>
<i>Краткие сведения об информантах</i>	<i>267</i>
<i>Авторы</i>	<i>268</i>
<i>Научная хроника.....</i>	<i>271</i>

CONTENTS

<i>From the editors</i>	8
<i>Contemporary Linguistic Studies</i>	
<i>Territorial Dialects in Siberia and Far East</i>	
<i>Arkhipova N.G.</i> (Blagoveshchensk) The Old Believers (semeiskie) of the Amur Region: History of Settlement, Dialect Features	11
<i>Ignatovich T.Yu.</i> (Chita) The East Transbaikalian Regional Dialect in the Siberian Dialectal Space	15
<i>Plyaskina E.I.</i> (Chita) Names of a Fur Coat in Transbaikalian Dialects.....	22
<i>Language Situation of a Region</i>	
<i>Kasimova E.V.</i> (Blagoveshchensk) Regional Lexicon in Publicistic and Fictional Texts and its Functions (based on the Far Eastern Literature and Journalism).....	26
<i>Kungusheva I.A.</i> (Blagoveshchensk) Lexical-semantic Paradigmatics of Commercial Ergonomics of Blagoveshchensk	31
<i>Mikhailyukova N.V.</i> (Vladivostok) Company Names of Automobile Business in the Language of Vladivostok: the Issue of Genre	37
<i>Oglezneva E.A.</i> (Blagoveshchensk) “They Speak Correctly in the Far East”: Myth or Reality?	42
<i>Starygina G.M.</i> (Blagoveshchensk) The Ergonomic Space of Blagoveshchensk	51
<i>Regional Lexicography, Source Criticism, Toponymy</i>	
<i>Biktimirova Yu.V.</i> (Chita) Qualitative and Relative Adjectives in the Records of Business Writing of Eastern Transbaikalia of the end of the XVII – the first half of the XVIII Centuries.....	56
<i>Ilyin D.Yu.</i> (Volgograd) Topoeffectors as an Indicator of Changes in the Semantics of Toponyms in a Regional Language	64
<i>Korobkova T.V.</i> (Vladivostok) Functional Peculiarities of Informal Toponyms in Colloquial Speech of Far Eastern Residents (based on the Speech of Primorye villagers).....	69
<i>Kositsina I.K.</i> (Blagoveshchensk) Emigration Memoirs as a Source of Lexicographic Description (based on “Manchurian Stories” by T.I. Zolotaryova)	74
<i>National and Regional Language Mapping</i>	
<i>Keydun I.B.</i> (Blagoveshchensk) The Commentary of Confucian Classics (based on “Li ji”) in Qing Period: the Triumph of Chinese Cultural Traditional Values	81
<i>Lemeshko Yu.G.</i> (Blagoveshchensk) Good Wishes in the Chinese Folk Picture Nianhua as a Source of National Values Study.....	84
<i>Shatravka A.V.</i> (Blagoveshchensk) Functioning of Classifiers in the Modern Chinese Language	89
<i>Phonetic language level: regional speech specification</i>	
<i>Androsova S., Androsov E., Chala R.</i> (Blagoveshchensk) Some aspects of automated transcribing of American English: from the isolated words to the text	93
<i>Protsykovich E.</i> (Blagoveshchensk) Qualified characteristics of phoneme /t/ и /t'/ in Russian speech of the Amur evenks	101
<i>Shelevaya N.</i> (Blagoveshchensk) The perceptual characteristics of English vowels in Northern American's regions	105

Mass Communication Issues

<i>Belozubova N.I.</i> (Blagoveshchensk) Advertising Text in the Foreign Far East as a Source of Eastern Branch of Russian Emigration Study	110
<i>Kuroedova M.A., Nazarova M.V.</i> (Blagoveshchensk) PR Technologies of Creating an Image of a Political Leader	117

Regional History

Reminiscences of Prof. P.V. Umrikhin (edited by N.G. Arkhipova).....	125
--	-----

Speech Portraits

<i>Oglezneva E.A., Panasenko M.A.</i> (Blagoveshchensk) Speech Portrait of Pelageya Petrovna Ratushkina, Novoivanovka village, Svobodny district, Amur Region.....	141
--	-----

Speech Genres

<i>Kormazina O.P.</i> (Vladivostok) Genre of Reminiscence in Speech of Primorye Residents: to the Issue of Possible Variation	156
<i>Petrova T.I.</i> (Vladivostok) Dialogue in Taiga as a Fragment of the Far Eastern Language Situation	162
<i>Laguta N.V., Panasenko M.A.</i> (Blagoveshchensk) Informational and Evaluative Speech Genres in the Speech of a Contemporary Female Regional Speaker (based on speech of P.P. Ratushkina)	169
Stories about a Family (edited by N.V. Laguta)	175

Dictionary

O (compiler G.M. Starygina)	187
-----------------------------------	-----

Cognitive Dialectology

<i>Galimova D.N.</i> (Blagoveshchensk) Axiological Language Mapping of Amur Dialect Speakers: Metaphoric Model “Life – Movement”	197
<i>Vasilyev V.P., Vasilyeva A.V.</i> (Kemerovo) Nominative and Categorical environment of Concept Existence	201

Folklore Language

Folklore Texts (edited by A.V. Blokhinskaya, D.N. Galimova)	209
---	-----

School

<i>Galuza O.Yu.</i> (Blagoveshchensk) School Dialectal Dictionary of Priamurye as a Source of Local History Study	241
<i>Arkhipova N.G.</i> (Blagoveshchensk) Syllabus of the Course “Language and Culture of the Amur Old-Believers”	248
<i>Alekseeva G.K.</i> (Blagoveshchensk) Chekhov in the Amur Region: data for the Russian Language and Literature lessons	255
<i>Korolkova I.V.</i> (Blagoveshchensk) Portrait of One Word: Russian Language lesson in the 6 th Form	259
Historical Background about Villages.....	265
Brief Information about Respondents	267
Authors	268
Scientific chronicle	271

ОТ РЕДАКТОРОВ

Настоящий выпуск альманаха «Слово» предлагает нашему читателю разнообразные материалы, объединенные общей темой, связанной с региональным варьированием русского национального языка, а также некоторых других языков. Понятие о региональной языковой специфике постепенно превращается в аксиоматичное и очевидное на фоне существующего в действительности многообразия территориальных вариантов языков мира.

Выпуск альманаха состоит из двух разных, но одинаково ценных отделов: во-первых, это научные статьи ученых из разных университетов нашей страны – Дальневосточного федерального университета, Волгоградского, Кемеровского, Забайкальского, Амурского государственных университетов, Благовещенского государственного педагогического университета, представленные большей частью в разделе **«Современные лингвистические исследования»** и частично рассредоточенные по другим разделам выпуска; во-вторых, это традиционные для нашего альманаха разделы: «Речевые портреты», «Речевые жанры», «История края. Избранное», «Словарь», «Когнитивная диалектология», «Язык фольклора», «Школа» и справочный раздел.

Идеи о наполнении разделов альманаха возникают после научных экспедиций, после встреч с интересными информантами, речь которых представляется необходимым проанализировать и запечатлеть на страницах издания, дабы неопытный, но любопытствующий читатель и потомок могли познакомиться с тем, как на самом деле «всё это было».

Воспоминания о своей жизни на Амуре оставил на бумаге профессор Петр Васильевич Умрихин, родившийся в Приамурье в последний год позапрошлого века, в молодые годы уехавший из наших краев, но пять раз возвращавшийся сюда. Воспоминания, помещенные в раздел **«История края. Избранное»**, воссоздают в деталях иное, не столь уж далекое время, в знакомом для благовещенцев географическом пространстве. Подготовила материалы к публикации *Н.Г. Архипова*.

Раздел **«Речевые портреты»** содержит эскизную зарисовку речи одной из «находок» наших экспедиций – Пелагеи Петровны Ратушкиной, жительницы села Новоивановка Свободненского района Амурской области. Пелагея Петровна обладает живым умом, иронией, народной смекалкой, чувством юмора, жизненной стойкостью и, кроме того, за семь десятков лет после переселения на амурскую землю не утратила свой родной рязанский говор, не растворила его в диалектном многоголосье Приамурья, чем и стала интересна для исследователя (авторы публикации *Е.А. Оглезнева и М.А. Панасенко*).

В разделе **«Речевые жанры»**, во-первых, получает развитие тема языковой личности П.П. Ратушкиной с точки зрения ее жанровой реализации в диалектном дискурсе (авторы *Н.В. Лагута, М.А. Панасенко*), а во-вторых, представлены материалы владивостокских исследователей *Т.И. Петровой* и *О.П. Кормазиной*, посвященные своеобразию жанрового воплощения живой речи дальневосточников. Традиционно в раздел включена подборка диалектных рассказов определенной тематики. В настоящем выпуске это рассказы о семье, записанные в Амурской области и подготовленные к печати *Н.В. Лагута*.

Раздел **«Словарь»**, составленный *Г.М. Старыгиной*, представляет собой следующую ступеньку на пути к словарю Амурских говоров, который создается в лаборатории регио-

нальной лингвистики Амурского госуниверситета по материалам фольклорно-диалектологических экспедиций, начиная с 2000 г. и по настоящее время. В настоящем выпуске публикуются материалы на букву О (О – ОС).

В разделе «**Когнитивная диалектология**» в парадигме когнитивной лингвистики наши постоянные авторы анализируют метафорическую модель «жизнь – движение» (*Д.Н. Галимова*) и делятся опытом создания словаря-концептуария, посвященного одной из метеонимических сфер (*В.П. Васильев, Е.В. Васильева*).

Второй раз в разделе «**Язык фольклора**» мы публикуем большой текстовый фрагмент фольклорно-разговорного дискурса с характерными для такого эклектичного образования жанровыми формами и их специфичной языковой реализацией. Речь идет о большом речевом событии, которое мы назвали «спевка» и которое состоялось в с. Максимовка Октябрьского района Амурской области в июле 2011 г. Материалы записали и подготовили к публикации *А.В. Блохинская и Д.Н. Галимова*.

Раздел «Школа» представляет материалы как для школьного (статьи *О.Ю. Галуза, Г.К. Алексеевой, И.В. Корольковой*), так и вузовского (разработки *Н.Г. Архиповой*) обучения и применения краеведческого материала на студенческих занятиях и школьных уроках.

К альманаху прилагается **компакт-диск**, включающий образцы речи и фольклора, получившие научную интерпретацию в выпуске, а также фото- и видеоматериалы, сделанные во время фольклорно-диалектологических экспедиций. Работу над компакт-диском осуществляли *А.В. Бородатов* (техническое сопровождение) и *Д.Н. Галимова* (подбор материалов).

Составители альманаха не подвергали литературной правке диалектный текст, в нем сохранены все особенности спонтанной устной речи: паузы раздумий и подбора слов, переходы от одной мысли к другой и самоперебивы, повторы и грамматические неточности, обилие препозитивных и постпозитивных частиц, вводных слов и выражений и др.

Устная спонтанная речь передается в орфографической записи с отражением диалектных особенностей речи информантов. Такая запись принята в ряде работ по диалектологии¹.

Для передачи спонтанной речи используется система обозначений, принятая в работах по разговорной речи Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Е.Н. Ширяева (1973, 1981, 1983, 1995, 1999 и т.д.): напр., для членения текста используются знаки препинания, соответствующие правилам русской пунктуации и авторской интонации; новое высказывание начинается с заглавной буквы; при пропуске компонентов высказывания нереализованный компонент текста берется в круглые скобки: *г(ово)рит, (в)от, (о)гурцы*; неразборчивые при расшифровке аудиозаписи отмечаются сокращением (*нрзбр.*); пропуск фрагмента текста – знаком <...>; «чужая» речь в высказываниях информантов подается в форме прямой речи и др.²

Работу над альманахом предварял сплошной набор диалектной речи с магнитофонных кассет и цифровых носителей и последующая систематизация материалов, исходя из принципов цельности, связности, культурно-исторической значимости и диалектной показательности записанных текстов. Тексты, включенные в разделы «Речевые портреты» и «Речевые

¹ См., напр., сборник текстов «Живая речь русских старожилов Сибири» Е.В. Иванцовой (Томск, 2007).

² См. более подробно Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4. Благовещенск, 2006. С. 4.

жанры», подвергались многократному прослушиванию и компьютерному анализу для уточнения особенностей речи информантов.

Техническая правка альманаха осуществлялась *Н.А. Сосиной*, выверка текстов и создание звуковой версии разделов «Речевые портреты» и «Речевые жанры» – *Д.Н. Галимовой*, *А.В. Бородатовым* и ведущими соответствующих разделов; создание электронной версии картотеки для словаря – *Н.А. Сосиной*; создание исторических справок о селах и кратких сведений об информантах – *Д.Н. Галимовой*.

Работу по сбору диалектного и фольклорного материала и его систематизации вели сотрудники лаборатории региональной лингвистики, студенты и аспиранты филологического факультета Амурского государственного университета.

Представленные в альманахе материалы могут стать объектом научного исследования и выступать как источник для изучения языка и культуры русского народа.

Настоящее издание и компакт-диск можно приобрести на кафедре русского языка и в лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета по адресу: 675027, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, корпус 7, каб. 407 и каб. 112.

Телефон: 8-(4162)394583, 8-(4162)394588.

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Авторы альманаха будут признательны за отзывы, критику и конструктивные предложения.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В разделе представлены исследовани широкого спектра: темами научных размышлений стали и территориальные диалекты в Сибирском и Дальневосточном регионах, и обусловленные диалектным влиянием формы бытования современного русского национального языка, и региональная топонимика, лексикография и источниковедение, и особенности национальной и региональной языковых картин мира, что особенно актуально при пограничном существовании в Китае и необходимость постигать язык и культуру другого народа в условиях непрерывного взаимодействия с ним, и региональные аспекты фонетики при очевидности существования разных вариантов одного языка в географическом пространстве, и особенности массовой коммуникации, также исторически, социально и регионально обусловленные. Результаты исследований в поле обозначенной научной тематики были доложены на Международной научной конференции «Проблемы региональной лингвистики», которая прошла в Амурском государственном университете в сентябре 2013 г., и публикуются в настоящем выпуске альманаха.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ В СИБИРСКОМ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНАХ

УДК 800.86/87; 801.3

Н.Г. Архипова

СТАРООБРЯДЦЫ (СЕМЕЙСКИЕ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА

В статье рассматриваются особенности формирования говоров семейских Амурской области в связи с историей образования старообрядческих общин на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: старообрядцы Амурской области, семейские, русские говоры Приамурья, диалектная лексика, системные отношения.

The article considers the features of Semeiskie dialects of the Amur region in a historical context of formation of Old Believers' communities in the Far East.

Key words: Old Believers of the Amur region, Russian dialects of Priamurye, dialect lexicon, systemic relations.

Национальный, сословный, этнический и религиозный состав переселенцев на Дальний Восток был чрезвычайно неоднородным, да и сами этнотерриториальные процессы были неодинаковыми на разных этапах освоения Приамурья. «Казачество сформировалось в 60-е гг. XIX в. – начале XX в. в приграничных районах Дальнего Востока из забайкальских, оренбургских, кубанских и донских казаков. Разные региональные и конфессиональные группы представляли русские, украинские и белорусские крестьяне, среди которых выделялись ста-

рообрядцы и молокане. Все эти восточнославянские переселенцы составили конгломерат разных этно-культурных образований на Дальнем Востоке» [1, с. 16].

Формирование старообрядческих поселений в Амурской области естественным образом связано с крестьянской колонизацией Дальнего Востока. История, этнография, культура и язык старообрядцев-амурцев представляют собой сложнейшее явление, возникшее под влиянием восточнославянской (русской, украинской, белорусской), западнославянской (главным образом, польской), бурятской, «сибирской» составляющих. При этом старообрядцев объединяет «общая генетическая основа происхождения, история социально-экономических, соседских, брачных, культурных контактов на материнской территории и в районах нового расселения» [1, с. 15].

В переселенческой документации по Дальнему Востоку конфессиональная принадлежность переселенцев практически не отражалась, что усложняет изучение истории переселения старообрядцев на Дальний Восток. Источниками изучения вопроса стали Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области [2], географо-статистические издания [3], а также материалы полевых исследований [4].

История наиболее ярких старообрядческих групп Сибири – семейских и поляков – изучена достаточно хорошо. Можно выделить хронологию и географию существования старообрядческих говоров: до 60-х гг. XVII в. – это территория Российского государства; с 70-х гг. XVII в. до 60-х гг. XVIII в. – территория русских старообрядческих слобод Речи Посполитой – Стародубье (территория современной Брянской области) и Ветка (территория республики Беларусь). По исследованиям Ф.Ф. Болонева, ареал освоения старообрядцами территории Украины и Белоруссии простирался от берегов рек Сож и Днепра до Боха и Буга, т.е. старообрядцы занимали значительную большую часть территории Украины и Белоруссии, чем это традиционно описывалось в источниках [5, с. 17-18]. Следующий этап переселения охватывает двадцать лет: с 50-х гг. до 80-х гг. XVIII в., когда по указам Екатерины II произошла «раскольничья выгонка» с Ветки (1764 г.) и, по некоторым исследованиям, – из Стародубья. Общее число возвращенных в Российскую империю беглых достигало 15-20 тысяч человек. Среди них около 5 тысяч человек происходило из Московской губернии, охватывавшей тогда всю Центральную Россию; 2 тысячи человек называли местом своего прежнего жительства Новгородскую и Белгородскую губернии (в последнюю тогда входили не только Белгород и Курск, но и Орел и даже Брянск); по 500-700 человек – губернии Смоленскую, Воронежскую, Нижегородскую, Архангельскую. Есть сведения, что всего из Польши было «выведено» до 20 тысяч раскольников, и все они направлены в Сибирь. Одна из этих групп «польских» выведенцев попала в Забайкалье, другая была размещена на Алтае (их обычно именуют «поляки») [1, с. 22-24]. Уже изначально, до так называемого «польского» периода, старообрядцы происходили из разных мест, и, следовательно, их говоры не были однородны.

Переселение старообрядцев в Амурскую область началось в 60-е гг. XIX в. при поддержке царского правительства с целью быстрого освоения восточных территорий Российской империи. В 70-е гг. XIX в. по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись в Приамурье и Приморье из Забайкалья для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой и по другим причинам.

Они селились отдельными деревнями преимущественно вдоль рек Зеи, Буреи, Белой и Томи. Первыми были старообрядцы-беспоповцы, прибывшие из близлежащего Забайкалья.

Образование старообрядческих поселений Амурской области происходило преимущественно в период с 1858 по 1907 гг., т.е. охватывало примерно пятьдесят лет.

Интересен тот факт, что старообрядчество Амурской области обычно описывается только как «семейщина». Однако анализ текстов самих старообрядцев представляет очень любопытную картину: под семейских подводятся разнообразные течения старообрядчества (как поповского, так и беспоповского толков), существовавшие в Амурской области с момента освоения старообрядцами дальневосточных территорий.

Полевые исследования свидетельствуют о достаточно пестрой картине в среде амурского старообрядчества. Так, из Забайкалья и Западной Сибири, помимо семейских, переселялись представители австрийского согласия, единоверцы, нырки, средники, самокрестцы, кержаки, поморцы; из Пермской губернии – единоверцы и беспоповцы. В настоящее время представители различных толков и согласий амурского старообрядчества отождествляют себя только с семейскими, не обнаруживая значительной разницы в религиозной и бытовой культурах.

В результате неоднократных перемещений семейских по территории Европы, в Сибири и других регионах их говоры испытали белорусско-польское воздействие в районах Ветки и Стародубья, бурятское в Забайкалье. Особенно сильному влиянию на лексическом уровне говоры семейских подверглись со стороны русских старожильческих говоров Сибири, имеющих преимущественно севернорусскую основу.

Таким образом, в связи со сложностью исторической судьбы амурских старообрядцев выявление материнской основы их говоров вызывает значительные трудности вследствие многих диалектных наслоений. Однако полевые наблюдения позволяют сделать ряд выводов относительно природы этих говоров.

Семейские говоры относятся к числу русских говоров, распространённых на территориях позднего заселения русскими, так называемых говоров вторичного образования. Они сложились в результате колонизационных перемещений восточнославянского населения на Дальний Восток и сформировались в условиях междиалектного контактирования. Следовательно, для классификации и описания отдельных групп старообрядческих говоров необходимо учитывать «их вторичность; единую материнскую основу без четкой локализации (только на уровне наречия); относительное внутреннее единство на синхронном уровне; возможность внутреннего варьирования в известных пределах, не нарушающих единства; распространение на относительно большой территории» [6, с. 10].

Воздействие литературного языка на говоры старообрядцев не так велико, как это наблюдается у потомков других крестьян-переселенцев и казаков. Многие языковые особенности, утраченные русскими говорами, сохраняются в языке старообрядцев.

В процессе языкового развития под влиянием различных факторов как внешнего (миграционные процессы, преобладание носителей какого-либо говора и др.), так и внутреннего характера (внутрисистемные отношения языковых единиц, местные тенденции языкового развития и др.) старообрядческие говоры сформировались в группы как очень близких между собой говоров, так и говоров, имеющих значительные различия.

В настоящее время диалектные особенности говоров старообрядцев Амурской области во многом совпадают с чертами говоров старообрядцев Забайкалья. Так, в речи амурских семейских, как и их забайкальских предков, отмечается повсеместное произношение гласно-

го [а] в первом предударном слоге как аллофона фонемы /о/; гласного [а] в первом предударном слоге как аллофона фонемы /е/ перед твердыми согласными; гласного [а] в первом предударном слоге после мягких согласных как аллофона фонем /е/, /а/, /о/; гласный [и] в первом предударном слоге как аллофон фонемы /а/ перед твердыми и мягкими согласными (*прила, приниси*); переход [е] в [о] (*совре́мный, те́мно, поме́рли*); произношение [х] на месте [к] на конце слова; окончание -е у личных и возвратных местоимений в формах Р.п. и В.п. ед.ч.; наличие общего спряжения; мягкий и твердый варианты в окончаниях глаголов 3 л.; произношение слова *что* как *чё, шо*; наличие звательной формы (*братко, паря, тятя, батенько*); многочисленные синонимы-дублеты: названия колыбели (*люлька, зыбка*), курицы-наседки (*квохтуша, квочка, наседка, квохтушка*), цыплят (*цыпушки, цыплята, силки*), натальной женской рубахи (*станушка, пропускнушка, становина, рукава и др.*) и др. В целом же большинство исследователей отмечает, что «у истоков современных диалектов «семейских» старообрядцев Забайкалья лежали южнорусские говоры» [7, с. 156-157]. То же мы можем сказать о говорах старообрядцев Амурской области.

Забайкальский исследователь П.Ф. Калашников писал, что «современные семейские говоры неоднородны. <...> можно разделить семейские говоры на три группы. Первая характеризуется наличием многих архаичных диалектных черт (говоры сел Большой Куналей, Бичура, Никольское, Хонхолой, Новый Заган). Вторая – по основе южнорусская со значительным среднерусским наслоением (говоры сел Десятниково, Тарбагатай, Мухоршибирь, Ключи). Третья – южнорусская с архаичными диалектными чертами, не свойственными первым двум» [8, с. 85]. Полевые исследования позволяют говорить о том, что в Амурской области также можно выделить несколько диалектных зон распространения говоров семейских, представляющих собой относительно локальные группы, отличающиеся рядом признаков. Это говоры семейских Свободненского района (например, сел Заган и Желтоярово), в большей степени сохранившие черты южнорусских материнских говоров на фонетическом, грамматическом и частично лексическом уровнях и в меньшей степени испытавшие сибирское влияние. Вторая группа – говоры старообрядцев Белогорского района, частично сохранившие особенности южнорусских говоров и в большей степени тяготеющие к среднерусскому наречию (например, говоры сел Новоандреевка и Ключи). В них отмечается большое количество севернорусской лексики. Последнюю группу составляют говоры старообрядцев Архаринского района, испытавшие сильное влияние белорусского языка уже на территории Амурской области (например, говоры села Грибовка).

Таким образом, в говорах семейских проявляются процессы, характерные для переходных диалектных зон. Этноязыковая основа и типологические черты материнских говоров ярко выражены в явлениях гиперкоррекции, образовании синонимических рядов, вариативности, отсутствии реализации сем или семантических смещений. Изменения в составе и структуре русских старообрядческих говоров, находящихся в контактировании с другими языками и диалектными системами, определяется рядом факторов как собственно лингвистических, так и экстралингвистических, главными из которых представляется степень языковой близости взаимодействующих диалектных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2008. 400 с.

2. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900 – 1902 гг. Благовещенск: Зея, 1903. 46 с.
3. Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск: Изд-во Д.О. Мокин и К°, 1894. 551 с.
4. Старообрядческий архив диалектных текстов. 2001-2010 гг. Фонд хранения – лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета.
5. Болонев Ф.Ф. Духовная культура и быт русских крестьян старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII – начале XX века (Семейские Забайкалья): Дисс. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996.
6. Самотик Л.Г. Даль и проблема сибирского наречия // Русское народное слово в историческом аспекте. Красноярск: Изд-во КГПУ, 1984. С. 3-13.
7. Тынтуева Е.И. Бытовая лексика говора семейских Забайкалья: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
8. Калашников П.Ф. А.М. Селищев как историк, археолог, этнограф и диалектолог (К 80-летию выхода в свет книги «Забайкальские старообрядцы. Семейские») // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: Тез. регион. науч.-практ. конф. 19-20 октября 2000 г. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000. С. 82-87.

УДК 81'282

Т.Ю. Игнатович

ВОСТОЧНОЗАБАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОЛЕКТ В СИБИРСКОМ ДИАЛЕКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ³

В статье рассматривается процесс интеграции современных говоров севернорусского и южнорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья и формирование восточнозабайкальского региолекта. В исследуемых говорах выявляются общесибирские диалектные черты. Определяется общность и различия в степени сохранности архаических диалектных особенностей говоров севернорусского происхождения сопредельных территорий Бурятии, Восточного Забайкалья, Приамурья.

Ключевые слова: Восточное Забайкалье, Сибирь, русские говоры, севернорусский и южнорусский генезис, процесс интеграции, забайкальский региолект

The article considers the process of integration of modern dialects of North- and South Russian genesis on the territory of Eastern Transbaikalia resulting in a formation of an East Transbaikalian regional dialect. The dialects under study reveal the features typical for Siberian dialects. The author determines similarities and differences in the degree of preservation of archaic dialectal features of North Russian origin on the cross-border territories of Buryatia, Eastern Transbaikalia, Priamurye.

Key words: Eastern Transbaikalia, Siberia, Russian dialects, North- and South Russian genesis, process of integration, regional dialects of Transbaikalia.

Забайкальский регион начал осваиваться русским населением со второй половины XVII в. Первая переселенческая волна пришлась на вторую половину XVII – начало XVIII вв. На территорию раннего заселения (Нерчинский, Шилкинский, Балейский районы

³ Работа выполнена в рамках государственного задания вузу Министерства образования и науки РФ, № 6.3620.2011. Тема проекта «Исследование региональной разновидности русского национального языка на территории Восточного Забайкалья в синхронном и диахронном аспектах».

Забайкальского края) русские пришли из сибирских городов Тобольска, Илимска, Томска, Верхотурья, пополнявшихся первоначально уроженцами северных областей государства. Сначала они осваивали земли в центральной части края вдоль рек Нерчи, Шилки, Унды, потом расселились и в другие районы. Крестьяне-первопоселенцы говорили на диалектах севернорусского наречия, диалектная речь их потомков до сих пор сохраняет ряд наиболее устойчивых черт материнского говора.

При определении места восточнозбайкальских говоров севернорусского генезиса в сибирском диалектном пространстве проводится сопоставление диалектных различий исследуемых говоров с диалектными различиями ряда сибирских говоров севернорусского происхождения. В данном исследовании анализ по выявлению общесибирских диалектных черт осуществляется на основе типологий общесибирских диалектных черт П.Я. Черных (1953), Н.А. Цомакион (1971) и диалектологов Томской лингвистической школы (2002).

В частности, из определённых Н.А. Цомакион общесибирских черт [8, с. 66 – 92] в исследуемых забайкальских говорах встречаются:

Общесибирские фонетические явления	Особенности распространения в исследуемых современных забайкальских говорах
Следы полного оканья по типу произношения [о] более открытого образования, приближающегося к архангельскому типу; существование и акающих говоров, в их числе говоров с изначально окающим произношением, развившим аканье под влиянием близкого и длительного соседства с акающими говорами более поздних переселенцев	Встречаются говоры со следами полного оканья. Аканье развивается на месте оканья под влиянием соседствующих акающих говоров и литературного произношения
Смычное образование звонкой задненёбной фонемы [г] и её чередование с [к] в конце слова и слога	Характерная черта, встречается повсеместно в речи диалектоносителей всех возрастных групп
Отсутствие интервокального йота с результатами последующей ассимиляции и стяжения гласных в глагольных основах, в формах прилагательных	Встречается повсеместно в речи диалектоносителей всех возрастных групп
Широко представлено в сибирских говорах сочетание [мм] в соответствии с [бм]	Результаты регрессивной ассимиляции по назальности [бм] > [м:]: <i>о[м:]аэи</i> встречаются в речи диалектоносителей старшего поколения. В речи старшего поколения диалектные варианты сосуществуют с общерусскими вариантами произношения, в речи деревенской молодёжи данное диалектное различие уже не наблюдается
Произношение [с] в соответствии с сочетанием [ст]: <i>мос, нос</i> , [св] в соответствии с сочетанием	Характерная черта, встречается повсеместно и в речи всех возрастных групп

[ств]: <i>знакомсво</i> ≅, утрата взрывного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слов: <i>хвос</i> , <i>есь</i> , в сочетании [ств]: <i>хаз'а</i> ≅ <i>йсва</i>	
Повсеместно встречается в сибирских говорах произношение твёрдых губных согласных в соответствии с мягкими на конце слова: <i>голуп</i> , <i>сем</i> , <i>любоф</i>	Наблюдается только в речи диалектоносителей преклонного возраста
Общесибирские грамматические явления	Особенности распространения в исследуемых современных забайкальских говорах
Окончание -ы в форме Р.п. ед.ч. существительных ж.р. с окончанием -а и твёрдой основой: <i>у жыны</i> ≅, <i>с рабо</i> ≅ <i>ты</i>	Характерная черта, встречается повсеместно и в речи всех возрастных групп
Склонение существительного <i>де</i> ≅ <i>душка</i> по типу слов м.р. и ср.р.: дедушка (<i>де</i> ≅ <i>душко</i> отмечает Н.А. Цомакион) – <i>у де</i> ≅ <i>душка</i> – <i>де</i> ≅ <i>душку</i> , данная черта наблюдается не повсеместно и только в этом слове	Подобное словоизменение распространяется и на другие слова этого типа, но в настоящее время встречается в речи диалектоносителей преклонного возраста
Формы существительных <i>волк</i> , <i>вор</i> в Им. п. мн. ч. с ударением на основе: <i>во</i> ≅ <i>лки</i> , <i>во</i> ≅ <i>ры</i>	Характерная черта, встречается повсеместно и в речи всех возрастных групп
В 70-х гг. прошлого века в большинстве сибирских говоров наблюдалась общая форма для Д. и Тв. пп. мн. ч. существительных и прилагательных	Нерегулярно встречается в речи диалектоносителей преклонного возраста, вытесняется общерусской формой; в речи среднего поколения, молодёжи диалектная форма не наблюдается
Форма ед. ч. личных и возвратного местоимений: Р. – В. пп: <i>меня</i> ≅, <i>тебя</i> ≅, <i>себя</i> ≅; Д. – П. пп.: <i>мне</i> , <i>тебе</i> ≅, <i>себе</i> ≅	Характерная черта, встречается повсеместно и в речи всех возрастных групп
Форма глаголов 3-го л. ед. и мн. ч. с [т] твёрдым в окончании	Характерная черта, встречается повсеместно и в речи всех возрастных групп
Форма повелит. накл. глагола <i>лечь</i> – <i>ляг</i>	Вариантные формы <i>ляг</i> / <i>ляжсь</i>
Глагол <i>платить</i> выступает в форме <i>пла</i> ≅ <i>тишь</i> и <i>пло</i> ≅ <i>тишь</i>	Вариантность <i>пла</i> ≅ <i>тишь</i> / <i>пло</i> ≅ <i>тишь</i> .
Наличие согласуемых постпозитивных частиц: <i>-от</i> , <i>-та</i> , <i>-ту</i> , <i>-те</i>	Редкие остаточные следы согласованной частицы, широко употребляется несогласуемая постпозитивная частица <i>-то</i>
Общесибирское распространение слов: <i>кваши</i> ≅, <i>квашо</i> ≅ <i>нка</i> , <i>ковиш</i> (<i>ко</i> ≅ <i>вишик</i>), <i>сковоро</i> ≅ <i>дник</i> , <i>зы</i> ≅ <i>бка</i> , <i>ла</i> ≅ <i>ет</i> (о собаке), <i>пого</i> ≅ <i>да</i> – «плохая по-	Употребляются повсеместно, не зафиксировано слово <i>завор</i> – «жердь, запирающая ворота»

года», <i>бре≐говать</i> в том же значении, что и в литературном языке, <i>ухва≐т</i> , <i>кры≐нка</i> (<i>кри≐нка</i>), <i>пере≐дник</i> , <i>боронова≐ть</i> , <i>петь</i> в том же значении, что и в литературном языке	
--	--

Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения, имея дополнение в лексическом фонде за счёт заимствований из автохтонных языков, а также ряд проявлений влияния бурятского языка на фонетическом уровне в части говоров, находящихся в близком языковом контакте с бурятским идиомом (в основном в Ононском районе), характеризуются общностью с сибирским диалектным континуумом севернорусского происхождения.

Степень сохранности общесибирских диалектных черт в разных регионах Сибири имеет отличия, находясь в зависимости от экстралингвистических факторов существования диалектов. На сохранение или утрату общесибирских диалектных черт оказывают влияние литературный язык, общенародное просторечие и контактирующие среднерусские говоры. Исследование забайкальских говоров первого десятилетия XXI в. выявило в них наличие общесибирских диалектных особенностей, среди которых имеются неустойчивые и относительно устойчивые диалектные различия.

Сопоставительный анализ диалектных черт русских говоров севернорусского происхождения сопредельных территорий Бурятии [10], Восточного Забайкалья и Приамурья [6; 1] выявляет несомненную общность диалектных черт, которая объясняется историческим фактором – путём продвижения русских на Восток в связи с освоением этих территорий, начиная со второй половины XVII в. Общеизвестным фактом является и формирование русских говоров старожилого населения в Приамурье на основе говоров первых амурских переселенцев – забайкальских казаков.

В то же время анализ показывает некоторое различие в степени сохранности архаических диалектных особенностей, унаследованных этими идиомами из материнских говоров. Большая сохранность архаичных черт наблюдается в говорах Приамурья, так как в основных языковых чертах отмечаются неполное оканье и аканье, иканье и еканье, остатки мягкого цоканья, произношение типа *отес*, *селовек*, формы типа *на пече*, *в грязе*, встречается полное оканье, ёканье, яканье, твёрдые губные в абсолютном конце слова, произношение [м:] на месте [бм], [мн] на месте [вн], склонение сущ. *свекро≐ва*, *це≐ркава*, употребление форм типа *крестья≐ны*, *ребята≐*, *с де≐вкам*, *в Хаба≐ровском*, *на широ≐ким лугу≐* [6, с. 4-5; 1, с. 6]. В говорах Восточного Забайкалья данные диалектные черты наблюдаются в речи диалектоносителей старшего поколения, или даже преклонного возраста, наряду с наддиалектными вариантами, а в речи молодого поколения отсутствуют. В говорах Приамурья мягкие шипящие наблюдаются не только перед гласными переднего ряда, но иногда перед гласными непреднего ряда. Забайкальские говоры по сохранению мягкости шипящих неоднородны: есть говоры, в которых мягкость шипящих распространяется на эти же позиции, есть говоры, в которых они встречаются только перед гласными переднего ряда, и есть говоры, в которых произносятся твёрдые шипящие. В говорах Бурятии процессы нивелирования архаичных фонетических диалектных черт проявляются активнее, так как почти во всех говорах наблюдается аканье, регулярным является иканье, встречаются остаточные следы еканья, употреб-

ляются твёрдые шипящие. Морфологические черты в русских говорах Бурятии сохранены лучше, так как названные выше диалектные формы употребляются достаточно устойчиво.

В середине XVIII в. на юго-запад Восточного Забайкалья стали прибывать так называемые семейские, старообрядцы, высланные из Черниговской (Стародубье) и Могилевской (Ветка) губерний. В настоящее время потомки семейских в основном проживают в Красночикойском и Хилокском районах. Говоры семейских сохраняют диалектные особенности южнорусского наречия, которые были принесены семейскими с территории первоначальной родины (территории распространения говоров Курско-Орловской группы, среднего и верхнего течения Дона) [5, с. 9]. Со времён прихода русских в Восточное Забайкалье было несколько переселенческих волн из разных регионов страны, в том числе из центральных и западно-сибирских.

Таким образом, русские говоры Восточного Забайкалья сложились сравнительно поздно: формирование их началось со второй половины XVII в. с приходом на территорию Забайкалья первых русских поселенцев. В языковом отношении забайкальские русские говоры не представляют собой однородного образования, так как имеют различия в материнской основе и в ходе развития подвергались междиалектному и иноязычному влиянию.

В настоящее время на территории Забайкальского края в сельской местности наблюдается бытование в центральных районах – говоров севернорусского происхождения; повсеместно распространены смешанные переходные говоры, среднерусского характера; на юго-западе региона находится ареал говоров южнорусского происхождения (говоры потомков старообрядцев – семейских). Здесь же встречается русская народно-разговорная речь, проявляющая севернорусские диалектные черты.

В последние годы в русле общемирового процесса глобализации в восточнозабайкальских диалектах активно проявляются интеграционные процессы.

Обе группы диалектов разных материнских основ испытывали и испытывают влияние литературного языка, общерусского просторечия, на них оказывает влияние близкое и длительное соседство с акающими среднерусскими говорами более поздних переселенцев. Говоры семейских также испытывают влияние соседствующих идиомов севернорусского генезиса. В целом в говорах южнорусской основы в силу экстралингвистических причин (удалённость от краевого, районного центров, определённая социокультурная замкнутость, связанная со стремлением сохранить «семейские» культурные традиции, сформированные на старообрядческой культуре и мировосприятии и др.) изменения протекают медленнее, чем в центральных говорах Забайкальского края, сформировавшихся на севернорусской основе.

В наши дни в русской народно-разговорной речи на территории Восточного Забайкалья системные диалектные особенности находятся в процессе утраты, даже в речи сельских жителей преклонного возраста широко распространена вариантность в употреблении диалектных, литературных, просторечных языковых средств.

Наблюдающиеся в частных диалектных системах изменения свидетельствуют об их сближении, трансформации, нивелировании различительных черт.

При утрате ряда материнских диалектных особенностей, различающих забайкальские русские говоры, сохраняются некоторые наиболее устойчивые региональные сегменты, которые становятся общими для обеих региональных подсистем и дают основание предположить возможность формирования забайкальского региолекта.

В забайкальских говорах выделяются регионализмы трёх типов: 1) регионализмы, которые различают две региональные подсистемы, но характеризуются неустойчивостью и в настоящее время утрачиваются, заменяясь общерусскими вариантами; 2) регионализмы, которые в настоящее время присущи обеим группам говоров, но характеризуются неустойчивостью и в настоящее время заменяются общерусскими вариантами; 3) регионализмы, которые присущи обеим группам говоров, характеризуются относительной устойчивостью и маркируют забайкальский региолект. Для установления регионализмов, встречающихся в говорах севернорусского происхождения, используются собственные многолетние наблюдения автора. Для установления регионализмов, встречающихся в говорах семейских, используются данные результатов исследования Т.Б. Юмсуновой [12], В.И. Копыловой [4; 5], П.Ф. Калашникова [2] и собственные наблюдения автора, полученные во время экспедиции в Красночикойский район в 2004 г.

Относительно устойчивые регионализмы, общие для говоров севернорусского и южнорусского происхождения:

Фонетические регионализмы:

- лексикализованное произношение [и]сь;
- долгие твёрдые [ш:] и [ж:]: я[ш:ы]к, тѣ[ш:а], дро[ж:ы];
- утрата взрывного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слов: *мос, кус, хвос, чась*;
- замена [к] на [х] в сочетании [кт] внутри морфемы: [хто];
- формы с ассимилированным [j] в сочетаниях согласных: *вало[с':а], стака[н':а], пла[т':ь]*;
- утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в личных формах глаголов, формах прилагательных, местоимений-прилагательных и порядковых числительных: *делат, думам, баса хадила, дурну дефку ни вазьмѣт, катору неделю, како тако имя, первы дни*.

Морфологические регионализмы:

- формы Р.п. и П.п. ед.ч. у существительных мужского рода 1 скл. с окончанием –у;
- Р.п. мн.ч. с окончанием -ов, -ев (*из ногоев, зимовьев, фамилов*), -ей (*братей, стулей*), унифицированные формы П.п. прилагательных и местоимений по форме Тв.п. ед.ч. (*в Балейском районе, в этом дворе*);
- основы форм личных местоимений 3 л. с корневым [j] при употреблении с предлогами: *у ей, с им, к ей*;
- унифицированная форма *имя* личного местоимения 3-го л. мн. ч. *они* в Д.п. и Тв.п.: *к имя, с имя*;
- употребление местоимения *кто* в форме *каво* вместо местоимения *что, чего*: *каво балташь? каво я скажу, абуть некава*;
- склоняемые формы местоимений 3 л. Р.п. с притяжательным значением: *иха дочь, ихих части, на коне на ивом, в ихих руках*;
- согласуемые формы притяжательных местоимений, образованные от форм Р.п. местоимений 3 л. суффиксальным способом: *ихий, ихний, ихов, евоиный, евоный, еёиный, ейный*;

- диалектные огласовки местоимений *что* ([ч'о]), *с какой-то* (*с какой-то*);
- личные формы глаголов с отсутствием в основах чередования [ч'] // [т'], [ж'] // [д'], [ш'] // [с'т']: *отколотю, отъезду, вырастю*;
- личные формы глаголов с выравненной основой на задненёбный: *текёт, пекём*.

Процесс интеграции восточнозабайкальских говоров севернорусского и южнорусского генезиса заключается в утрате неустойчивых различительных регионализмов и сохранении относительно устойчивых общих регионализмов.

Относительно устойчивые фонетические и грамматические регионализмы, которые являются едиными для обеих региональных подсистем, становятся вместе с забайкальскими лексическими регионализмами основой формирования на территории Восточного Забайкалья забайкальского региолекта, который приходит на смену русским говорам и в котором в большей степени будут представлены общенародные языковые черты, в частности общенародного просторечия, и в меньшей – особенности диалектного происхождения.

В нашем понимании **региолект** – это крупная по территории охвата языковая разновидность, маркированная диалектными чертами однородного характера. В настоящее время на территории Восточного Забайкалья идёт формирование забайкальского региолекта на основе сближающихся говоров разного генезиса – старожильческих в прошлом севернорусского происхождения и «семейских» южнорусского происхождения, – но этот процесс ещё не завершён. Возможно, термин **региолект** применим к так называемому **сибирскому просторечию**, о котором пишут сибирские диалектологи [10, с. 102–103].

Ещё П.Я. Черных отмечал, что старожильческие говоры «при всём их территориальном многообразии... характеризуются целым рядом фонетических, грамматических и словарных особенностей, общих, по-видимому, для всех или почти всех сибирских говоров» [9, с. 54]. Подтверждается предположение учёного о том, что «различные по происхождению окающие севернорусские говоры и акающие на севернорусской основе – пережили или ещё переживают период сближения, период одноображения, на почве которого намечается образование отдельной сибирской диалектной группы русских говоров, или, как в старину выражались, “сибирского наречия”» [9, с. 71].

Подобное мнение о сибирской макросистеме севернорусского происхождения было и у Н.А. Цомакион: «Длительное совместное существование различных говоров Северного наречия на сибирской территории привело к тому, что возник некий средний тип говора, своего рода севернорусское койне, в котором можно найти черты различных говоров севернорусского происхождения, но не во взвешенном состоянии, а в сложившейся системе, в своеобразном сплаве... В этой макросистеме намечаются с большей или меньшей чёткостью ареалы микросистем, которые дают основание говорить о диалектном членении сибирских говоров. Однако эти черты различий не снимают тех черт, которые характеризуют сибирские говоры как систему: они или накладываются на эту систему (как колымское сладкоязычие или аканье в томских говорах), или вносят в неё дополнительные черты, например, в области лексики. Но основа сибирских говоров от этого не меняется, не утрачивает своего типичного севернорусского характера» [8, с. 68].

Л.Г. Самотик считает, что «для квалификации сибирских говоров (и, наверное, не только сибирских) необходим термин, который бы обозначал крупную единицу диалектного чле-

нения говоров позднего заселения. В пользу необходимости такого термина служат следующие признаки этой единицы: 1) вторичность, 2) единая материнская основа без чёткой локализации, только на уровне наречия, 3) относительно внутреннее единство на синхронном уровне, 4) возможность внутреннего варьирования в известных пределах, не нарушающих единства, 5) распространение на большой территории» [7, с. 10]. Названные исследователем признаки могут характеризовать *сибирский региолект*, региональной модификацией которого будет являться формирующийся забайкальский региолект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галуза О.Ю. Об албазинском говоре // Языковой портрет Приамурья: Монография / под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 16–26.
2. Калашников П.Ф. К изучению говора семейских // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Ж.С. Сажинов. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1966. Вып. 4. С. 26–36.
3. Калашников П.Ф. Фонетические особенности говоров семейских Забайкалья // Учёные записки МОПИ. М., 1966. Т. 163. Русский язык. Вып. 12. С. 315–335.
4. Копылова В.И. Именное склонение в говоре семейских Красночикойского района Читинской области // Исследование бурятских и русских говоров / отв. ред. Ц.Б. Цыдендамбаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского института общественных наук, 1977. С. 143–183.
5. Копылова В.И. Фонетическая система говора семейских Красночикойского района Читинской области. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1973. 83 с.
6. Краткая характеристика говоров старожилого русского населения Приамурья // Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 4–8.
7. Самотик Л.Г. В. И. Даль и проблема сибирского наречия // Русское народное слово в историческом аспекте. Красноярск: изд-во Красноярского государственного университета, 1984. С. 10–14.
8. Цомакион Н.А. Русские старожильческие говоры Сибири // Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии / отв. ред. Н.А. Цомакион. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического института, 1971. С. 66–93.
9. Черных П.Я. Сибирские говоры. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1953. 96 с.
10. Эрдынеева Э.Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии / отв. ред. В.И. Рассадин. Новосибирск: Наука, 1986. 95 с.
11. Эрдынеева Э.Д. Русские говоры в Бурятии (лексикологический и социолингвистический аспекты). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 124 с.
12. Юмсунова Т.Б. Русские старообрядческие говоры Забайкалья: особенности формирования и современного состояния: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2005. 375 с.

УДК 408.7

Е.И. Пляскина

НАЗВАНИЯ МЕХОВОГО ПАЛЬТО В ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ГОВОРАХ

В статье сопоставляются названия мехового пальто, встречающиеся в романе К.Ф. Седых «Даурия» и в говоре Борзинского района Забайкальского края; выявляется сходство и различие в объёме этих лексико-семантических групп, а также в значениях их членов.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексическая единица, интегральная сема, дифференциальная сема, гиперо-гипонимические отношения.

The article compares the names of a fur coat used in the novel “Dauria” by K.F. Sedykh and in the dialect of Borzinsky District of Transbaikalia. As a result the author reveals similarities and differences in the size of these lexical-semantic groups and in the meanings of their items.

Key words: lexical-semantic group, lexical unit, integral seme, differential seme, hyperonym relations.

В статье впервые предпринята попытка рассмотреть в сопоставительном аспекте такой важный и интересный для исследователей фрагмент лексической системы забайкальских старожильческих говоров, как названия мехового пальто. Эти лексические единицы (ЛЕ) обозначают основной предмет зимней одежды, необходимый сельским жителям в условиях сурового забайкальского климата. Выбор данной лексико-семантической группы (ЛСГ) для анализа обусловлен тем, что она достаточно полно представлена в романе известного забайкальского писателя К.Ф. Седых «Даурия», описывающего быт казаков начала XX в. Эти же ЛЕ функционируют, хотя и с разной степенью частотности, в говоре Борзинского района Читинской области начала XXI в., что говорит об устойчивости ядра лексической системы данной ЛСГ.

В тексте романа встретилось 6 ЛЕ, являющихся названиями мехового пальто: *шуба*₁, *шуба*₂, *полушубок*, *доха*, *борчатка*, *тулуп*. Они объединяются в одну ЛСГ на основе наличия в их семемах (значениях) общей семы «меховое пальто»; противопоставляются ЛЕ друг другу дифференциальными семемами. Далее представлены контексты употребления этих ЛЕ в романе и даны их значения по тексту и по картотеке автора. В скобках рядом с местоимениями иногда даны имена и скобками же обозначены пропуски текста.

*Шуба*₁ – меховое пальто (надо заметить, что шубы использовали не только по прямому назначению, но и укрывались ими, и подстилали их, на что указывают контексты). «Андрей Григорьевич, насилу сдерживая рыдание, глядел вслед сыну и не замечал, что рукав его *полушубка* тлеет и дымится. (...) Увидев его сожжённый рукав, приёмщик расхохотался:

– Вот это погрелся. Так ещё раз погреешься, без *шубы* домой приедешь...» [с. 13]. «В полдень, отбивая литовки, чтобы удобнее было сидеть, он положил под себя *шубу* и позабыл её оттуда убрать» [с. 138]. «В облук телеги набили соломы. Поверх её разостлали две шубы, в задке устроили из подушек высокое изголовье. И это печальное ложе (...)» [с. 258].

*Шуба*₂ – цельнокроеное меховое пальто мехом внутрь, шитое не только из овчины (обычно), но и из другого меха (если позволял достаток семьи). «Алёшка (Чепалов) закрывался руками, прятал лицо в воротник лисьей *шубы*» [с. 185].

Полушубок – короткое меховое пальто мехом внутрь (для украшения по низу могло быть обшито полосками другого меха). «Андрей Григорьевич схватился в замешательстве за рукав, обжёг пальцы и начал снимать *полушубок*» [с. 12]. «Надев *полушубок*, надвинув на самые брови папаху, распахнул дверь в кухню и, грозя кулаком, сказал (...). Захлопнув дверь, он (Епифан Козулин) прищемил второпях конец кушака, выругался и рванул так, что разодрал кушак» [с. 173]. «Навстречу ему (Роману) полетели тяжёлые заледеневшие снежки, нанося чувствительные удары сквозь папаху и *полушубок*» [с. 228]. «В заломленной набекрень белой курчавой папaxe, в отороченном мерлушкою *полушубке* стоял он (Роман) на дороге» [с. 211].

Борчатка – короткое меховое пальто мехом внутрь, отрезное по талии и присборенное. «Находил у них (Чепаловых) покупатель сукно и барнаульские *шубы-борчатки* (...)» [с. 49]. «Роман нарядился в отцовскую, крытую тёмно-синим сукном *борчатку*, закутал горло в полосатый, с радужными кистями шарф, концы которого заткнул за кушак» [с. 188]. «Роман незаметно расстегнул *борчатку*, сжал до хруста кулаки и пошёл от ворот нарочито медлен-

ным шагом» [с. 194]. «Купец крикнул, положил шапку с рукавицами на голбец, прошёл неторопливо вперёд. Присел на краешек лавки, расстегнул воротник *борчатки* и зло спросил (...)» [с. 216].

Доха – меховое пальто мехом наружу, шитое обычно из козлиных или волчьих шкур. «Потом (волки) подступили к Илье. Он сбросил с себя *доху* и встал на дороге с ножом в руках...» [с. 44]. «Андрей Григорьевич, одетый поверх *полушубка* в козлиную *доху*, попытался руками в двойных рукавицах поднять воротник *дохи* и схорониться от хиуса» [с. 188].

Тулуп – длинное, большое цельнокроеное меховое пальто мехом внутрь. «И утром (...) наряд вооружённых понятых подкрался к кузнице. Нагорный спал, с головой завернувшись в *тулуп*» [с. 166]. «В ответ Спирька повернулся с правого бока на левый и да натянул повыше *тулуп*» [с. 249].

В говоре Борзинского района для наименования мехового пальто используются те же ЛЕ (*шуба*₁, *шуба*₂, *полушубок*, *доха*, *борчатка*, *тулуп*) и ещё три: *дублёнка*, *ергач*, *ергачок*. В значении каждой из них выделяется интегральная сема (ИС) «меховое пальто», противопоставляются слова дифференциальными семами (ДС), обозначающими: 1) расположение меха: внутрь (ДС₁), наружу (ДС₂); 2) фасон: цельная (ДС₃), отрезная по талии и присборенная (ДС₄); 3) длина: короткое (ДС₅), длинное до пят, большое (ДС₆); 4) длина меха: короткий или подстриженный (ДС₇); 5) покрытое тканью (ДС₈); 6) производство: отечественное или импортное (ДС₉).

Семемно-лексемный состав ЛСГ «Названия мехового пальто»

Семема	Лексема
1. Меховое пальто (ИС)	<i>Шуба</i> ₁
2. Цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁), иногда покрытое тканью (ДС ₈)	<i>Шуба</i> ₂
3. Обычно импортное (ДС ₉) цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁)	<i>Дублёнка</i>
3. Короткое (ДС ₅) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁)	<i>Полушубок</i>
4. Цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) мехом наружу (ДС ₂)	<i>Доха</i>
5. Короткое (ДС ₅) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁), отрезное по талии и присборенное (ДС ₄)	<i>Борчатка</i>
6. Длинное, большое (ДС ₆) цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) мехом внутрь (ДС ₁)	<i>Тулуп</i>
7. Цельное (ДС ₃) меховое пальто (ИС) с коротким или подстриженным (ДС ₇) мехом внутрь (ДС ₁)	<i>Ергач</i>
8. Короткое (ДС ₅) меховое пальто (ИС) с коротким или подстриженным мехом (ДС ₇)	<i>Ергачок</i>

ЛЕ *шуба*₁, содержащая в семеме только ИС, находится с остальными лексическими единицами в гиперо-гипонимических отношениях и является гиперонимом по отношению к ним. Согипонимы *шуба*₂, *полушубок*, *дублёнка*, *доха*, *борчатка*, *тулуп*, *ергач*, *ергачок* являются наименованиями разновидностей шуб.

Далее в упрощённой транскрипции даны контексты употребления этих ЛЕ в говоре Борзинского района, полученные методом обращения к языковому сознанию носителей говора:

У нас фсяки шубы насили, и барчатки были, и дохи, да и щас разны шубы есь. Из афчины шыли, из ыманних шкур, волчих. Зимой-та фсе ф шубах хадили, ить марозы-та сильны, и штаны из афчины были, и наски михавы; другой-та адёжсы не была, фсё сваидельска.

Лексико-семантические варианты *шуба*₁ и *шуба*₂, связанные метонимически, противопоставляются ДС₁ и ДС₃, содержащимися в семеме второго. ДС₈ является факультативной:

Шубы цельны краили колакалам и запахивали их, кушаком патпаяшут, кушаки из далимбы мангольской шыли, метра три, вот патпаяшут шубу и типло.

В последнее десятилетие в говоре появилась ЛЕ *дублёнка* как наименование современных, обычно импортных, шуб, сшитых из дублёных овчин; она противопоставляется ЛЕ *шуба*₂ ДС₉: отечественная или импортная:

Мангольски дублёнки хороши, тёплы, но и китайски ни хужы. В зоны можно выбрать нидарагу или в Манжурии ишо лучи.

ЛЕ *полушубок* противопоставляется ЛЕ *шуба*₁ и *шуба*₂, а также другим ДС₅, то есть длиной:

Шуба длинна, а палушубак вышы кален, такой жсы, как шуба, тольки пакарочи.

ЛЕ *шуба*₂ и *доха* противопоставляются друг другу семами, обозначающими расположение меха: внутрь (ДС₁) и наружу (ДС₂). ДС₂ противопоставляет также слово *доха* словам *борчатка* и *тулуп*. Ещё не так давно, лет 30–40 назад (а также в романе «Даурия»), лексема *доха* характеризовалась также ДС₆ (большая, длинная, чтобы надеть сверху шубы или полушубка и укрыть ноги в санях):

Шуба – эта мехам внутрь, из дублёных афчин шыли али каких других шкур. Афчину-ту ни крыли, а други-та шкуры накрывали чем-нить. Вот у ацца, помню, волча шуба крытая была. А рибитишкам из афчин шыли; Даха – эта шуба мехам наружу, иё сверху надидют, када в санях едут; Дохи-та сверху шубы надивали, абычно с ыманних шкур шыли; Ишо да вайны дохи были: вавнутрь афчина, а внаружу сабачча али волча шкура. Варатник высокий на кожаных вясках. Ф такой дахе никакой ветир ни прабьёт; Щас у нас дохами шубы завут цыгейкавы, да и китайски, у их ить тоже мех-та внаружу.

В настоящее время ДС₆ у лексемы *доха* является неактуальной. Производные от этих лексем *шубейка* (пренебрежительное), *шубка* (ласкательное) и *дошка* (ласкательное) активно употребляются в говоре:

Дочу тваю видила фчирась. Дошка на ей браинька така, у китаецыф брали?

Лексема *борчатка* противопоставляется другим членам ЛСГ семой ДС₃, обозначающей покрой: отрезная по талии и присборенная:

Барчатки шыли из афчин дублёных, на тальи атризны, а падол-та сабирут, борики таки зделают, вот ы барчатка называцца; Шыла шубу з барами, брава вышла барчатка.

Очень удобно в короткой (до колен) борчатке ездить верхом на коне (этим и продиктован покрой), что в наше время уже почти не актуально.

Лексема *тулуп* противопоставляется другим ДС₆, обозначающей размеры этой шубы (большая, длинная), и ДС₃, обозначающей фасон (цельная):

Тулупы у нас посла вайны паивились, афицеры в их хадили да на пасту стояли в их. Ну щас хто и тулуп носит, тёпла; Я ф тулипи зимой рыбащу, на тилагрейку надию, сидеть-та ить холодна, да ишо ветир.

Лексема *ергач* противопоставляется словам *шуба*₂, *борчатка*, *тулуп* ДС₇, обозначающей вид меха (короткий или подстриженный); слову *доха* – ДС₇ и ДС₁:

Иргач-от длинный, ниже кален, только мех на ём худой, кароткий и реткий, на зиму-та така шуба ни гадицца, а вот осинню ли висной насилии; Иргачи шыли с летних шкур али патстригали афчину.

Употребляются в говоре производные от *ергач*: *ергачок* – короткий ергач, *ергашный* – имеющий короткий или подстриженный мех (*ергашина шуба*, *ергашины штаны*), *ергачи* – меховые (*ергашные*) штаны мехом внутрь.

ЛЕ *ергачок* так же, как и ЛЕ *полушубок*, называет короткое меховое пальто, но противопоставляется ей ДС₇, обозначающей вид меха: короткий или подстриженный:

Иргачок-от – палушубак, только мех малинький, ну вот из мирлушки; Иргачок у миня есь, ф стайку хажу, па драва, ну в агради чо, лёганький такой; Иргашный-та палушубак, иргачок, для зимы ни гадицца, акалешь в ём, висной, осинню носят, да в аграду выскочить.

Таким образом, семантическое пространство в ЛСГ «Названия мехового пальто» в современном говоре более расчленённое, чем в романе «Даурия». Отсутствие ЛЕ *ергач* и *ергачок* в тексте романа, возможно, связано с жёстким отбором языковых единиц автором; ЛЕ *дублёнка* пришла в говор из литературного языка недавно, хотя процесс дублирования шкур носителями говора был освоен давно (использовали не дубовую кору, как в центральной России, а кору ольхи). Но не все члены ЛСГ одинаково актуальны в говоре (ЛЕ *борчатка* переходит в пассивный запас, так как такие шубы уже не шьют) и не у всех слов сохранился без изменений семантический объём (у ЛЕ *доха* устарела ДС₆).

ЛИТЕРАТУРА

1. Седых К.Ф. Даурия. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1975.

ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ РЕГИОНА

УДК 801:316

Е.В. Касимова

РЕГИОНАЛЬНО ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ, ЕЁ ФУНКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПУБЛИЦИСТИКИ)

В статье рассматривается лексика, имеющая региональное употребление и представленная в публицистических и художественных произведениях амурских авторов, анализируются функции этой лексики.

Ключевые слова: русский язык, регионально окрашенная лексика, художественно-публицистический текст, номинативная функция, оценочная функция.

The articles focuses on regional lexical units and their functions in publicistic and fictional texts of the Amur region writers.

Key words: Russian language, regional lexicon, fictional-publicistic text, nominative function, evaluative function.

Объектом нашего научного исследования выступает дальневосточный вариант русского национального языка (или дальневосточный региолект). Этот вариант оказался ярко представленным в опубликованных и, соответственно, обработанных авторских текстах, созданных амурскими писателями и журналистами в конце XIX – начале XX вв.

Этот период выбран нами не случайно. Во-первых, хронологически и локально – это время становления и расцвета города Благовещенска как центра политической, экономической, культурной жизни Приамурья, в частности, время появления здесь первых газет (как правило, общественно-политических). Во-вторых, глобально, в аспекте состояния русского языка на данном этапе, – это время завершения длительного этапа формирования литературного русского языка (от А.С. Пушкина до революции 1918 г.) и начала нового этапа его развития – «послереволюционного»). Как писал Е.Д.Поливанов в 1928 г., «...язык среднего обывателя 1913 года и язык современного комсомольца – 2 разных языка» [Цит. по 1, с. 16].

Нами было исследовано 35 номеров «Амурской газеты» за 1896-1904 гг., повести «Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья» (первая публикация в 1912 г.), «Наш тигр» А. Несмелова (воспоминания о событиях 1924 г., которые были опубликованы в 1941 г.). В указанных источниках мы выявили и отнесли к разряду регионально окрашенных 123 лексемы, а также ряд фразеологических выражений, топонимы и антропонимы.

Наше обращение к авторским текстам обусловлено тем, что и в публицистической, и в художественной литературе освещаются самые разнообразные, а главное, актуальные вопросы, представляющие интерес для общества: идеологические, политические, экономические, философские, морально-этические, вопросы воспитания, культуры, искусства, вопросы повседневной жизни и т.д.

Известный специалист по стилистике русского языка И.Б. Голуб называет публицистику «летописью современности» [2, с. 313]. Разнообразны не только темы публицистических текстов, но и жанры. Публицистические тексты реализуются в информационных, аналитических и художественно-публицистических жанрах, таких как очерк, фельетон, памфлет. «Публицистический стиль – это не замкнутая, а открытая система языковых средств. Это позволяет журналистам обращаться к элементам других функциональных стилей и – в зависимости от содержания публикации – употреблять разнообразную лексику, включая внелитературные слова и выражения, необходимые для достоверного изображения событий и их героев ... Выбор словесного материала определяется темой» [2, с. 315].

В большей степени нас интересовали именно жанры художественно-публицистические, поскольку тексты таких жанров, максимально сближаясь с художественной литературой, отличаются от других публицистических жанров (информационных и аналитических) тем, что в них образно отображаются действительно произошедшие или придуманные события при допустимости только домысла, но не вымысла. Конкретный, документальный факт в этих жанрах как бы отходит на задний план, уступая место впечатлению автора от факта, его оценке, авторской мысли. Поэтому в художественно-публицистических текстах наиболее ярко выражается авторская позиция, видение автором окружающей действительности, что тре-

бует использования различных выразительных средств (эпитетов, метафор, восклицаний, риторических вопросов и др.), а также, безусловно, употребления регионально окрашенной лексики, которая передаёт региональную отнесённость описываемых фактов и событий и местный колорит.

Общий анализ языкового материала позволяет нам сделать вывод о том, что функции регионально окрашенной лексики в художественном и публицистическом текстах совпадают. Для них свойственны две основные функции: номинативная и оценочная. Другими словами, регионализмы используются в авторском тексте для именования понятий, актуальных для дальневосточников, когда автор не нашел для этого средств общенационального языка (причём не только литературного языка, но и диалектов, пришедших на восточную окраину России вместе с переселенцами, ссыльными). Регионализм может использоваться и как средство оценки. В этой функции регионально окрашенная лексика чаще всего употребляется в речи персонажей: казаков, купцов, каторжников, золотарей, охотников и др. (но не крестьян – традиционных носителей диалекта).

Покажем примеры реализации **номинативной функции** регионализмов конца XIX – начала XX вв.

Шампунщик – лодочник, управляющий китайской лодкой-шампунькой. *«Свое спасение возложил на быстроту шлюпочника... Снаряды шлёпались всё чаще, а перепуганный китаец, лодочник, на мои «коккойдо» (скоро), обращённые к шампунщику, отнюдь не вливали в него энергии»* (АГ, № 27 от 07.03.1904).

Слово представляет скорее всего русскую грамматическую адаптацию китайского слова. В контексте представлен целый синонимический ряд русских аналогов: шлюпочник, лодочник. Лексема не зафиксирована в нормативных словарях русского языка.

Гауляновый – прил. от **гаулян** (китайский гаулян – хлебное растение, из которого китайцы готовят водку, именуемую сули или ханшина; сделанный из гауляна, имеющий отношение к этому злаку. *«... Но уже близко то время, когда ... Маньчжурия потонет в непроходимых гауляновых лесах»* (АГ, № 29 от 12.03.1904).

Слово также используется для названия явления (растения), неизвестного в России и, соответственно, не имеющего русского названия. Прилагательное образовано от заимствованного из китайского языка слова, прошло фонетическую и грамматическую адаптацию в русском языке. Лексема **гауляновый** также не зафиксирована ни в одном из нормативных словарей русского языка. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается дефиниция слова «гаулян» в этом же значении [3].

Хищничество – незаконная добыча золота. *«О них начато следствие по подозрению в убийстве восьми китайцев и шести русских и ограбление двадцати пудов золота, а также по обвинению в хищнической добыче золота. Хищничество они не отрицали. В убийстве и ограблении запирались»* (Амурские волки, с.126).

Слово **хищничество** используется для обозначения понятия, актуального в Амурской области: способа добычи золота. Лексема зафиксирована в словарях: и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [4], и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [5], и в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [3], но в ином значении: об образе существования хищных животных; хищнический об-

раз действий, хищническое отношение к чему-либо (перен. «преследующий цели ближайшей выгоды, обогащения»).

Продemonстрируем примерами реализацию оценочной функции регионализмов конца XIX – начала XX вв.

Манзешка – китаец. «Наши *манзешки* говорят ему боязно так, что нету денег» (АГ, № 11 от 14.03.1899).

Слово *манзешка* явно несёт яркую оценочную характеристику, не просто называя, но и выражая отношение говорящего к китайцу (в данном случае, снисходительно-насмешливое). Слово не зафиксировано в словарях. Способом выражения оценки в данном случае становится словообразовательная модель с суффиксом субъективной оценки.

Собака (перен.) – предположительно представитель правоохранительных органов (полицейский, таможенник, караульный?). «Ну что, – спросил его высокий мужчина, выйдя из лодки, – никого нет здесь из «собак»?» (из беседы контрабандистов) (Амурские волки, с. 18-19).

Слово *собака* передаёт негативную оценку говорящего по отношению к называемому лицу. Номинация происходит по признаку отношения, а не собственно названия явления.

Вместе с тем, региональные слова нередко встречаются и в текстах более консервативных с точки зрения использования лексики ограниченного употребления, а именно в информационных (заметка, хроника, обозрение) и аналитических (статья, корреспонденция, рецензия, обзор) публицистических жанрах. При этом большая часть таких слов в литературном языке – экзотизмы. О том, что в дальневосточном региолекте русского языка эти слова являются общеизвестными, а не экзотическими, говорит, с нашей точки зрения, тот факт, что они используются в текстах разных жанров и не сопровождаются авторскими комментариями. Приведем примеры.

Фудутун – наместник в Китае. «В скором времени в Айгуне ожидается прибытие китайского *фудутуна*. Вместе с *фудутуном* придут сто конных солдат» – слово встретилось в официальной сводке (АГ, № 24 от 28.02.1903). «Собрали это всех нас и начальник заговорил, что он послан «*фудутуном*» собрать с нас подати какие-то» – встретилось в фельетоне (АГ, № 11 от 14.03.1899).

Слово *фудутун* не зафиксировано в толковых словарях русского языка. Встретилось единожды в Словаре иностранных слов 1933 г.

Ханишина – китайская водка. «Будут приняты радикальные меры к вполне возможной локализации этого распространения, что давно уже необходимо – в виду того большого вреда, который приносится *ханишиной* как народному здоровью, так и государственному бюджету» (АГ, № 10 от 07.03.1899) – в докладе. «Они покрикивали на лошадей и, видимо, торопились скорей добраться до заветной Будунды в надежде освежить свои душевные чувства дешёвым лекарством – *ханишиной*» (АГ, № 28 от 13.07.1897) – в путевых заметках.

Слово *ханишина* зафиксировано в словарях в этом же значении, но в других вариантах: *ханишин* [5], *ханэжина*, *ханьэжина*, *ханчина* [6].

Вместе с тем, проведённый анализ материала позволяет утверждать, что регионально окрашенные слова являются общепонятными и общеизвестными на довольно обширной территории – Дальнем Востоке России. С одной стороны, читатель не нуждается в дополни-

тельном толковании таких слов (в основном, в публицистическом тексте, ориентированном на местного жителя). С другой стороны, используя графическое выделение (кавычки, курсив, сноски, толкования, комментарии), автор подчёркивает невысокую частотность их использования в регионе и одновременно подразумевает неизвестность его жителям других регионов России. Приведем примеры.

Улы – вид обуви. *«Я почему-то решил, что по тайге мне удобнее всего будет идти в ночных туфлях, если я подобью их прочными, хорошими подмётками, хотя мои приятели решили запастись сыромятными китайскими улами»* (**комментарий автора:** Удыгейская обувь из лосиной шкуры, сшитой мехом внутрь, и плотной ткани) (Наш тигр, с. 676, 729).

Майза – сорт муки. *«Цены на товары первой необходимости в Хабаровске существуют несколько выше благовещенских. Так, например: мука-майза (китайская) стоит 1 руб. 60 коп. пуд»* (АГ, № 67 от 16.06.1904).

Сули – китайская водка. *«Насчёт выпивки тоже, бывало, не стесняла она меня, «сули» пил сколько угодно»* (Значение слова **сули** подано в сноске: китайская хлебная водка).

Таким образом, в номинативной функции регионализмы употребляются для наименования экзотических, уникальных явлений Дальнего Востока (в основном, это заимствования из китайского языка, актуальные в Дальневосточном регионе: манза, чумиза, буда, падь, ханишина, харбинка, Манджурка, звероватъ, американка, фудутун, джонка).

В оценочной функции регионально окрашенные слова используются как средство речевой характеристики: собака, китайская мазница, мои косоглазые «амурские крестьяне».

Регионализмы могут использоваться намеренно как средство стилизации для реалистического изображения быта, создания местного колорита: зало, рогатка, бойка, шампунька, фанза, хунхузы, редиза.

Другими словами, региональная лексика понятна, известна и автору, и читателю, то есть является общеупотребительной на данной конкретной территории и используется не только в устном спонтанном высказывании, но и в письменном обработанном и опубликованном произведении. Именно публицистический текст интересен и ценен для анализа регионально окрашенной лексики, поскольку он, с одной стороны, отражает живую речь жителя региона (и самого редактора издания, и образованного корреспондента-любителя, и малограмотного героя фельетона, и подателя объявления), а с другой стороны, подает ее уже в «приглаженном» виде, исходя из того, что уже можно считать допустимым для употребления и что может «пропустить» редактор издания. То же происходит и в текстах литературных произведений: автор использует те средства языка, которые в полной мере помогают ему воссоздать колорит описываемой им действительности: речь персонажей, и наименование предметов и явлений, то есть реализовать замысел максимально похожим на реальность.

Таким образом, особые слова и выражения, используемые авторами дальневосточниками в публицистических и художественных текстах конца XIX – начала XX вв., являясь территориально ограниченными в своем употреблении единицами, имеют свою собственную функциональную нагруженность в пределах регионального текста. Наличие такого типа лексики в региональном тексте является его необходимым свойством в любой временной отрезок и в рассматриваемый период в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысакова И.П. Тип газеты и стиль публикации. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 181 с.
2. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. М.: Логос, 2010. 432 с.
3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003. 944 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: «Русский язык», 1978.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1-4. М., 1935.
6. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 542 с.

ИСТОЧНИКИ

- Амурская газета. – АГ
Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1912. – Амурские волки.
Несмелов А. Наш тигр // Рубеж. Владивосток, 2003. № 4 (866). – Наш тигр.

УДК. 81.42.

И.А. Кунгушева

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА КОММЕРЧЕСКОЙ ЭРГОНИМИИ ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСКА

Данная статья является фрагментом описания лексико-семантической парадигматики эргонимических единиц, специфика которой определяется как лингвистической природой языкового знака, так и дискурсивными условиями его функционирования.

Ключевые слова: язык города, коммерческая номинация, эргоним, лексема, сема, парадигматические отношения.

The article considers lexical-semantic paradigmatics of ergonyms. Its peculiarity is determined both by a linguistic nature of a language sign and by the circumstances of its discourse.

Key words: city language, commercial nomination, ergonym, lexeme, seme, paradigmatic relations.

В связи с непрекращающимся процессом урбанизации город продолжает оставаться важнейшим объектом изучения целого ряда гуманитарных наук: философии, социологии, этнографии, истории и, конечно, лингвистики. Социальные изменения в России начала XXI в., новые пути развития экономики повлекли за собой появление большого количества предприятий различного функционального профиля (общественных, политических объединений людей, объектов коммерции, культуры и пр.), каждое из которых потребовало своего названия – некоего рекламного имени. Это спровоцировало настоящий ономастический бум, вызвавший неподдельный интерес языковедов.

Б.Я. Шарифулин в статье «Язык современного сибирского города» определяет современный российский город как замкнутый социум, в котором на разных уровнях переплетаются индивидуальные, групповые, общегородские интересы, отношения, мотивации и формы поведения. Наряду с такими компонентами языка города, как просторечие, социалект, региолект, пиджин сегодня исследователи выделяют язык рекламы и бизнеса, называя его новым явлением в русском национальном языке. В связи с активным развитием рекламной

индустрии, языковой облик российского города значительно изменился. Город «заговорил» непринуждённо и громко, о чём свидетельствует обилие разного рода рекламных имён на вывесках, баннерах, растяжках и т.п. [1].

За такими понятиями, как рекламное имя, коммерческая номинативная единица, урбанизм, в лингвистике, вслед за Н.В. Подольской, традиционно закрепился термин эргоним [2]. Несмотря на то, что изучение эргонимов в отечественной ономастике ведётся с конца 60-х гг. прошлого века (см. работы А.В. Суперанской, Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильниковой) [3, 4, 5], коммерческая эргонимия – относительно молодой, весьма динамично развивающийся и изменяющийся класс имён собственных.

Большинство современных исследований в области эргонимии выполнены на региональном языковом материале разных городов России. В работах А.В. Беспаловой, Л.А. Инютиной, Т.П. Романовой, Е.С. Самсоновой, Г.М. Старыгиной, А.А. Трапезниковой, Н.В. Шимкевич, Д.А. Яловец-Коноваловой и др. предметом научного интереса становятся в основном словообразовательные, психолингвистические и прагматические особенности коммерческой номинации. Значительно реже представлен динамический аспект исследования [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13].

Объектом внимания настоящей публикации является лексико-семантическая парадигматика эргонимических лексем, эксплицирующих в рамках одной узкой подсистемы структурные и функционально-стилистические особенности семантики номинативных единиц. Предметом исследования выступает микрополе «Продукты» как часть общей эргонимической системы г. Благовещенска. Данное микрополе эргонимов является наиболее наполненным (более 300 единиц) и разнообразным с точки зрения качественного состава единиц.

Выбор и сосредоточенность исследовательского внимания на наименованиях продовольственных магазинов объясняется следующим: во-первых, сфера торговли продуктами питания, являясь наиболее важной социальной и экономической стороной города, представлена в г. Благовещенске количеством предприятий, значительно превосходящим другие отрасли; во-вторых, повсеместным является использование названий данных заведений в деловом и в повседневном общении горожан; в-третьих, наименования продовольственных магазинов являются типичными эргонимами, демонстрирующими региональную специфику единиц, устанавливающих определённые парадигматические связи.

Стандартная модель построения номинации в названном микрополе выглядит следующим образом: номенклатурная единица + собственно эргоним (например, магазин *Тайга*, киоск *Табакерка*). В эргонимическом поле «Продукты» было зафиксировано пять номенклатурных терминов:

- магазин (например, *Аляска, Валентина, Колибри, Конёк, Корзинка, Лавр, Лазурный, Леон, Лотос, Магазин №48, Магнит, Майя, Манго, Махаон, Маяк, На Зейской, Сибиряк, 8 марта, Чайка, Арбат* и др.);
- супермаркет (например, *Проддвижение, Авоська, Махіта, Продмаркет, Унимарт, Юнимас, Едалиум, Метро, Удобный, Фортуна, Эконом, Стик* и др.);
- дискаунтер (например, *Прима, Кэш энд Керри*);
- киоск (например, *Овоци, Фрукты, Овоци-фрукты, Райский уголок, Ларчик, Пеликан, Царь-каравай, Хлеб*);
- павильон (например, *Саша, Серышевский*).

Данные лексические единицы образуют родо-видовую парадигму. В ряду согипонимов гиперонимом выступает лексема «магазин», что объясняется более общей семантикой слова, а также традиционным пониманием горожан обозначения торговой точки. Сравним: *супер-маркет* (англ. supermarket, «сверхрынок») – крупный универсам по продаже полного ассортимента продуктов питания и напитков, а также предметов домашнего хозяйства; *дискаунтер* (англ. discount «скидка, делать скидку») – магазин с широким ассортиментом товаров по оптовым ценам, упрощённой выкладки товаров; *киоск* (фр. kiosque) – небольшая лёгкая постройка для мелкой торговли; *навильон* (лат. papilio «шатёр») – постоянная или временная постройка, предназначенная для торговли, экспозиции, киносъёмки [14]. В данной парадигме, с точки зрения семантической структуры слов, отсутствуют полные синонимические связи между номенклатурными терминами, но в повседневной речи горожан все-таки прослеживается замена номенклатурных единиц синонимическими обозначениями, что даёт возможность говорить о существовании гиперо-гипонимических отношений.

Лексико-семантический подход к изучению эргонимии позволяет увидеть стабильные функционально-семантические свойства языковых единиц и выявить в ряде случаев дискурсивно обусловленные изменения в комбинаторике семантических компонентов слова. Функционируя в роли эргонима, лексема демонстрирует иную семную структуру, нежели тогда, когда слово выполняет свою обычную функцию, не являясь именем собственным. В структуре значения часто меняется доминантный состав сем, потенциальные семы могут стать более активными, ярко выраженными, другие, наоборот, становятся затемненными. Специфические особенности данного процесса можно наблюдать при анализе тематических групп.

Современные городские названия нередко представляют собой достаточно сложные семантические структуры. В эргонимическом поле «Продукты» языковое пространство неоднородно и образует несколько тематических групп. Более значимая в количественном плане тематическая группа «Территориальное расположение продуктовой точки». В данной тематической парадигме интегрирующей семой выступает сема «регион, территориальная принадлежность». Данная сема содержится в эргонимах, относящихся к топонимике Амурской области или всего Дальневосточного региона.

Входящие в данное лексическое поле эргонимы можно разделить на три подгруппы.

1) Подгруппа с активной семой «Амур». Эргонимы данной подгруппы представлены в форме существительного, обозначающего географический объект: *Амур, Ермак-Амур, Кристалл-Амур, Амурагроцентр, Амурницепром, Амурагрофис, Амуртаймень*, и в форме прилагательного «амурский»: *Амурская зерновая компания, Амурский стандарт, Амурский хлеб, Амурский залив, Амурский мясокомбинат, Амурский регион, Амурский простор, Амурский, Амурские пищевые технологии, Амурский облпотребсоюз*.

2) Подгруппа с семой «Благовещенск». Это эргонимы-существительные: *Янта-Благовещенск, Производственный комплекс Благовещенск*. И прилагательные в составе названия: *Благовещенский консервный завод, Благовещенский масложиркомбинат, Благовещенская фабрика мороженого, Благовещенский молочный комбинат*.

3) Подгруппа с потенциальной семой «Дальний Восток» представлена немногочисленными символическими названиями: *Восток, Камчатка, Огни Колымы, Сахалин, Аляска*.

Особым и немалочисленным объединением эргонимов (около 20%) является тематическая группа «Имя человека». Данная семантическая парадигма построена на сближении слов

с интегральным, но мало информативным семантическим компонентом «имя». В качестве эргонима может выступать имя владельца предприятия, имя его/её жены/мужа, родственницы/родственника, случайное имя, не сообщая о человеке ничего, следовательно, не выражая ни семантической, ни прагматической направленности. Следует заметить, что тематические ряды эргонимов состоят преимущественно из женских общеупотребительных имён (их 90%). Вероятно, это связано с ассоциативным восприятием женщины – домашней хозяйки, кормилицы. Например: *Аида, Алина, Валентина, Валерия, Вера, Виктория, Диана, Дарья, Майя, Марина, Олеся, Ольга, Татьяна, Юлия*. Причём многие из названий содержат коннотативную сему социального, разговорного характера: *Катюша, Иринка, Лена, Любаша, Наташа* и т.д.

В количественном отношении следующей тематической группой является группа «Продаваемый продукт». В данной тематической парадигме наиболее активными являются следующие семантические составляющие:

- сема «мясные продукты» открыто заявлена в эргонимах *Мясной дом, МясКо, Мясо* и имплицитно существует в названиях магазинов *Колбасыч, Амурский бройлер*;

- сема «бакалейный продукт» находится на поверхности значения таких номинативных единиц, как *Амурский хлеб, Дом хлеба, Кулинарный цех, Бакалея*. Данная, но ранее потенциальная сема даёт возможность включить в эту эргонимическую парадигму слова-эргонимы: *Пекарь, Царь-каравай, Колос, Конфетка*;

- ассоциативная сема «рыба» обнаруживает себя в лексемах: *Сахалин, Океан, Каспий, Золотая рыбка*.

В тематической группе «Количество продаваемых продуктов» интегральной семой выступает сема потенциального характера «разнообразие, множество», что даёт возможность объединить эргонимы с абсолютно не близкой семантикой: *Дом хлеба, Мясной дом, Сытный дом, Амурский простор, Максима, Мир вкуса, Простор, Самобранка*. К этой же тематической группе относим и подгруппу единиц с семой «универсальный», т.е. разнородный, содержащий многое: *Унимарт, Универсам*.

Группа «Качество продукта» представлена сложной лексико-семантической парадигмой эргонимов с общей семой «хорошее качество», которая является в отдельных словах дифференциальной (обязательной), а в других – потенциальной (возможной). Названия продуктовой точки эксплицируют семантику разнообразных положительных качеств объекта. Богатая семантическая структура лексических единиц обозначенного тематического ряда позволяет объединиться как моносемичным, так и полисемичным лексемам. Семантика выражения оценки качества может быть многоплановой и одновременно демонстрировать разные переносные смысловые нюансы: это и ценное качество продаваемого продукта, и хорошее качество условий покупки продукта, и прекрасные чувства от обладания продуктом, и высокий статус потребителя продукта. Например, в семантике названия магазина *Престиж* содержатся одновременно все названные положительные качества эргонимического объекта. К подобным ассоциативным метафорическим эргонимам относим: *Удобный, Удачный, Супер гуд плюс, Светлый, Райский уголок, Оазис, Хороший, Знатный, Классный, Основной продукт, Оригинал, Восторг, Амурский стандарт* (стандарт – установленное качество), *Царское подворье, Династия, Монарх, Берг* (дворянский род, место пребывания великих герцогов

Люксембургских), *Барон, Фараон*. Данные названия указывают на высококачественность, элитность продукта и на всё, что с ним связано.

В тематической группе «Вкус продукта» ведущей семой выступает сема «вкус». В неё вошли такие эргонимы, как: *Гурман, Смак, Мир вкуса, Семейный вкус*.

Распространенное средство воздействия, используемое в рекламной индустрии, – это указание на рациональный мотив низкой цены и экономичности. Такие эргонимы сформировали отдельную тематическую группу «Цена продукта». Она представлена названиями продовольственных магазинов, где доминирующими семами выступают две семы: «деньги» и «низкая цена»: *Копеечка, Копейка, Монетка, Эконом, Скидочка, Кэш энд Керри* (бери больше, плати меньше).

Самым немногочисленным тематическим объединением слов является группа «Предметы транспортировки продуктов». Интегральной семой в данной парадигме эргонимов выступает сема «сумка»: *Авоська, Лукошко, Корзинка, Кенгуру* (в данной лексеме-названии семантический компонент «приспособление для транспортировки продуктов» является глубоко имплицитным, однако он входит в состав лексического значения: кенгуру – ‘род сумчатых млекопитающих’).

Эргонимическое поле «Продукты», как любого рода система словесных знаков, обнаруживает лексико-семантическую парадигматику единиц различного характера. С точки зрения происхождения слов, в эргонимическом пространстве практически равные доли занимают как исконные, так и заимствованные лексемы. В процентном отношении они представлены следующим образом: 60% – исконные лексемы и 40% – заимствованные. Лексика индоевропейского и общеславянского происхождения часто выступает в качестве общеупотребительных, часто малоинформативных эргонимических знаков: *Новый век, Свежий ветер, Золотой телец, Новый, Светлый, Зима, Мечта, Стрекоза, Сокол, Чайка* и др. Среди исконной лексики особую группу составляют собственно русские единицы, которые образованы по продуктивным словообразовательным моделям русского языка. Коммерческие обозначения этой группы в процессе онимизации становятся метафорическими и семантически более значимыми, например *Конёк, Солнышко, Рябинушка, Погребок, Колосок, Василёк, Берёзка, Кормилец, Ларец, Родничок, Светлячок*.

Состав заимствованных эргонимических единиц образует особую парадигму, в которой объединены и противопоставлены единицы по степени освоенности / неосвоенности вербального знака. В количественном плане в микрополе «Продукты» преобладают освоенные единицы (98%), что объясняется принципом удобства употребления рекламного имени и функционально-социальной значимостью такого коммерческого названия в процессе бытового общения. Кроме того, освоенные единицы, закреплённые в статусе эргонима, легко вступают в различного рода синтагматические и парадигматические отношения с другими словесными знаками в силу прозрачности своего лексического значения и адаптированной фонетической и грамматической формы. К заимствованным освоенным лексемам-названиям относятся наименования: *Вояж, Джин, Магнит, Манго, Фламинго, Флейта, Провинция, Престиж, Визит, Тропик, Ветеран, Метро, Тайга* и др. К числу заимствованных неосвоенных лексем-названий относятся единичные наименования (2%): *Фэри, Стик, Юнимас, Сона*. В составе данной группы можно выделить и лексемы-варваризмы, представленные на вывесках в кириллической графике. Это заимствования-англицизмы: *Фуд шоп* (от англ. food «пи-

ща», shop «магазин»), *Супер гуд плюс* (от англ. super «великолепный», good «хороший»), *О'кей* (англ. знак согласия, «хорошо»).

С точки зрения сферы употребления, эргонимическое пространство однородно. Оно представлено превалирующим числом общеупотребительной лексики – 97% эргонимов являются узуальными. Всего 3% рекламных имен включают в состав социальную и профессиональную лексику. Это терминологическая лексика геологической отрасли знания (*Рифт* «крупная линейная впадина в земной коре, образующаяся в месте разрыва коры в результате её растяжения»), астрономии (*Сириус* «ярчайшая звезда ночного неба»), нумизматики (*солярис* «официальное название французской золотой монеты 'экю с солнцем'»), географии (*Эверест, Эльбрус, Вавилон* и др.).

С точки зрения стилистической принадлежности единиц эргонимической парадигмы в ней преобладают стилистически нейтральные лексемы-названия. Они составляют около 80% всех эргонимов: *Арбат, Визит, Спутник, Байкал, Вояж, Белый парус, Зелёный мир, Октябрь, Лотос* и др. Разговорно-маркированными являются всего около 11%, к числу которых отнесем такие названия продовольственных магазинов с коннотативным компонентом значения, как *Минутка, Погребок, Тополёк, Пивко, Медвежонок, Ларчик* и др. Оценочными маркерами выступают в основном уменьшительно-ласкательные суффиксы (-очк-, -ечк-, -к-, -ок-). Вероятно, разговорно-бытовое маркирование в именовании продовольственных магазинов связано с социально-функциональной ситуацией использования эргонима. Приобретение продовольственных товаров относится к повседневным бытовым нуждам человека. Язык этой сферы общения исключительно разговорный, свободный, что и закрепляется в эргонимии данной области.

Таким образом, оппозиции эргонимических единиц с точки зрения происхождения, функционально-стилистической принадлежности и сферы употребления являются неравноценными, недостаточно наполненными, что объясняется дискурсивной природой функционирования языкового знака. Парадигматические связи эргонимических лексем в сугубо лексикологическом аспекте часто являются выраженными только относительно системы языка, они не устанавливаются в ономастическом сознании горожан.

Рекламно-информационный дискурс и его региональная специфика обуславливает нестабильный эргонимический состав единиц, формирующих лексико-семантическое наполнение парадигмы. Отдельные эргонимические лексемы микрополя «Продукты» в силу своей богатой семантики могут одновременно являться членам нескольких парадигматических образований. Другие коммерческие наименования-антиподы не имеют возможности войти в ту или иную тематическую группу и установить прочные структурно-семантические связи в эргонимической парадигме, например, *Гамс, Герефорд, Крильон, Певек, Сердат, Юнимас, Юсер* и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюл. / Краснояр. гос. ун-т. / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск-Ачинск: Красноярский университет, 1998. Вып.5. С. 8 – 26.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 200 с.
3. Суперанская А.В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика: Материалы и исследования. М.: Наука, 1979. С. 242 – 255.

4. Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С. 5 – 12.
5. Красильникова Е.В. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. С. 5 – 18.
6. Беспалова А.В. Принципы и способы номинации в английской эргонимии (на материале названий форм и компаний) // Номинация в ономастике. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. С. 158 – 167.
7. Инютина Л.А. Современные эргонимы в узусе современного города // Язык. Человек. Картина мира. Материалы всероссийской научной конференции. Ч. 2. Омск: ОмГУ, 2000. С. 45 – 58.
8. Романова Т.П. Эволюция типов рекламных имен в истории русской эргонимии (19 – нач 20 вв.) // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф.; Волгоград, 8-11 сент. 1998 г. / Отв. ред. и сост. В.И. Супрун. Волгоград: Перемена, 1998. С. 174 – 180.
9. Самсонова Е.С. Функционирование иноязычных средств в эргонимии // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Вып. 6 (96). 2010. С. 16 – 24.
10. Старыгина Г.М. Эргонимы г. Благовещенска // Языковой портрет Приамурья. Монография / под ред. Л.М.Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 157 – 164.
11. Трапезникова А.А. Ономастическое сознание современного горожанина: на материале эргонимии Красноярска: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск: Изд-во СибФУ, 2010. 16 с.
12. Шимкевич Н.В. Коммерческая эргонимия: стратегии номинатора // Язык. Человек. Картина мира. Ч. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 196 – 199.
13. Яловец-Коновалова Д.А. Интенциональная мотивация названий современных челябинских предприятий (материалы для словаря) // Язык. Система. Личность. Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 151 – 157.
14. Захаренко Е.Н. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М.: «Азбуковник», 2003. 784 с.

УДК 81.42

Н.В. Михайлюкова

НАЗВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АВТОБИЗНЕСА В ЯЗЫКЕ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

В данном исследовании текст на вывеске рассматривается как малый письменный жанр, особенности которого анализируются с точки зрения социолингвистики и лингвокультурологии. Материалом для наблюдения послужили названия предприятий автобизнеса, являющиеся яркой чертой языкового облика города Владивостока.

Ключевые слова: *вывеска, социолингвистика, лингвокультурология, язык города, коммуникативное пространство.*

The article considers the signboard text as a small format written genre, peculiarities of which are analyzed in terms of sociolinguistics and cultural linguistics. The names of automobile business companies, which are a striking feature of a linguistic landscape of Vladivostok, served as the material for observation.

Key words: *regional linguistics, city language, small format written genre, signboard text, professional dialect (car-business dialect).*

Язык города, рассматриваемый как сложное взаимодействие различных языковых компонентов, является предметом современных разноаспектных лингвистических исследований. К числу наиболее актуальных относятся исследования малых письменных форм (вывесок, плакатов, объявлений и т.д.) в языковом облике города, поскольку они не только фиксируют

социальные, экономические, культурные и политические изменения, происходящие в жизни социума, но и отражают региональную специфику коммуникативного пространства.

Тексты вывесок – это один из элементов языкового быта города, репрезентирующий его социальную и экономическую специфику. Существует несколько подходов к изучению текстов вывесок. Традиционно названия городских объектов рассматривают как номинативную единицу, в этом случае используется термин «эргоним» (Л.А. Капанадзе, Н.В. Подольская, Т.В. Шмелёва, И.В. Крюкова, Н.А. Прокуровская, Л.З. Подберёзкина и др.). Согласно другой теории (которой придерживается и автор данной работы), названия на вывесках представляют собой коммуникативную единицу, специфический тип текста (Л.В. Сахарный, Е.С. Кубрякова), который можно рассматривать и в контексте жанроведения (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Б.Я. Шарифуллин и др.).

Известно, что Владивосток неформально называют «автомобильной столицей» России, поэтому объектом данного исследования стали тексты-названия автомобильных магазинов и салонов, являющиеся частью языкового облика г. Владивостока. Необходимо отметить, что около 30 % всех текстов вывесок Владивостока принадлежит предприятиям автобизнеса. В городе есть даже специфический «автомобильный квартал»: улицы Снеговая, Выселковая, Военное шоссе. На этих «автомобильных улицах» находятся исключительно автомобильные магазины и автомастерские.

Тексты вывесок как особый речевой жанр обладают структурными и семантическими особенностями. Рассмотрим их подробнее. С точки зрения структуры, в собранном нами материале можно выделить две группы текстов: 1) вывески, представленные одной словоформой («*Форсаж*», «*Аллюр*», «*Rezina*» и т.п.) и 2) вывески, представленные сочетанием слов («*Авто Граф*», «*Планета Железяка*» и т.п.). В данном случае правомерно говорить о «текстах-примитивах» [1, с. 221] – простейшем виде текстов, обладающем цельностью и максимально простым комплексом средств связности.

Среди текстов первой группы различаем два типа моделей: 1) «Имя существительное в именительном падеже» и 2) «Предлог + имя существительное в косвенном падеже».

Наиболее многочисленна, по нашим наблюдениям, подгруппа текстов с использованием существительного в именительном падеже («*Фортуна*», «*Форвард*», «*Автосила*» и т.д.). В зависимости от особенностей используемого существительного, можно выделить несколько разновидностей таких текстов.

В частности, это тексты вывесок с использованием слов с положительной оценочной семантикой (например, «*Совершенство*», «*Автолюкс*», «*Автотриумф*», «*Прогресс*»). Такие рекламные номинации не только выделяют объект среди подобных, но и выполняют функцию привлечения клиентов путем создания положительного имиджа. Также возможно использование такой лексики в текстах вывесок, направленных на демонстрацию статусности и престижности товаров и услуг: «*АвтоVIP*», «*Автолидер*», «*Автокласс*» и т.п.

Все большее распространение получают тексты с использованием существительных в форме диминутива («*Япошка*», «*Самураюшка*» и т.д.). Данный факт можно объяснить общей урбонимической тенденцией, а именно установкой на неформальное общение, стремлением к сближению в коммуникации «продавец – покупатель». Кроме того, подобные номинации создают комический, игровой эффект.

Вывески на автомобильных магазинах г. Владивостока отражают тенденцию, общую для всех городов России: это использование существительных с постоянными компонентами *арт-* («*Техноарт*», «*Автоарт*»), *-маркет* («*Автомаркет*», «*Джипмаркет*», «*Subaru-маркет*»), *-центр* («*Автоцентр*», «*Toyotaцентр*», «*Джипцентр*»). Данное явление отмечается также М.В. Китайгородской [2, с. 135] и Л.З. Подберезкиной [3, с. 513].

Менее продуктивной является модель «Предлог + существительное в косвенном падеже». Наблюдается использование предлогов *НА* (НА + Сущ. П.п.) и *ДЛЯ* (ДЛЯ + Сущ. Р.п.). В сочетании с предлогом *НА* образуются тексты с пространственным значением («*На Пограничной*», «*На Камской*», «*На Выселковой*», «*На Снеговой*»). Надо сказать, что в таких текстах используются, как правило, названия улиц, где расположены автомагазины. Если говорить о модели «ДЛЯ + Сущ. Р.п.» («*Для тачки*», «*Для джипа*»), то в данном случае возможна модификация с использованием местоимения *всё* («*Всё для Тоёты*», «*Всё для джипа*», «*Всё для микрика*» и т.д.).

Необходимо отметить и словообразовательные особенности текстов вывесок. Большинство текстов-названий автомагазинов построено по способу сложения, где *авто-* является постоянным элементом («*Автомастер*», «*Автомеханика*», «*Автогид*» и т.п.).

Другая группа текстов, выделенная в нашем материале, – это тексты, представленные сочетанием слов. Современная рыночная экономика и высокая конкуренция между производителями и продавцами определяют такую тенденцию в сфере городских номинаций, как стремление к максимальной дифференциации. Городской объект с помощью вывески должен выгодно отличаться от своих конкурентов. В связи с этим, для усиления «престижности» магазина, предприятия в текстах вывесок используются слова, которые подчеркивают профессионализм персонала, оказывающего услуги, и качество предлагаемого товара. Например, «*Супер Авто Услуги*», «*Супер прокачка вашей тачки*», «*Автомобильный профи*», «*Новые технологии*», «*Авто Лидер*». Нередко используется иноязычная лексика: «*Questa parts*» («хорошие запчасти»), «*Lucky Car*» («счастливая машина») и др. Возможно использование иноязычных слов в русской транслитерации: «*Авто Гуд*».

Использование компонентов *ваши*, *наши* в рекламных номинациях также способствует сближению продавца и покупателя («*Всё для вашей машины*», «*Ваши запчасти*», «*Наша шина*» и т. п.). Это одно из проявлений общей тенденции в городской коммуникации, а именно установка на адресата.

Частотной оказывается и модель «Существительное + Существительное» (как правило, представляющая собой «генитивную конструкцию» [3, с. 513]): «*Точка опоры*», «*Мастерская проходимца*», «*Мастер авторемонта*» и т. д.

В данной группе текстов также проявляется тенденция, общая для коммуникации всех российских городов. Это использование в названиях постоянных элементов *дом*, *галерея*, *империя*, *мир*, *центр*, отражающих, по словам М.В. Китайгородской, «укрупнение объектов в сознании людей» [2, с. 135]. Например: «*Моторный дом*»; «*Галерея автозапчастей*», «*Галерея шин*»; «*Империя шин*», «*Империя автомасел*»; «*Мир аккумуляторов*», «*Автомир*», «*Мир автозапчастей*»; «*Центр авторемонта*», «*Центр шин*» и т.п. Эту тенденцию подтверждают такие тексты вывесок, как «*Гиперавто*», «*Гигантишина*», «*АвтоGigant*».

В текстах вывесок автомагазинов можно наблюдать тенденцию использования следующих элементов: *-терра*, *-лэнд*, *-территория* («*Автолэнд*», «*Тоёталэнд*», «*Шиналэнд*», «*Ав-*

тотерритория», «Мототерритория», «Carterra», «Автотерра»), студия/салон («Автостудия», «Автосалон», «Мотостудия», «Мотосалон», «Салон автозвука», «Студия автотюнинга»), city/citi («Автосити», «City Motors»), -off («Tuningoff», «Авто Звукоff»).

Малоупотребительной, по нашим наблюдениям, является модель «Числительное + Существительное». Такая модель может использоваться, например, и для создания гиперболы: *ишинный центр «1000 размеров», магазин «1000 автозапчастей»*.

В своем исследовании мы обратили внимание и на некоторые семантические особенности текстов, репрезентирующие региональную (дальневосточную) специфику в текстах вывесок автомагазинов Владивостока. Тексты вывесок имеют различную степень мотивированности. Большая часть текстов на вывесках содержит так или иначе мотивированные названия. Приведем примеры названий, мотивированных пространственными признаками объекта: *«На Тещином языке», «На Зеленке»*. Такие названия построены на основе неофициальных топонимов.

Нередко наименования автомагазинов г. Владивостока мотивируются личным именем, как правило, владельца магазина. Например, *«Антон», «Алеша», «Ден и Компания», «Ёсимура» и др.*

Частотна, по нашим наблюдениям, мотивированность текстов вывесок автомагазинов торговыми марками товаров для автомобиля (*«Mashuma», «Prology», «Seiken», «Mannol», «Sato», «Kabo», «Abra»* и т.д.) и названиями фирм-производителей автомобилей (*«Toyota», «Nissan», «Honda», «Mitsubishi», «Mazda-Suzuki», «Hyundai», «Mercedes», «Renault»*). Возможно написание наименований иностранных фирм в русской транслитерации: *Краун, Джип, Веросса, Сафари, Мицубиси и т.д.*

Наиболее многочисленной является группа вывесок, построенных на основе образных ассоциаций: *«Миля», «Драйв», «Старт»*.

В некоторых случаях тексты вывесок автомагазинов мотивированы названиями деталей и частей машины (*«Движок», «Мотор», «Кардан», «Багажник» и др.*) или техническими особенностями автомобиля (*«Передний привод», «4x4», «Full Time»*).

Яркой особенностью языкового облика Владивостока является широкое распространение автомобильного сленга, что объясняется особым статусом Приморья, известного широким рынком сбыта подержанных автомобилей японского производства. Специфической чертой владивостокских вывесок является то, что в текстах названий предприятий, занимающихся автобизнесом, широко распространены разговорные неофициальные названия автомобилей. Например, *«Джипус» (Jeep), «Крузак» (Land Cruiser), «Чайник» (Toyota Chaser), «Кубик» (Nissan Cube), «Вагонерки» (Wagon R, но так называют не только эту модель, но ей подобные по внешнему виду), «Прадик» (Land Cruiser Prado) и многие другие*. Выбор марки автомобиля для вывески определяется ассортиментом товаров для данной машины.

Самый крупный автомобильный рынок во Владивостоке называется *«Зелёный угол»*, неофициальный, разговорный вариант этого названия – *«Зелёнка»*, производное слово – *зелёщик* (продавец автомобилей на рынке «Зелёный угол»). Как следствие, появились следующие тексты вывесок: автомагазины *«У зеленичника», «АвтоВыгода (ниже) Самый честный зеленичник», «Зеленка.NET»*.

В коммуникативном пространстве Владивостока представлено значительное количество вывесок, отражающих поставки японских автомобилей непосредственно из Японии,

например: «*AutoVlad* (ниже) *Флажковые авто: Качество Гарантия*», «*Japan Star* (ниже) *Авто со стоянок Японии (не паковские)*». Прокомментируем данные тексты: *Флажковые авто* – это автомобили, привезенные с так называемых «флажковых стоянок» в Японии, на которых продают автомобили непосредственно сами японцы, следовательно, есть гарантия честной сделки (информация о машине самая достоверная). *Паковскими* называют автомобили, которые продают в Японии пакистанцы; их качество вызывает сомнение, так как машины, как правило, восстановлены после аварий.

Частотно в текстах названий автомагазинов и автомастерских использование прозвищных именований автозапчастей и различных процессов. Приведем примеры: «*Авторазборка Good Parts* (ниже) *Богатый выбор запчастей: губа, уши на Бочку, поросенок и многое другое*» (губа ‘спойлер, расположенный ниже бампера’, поросенок ‘привод масляного насоса’, уши ‘боковые зеркала’, Бочка – Toyota Corona); «*Tuningoff* (ниже) *Прокачаем ваш Харек*» (прокачать – ‘улучшить автомобиль, добавить дополнительные опции’, Харёк – Toyota Harrier).

Своеобразное отражение региональной специфики находим в использовании некоторых жаргонных элементов на вывеске. Так, например, название автомобильного рынка «*Автобарыга*» мотивировано тем, что традиционно «барыгой» во Владивостоке называют продавцов автозапчастей и подержанных автомобилей из Японии (ср.: барыга (презрит. жарг.) «скупщик краденого, перекупщик, спекулянт» [4, с. 39]). Среди участников данной коммуникативной сферы (продавцов подержанных автомобилей) это слово не имеет негативной окраски, оно является нейтральной номинацией. Заметим, что названный рынок – один из многих подобных объектов (автомобильных рынков и магазинов, автомастерских и т. п.), находящихся в одном месте (в отдаленном специализированном районе Владивостока).

Значительное количество вывесок предприятий автобизнеса содержат компоненты *даль-* и *влад-*, например: «*Дальневосточный автоцентр*», «*Дальшина*», «*Даль-авто-сервис*», «*ДальCAR*», «*Влад-запчасть*», «*Владшина*», «*Владмашина*», «*Владтехсервис*» и др. Частотно использование лексемы «*восток*» и ее производных: «*Восточный полюс*», «*Восточная республика*», «*Востокзапчасть*» и др. Географическим положением Владивостока мотивированы следующие тексты: автосалоны «*Пасифик Авто Трейдинг*», «*Океан Авто*», «*Азия*»; автошкола «*Улисс*» (Улисс – бухта во Владивостоке). Возможно использование иноязычной лексики «*VladStart*», «*Far East Garage*».

Большинство предприятий автобизнеса Владивостока специализируется на автомобилях и запчастях Японского производства, что обусловлено географическим положением города. В связи с этим в текстах вывесок зафиксированы особенности именно японской культуры, например: автосалоны «*Амаяма Трейдинг*», «*Хоккайдо*», «*Магучи*», «*Маленькая Япония*», «*Самурай*», «*Osaka*», «*Харуяма*», «*Kayaba*», «*Коуо*», «*Сакура*», «*Акура*», «*Токио*» и др. Использование подобной лексики в текстах вывесок, с одной стороны, указывает на «происхождение» товара или услуги (автоаукционы «*Japantrek*», «*Japanpart*»), с другой стороны, выполняет рекламную функцию «расхваливания» объекта, поскольку Япония – гарант высокого качества.

Взаимодействие русской и японской культур отражается в ряде названий многочисленных во Владивостоке автомагазинов, например: «*Японец-самурай*», «*Акира и Иван*» (исполь-

зованы наиболее популярные в Японии и России имена), «Русский Хирото» (японец, владелец магазина, долгое время живет в России), «Нагасаки – Владивосток» (Нагасаки – крупный портовый город в Японии, откуда поставляются автомобили во Владивосток), «Кимура – Владивосток» (Кимура – японское имя; подобное сочетание отражает торговые партнерские связи Владивостока и Японии), «Vlad-Nippon». Следует сказать об использовании на владивостокских вывесках слова «япошка». В нашем материале оно зафиксировано исключительно в названиях автомагазинов («Япошка Ваня» (владелец магазина, японец, назвал себя русским именем); «Япошка»), причем не является уничижительным, а содержит положительную коннотацию – «выражает симпатию», как заметил в беседе имядатель-японец. Иногда взаимопроникновение русской и японской культур отражается в креолизации текста. Так, шрифт на вывеске автомагазина «Авто у Хироки» стилизован под традиционно-русскую хохломскую роспись (показательно и использование модели «У + N2», свойственной русским вывескам).

Таким образом, тексты вывесок автомагазинов г. Владивостока, с одной стороны, отражают общие для городской коммуникации тенденции, а с другой – содержат информацию о региональной специфике города: в частности, использование лексем дальневосточной и восточно-азиатской тематики, преимущественно японской, что объясняется географическим соседством со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 221 – 237.
2. Китайгородская М.В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 127 – 150.
3. Подберезкина Л.З. Современная городская среда и языковая политика // Русский язык сегодня. Вып.2. М., 2003. С. 511–529.
4. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 708 с.

УДК 801:316

Е.А. Оглезнева

«НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ГОВОРЯТ ПРАВИЛЬНО»: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В статье анализируются причины существования в обыденном сознании дальневосточников мифа о том, что на Дальнем Востоке правильное, соответствующее норме произношение, в отличие от других регионов России, и доказывается его лингвистическая обоснованность.

Ключевые слова: русский язык, Дальний Восток, региональный вариант русского языка, диалект, произносительная норма.

The article analyzes the reasons for myths existing in the everyday consciousness of Far Easterners that their pronunciation is correct and conforms to the norm unlike the other regions of Russia. The article proves its linguistic validity.

Key words: Russian language, the Far East, regional variant of a national language, a dialect, a pronunciation norm.

Одним из региональных вариантов русского национального языка является его дальневосточный региолект. Под региолектом нами понимается, вслед за В.И. Трубинским, территориально-системное образование, которое не повторяет классического диалектного членения русского языка [1, с. 157] и представляет собой, по А.С. Гердту, особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, но развились свои новые особенности [2, с. 48]. «Это особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой устно-речевого общения больших групп русских как на селе, так и в городах и поселках городского типа», – указывает исследователь [Там же].

Существование региолекта как языкового варианта имеет историческую обусловленность и историческое развитие. Своеобразие дальневосточного региолекта русского национального языка связано как с историей его формирования, так и с фактом многообразного языкового контактирования на дальневосточной территории, а также со своеобразной реализацией потенциала языковой системы.

Наше внимание привлёк аспект произносительной нормы и ее региональное воплощение. На первый взгляд, постановка вопроса может показаться неправомерной и даже абсурдной, поскольку норма в представлении многих – некий абсолютизм, некая утверждённая и неоспоримая в определённый период времени реальность. Представление о том, что норма не может быть вариативной, вызывает споры даже в лингвистической среде.

С одной стороны, русский литературный язык един на всей своей территории, и одним из факторов, обеспечивающих его единство, является литературная норма. С другой стороны, русский литературный язык обнаруживает определённое своеобразие в разных регионах своего распространения. Это своеобразие в последнее время активно исследуется и аккумулируется в современных лингвистических понятиях «региолект», «региональный вариант языка», «регионализм». Это своеобразие отмечается даже рядовыми носителями языка и выражается репликами, которые регистрируют показания их языкового сознания по поводу «другой» речи: «говорят как-то не так», «говорят по-московски», «нараспев» и т.п. Таким образом, региональные языковые отличия в русском языке относятся к осознаваемым, очевидным.

В отдалённых от столичных центров регионах России – на Дальнем Востоке, например, в Приамурье, – существует мнение о том, что на этой территории речь «самая правильная». Имеется в виду произношение, которое, как считают дальневосточники, тождественно литературному и не обладает какой-либо выраженной спецификой, представляющей собой отступление от стандарта. Почему существует такое мнение? Как оно возникло? Что послужило основой для него? Насколько оно обоснованно?

Таким образом, мы говорим как раз о **соответствии стандарту**, об отсутствии региональной окрашенности произношения у носителей русского языка, проживающих на Дальнем Востоке, выявляемой в сравнении с очевидной региональной окрашенностью произношения носителей русского языка, проживающих на других территориях.

Как нам представляется, высказанное мнение, отражающее наивное языковое сознание, не беспочвенно. Оно обретает свое обоснование, если проанализировать языковую ситуацию в регионах позднего русского заселения в динамике и ее современном относительно статич-

ном состоянии и сравнить ее с языковой ситуацией в регионах исконного (в известных хронологических пределах) русского заселения.

На протяжении многих веков преимущественно крестьянское русское население России говорило на диалекте. На базе одного из русских диалектов сложилась литературная форма русского национального языка. Диалектом на протяжении всего XX в. пользовалось сельское (во все времена – немалое!) население России. Диалектные черты проникали в речь местной интеллигенции и других носителей литературной формы русского языка в регионе и определяли региональную специфику русской литературной речи на той или иной территории. Напомним, что изучение региолектов началось именно с обнаружения регионально специфических черт в русском языке, функционирующем на определенной территории, и объяснения их наличия влиянием того или иного диалектного окружения [1; 2].

История России характеризуется масштабным освоением и заселением новых земель на востоке. Первопоселенцами на дальневосточных территориях были крестьяне и казаки, также преимущественно из крестьян, являющиеся носителями диалектной формы русского языка. Именно исторический путь России с его переселенческим движением на восток обусловили существование там особой диалектной среды, которая впоследствии повлияла на русскую речь в регионах позднего заселения.

В связи с историческим фактором в современности существует два типа говоров русского языка: говоры материнские – говоры первичные, и говоры территорий позднего заселения – вторичные говоры. Вторичные говоры функционируют на неисконных русских территориях, освоенных русскими в поздний период, начиная с XVII в. К ним и относятся Прииртышье, территории Сибири, Дальнего Востока и некот. др.

Наши наблюдения показывают удивительный на первый взгляд факт. Лучше сохраняются с течением времени, оказывая немалое влияние на речь носителей литературной формы русского языка в регионе, материнские говоры, несмотря на то, что в настоящий период они распространены на территории достаточно густонаселенной европейской части России, характеризующейся наличием множества городов, а урбанистический фактор должен был бы усилить нивелирующую тенденцию в русских говорах, постепенно привести к полному стиранию диалектной специфики в русской речи региона под влиянием более престижной формы русского национального языка – литературного языка, имеющего самый высокий социальный и культурный статус.

Приведем примеры.

1. Собственные языковые наблюдения автора показывают, что яркую, сочную диалектную речь в настоящее время гораздо чаще можно услышать в столице – в Москве, от приехавших поторговать в город крестьянок, чем в сибирских и дальневосточных городах и их сельских окрестностях: там она просто не сохранилась при тотальном преобладании среди носителей говоров в этих регионах типа С – смешанного, который нельзя отнести к выразительному диалектному типу.

2. Существуют научные исследования, показывающие динамику речи одного носителя материнского (северного) говора с детских и юношеских лет до молодого возраста, которые свидетельствуют о следующем: молодой человек, несмотря на последовательную естественную социализацию, достаточно длительную коммуникацию в иной социальной и языковой среде (учеба в городе – в техникуме; служба в армии в другом регионе России) остался носи-

телем диалекта – носителем своего материнского говора, вопреки внешним факторам, которые должны были бы способствовать нивелировке его диалектной речи под влиянием литературной и других форм существования языка (молодежного, профессионального, армейского жаргонов, например) [3, с. 89-91].

Наши многолетние наблюдения за речью молодых жителей дальневосточных, а именно приамурских сел, показывают, что среди молодых, в возрасте до 30 лет, селян нет тех, кого можно отнести к диалектному типу речи: они представляют либо литературный (тип Л), либо смешанный (тип С) типы речи. Усвоив в детстве диалектную форму, молодые люди отходят от нее, осваивая литературный вариант языка и жаргоны в процессе общего и профессионального образования и разнообразной общественной коммуникации. В дальнейшем в своей речевой практике они пользуются активно именно этими формами языка, а знание диалекта является пассивным («знаю, понимаю, но не употребляю»). Казалось бы, периферийное расположение, отдаленность от центра должны были бы в лучшей степени сохранять диалектное разнообразие и своеобразие. Однако этого не происходит. Факторы, способные усиливать обозначенные процессы, а именно фактор глобализации, фактор общего информационного пространства, имеющего единое для всех территорий России языковое наполнение, не учитываем, т.к. они в эпоху доступного Интернета оказывают одинаковое влияние и на центральные, и на периферийные регионы, а именно на функционирование языка в них.

Причина лучшей сохранности первичных, материнских говоров видится в следующем.

Во-первых, они изначально обладали свойством самодостаточности, являясь если не единственной, то доминантной языковой системой в арсенале подавляющего большинства крестьянского населения России до Октябрьской революции⁴. Представляется, что и после 1917 г. первичные, материнские говоры на Европейской территории России четко идентифицировались и до сих пор идентифицируются как самостоятельные значимые языковые системы, имеющие для ее носителей существенный вес среди других форм существования национального языка, что обеспечивается цельностью их языковой системы, наличием разновозрастного состава носителей и относительной многофункциональностью внутри сельского социума.

Во-вторых, естественное междиалектное взаимодействие в первичных материнских говорах происходило и происходит главным образом между диалектными системами одного наречия и одной группы говоров, когда языковое заимствование любого качества – фонетического, грамматического, лексического – можно рассматривать не как заимствование, а как расширение свойств собственной диалектной системы. Вариативные и синонимические ряды, возникающие в результате такого варьирования, включают, как правило, элементы ближайших – соседних – диалектных систем либо элементы субстратного характера. Между говорами северного и южного наречий «пролегала» и «пролегает» широкая полоса среднерус-

⁴ После 1917 г. намеченный правительством курс на индустриализацию страны ускорил изменение социального облика населения России, и население вскоре оказалось четко дифференцировано как по своим занятиям – крестьяне, рабочие, служащие, так и по владению языковыми вариантами – диалектом, или диалектом и просторечием, или диалектом, просторечием и жаргоном, или литературным языком и диалектом, или литературным языком и жаргоном (возможно и другое соотношение). Диалект в речи конкретного носителя языка может занимать равновесное положение и статус и использоваться наряду с литературным языком или наряду с другим языковым вариантом (вариантами). Однако нужно признать, что с течением времени остается все меньше носителей русского языка, в зону языковой компетенции которых входит диалект.

ских говоров, представляющая собой совокупность постепенных переливов диалектных черт, демонстрирующих их эволюцию, видоизменение в русле общезыковых тенденций (см., например, последовательный переход от оканья к аканью через оканье с диссимилятивным аканьем и через аканье с диссимилятивным оканьем). Зоны непосредственного взаимодействия говоров севернорусского и южнорусского наречия существовали и существуют лишь на уровне частных индивидуальных диалектных систем, обычно как результат переплетения человеческих судеб в рамках отдельных семей с их внутрисемейной коммуникации. Однако это явление на территории распространения первичных материнских говоров не носило системного характера, было спонтанным и в значительной мере случайным. В такой ситуации представитель «языкового меньшинства» – конкретная диалектная личность, либо примет чужую диалектную систему для коммуникации в ситуациях неофициального общения, оставив собственную в пассиве, либо (что наиболее вероятно) будет пользоваться разговорным вариантом литературного языка – самым распространенным в настоящее время вариантом русского национального языка, используемым практически всем населением России.

Какова же динамика развития диалектных систем на территориях позднего крестьянского заселения, а именно на Дальнем Востоке, в Приамурье?

На первых этапах освоения русскими новых земель могло сохраняться единство той или иной диалектной системы на определенной территории, если заселение происходило носителями одного диалекта, либо одной группы говоров, в крайнем случае – носителями одного наречия. Так, первопоселенцами на Амуре в середине XIX в. стали забайкальские казаки. Диалектную основу их речи исследователи определяют как севернорусскую на основе анализа разных языковых уровней этой диалектной системы [4, с. 6]. Затем это диалектное единообразие в Приамурье было нарушено. Прибывали для освоения дальневосточных земель и охраны государственной границы с Китаем новые казачьи подразделения, и они были не только из Забайкалья, но и с юга России, например, из Донского казачьего войска и др. [5, с. 76].

Известно также, что языковой облик Дальнего Востока и Приамурья в частности формировался не только на основе русских говоров казаков и, более того, не только русскими говорами.

Заселение Дальнего Востока с целью его освоения осуществлялось крестьянами из разных регионов России, а также Украины и Белоруссии. Переселение носило волнообразный характер, начиная с конца XIX в. и на протяжении всего XX в., за исключением, пожалуй, последнего постсоветского десятилетия, когда четко обнаружилась другая тенденция – тенденция обратного переселения славян на запад.

В языковую компетенцию крестьян-переселенцев, составлявших подавляющее большинство дальневосточных новоселов в конце XIX и в начале XX в., входила единственная языковая форма – диалект. Многие новые села основывались переселенцами из какой-либо одной местности на западе (напр., села Светиловка, Великокнязевка Белогорского р-на – переселенцами из Украины) [6, с. 172-173]. Возможно, какое-то время там сохранялся однородный новосельческий состав. Однако современный анализ состава населения амурских сел по происхождению предков показывает, что в одном селе проживают потомки переселенцев

из разных мест, как, например, в селе Максимовка Октябрьского района, где много потомков переселенцев из Украины и из Тамбовской губернии, в селе Светиловка Белогорского района, где проживают потомки переселенцев из Украины и Рязанской области. [7, с. 116-123]. И так во многих, если не во всех современных селах.

Такое положение дел привело к чрезвычайной пестроте местного диалектного ландшафта. На это уже указывает известное высказывание А.П. Георгиевского, относящееся к 1928 г.: «Трудно отыскать такой район, в котором на значительном протяжении в большом числе населенных пунктов можно было бы встретить тип одного цельного говора. Везде комбинированные, смешанные говоры, и если можно говорить о каком-либо господствующем, то только как господствующем сравнительно». Причем волнообразный характер переселения на протяжении всего XX в. из разных мест Европейской части России, Украины и Белоруссии, с одной стороны, усиливал пестроту диалектного ландшафта, а с другой стороны – способствовал сохранению говоров, замедлял темпы их нивелировки. Так, переселение крестьян из Украины в 70-е гг. XX в. в с. Покровка Октябрьского района Амурской области, основанное переселенцами из Украины в начале XX в., способствовало поддержанию украинской диалектной среды в этом селе и сохранению украинского диалекта его носителей – украинцев [8].

Что являлось результатом такого разнообразного междиалектного взаимодействия?

Во-первых, в диалектных системах, функционирующих в Приамурье, мы наблюдаем большие синонимические и вариативные ряды, включающие элементы не только близкородственных диалектов, но и разных наречий русского языка, а также элементы диалектных систем украинского и белорусского языков. Например, *люлька – колыска – зыбка* и др.; *кукушка – кокушка – зозуля – зузуля* и др.; *окотиться – обьягниться, сковородник – чапля – чепельник – цапля* и др.; *дом – изба – хата – мазанка* и др.

Во-вторых, те говоры, которые функционируют в настоящее время на территории Приамурья, являются русскими, хотя можно говорить и о сохранении украинских говоров в речи старшего поколения потомков украинских переселенцев, но и они испытали сильное влияние русских говоров и не имеют массового распространения. Белорусские говоры не сохранились. Явление преобразования разных говоров родственных языков в направлении их сближения с русскими диалектами можно рассматривать как проявление унификации языковых систем для налаживания коммуникации между носителями разных диалектных систем, для ее облегчения.

В-третьих, разные диалектные системы русского языка – и севернорусского, и южно-русского происхождения, оказавшиеся в тесном взаимодействии, также были подвержены унификации. Эта унификация осуществлялась и продолжает осуществляться в направлении сближения разных диалектных систем с литературным языком. Это тот путь, который должен привести к оптимальной, «быстрой» коммуникации.

Полевые наблюдения показывают, что различные по происхождению диалектные системы еще сохраняются в Приамурье. Встречаются уникальные, очень яркие языковые личности, по диалектной речи которых можно даже идентифицировать территорию материнского говора (напр., Л.Г. Позднякова из села Красный Луч Архаринского района, П.П. Ратушкина из села Новоивановка Свободненского района и некот. др.) [9, с. 38; 10], не располагая ис-

торической информацией. Но эти системы сохраняются не в пределах того или иного села, а в речи конкретных языковых личностей, родившихся на Европейской территории России и переселившихся в Приамурье детьми, или детей переселенцев, родившиеся уже в Амурской области. Кроме того, яркие представители разных диалектных систем могут проживать в одном селе, и каждый из них как бы существует в собственном языковом пространстве, демонстрируя свою самодостаточность. Но это не частые случаи в нашей многолетней экспедиционной практике.

Если же в целом характеризовать речь современных амурских селян, то она весьма разнородна. Можно выявить совершенно определенную обусловленность между владением диалектной системой и социальными характеристиками языковой личности: на диалекте говорит только старшее поколение, примерно до 1940-х гг. рождения, и чаще всего это все тот же тип С – смешанный, поскольку активное взаимодействие с литературным языком на протяжении всей жизни приводит к постоянному обновлению речи литературной лексикой, литературными вариантами слов, к вытеснению и замене элементов родной диалектной системы на литературные эквиваленты.

Все эти размышления не являются отступлением в решении вопроса о том, почему у дальневосточников «речь самая правильная».

Добавим к предыдущему рассуждению также то, что во второй половине XX в. в регионе наблюдалась внутренняя миграция, что также приводило к «смешиванию» разных диалектных систем внутри одного региона. В этих условиях ни одна из них не может полноценно развиваться и постепенно «сходит на нет», заменяясь на другие языковые варианты в речи конкретных языковых личностей, в зависимости от их жизненного опыта и уровня притязаний: литературный язык, просторечие, жаргон...

Безусловно, языковой облик региона определяли не только его говоры, хотя, как и на других территориях России, на Дальнем Востоке современная региональная окрашенность русского национального языка связана в первую очередь с ними. В качестве примеров, подтверждающих влияние местных говоров на речь в регионе в целом, можно назвать следующее. Так, твердое произношение названия реки *Зея* [зэ], полагаем, является результатом украинского диалектного влияния, поскольку и в украинском литературном языке, и в его говорах возможно произношение твердого согласного перед гласными переднего ряда. Или другой пример: до недавнего времени в городской речи было довольно распространенным произношение глухого фрикативного звука на месте звонкого взрывного [г], что являлось следствием влияния южнорусской диалектной системы, для которой такое произношение указанного согласного является фонетической нормой, и такое же произношение поддерживалось фонетическим стандартом бытовавших в регионе украинских говоров. И переселенцы из южной части России – территории распространения южнорусских говоров, и украинские крестьяне, как мы указывали, являлись носителями своих исконных диалектов и проживали на территории Приамурья, а свойственные их диалектной речи фонетические нормы получали широкое распространение и выступали уже как специфические черты русской речи в регионе.

Языковой облик Дальневосточного региона и Приамурья в частности в XX в. характеризуется не только «пестротой диалектного ландшафта», но и пестротой речи городского населения.

Основанный в 1856 г. Благовещенск быстро сформировался как город со своей городской инфраструктурой, образовательными и культурными учреждениями, средствами массовой информации. Литературный язык обслуживал все официальные сферы общения. Возникло и городское просторечие как неизменный атрибут городской языковой коммуникации, профессиональные и другие социальные жаргоны.

Начиная с самого образования города, привлекались специалисты из Европейской части России, из Сибири и Забайкалья. Эта же самая тенденция наблюдалась и в советское время. Все это привело к многообразию и городских языковых типов в Благовещенске и на территории всей Амурской области.

Во второй половине XX в. языковая пестрота речи усиливалась речью людей, съезжавшихся из разных уголков Советского Союза на всесоюзные дальневосточные стройки: строили Байкало-Амурскую магистраль, Зейскую и Бурейскую ГЭС и др.

Определенную роль в расширении спектра языковых типов сыграла и существовавшая в советское время система государственного распределения специалистов высших и средних специальных учебных заведений на работу, и молодые специалисты приезжали в регион с уже сложившимися диалектными и/или региональными особенностями в своей русской речи⁵.

Что могло стать ориентиром в этом «вавилонском столпотворении» на амурской земле? Какой произносительный (а также грамматический и лексический) вариант должен был определиться как правильный даже не по мнению, а по наитию носителей русского языка в Дальневосточном многодиалектном и многоязычном регионе?

Ориентиром стала произносительная норма русского литературного языка. По ней делалась сверка по критерию «правильно/неправильно», и среди многообразных вариантов, реально существующих в ситуации многоязычного и многодиалектного социума, как основной, «правильный», оптимальный и наилучший для коммуникации оказался вариант, совпадающий с литературным. Это естественный и коммуникативно оправданный путь в сложившейся языковой ситуации на территории позднего русского заселения.

Конечно, этот путь поддерживался укреплением статуса литературного языка на протяжении всего XX в., расширением сфер его использования и тотальной коммуникации на литературном языке: с помощью кодифицированного ЛЯ – в официальных ситуациях; на разговорном ЛЯ – в неофициальных ситуациях, а также в ряде официальных ввиду появления, например, новых жанров публичной массовой коммуникации на разговорном языке. Как особый фактор укрепления статуса русского литературного языка следует отметить ставшее всеобщим в советское время получение образования на русском литературном языке, овладение его письменной формой, которая подкрепляет владение устной орфоэпической нормой литературного языка, развивающейся как раз в направлении сближения с написанием, в сторону так называемого «буквенного произношения».

Таким образом, можно утверждать, что у дальневосточников речь действительно «более правильная», если ее произносительные особенности и особенности употребления грамматических форм совпадают с нормами современного литературного языка. Традиционный

⁵ Так, в 50-е гг. XX в. в школы Михайловского района Амурской области одновременно приехали по государственному распределению 18 учительниц начальных классов из Воронежа, многие из которых так и остались в Приамурье [11].

анализ речи рядового носителя литературного языка в Дальневосточном регионе покажет отсутствие каких-либо специфических проявлений в области вокализма, консонантизма, аналогичных старомосковским или петербургским, например. Полагаем, что данная аналогия уместна, т.к. «старомосковское произношение», равно как и «петербургское произношение», есть не что иное, как условные названия региональных вариантов русского национального языка, на базе которых сложилась единая современная произносительная норма русского литературного языка.

Здесь хотелось бы сделать замечание, касающееся, в частности, современной речи москвичей. Старомосковского произношения как будто не существует в широкой речевой практике. Оно хорошо сохранилось, пожалуй, лишь в речи москвичей старшего возраста (его проявления как старшая (и допустимая!) норма фиксируются в Большом орфоэпическом словаре русского языка, созданном очень уважаемым коллективом авторов) [13]. Но бесспорно существует современный московский региолект русского национального языка, опознаваемый сразу же по особому произношению непередних гласных и интонированию речи, что позволяет безошибочно определить москвича.

Все вышесказанное позволяет заключить, что выбор одной из близкородственных языковых систем для массовой коммуникации происходит по принципу коммуникативной целесообразности: избирается та, которая поддерживается большинством сфер официального и неофициального общения в социуме и имеет различные формы своего воплощения – не только устную, но и письменную, даже если избранная языковая система не является родной для некоторой части принимающих ее носителей языка. По крайней мере, это демонстрирует языковая ситуация на Дальнем Востоке, а именно – в Приамурье, имевшая более чем вековое развитие.

По похожему сценарию развивалась языковая ситуация в русском восточном зарубежье – в Харбине первой половины XX в. Русский Харбин также отличался пестротой своего населения, включавшего представителей разных социальных групп из разных регионов России. Там был поддержан произносительный вариант, близкий к буквенному, поскольку лишь такой вариант мог объединить всех говорящих на русском языке, приехавших в Харбин и имевших в своей речи региональные и социальные особенности [12, с. 304]. Полагаем, что возможны и другие сценарии. Однако наши наблюдения за разным языковым материалом, приведшие к аналогичным выводам, позволяют их типологизировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С.156-162.
2. Гердт А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2001. С. 45-50.
3. Коробейникова Т.Н. Эволюция индивидуальной фонетической системы // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 27-28 октября 2012 г. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. С. 89-91.
4. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н.П.Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007 (СРГП). 544 с.
5. Абеленцев В.Н. Амурское казачество. XIX-XX вв.: Сборник статей и публикаций. Изд. 2-е, доп. и испр. Благовещенск: амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2005. 304 с.
6. Оглезнева Е.А. Русские говоры Приамурья: опыт лингвогеографического изучения // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 5. Благовещенск:

АмГУ, 2007. С. 170-182.

7. Оглезнева Е.А. Результаты обследования сел Николо-Александровка, Покровка, Максимовка Октябрьского района Амурской области в 2010-11 гг. по вопросам «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка» (таблица и комментарии) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе. Благовещенск: АмГУ, 2011. С.116-123.

8. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ. Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции 2010.

9. Архипова Н.Г. Речевой портрет Амурского старожила // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. Благовещенск: АмГУ, 2015. С. 38-40.

10. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ. Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции 2009 г.

11. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ. Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции 2013 г.

12. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск. Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.

13. Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

УДК 81'373.2

Г.М. Старыгина

ЭРГОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСКА

В статье в динамическом аспекте исследуются способы номинации эргонимических объектов, степень их информативности. Подробно анализируется явление трансонимизации.

Ключевые слова: эргонимы, способы номинации, степень информативности эргонима, трансонимизация.

The ways of nomination of Blagoveshchensk ergonymic objects are researched in the article in the dynamic aspect. The phenomenon of transnomination is amply analyzed.

Key words: *ergonyms, ways of nomination, information value degree of ergonym, transnomination.*

Настоящая статья посвящена изучению названий городских объектов: предприятий, организаций, фирм, компаний и других учреждений разного функционального профиля. Этот пласт имен собственных в отечественной ономастике называют эргонимами (от англ. *ergon* 'работа').

Наименования объектов инфраструктуры города в совокупности образуют «ономастическое пространство», которое формирует языковую картину мира современного горожанина. В последнее десятилетие предметом многих эргонимических исследований становится выявление семантических, функциональных особенностей эргонимов одного города, одного региона.

Источниками изучения эргонимов г. Благовещенска явились тексты рекламных объявлений газеты «Амурский коммерческий посредник» (1910-1911 гг.), публикации газеты

«Амурская правда» (50-80 гг. XX в.) и материалы промышленно-коммерческого справочника «Деловой Благовещенск» (2010 г.). Группа эргонимов в количестве 300 лексических единиц, выявленная из названных источников, была проанализирована нами в динамическом аспекте с точки зрения характерных способов номинации.

Изучение архивных газетных материалов показало то, что основным способом номинации эргонимов в конце XIX – начале XX вв. стал отантропонимический. В качестве названий выступали фамилии владельцев предприятий, купцов, торговцев. В структурном отношении такие эргонимы могли включать инициалы и сокращенные написания слов *семья, братья, компания*, например: «Магазинъ Кунстъ и Альберс», «Магазинъ Архимовичъ», «Торговый дом И.Я. Чуриный и Ко», «Магазинъ С.С. Шадрина», товарищество «Бр. Скоблины», «Магазинъ П.М. Гурикова», «Торговый дом Лукинъ В.М. съ С-ми» и др. Небольшая часть эргонимов передавала информацию о продаваемом товаре или прямо указывала на функциональное назначение предприятия: «Винно-бакалейная и мясная торговля Л. Тейманъ», «Центральный мебельный магазинъ Д.С. Крылова», «Чугунные трафареты П.К. Глуховъ», «Коньякъ товарищества Н.Л. Шустовъ съ С-ми», «Первая Амурская электрическая фабрика экипажей Г.Б. Срулевича», объединение судовладельцев «Амурское общество пароходства и торговли», «Благовещенское коммерческое товарищество», «Первая каменная баня А. Иванова», «Чугунно-литейный завод Шадрина-Афанасьева и Чанурина» и др.

Зарубежные промышленники и коммерсанты стремились вкладывать свои капиталы в развитие Амурского края. Отсюда многочисленны эргонимы с иностранными фамилиями: «Торговый дом Метцель и Ко», «Табачная фабрика Миллера», «Магазинъ шляпъ, шапокъ, фуражекъ и офицерскихъ вещей К.Л. Брудно», «Печенье. Конфеты. Жорж Бормен» и др. Пребывание в Благовещенске китайских и японских торговцев отразилось в наименованиях «Столярная мастерская И-Шунъ-Чень», «Японская мастерская Т. Танаи», «Японская парикмахерская М. Умеда».

Газетные материалы советского времени демонстрируют другой пласт эргонимов, где преобладают в основном типовые и однообразные наименования по функциональному признаку, индивидуализированные эргонимы практически отсутствуют. В Благовещенске отмечаются магазины с названиями: «Продукты», «Хлеб», «Обувь», «Рыба», «Кулинария». Причём в качестве названий большинства учреждений города используется порядковая нумерация: «Магазин № 16», «Баня 25», «Гастроном № 1», «Столовая № 10», «Аптека № 6» и т.п. Среди эргонимов выделяются лишь немногочисленные наименования предприятий, которые информирует о профильном назначении или месте нахождения организации: «Благовещенский электроаппаратный завод», «Благовещенская хлопкопрядильная фабрика», городское предприятие «Амурэлектроприбор», Благовещенский ремонтно-механический завод «Спецэлеватормельмаш» и др.

Материалы газеты «Амурская правда» 50-70-х гг. XX в. свидетельствуют также об активном функционировании в этот период идеологически окрашенных эргонимов: «Судостроительный завод имени Октябрьской революции», завод «Амурский металлист имени Ленина», кинотеатры «40 лет ВЛКСМ», «Октябрь», «Победа», магазины «Космос», «Восток», «Спутник» и др. В подобных наименованиях запечатлелись яркие события эпохи, имена выдающихся деятелей. Способ номинации с географическим обозначением объекта репрезентируется в эргонимах «Зея» (кондитерская фабрика, гостиница, ресторан, издатель-

ство, кинотеатр), «Амур» (гостиница, кинотеатр, ресторан), «Россия», «Благовещенск» (кинокомплекс, магазины).

В конце 80-х гг. XX в. в г. Благовещенске создаются новые объединения-кооперативы, цель которых – закрепиться на рынке товаров и услуг. Владельцы компаний стремятся обозначить собственный бизнес. Вновь появляются индивидуализированные эргонимы, репрезентированные в основном женскими именами: «Ирина», «Элен», «Татьяна», «Анастасия», «Ева», «Светлана», «Людмила», «Виктория» и др. Большая часть подобных лексем является наименованиями парикмахерских, салонов красоты, продуктовых магазинов и т.п. «Мужские» эргонимы встречаются в названиях предприятий, занимавшихся обслуживанием автотранспорта: автомойка «У Михалыча», магазин «Юрий – автозапчасти» и др.

Современному эргонимикону г. Благовещенска в отличие от официальности и регламентированности ономастической номинации в советскую эпоху свойствен общий принцип стихийности. Анализ способов номинации городских эргонимов показал, что около 40% номинаций производится сегодня по одному из существенных признаков объекта. Среди них наиболее распространено прямое обозначение сферы деятельности предприятия или его местонахождения: компания «Дальсвязь», предприятие «Амурнефтепродукт», торговая база «Нагорная 10», магазины «Товары для дома», «Дом книги», «Электротовары», туристическая фирма «Амуртурист», медицинский центр «Диагност» и др.

Большой пласт современных эргонимов представлен номинациями, являющимися результатом трансонимизации – «перехода онима одного разряда в другой» [1]. Выделяются отонимические и отапельлятивные наименования. К отонимическим отнесём такие, как авиакомпания «Якутия», ООО «Россия», благотворительный фонд «София», торговый центр «Вавилон», спорткомплекс «Спартак», салон мужской одежды «Ермак», кинокомплекс «Благовещенск», магазин «Даурия», кафе «Тарас Бульба», гостиницы «Азия», «Зея» и др. Отапельлятивными эргонимами выступают следующие наименования городских объектов: нефтяная компания «Альянс», центр туризма «Эдельвейс», модельное агентство «Жираф», юридическая компания «Аксиома», центр поддержки предпринимателей «Прогноз», стадион «Юность» и др.

Морфолого-синтаксическая трансформация свойственна эргонимам, обозначающим какой-либо качественный признак: гостиница «Юбилейная», магазины «Любимый», «Хороший», городские рынки «Центральный», «Крестьянский» и др. Подобных субстантивированных именований немного.

30 % эргонимического поля Благовещенска занимают эргонимы-композицы. Сложение как способ номинации характерен, например, для названий: книжных магазинов «Книгомир», «Книголюб», магазинов бытовой техники и строительных материалов «Технолюкс», «Стройматериалы», «Техносила», обслуживающих организаций «Еврокомфорт», «Газсервиз», «Водоканал» и др. Активно функционируют в ономастическом пространстве города многочисленные эргонимы-аббревиатуры: «АМУРНИИ», «АМУРСНАБСБЫТ», «АМУРВТОРМАШ», «ВостокСтройМастер», «Сельхозхимия», «АмурВторЧермет», «АмурЗолотоРазведка», «АмурПтицеПром», «СтойТехРесурс», «Роспотребнадзор», федерация зимнего плавания «АКВАЙС-спорт», «АмурАгроПромПроект», агентство недвижимости «Вип-вариант», стоматологическая клиника «АрхиДЕНТ» и др.

В региональном нейминге можно отметить ещё одну особенность: появляется всё больше эргонимов, образованных путём трансформации в оним свободного сочетания слов сочинительного и подчинительного типов: «Мажордом – главный по хозяйству», «Домашний очаг», магазин промысловых товаров «Охота на рыбалку», кафе «Золотое солнце Китая», «Время чая», парикмахерская «Счастье для волос», свадебный салон «Желаем счастья», обувной магазин «Найди свою пару», магазин «Дочки и сыночки», продуктовые магазины «Райский уголок», «Солнечный рай» и др. Эргонимичные фразы пользуются популярностью у номинаторов, т.к. наиболее полно отражают суть деятельности организации, учреждения, предприятия.

Ещё одна тенденция современного городского эргонимикона – использование в названиях лексем-клише. Слова «мир», «дом», «планета» многозначны и служат именованиями разных объектов. Среди эргонимов Благовещенска лексемы-клише встречаются в названиях следующих фирм и магазинов: «Дом книги», «Дом цветов», «Дом паркета», «Дом и Дача», «Мир аккумуляторов», «Мир кино», «Мир вкуса», «Мир детства», «Мир путешествий», «Мир инструмента», «Планета красок», «Планета потолков», «Планета-Медиа» и др. Во многих эргонимах отмечается региональная географическая составляющая: «Амур-Влад», «Даурия», «Амурские узоры», «Восток», «Зея», «Амурский залив Инвест», «Амурский пассаж» и др. Частотным в названиях города является использование лексемы «Амур». «Амуром» может называться как гостиница, так и оздоровительный лагерь, кафе или энергосберегающая компания. Активно данная лексема входит в состав сложносокращённых наименований: «АМУРКРУИЗАВИА», «Амуртурист» (туристические фирмы), «АМУРПОЛИТ.РУ», «ПортАмур», «АмурИнфо» (информационные агентства), «Амурстройокна» (строительная компания), «Амурфармация» (сеть аптек) и др.

При сравнении современной и более ранней систем благовещенских эргонимичных названий можно увидеть преемственность в стремлении номинаторов индивидуализировать именования. По-прежнему актуальным является использование в роли эргонимов антропонимических единиц. Причём в качестве названий выступают как вымышленные имена, так и имена реальных владельцев фирм и магазинов или их родственников. Например, несколько медицинских центров и специализированных клиник города представлены женскими именами: «Евгения», «Вера», «Надежда», «Аурика». Антропонимы Ангелина, Афина, Вероника, Цезарь, Есения, Земфира, Лиза, Клеопатра, Десниго Екатерина, Анастасия Азарова и др. используются в названиях парикмахерских, магазинов, салонов и студий красоты.

Популярен в современной эргонимии и такой способ номинации, как заимствование. Многие иноязычные лексемы передаются средствами латинской графики: «Fashion», «Sela», «Glamur» (магазины), «Personnelle», «Vip Persona», «CHARIZMA», «Elite» (салоны и студии красоты), «Colorit», «Vip Zona» (салоны женской одежды), «SUNplanet» (студия загара), «Energie», «Free dance» (студии фитнеса и танца), «Mamita» (магазин для будущих мам), («Zig-Zag») рекламное агентство, «Zepter» (компания) и др.

За последние десять лет в городе появились эргонимы, отражающие в своих названиях территориальное соседство Благовещенска с Китаем: магазин и строительная компания «Хуафу», гостиница «Пекин», торговый комплекс «Небесный Хуафу», кафе китайской кухни «Харбин», «Шанхай», «Сунгари» и др.

В процессе эргонимической номинации активно используется языковая игра, отмечаемая в названиях строительного магазина («На, строй!»), хозяйственного магазина («Мыломания», «Хорошок»), кафе («Ем и ем», «Ёшкин кот»), пиццерии («Жар-Пицца»), культурно-развлекательного комплекса («KaK Tus») и др.

По сравнению с советской эпохой стало значительно меньше безликих названий. Современные номинаторы стремятся использовать различные приемы для привлечения внимания потенциальных клиентов: 1) графическое искажение облика слова. Например, в Благовещенске расположены торговые центры с названиями: «ЛЕмон», «ХамелИон»; 2) разговорные элементы: «Хорошок»; 3) удвоенные согласные на конце слов: «Грузовозофф»; 4) буквенно-цифровое написание: «100лица запчастей», «5 комнат», «4 сезона», «1001 и 1 мелочь», «12 месяцев», «38 попугаев», «220 V», «100 Вольт», «7 Пятниц» и др.; 5) использование твердого знака (редуцированного – Ъ) на конце слова: «ВиноделовЪ», «ЧуринЪ», «РомановЪ», «КолбасычЪ»; 6) смешение латинского и кириллического алфавита в рамках одной лексемы: «СТРЕКОЗА», «L-Стиль», «САЛЬBADOP».

Информативность эргонима по-разному воспринимается и оценивается номинаторами и потребителями. Заключение в имени информацию адресат воспринимает в целом более обобщенно, чем представляют себе номинаторы. Например, эргонимы, включающие цифры и буквы, не всегда вызывают представление о соответствующем профиле учреждения. Сложно догадаться, что «Р-ТОНИК» и «Д ЛЮКС» – наименования рекламных агентств, «8 МАРТА» – продуктового магазина, «Мистер Х» – электротехнической компании. При восприятии эргонима и его запоминании для адресата важно создание ассоциативного ряда. Примером удачного нейминга может служить название лечебно-оздоровительного центра «Афродита». В основе наименования – мифологическое имя греческой богини красоты, которое помогает адресату выстроить мотивированные представления о перечне косметических услуг, предлагаемых данным учреждением.

В основе чем более 20 % современных благовещенских номинаций лежат мотивировочные признаки, не отражающие отличительные свойства объекта, например: автосалоны «Винс», «Эллис», компьютерные салоны «Амит», «Кинт», мебельные магазины «Брист», «Осби», «Люция», деревообрабатывающая компания «Фост», торговый дом «Калина», кафе «Апельсин», магазин «Прима», салон-парикмахерская «Ваниль», магазин канцелярских товаров «Мопсик», цветочный салон «Синяя птица», гостиница «Анкор», спортивно-оздоровительный комплекс «Колизей» и др.

Согласно данным письменного опроса жителей города, сегодня в Благовещенске 64% эргонимической лексики является неинформативной. Участникам анкетирования (50 человек), разным по полу, возрасту, образованию, профессии, предлагалось анонимно ответить на вопрос: какой товар или какая продукция, на их взгляд, может продаваться в магазине с определенным названием и почему?

Представим выборочные результаты опроса. Магазин с названием «Амурские узоры» занимается реализацией бытовой техники, но из пятидесяти опрошенных никто не предложил такого варианта ответа. Двадцать четыре участника анкетирования считают, что в магазине «Амурские узоры» должны продаваться ткани, текстиль, одежда. Девять человек написали, что магазин с таким названием должен заниматься реализацией сувенирной продукции, в том числе и амурских производителей. Такая же по численному составу группа респонден-

тов предложила продавать в магазине с названием «Амурские узоры» посуду, фарфор (роспись). Остальные варианты ответов были единичными с предложениями продавать в магазине «Амурские узоры» товары народного промысла, украшения, произведения живописи.

Никто из участников опроса не предположил реализацию кофе в магазине с именованием «*Царское Подворье*». Восемнадцать человек написали, что данное название подходит для продуктового магазина (гипер-, супермаркет), десять человек связывают предложенное именование со словами «роскошь», «интерьер», «шик», «мебель». Как показывает материал исследования, номинаторам при выборе названия для своего предприятия, организации следует учитывать не только информативную функцию эргонима, которая для потребителя является главной, но и проявлять чувство меры, демонстрировать знания традиций своего народа, показывать высокий уровень образованности и культуры.

Итак, эргонимическое пространство города Благовещенска – это постоянно развивающийся, видоизменяющийся пласт онимов, для которого характерны тенденции современной языковой системы в целом, а именно антропоцентризм, языковая мода на заимствования, стремление к прямой самопрезентации («Ателье Марины Гельдер», «Студия красоты Анастасии Азаровой», «Адвокатский кабинет Дроновой Е.В.», «Салон красоты Максима Грудина»). Использование в современном эргонимиконе города разных способов номинации демонстрирует их приемственность и взаимосвязь с системой именований прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ТОПОНИМИКА

УДК 81-112.2

Ю.В. Биктимирова

КАЧЕСТВЕННЫЕ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЯ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII вв.⁶

В настоящем исследовании анализируются качественные и относительные прилагательные в языке рукописных памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв., что является необходимым этапом в изучении этих памятников в контексте регионального лингвистического источниковедения. Описание особенностей прилагательных в деловых памятниках Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв. с частичной реконструкцией морфологических парадигм позволяет выявить процессы унификации в парадигмах и конкуренцию вариантных форм именных частей речи.

Ключевые слова: имя прилагательное, вариативность, памятники письменности, источниковедение, парадигма.

⁶ Работа выполнена в рамках государственного задания вузу Министерства образования и науки РФ, № 6.3620.2011. Тема проекта: Исследование региональной разновидности русского национального языка на территории Восточного Забайкалья в синхронном и диахронном аспектах.

The article analyzes qualitative and relative adjectives in the records of business writing of Eastern Transbaikalia of the end of the XVII – the first half of the XVIII Centuries. This research is an important stage in the context of regional linguistic chronology. Description of peculiarities of these adjectives and partial reconstruction of their morphological paradigms help to reveal processes of unification in paradigms and conflict of variant forms of nominal parts of speech.

Key words: adjective, variability, written records, chronology sources, paradigm.

Имя прилагательное – один из важнейших стилеобразующих элементов делового письма и значимое синтаксическое средство в организации делового текста документов Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв. Особенности употребления прилагательных обуславливаются жанрово-тематической спецификой документов и формировавшимися в ходе стандартизации деловой письменности шаблонами делопроизводства. Вопросы употребления и функционирования прилагательных в региональных памятниках XVII – XVIII вв. занимают заметное место в исследованиях последних десятилетий [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Имена прилагательные в языке памятников деловой письменности Забайкалья конца XVIII вв. как жанрово-стилистическое средство были исследованы А.П. Майоровым [9]. А.П. Майоровым также были проанализированы особенности функционирования прилагательных с точки зрения варьирования узуса деловой письменности и определения «закономерности функционирования в нем книжных и некнижных средств на разных языковых уровнях (в орфографии, фонетике и лексике)» [9, с. 5.]. Между тем морфологические особенности прилагательных в документах Нерчинской воеводской канцелярии и острогах Восточного Забайкалья не рассматривались исследователями. В этом плане интересно проследить становление парадигмы прилагательных, которое проявилось в сосуществовании стилистически маркированных или немаркированных вариантных форм при постепенном утверждении какой-либо одной, закреплённой в дальнейшем нормами правописания. Исследуемые памятники деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – середины XVIII вв. также являются информативным источником для исследования вариантных форм прилагательных.

Многочисленные вариантные флексии встречаются в падежных формах **единственного числа** всех трёх родов качественных и относительных прилагательных. По мнению большинства историков языка, прилагательные мужского рода в **именительном** и **винительном** (при неодушевленных существительных) падежах единственного числа в деловых текстах XVII в. имеют флексии **-ый (-ий)** и **-ой (-ей)** [7, с. 129], причём их употребление зависит не от фонетических (как в современном русском языке), а от стилистических условий: окончание **-ый** имеет книжную окраску, **-ой** – просторечную или нейтральную [10, с. 10; 7, с. 129].

Вариативность флексий **-ый (-ий)** и **-ой (-ей)** проявляется как в документах Московского приказа, что подтверждает исследователь московских деловых памятников XVII в. Т.В. Кортава [5], так и в сибирских памятниках письменности этого же периода. Таможенные книги сибирских острогов проанализированы Т.С. Инютиной, которая подчёркивает, что в деловом языке этих памятников господствовала местоименная флексия **-ой (-ей)**, имевшая разговорный характер [7, с. 130]. Памятники Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв. также фиксируют активное употребление писцами флексии **-ой (-ей)**, в

графических вариантах *ои, еи, о', ои*: «...бе³м^ннь жел³н^о <...> безм^ннь деревя^нной...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 473. Л. 275. 1702 г.]; «...за то^т мин^Увшеи: 752' го^д...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 578-578 об. 1753 г.]; «...да сара^ф^а кита^нчато^и ново^и да тУлУп о^рчи^нно^и...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 98. Л. 31. 1701 г.]; «...два кокошника вди^и шито^и золото^м...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 98. Л. 31. 1701 г.]; «...по^дско^р соболе^р вершекъ барха^тно^р черно^р...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 53. Л. 10. 1689 г.]; «...Горо^д рУбленой^р деревянной^р...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1319. Л. 2. 1701 г.]; «...тулу^и овчино^р бабе^р козлино^р...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 578–578 об. 1753 г.]. Во всех этих примерах, взятых из таможенных списков и книг, приходно-расходных книг, сказок, передаётся разговорный характер перечисления изделий труда, утвари, товаров, строений: писец, вероятно, писал под диктовку человека, осматривающего или описывающего эти предметы.

Конкурирующая книжная флексия **-ый (-ий)** в памятниках Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв. встречается редко и обычно в шаблонной части документа, например, при титуловании царей: «...И что^б велики^и Гд[©]рь пожаловат и^х вел^ли тою пусты^нкою совсяки^м са^водо^м влад^лт...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 7. 1681–1683 гг.]; «...Дер^р'жавне^иши Цр[©]ь Г,рь мил^р'отив^лши^и, Би^{ет} чело^м х теб^л...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 87. 1707 г.].

Строгая стилистическая дифференциация между вариантными флексиями **-ый (-ий)** и **-ой (-ей)** отсутствует. И тот, и другой вариант могли употребляться в исследуемых памятниках как в шаблонных частях – начальном и конечном блоке, так и в блоке основного содержания: «...мл^рды Гд[©]рь Цр[©]ь I велик^еи кн[©]зь Fe^одоръ Алек^лhe^ивичъ <...> пожалу^и нась бг[©]омо^лцовъ свои^х...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 8, 1681–1683 гг.].

Заметное превалирование флексии **-ой (-ей)** над **-ый (-ий)** в памятниках Восточного Забайкалья объясняется не только качественной выучкой писцов, твердо следовавших приказным традициям, но и диалектной особенностью речи первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья, которые пришли из северных районов Московского государства. Севернорусскую основу диалектов Забайкалья подтверждают забайкальские исследователи [11; 12; 13].

Прилагательные в форме единственного числа среднего рода встречаются с флексией **-ое**: «...в вечерное время...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 52. Л. 9. 1689 г.]. В одном из текстов у прилагательных в форме среднего рода именительного падежа встретила флексия **-he** с графической заменой буквы *е* на букву *h*: «...на право^м боку небольш^лhe родимое чирье^еое п^тнышко...» [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 290 об. 1741 г.].

У прилагательных в форме единственного числа мужского и среднего рода в **родительном падеже** используются дублетные флексии: **-аго (-яго)**, закрепившаяся в русском языке под влиянием церковнославянского языка, и **-ого (-его)**, исконная, с вариантным произношением **-ово (-ево)** [14, с. 188–196; 15, с. 170, 336]. То же можно отметить при анализе форм прилагательных в винительном падеже при одушевленных существительных, которые аналогичны формам родительного падежа.

В памятниках Восточного Забайкалья конца XVII – середины XVIII вв. фиксируются неустойчивость правописания и конкуренция флексий **-аго (-яго)** и **-ого (-его)**: «Из Не^рчинской воевоцкой ка^нцелярии в Нерчинскъ дУховного правления заказны^м деламь...» [ГАЗК. Ф.

10. Оп. 1. Д. 64. Л. 486. 1726–1753 гг.]; «...неявившихся на смотре колежскаго ассесора и города якутска воеводы Уара Ерапина...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 172. 1752 г.]; «...др^Угихъ командъ люди то есть нерчи^нски^х посацки^х и цеховы^х и Успенскаго монастыря вкля^ччиковъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 22. 1753 г.].

Иногда конкурирующие окончания присутствуют в одном документе: «...wt рудо^плав^но^го серебр^наго промыслу...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 151. 1706 г.]; «...о^тда^т Селе^нги^нско^г ун^зду Трое^тцкаго монастыря Архима^ндриту Мисаилу...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 450. Л. 31. 1701 г.]; «...взять во оное началство и за неим^нниемъ в здешне^й канцеляриі иск^Уснаго перплетчика <...> а иск^Уснаго де Переплетчика вздешне^й канцеляриі не имеетца...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 630–631. 1753 г.].

Шаблоны и клише деловых документов не всегда нивелируют творческий подход писцов к норме и вариантам. В рамках одного документа в трафаретных блоках можно встретить три варианта записи слова *императорского*: «по Указ^У ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА <...> ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Указ^У <...> ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Указ^У» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 215–215 об. 1753 г.].

В памятниках фиксируется вариант флексии *-ого* – *-ово*, отражающий произношение. Обычно флексия *-ово* встречается в документах, передающих живую речь. Это проявляется особенно в расспросных речах, делах о краже, переписях, досмотрах, то есть во всех документах, в которых задача писца состоит в том, чтобы как можно более точно передать речь опрашиваемого или осматривающего. При этом писцы до середины XVIII в. старались сохранять норму *-ого* (*-его*). Например, в «Словесной челобитной Нерчинского казака Луки Васильева сына Угольного» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 23. Л. 60. 1684 г.] речь казака в блоке основного содержания передается с прилагательными на *-ово*: «...украли <...> коня до^брово...». А в трафаретных выражениях встречается *-ого*: «...вм^нсто не^рчи^нскаго казака Луки Уго^лного...», «...не^рчи^нскаго острогу...». Объясняется это тем, что формы прилагательных на *-ого* (*-его*) воспринимались до середины XVIII в. «как более официальные и потому более правильные» [7, с. 135].

В документах Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв. можно найти случаи столкновения в одном контексте книжной церковнославянской флексии, флексии исконной русской и флексии, отражающей произношение: «...два а^ршины су^кна кра^снаго а^нбу^рскаго да с^верхвышеписанова одинц^У w^бявило^с...» [16, с.34].

Равноправное употребление вариантов *-аго* (*-яго*) и *-ого* (*-его*) в исследуемых памятниках свидетельствует о том, что процесс становления правописной нормы еще не завершился: писцы как в трафаретах, так и в блоке основного содержания используют две конкурирующие формы. Форма же с флексией *-ово* стилистически маркирована. Тогда как, по мнению исследователя Л.Ф. Копосова, в вологодских памятниках письменности XVII в. «род. пад. мужского и среднего рода употребляется преимущественно в формах *-ово* (*-ево*): от красново котла, на всяково члвка, с хмелново погребца, с соляново двора. Гораздо реже встречаются написания *-ого*, *-его*, почти полностью отсутствуют формы с конечным *-а*» [17, с. 15].

Окончательному становлению флексии *-ого* (*-его*) в качестве нормы делопроизводства XVII – XVIII вв. помешала реформа М.В. Ломоносова [7, с. 135], которая узаконила флексию

-аго (-яго). Это, в свою очередь, породило новую волну грамматического варьирования в памятниках делового письма XVIII в. Этот процесс фиксируют исследуемые документы Нерчинской воеводской канцелярии середины XVIII в., перелагающие указы из центра для дальнейших отписок в мелкие инстанции – в остроги и поселения Восточного Забайкалья. Часть форм и оборотов указов из Москвы передается «копистами» слово в слово: «...1752 год^У Маия 24 дня по указ^У Ея= императорскаго величества...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 172. 1752г.]; «Изъ Екатеринъбурга Симонъ Усолцовъ здешн"го ведомства Камышевской слободы...» [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 290. 1741 г.]; «Промемория сынъ боярскаго Федора Халшевникова» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 20. 1756 г.].

В текстах духовных лиц прослеживается четкое следование книжной традиции, в частности, следование формам церковнославянского языка. В Промемории «закащика» священника Илии Иоаннова» встречаются только флексии **-аго (-яго)**: «...о^Т зака^Зныхъ дУховнаго Пра^Вления д^Нль <...> по присланнымъ ЕЯ ИМПЕРАТОСКАГ^У ВЕЛИЧЕСТВА <...> о^Т небывши^Х во исповеди всякаго чина <...> от ст^Свишаго Правительств^Ующаго СВНОДА <...> бе^З запрещения о^Тца дховнаго <...> не были у исповеди и ст^Саг^У причастия...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 578–578 об. 1753 г.].

Часто встречаются флексии **-аго (-яго)** в росписях купцов. Здесь, вероятно, проявляется привычка купцов следовать традициям церковнославянского языка: «Роспись 1752^г год^У декабря дня роспись в не^Рчинскую таможенно иркуцкаго купца Тихона Буянова...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 91. 1752 г.]; «...желаю я Резанцовъ о^Тпустить <...> явленого своего пла-тежнаго тавару...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 95. 1752г.]; «...о поставке противъ пре^Жняго расположения...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 21 об. 1753 г.].

Борьба вариантов встречается в формах прилагательных женского рода единственного числа родительного падежа (в том числе и у прилагательных при одушевленных существительных в винительном падеже. Церковнославянская флексия **-ья (-ия)** конкурирует с исконной русской флексией **-ые (-ие)** и вариантами **-ой (-ей)**, развившимися под влиянием форм местоимения *мое, ее* [7, с. 136] или, по другой версии, из древнерусских флексий **-оh, -eh** в «результате редукции до исчезновения гласного [ě]» [18, с. 63].

Флексия **-ья (-ия)** имеет обычно книжную окраску, поэтому в исследуемых памятниках встречается в документных шаблонах, копируемых писцами с прописи-образца или документа из центральной канцелярии: «...вс'еа великия и малыя и б^Нлыя росиі...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1282. Л. 54. 1703 г.]; «Се а^З дау^Рския службы не^Рчи^Нски^Х острога^В служилые люди...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 14. 1670 г.]. Флексии **-ые (-ие)** и **-ой (-ей)** традиционно имеют нейтральную и просторечную окраску: «Из нерчинской воевоцкой ка^Нцеляриі в нерчи^Нское горное нача^Лство...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 628–628 об. 1753 г.]; «...краинеи остановки быть не могло...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 22 об. 1753 г.]; «...Даурские албазин^Нского острога^У Спс^Ско^И п^Устыни...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 8. 1681–1683 гг.]; «...бью^Т челомъ и плачю^Тца бг^Сомо^Лцы Твои ДаУрские украины Спс^Ско^И п^Уст^Унки...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 7. 1681–1683 гг.].

Исследуемые памятники Восточного Забайкалья демонстрируют параллелизм старых и новых форм при преобладании флексии **-ой (-ей)**, что особенно характерно для текстов XVIII

в. Последовательное употребление книжной флексии **-ья (-ия)** в шаблонной части ограничивается рамками середины XVIII в. Это подтверждает предположение лингвистов о фиксации флексии **-ой (-ей)** как нормы деловой письменности XVIII в.

В исследуемых памятниках Восточного Забайкалья встречается и древнерусская флексия женского рода единственного числа родительного падежа **-oh** в графическом варианте **-oe**. Необходимо отметить, что большинство писцов Нерчинской воеводской канцелярии не различали фонетическое наполнение графем **e** и **h**, что оказало влияние на данное употребление формы женского рода единственного числа родительного падежа [11]: «...подле острожное ст^hны плетен...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 26. Л. 49. 1683 г.]. Приведём ещё один случай употребления архаичной флексии женского рода родительного падежа **-eh** в графической модификации писца: «...а в го^pнице вначал^h w^бразъ Каза^hскіе б^лцы...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 268. 1707 г.].

Формы прилагательных **женского рода творительного падежа** с флексией **-ой (-ей)**, возникшей либо в результате действия процесса аналогии, либо фонетической редукции заударного гласного [7, с. 138], конкурируют со старой флексией **-ою (-ею)**: «...где благостию божиеи техъ пожарных сл^Учаевъ j не было...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 208. 1752 г.]; «...и поб^hжа^л с ту^hгу^скою ³ Га^лкино^h дворовою д^hвкою...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 78. Л. 9. 1699 г.]; «...Посылаю^т насъ холопе' твои^x ствоею великого Г^сдря дене^жною ка³ною и³ гербовою б^Умагою в провожаты^x...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 1282. Л. 54. 1703 г.]. Для исследуемых памятников продуктивна старая флексия **-ою (-ею)**, что связано с регламентируемостью документов и книжной выучкой писцов, хотя в указах, «копиях с приговору» можно встретить новые формы: «на бороде по^л нижной губои...» [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 29 об. 1741 г.].

У прилагательных с основой на твердый согласный в **местном падеже** единственного числа мужского и среднего рода встречается флексия **-ом**: «...на подлинномъ пишетъ тако Василеі ГУбинъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 172–173, 1752 г.]; «...прислат в нерчинскую воевоцкую канцелярию при немедленномъ известіи...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 628–628 об. 1753 г.]. Флексия **-ем** наблюдается у прилагательных с основой на мягкий согласный. В исследуемых памятниках эта флексия встречается в единичных случаях и только в формулах: «...сочин^hнного в правите^лств^Ующемъ сенат^h...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 116. 1753 г.].

В исследуемых памятниках у прилагательных в форме единственного числа **женского рода местного падежа** встречается исконная старая флексия **-ои (-еи)**: «...поставить в самой краиней скорости...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 22. 1753 г.]; «...в ночи на у^тренно^и зор^h...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 78. Л. 1. 1699 г.]. В последнем примере по аналогии с основой на твердый согласный к мягкой основе присоединяется флексия **-ои**.

В падежной парадигме **множественного числа** у прилагательных, так же, как и в парадигме единственного числа, развились варианты, утратились некоторые формы, что было связано с процессом утраты родовых различий. В этом плане привлекают внимание формы **именительного** и **винительного** падежей прилагательных. В деловом языке XVII в. родовые различия в этих формах, по существу, уже стерлись, эти прилагательные, независимо от рода, получали чаще древнерусскую флексию **-ые (-ие)**, реже церковнославянскую флексию

-ья (-ия) [10, с. 11]: «...заказныя дела...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 486. 1726–1753 г.]; «...плахи на показанныя сроки...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 23. 1753 г.]; «...поставлены бУдУть о^бявл^нныя плахи <...> по^стави^т...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 27 об. 1753 г.]; «...два креста серебряные...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 98. Л. 31. 1701 г.]; «...пришли на промы^ш-ленныя урочище...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 22. Л. 56. 1681 г.]; «...пять шапокъ wколыше^лковыя...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 101. 1750 г.]. Как видно из примеров, забайкальские подьячие активно использовали обе флексии до середины XVIII в., конкуренция вариантов проявляется в рамках одного контекста: «...разные госУда^рственныя и челобитчиковы дела и протоколныя реэстры...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 628. 1753 г.].

Родительный и местный падежи множественного числа зафиксированы с флексией **-ых (-их)** без каких-либо вариантов: «...42 сажени аркановъ волосыных...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 63. 1753 г.]; «...именно апреля в после^дни^х а покра^неи мере мая в первы^х числе^х...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 26 об.-28. 1753 г.]; «...о^бретающи^мся^в неслу^жб^н ИванУ Гу^лкова ЯковУ ШемелинУ в дитя^х боярски^х...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 41 об. 1753 г.].

В исследуемых документах в **дательном** падеже, как и во многих других региональных памятниках, встречается флексия **-ым (-им)** [7, с. 140]: «...по пре^ждепо^сланным^у Указа^м <...> со^тскому ЛоншаковУ и приказы^м jзба^м вел^лть» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 26 об. – 28. 1753 г.]; «...в настоящУю расхо^дную книгУ с роспи^скою в приемъ показанны^м кананера^м ШемелинУ с товарищемъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 576 об. 1753 г.].

В **творительном** падеже в исследуемых памятниках встречается флексия **-ыми (-ими)**: «...о даче посылающи^мся заинтересными и другими нужнейшими делами курееро^м...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 193. 1752 г.]; «...т^нми вышеписа^нными о^тца нашего пожи^тками са^влад^н...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 116 об. 1707 г.].

Итак, анализ падежных форм качественных и относительных прилагательных показал значительное количество вариантных форм, конкуренцию церковнославянских и собственнорусских форм, что усугублялось проникновением в язык документов живой речи с диалектными особенностями севернорусских говоров. В целом сказывалась привычка писцов следовать традиционным образцовым текстам, тогда как «московские и южновеликорусские памятники XVII века отражают процесс постепенного вытеснения старых форм новыми» [17, с. 16].

Отмечается стилистическая дифференциация новых и старых форм прилагательных: для придания торжественности и строгости писцами употребляются старые книжные формы, для описания предметов быта, реалий жизни – новые народно-разговорные формы. Стилистическая дифференциация прилагательных в памятниках Восточного Забайкалья наблюдается в пределах одного текста и зависит от семантики существительного.

Локальные особенности употребления прилагательных в деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв. сводятся, во-первых, к более позднему становлению вариантов, по сравнению с данными этого же периода памятников деловой письменности Москвы, северных и южных территорий, а также некоторых сибирских [14; 17; 9; 7]; во-вторых, к некоторым стилистическим «размежеваниям» вариантов, что зависело от характера документа, жанра, назначения, уровня приказной выучки автора и за-

казчика; в-третьих, к наличию диалектных особенностей в речи первопоселенцев. Все эти процессы усугублялись удаленностью Забайкалья, вследствие чего влияние языка Московского приказа слабо отражалось в языке делопроизводства Нерчинской воеводской канцелярии и канцелярий острогов Восточного Забайкалья, поэтому авторам документов приходилось ориентироваться на старые образцы-прописи или церковные тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова М.А. Функционирование именных частей речи в арзамасской деловой письменности XVI – XVII веков (вероятностно-статистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 23 с.
2. Баданина И.В. Именные и местоименные формы имен прилагательных в летописях и деловых памятниках Москвы 17 века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 24 с.
3. Боярская О.В. Имя прилагательное в южноуральской и зауральской деловой письменности конца XVIII века в аспекте лингвистического источниковедения: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 230 с.
4. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII – XVIII веков. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова. М.: Яз. слав. культуры: А. Кошелев, 2004. 655 с.
5. Кортава Т.В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 110 с.
6. Романова М.А. Имя прилагательное в Самаровских деловых документах XVII – XVIII вв. // Духовные ценности и национальные интересы России. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1998. С. 77–82.
7. Инютина Т.С. Вариантность языковых средств в деловом письме Сибири XVII века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 197 с.
8. Шульга М.В. Развитие морфологической системы имени в русском языке: монография. М.: МГУЛ, 2003. 302 с.
9. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 263 с.
10. Фоменко Ю.В. Язык сибирских летописей 17 века (наблюдения на морфологическом строении): автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 1963. 16 с.
11. Христосенко Г.А. Фонетическая система Нерчинского делового письма второй половины XVII – первой половины XVIII в.: дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1975. 288 с.
12. Абросимова О.Л. Лингвистическое краеведение Забайкалья: учебно-методическое пособие. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2009. 86 с.
13. Игнатович Т.Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья: фонетические особенности. Чита: Забайкал. гос. гум. пед. ун-т, 2011. 230 с.
14. Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 235 с.
15. Колесов В.В. История русского языка: учебн. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: филологический факультет СПбГУ. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
16. Христосенко Г.А. Нерчинская деловая письменность XVII – XVIII вв. Учебное пособие. Чита: ЧГПИ, 1994. 86 с.
17. Копосов Л.Ф. Вологодские говоры XVI–XVII вв. (по данным деловой письменности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 21 с.
18. Иванов В.В. Развитие грамматического строя русского языка. М.: Гос изд-во мин. Просвещения РСФСР, 1960. 128 с.

ИСТОЧНИКИ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края (г. Чита).

ТОПОЭФФЕКТОР КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЙ СЕМАНТИКИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ РЕГИОНА⁷

В статье выявлены причины динамических процессов функционально-семантических изменений в региональной топонимике. Обоснована необходимость ввести в научный оборот термин «топоэффектор», обозначающий основной и/или дополнительный фактор, комплексный механизм, индуцирующий возникновение и определяющий направление данных изменений в языке региона.

Ключевые слова: топоэффектор, функциональная семантика, топонимика, язык региона.

The article reveals the motivation for dynamic changes of functional semantics in regional toponymy. The author substantiates an introduction into linguistics of a new term "topoeffector" to define primary or/and supplementary factor that contributes to the transformation of geographical names.

Key words: topoeffector, functional semantics, toponymy, regional language.

Процессы, наблюдаемые в современном русском языке сегодня, неоднозначно оцениваются специалистами: как оскудение, как обогащение, как либерализация русского литературного языка [см, напр.: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и др.], но в то же время ориентируют на изучение генезиса изменений в различных языковых подсистемах, что способствует формированию более глубокого и полного представления о многообразии языка, позволяет охарактеризовать особенности формирования лексических единиц и выявить особенности их функционирования [см., напр.: 12, 13, 14 и др.].

В качестве объекта исследования в настоящей работе избраны топонимические единицы, зафиксированные в текстах региональных газет «Царицынский Вестник», «Сталинградская правда», «Волгоградская правда» и в устной речи диалектоносителей, под которыми понимаются «носители языка – коренные жители и переселенцы (их потомки), проживающие на данной территории (в данном населенном пункте), в живой речи которых зафиксированы черты того или иного диалекта в его региональном своеобразии и окружении как орудия общения этнически родственного населения и носителей близкородственных языков» [15, с. 285]. Состав информантов представлен жителями Киквидзенского и Иловлинского районов Волгоградской области, где проживает немало переселенцев из Украины.

Анализ научной литературы показывает, что специфические связи, характерные для топонимического материала, недостаточно изучены в региональном аспекте. Труды известных исследователей [16, 17, 18, 19 и др.], традиции исследования регионального варианта языка в целом [20, 21, 22, 23] и региональной топонимики в частности [24, 25 и др.] заложили фундаментальные основы научного изучения системных свойств топонимов. В настоящее время не в полной мере охарактеризованы функционально-семантические процессы в топо-

⁷ Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-0284а).

нимических подсистемах на разных этапах развития русского языка. Динамические процессы в сфере региональной топонимики, направленность которых имеет сложный центробежный и центростремительный характер [26], являются отражением общих тенденций в развитии русского литературного языка, однако в настоящий момент отсутствует целостное представление о комплексе факторов разного порядка, определяющих формирование и функционирование регионального топонимикона, интерпретируемого как «совокупность лексем, которые используются для наименования географических объектов, расположенных на данной территории, и, отражая особенности конкретной местности, обладают своеобразным семантико-смысловым потенциалом, реализуемым в процессе функционирования» [27, с. 64].

Теоретическое осмысление анализа языкового материала дает основание утверждать, что катализатором функционально-семантических изменений в региональной топонимике выступает топоэфектор – «комплексный механизм, индуцирующий возникновение и определяющий направление данных изменений, основной и/или дополнительный фактор (экстралингвистического, собственно лингвистического порядка), способствующий активному/пассивному употреблению топонимических единиц в газетных текстах, актуализации, усилению либо затуханию семантического признака в значении проприатива, обуславливающий частотность топонима в газетных публикациях, функционирование двойных названий, определяющий статус языковой единицы, в том числе в случаях переименования географического объекта, и др.» [27, с. 302].

Введенный в научный оборот термин «топоэфектор» позволяет рассмотреть наблюдаемые в рамках реконструируемой модели сегментной структуры функционально-семантического поля топонимов изменения онимических единиц. Морфемный состав вводимого термина обусловлен спецификой рассматриваемых языковых единиц. Элемент *топо-*, генетически восходящий к заимствованию из греческого языка *τοπος*, употребляется в составе новой терминологической единицы для указания на специфический способ реализации значений «место», «пространство» [см.: СОТ, с. 127]. Такой аффиксоид встречается в русском языке в словоформах *тополексема*, *топомодель*, *топооснова*, *топосуффикс*, *топоформант* [СОТ, с. 135–137]. Морфема вводимого нами термина (*эффектор*) используется в естественных науках для обозначения рефлекторной деятельности чего-либо, результатом которой являются какие-либо ответные реакции организма на раздражители [БиЭС; БЭС 2, с. 710]. Учитывая сказанное, мы определяем топоэфектор как термин, который детерминирует и индуцирует процессы в топонимической подсистеме, обозначает основной и/или дополнительный фактор, дает возможность сопоставить специфику языковых явлений, функционирующих в разновременных газетных текстах и в устной речи, с учетом причин как экстралингвистического, так и внеязыкового характера. Семантический объем нового термина позволяет охарактеризовать причины динамических процессов, нашедших отражение в русском языке конца XIX – начале XXI вв.

Рассмотрение массива фактов дает основания квалифицировать совокупности региональных географических названий, зафиксированных в газетных текстах «Царицынского Вестника», «Сталинградской правды», «Волгоградской правды» и в устной речи диалектоносителей, как полевые единства, имеющие сегментную структуру, атрибутивными признаками которой являются наличие инвариантного семантического признака, иерархическая орга-

низация, ограниченность семантико-смыслового пространства, сопредельность с другими сегментными структурами, проницаемость. В плане содержания инвариантными семантическими признаками сегментных структур, коррелирующих с такими тематическими группами топонимов, как «Административно-территориальные единицы, города и другие населенные пункты», «Водные пространства, водоемы», являются 'пространство, предназначенное для проживания людей' и 'пространство, заполненное водой'. В плане выражения вершинную часть каждого сегмента образуют стилистически нейтральные языковые единицы, имеющие высокий семантико-прагматический потенциал и значительный ассоциативный объем названия, отличающиеся широкой сочетаемостью, большой частотностью употребления, регулярностью использования в текстах разновременных газет конца XIX – начала XXI вв. и в устной речи, последовательно реализующие при употреблении функции имени собственного. Срединную часть сегмента составляют проприативы, обладающие невысоким семантико-прагматическим потенциалом, незначительным ассоциативным объемом названия, не отличающиеся регулярностью использования и большой частотностью употребления в газетных текстах и в устной речи, непоследовательно реализующие функции, свойственные топонимам. Окраинную часть сегмента образуют малочастотные в газетных текстах ономастические единицы, смысловое наполнение которых зависит от сочетания с апеллятивом и контекстуального окружения.

Сопоставление массива фактов, соотносимых с выделяемыми синхронными срезами конца XIX – начала XX вв., середины XX в., конца XX – начала XXI вв. в развитии русского литературного языка, обнаружило, что на функционально-семантическом уровне топонимические единицы, используемые в газетных текстах и в устной речи и составляющие структуру сегментов, имеют полевою организацию, в которой разграничиваются ядро, ближняя и дальняя периферия. Ядро образуют вершинные части сегментов, ближнюю периферию составляют элементы срединной части сегментов, дальнюю периферию – конститuentы, относимые к окраинной части сегментов.

Зафиксированные в текстах уездной и областной печати и в устной речи функционально-семантические изменения в региональной топонимике обусловлены перестройкой внутрисегментных иерархических отношений языковых единиц, изменением состава элементов, структурирующих сегменты, ядерную и периферийную сферы полевого единства.

В ядерной сфере функционально-семантического поля топонимов в кругу лексем, объединенных инвариантным семантическим признаком 'пространство для проживания людей', топоэффектором, являющимся основным стимулом переименования географического объекта из Царицына в Сталинград, служат идеологическая причина, связанная со стремлением политического руководства страны увековечить имя руководителя государства, а также трансонимизация как одна из разновидностей лексико-семантического способа словообразования, например: *«Перелистывая страницы революционного календаря города-бойца, мы видим в них множество памятных дат, волнующих и радостных дат, раскрывающих историю возникновения несокрушимой большевистской крепости на Волге, историю того, как приволжский город **Царицын** завоевал право носить гордое имя **Сталинград**»* (СП, 09.04.1950). При переименовании Сталинграда в Волгоград в качестве топоэффектора выступают причины общественно-социального характера, связанные с желанием элиминиро-

вать неоднозначно воспринимаемое в социуме имя политического деятеля, а также грамматическая трансонимизация. В газетных текстах конца XX – начала XXI вв. могут функционировать оба названия, например: *«Вчера, в канун 62-й годовщины начала великой Сталинградской битвы, на легендарной Лысой горе в Волгограде вновь собрались бывшие фронтовики и другие жители города-героя, чтобы почтить память всех павших защитников в Сталинграде»* (ВП, 17.07.2004).

Ядерную сферу реконструируемого функционально-семантического поля топонимов, зафиксированных в устной речи жителей Киквидзенского и Иловлинского районов Волгоградской области, составляют элементы, представленные словоупотреблениями проприативов, обозначающих населенные пункты проживания информантов. Так, топоэффектором, являющимся основным стимулом именования географического объекта, служит совокупность лингвистических причин – актуализация семантического признака в значении проприатива (использование нарицательного имени с пейоративной окраской) – и причин природно-географического характера, обусловивших, например, название села Мачеха Киквидзенского района Волгоградской области: *«Ну, уварят, шо название ей... Я так нескалька знаю, укράинскае. Пирисиленцы вот каторыи приехали. ... Ну, тут земля, ну, естественно, первыи пирисиленцы. Ничево тут не было. И змля казалась довольна ниприветливой для первых пирисиленцыф. Ну, чирназём-та чирназём, но дикая природа, ничиво не было. Нада было и с природай вести барьбу, а то так абживаца. Паэтому так назвали, значит, **Мачихай**»* (Касьянов В.А., 1929 г.р.).

Анализ материала дает основания утверждать, что катализаторами функционально-семантических изменений в сфере ближней и дальней периферии в ряду топонимов с инвариантным семантическим признаком ‘пространство, предназначенное для проживания людей’ в региональной топонимике выступают, в частности, такой топоэффектор, как тенденция к русификации названий и политическая целесообразность, что привело, например, к переименованию немецкого села Розенберг в Умет: *«По распоряжению министерства внутренних делъ, Саратовское губ. присутствіе, рассмотревъ вопросъ о переименованіи 10 немецкихъ колоній, определило: колонію «Розенбергъ» переименовать въ село «Уметь»...* (ЦВ, 24.01.1915). В качестве топоэффектора может выступать причина идеологического характера, связанная с распространением меморативов, что нашло проявление в переименовании населенных пунктов Пришиб в Ленинск: *«После того, как город получил свое гордое имя Ленинск, о бывшем селе Пришиб никто уже и не вспоминает»* (СП, 09.07.1950). Помимо этого, катализатором функционально-семантических изменений в сфере ближней периферии в ряду топонимов с названным инвариантным семантическим признаком могут выступать такие топоэффекторы, как метафорическое употребление субстантива в рамках словообразовательной модели с топоформантом -ка: *«Нахайловка, там три-четыре дома, удэ я родылась. Посылылысь нахально сами суби. Они нахально и Нахайловкой прозвали»*. (Магомедова В.Д., 1950 г.р.), а также явление онимизации, находящее подтверждение в переименовании села Якушовка в Калиновку в связи с произрастанием на его территории дерева калина: *«Радилась я вот атсюдава десить киломитраф. Ана называлась раньшии Якушофка, а щас Калинафка»*. (Бароменская П.П., 1931 г.р.). Охарактеризованные и другие топоэффекторы определили динамические процессы в ономастической подсистеме русского литературного

языка, среди которых выделяются расширение семантического объема лексем, унификация словообразовательной парадигмы, элиминирование денотата.

Сферу дальней периферии полевого единства составляют конstituенты, представленные словоупотреблениями топонимов, обозначающих населенные пункты, расположенные на значительном удалении от места постоянного проживания информантов, в связи с чем в их речи при назывании географического объекта используются апеллятивы, например: *«Ана вот, значит, Красный Яр. Эта раньше был в области **Красный Яр** – районный **поселык**. И **сило Фамёнкава** – там тоже хахлы»*. (Касьянов В.А., 1929 г.р.).

Таким образом, введенное в научный оборот понятие «топоэффектор», интерпретируемое как основной и/или дополнительный фактор, выступающий катализатором функционально-семантических изменений, дает возможность объяснить динамические процессы в функциональной семантике топонимических единиц, используемых в разновременных газетных текстах и в устной речи диалектоносителей. Ономастическая лексика, зафиксированная в региональных СМИ и в речи жителей Киквидзенского и Иловлинского районов Волгоградской области, может рассматриваться в качестве совокупного единства языковых единиц, интерпретируемого как функционально-семантическое поле, в котором разграничиваются ядерные и периферийные конstituенты. Ядерные средства поля характеризуются наибольшей специализированностью для выражения общего семантического признака и частотностью употребления в печатных текстах и в речи диалектоносителей; в ближнюю периферию включаются менее специализированные и частотные средства обозначения географического объекта; к дальней периферии относятся средства, малочастотные по употреблению и обозначающие объекты, удаленные от названных административно-территориальных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 6–24.
2. Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки. М.: Элпис, 2005. 448 с.
3. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
4. Лейчик В.М. Интеллектуализация и демократизация – противоположные тенденции в развитии современного русского языка // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 420–423.
5. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.
6. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.
7. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
8. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
9. Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. 480 с.
10. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка: Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. 65 с.
11. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. 293 с.
12. Гарвалик М.К. вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 5–12.

13. Картавенко В.С. О развитии ономастической терминологии // Филологические науки. 2009. № 2. С. 72–80.
14. Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.
15. Тупикова Н.А. О проекте исследования лексикона диалектоносителей: проблемы, методы, задачи // Стрежень: научный ежегодник / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2013. Вып. 11. С. 283–288.
16. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
17. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
18. Климова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира. М.: МПГУ; Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
19. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 368 с.
20. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 29–38.
21. Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании : тез. докл. междунар. конф. (III Шмелевские чтения). М.: Наука, 1998. С. 20–21.
22. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 119–136.
23. Щербак А.С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 293 с.
24. Кудряшова Р.И. Донские казачьи говоры Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. 120 с.
25. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
26. Тупикова Н.А. Язык региона как объект научного исследования: задачи и перспективы // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. С. 185–197.
27. Ильин Д.Ю. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 408 с.

ИСТОЧНИКИ

- ВП* – газета «Волгоградская правда».
- СП* – газета «Сталинградская правда».
- ЦП* – газета «Царицынский Вестник».
- БиЭС* – Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров. 2-е изд., испр. М.: Сов. энциклопедия, 1986. 864 с.
- БЭС* – Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 768 с.
- СОТ* – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

УДК 81'373.21(571.6)

Т.В. Коробкова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ТОПОНИМОВ В ЖИВОЙ РЕЧИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ПРИМОРСКИХ ПОСЕЛКОВ)

Данная статья посвящена исследованию неофициальной топонимии, представленной в речи жителей приморских посёлков. Рассматриваются особенности вариантов различных названий, обусловленные функционированием в живой речи, а также спецификой Приморского края.

Ключевые слова: *топоним, неофициальная топонимия, топоним-«прозвище», региональная топонимия, переименование.*

The article is devoted to the study of informal toponymy in speech of inhabitants of Primorye villages. The author considers variant peculiarities of different names caused by specific features of Primorye colloquial language.

Key words: toponym, informal place names, toponym-“nickname”, regional toponymy, re-naming.

Региональная топонимия является неотъемлемой частью языкового быта городов, поселков и сел. Под топонимами традиционно понимаются названия определенных географических объектов (гор, рек, населенных пунктов). Орфография официальных названий закреплена в документах: на картах и специальных справочниках. Однако в живой речи распространены неофициальные, разговорные топонимы. Неофициальные названия, появляясь в процессе живого общения, мобильно реагируют на все изменения, происходящие в обществе.

Изучением неофициальной топонимии в социолингвистическом аспекте занимаются ученые различных российских регионов: в Красноярске (Подберёзкина Л. З.), Иркутске (Попова Р. В., Рябова Л. Г.), Саратове (Сиротинина О. Б., Свешникова Н. В.) и др.; исследованием топонимов Приморского края, в том числе и неофициальных, занимается Рублёва О.Л. При этом данное явление остаётся малоизученным.

Ещё в начале XX в. Б.А. Ларин писал о том, что после изучения состава и структуры языкового быта города «может быть широко и достоверно трактована тема о языковом взаимодействии города и деревни» [1]. На сегодняшний день ученые говорят о том, что «изучение языка современного провинциального города является важным и актуальным по целому ряду причин». Такие причины касаются актуализировавшегося в последнее время интереса к региональным особенностям русской культуры и лингвоэкологической проблематике [2, с. 9].

В нашем исследовании предпринята попытка выявить особенности неофициальных топонимов, используемых в речи жителей приморских сел. Материалом для наблюдения послужила живая речь жителей поселков Тавричанка, Реттиховка, Смоляниново, Южно-Морской, Восток, Галенки, Лазо, Жариково, Вольно-Надежденское и Восток-2.

Употребление неофициальных топонимов в речи сельских жителей ярко демонстрирует кодовую природу языка, а также стремление говорящего к языковой игре.

Во-первых, неофициальные топонимы входят в своеобразный код, известный только «своим», в отличие от официального названия, которое может узнать каждый. Например, специфика близкого личного знакомства позволяет местным жителям использовать не официальные названия заведений, а называть их по имени владельца: так, бар «*Лабиринт*» называют *Рашид* (*пойти в Рашид*). Наиболее употребительной в таком случае оказывается модель предлог у + Р.п. сущ.: магазин «Виктория» называют *У Славика* (купить у Славика), магазин «Ольга» – *У Катю*. Употребление говорящим подобных названий указывает на то, что он «свой», «местный», знает, кто такой Славик (Ольга, Рашид) и где находятся их заведения.

Разделение на «своих» и «чужих» может происходить и в пределах одного жилого района. Например, в селе Галенки улица Комарова соединяет две воинские части: гарнизоны ракетчиков и лётчиков. Жителями села эта улица называется одним словом – *Гарнизон*. Но в

зависимости от того, на каком конце улицы находится говорящий, он выделяет «*тот*» и «*этот*» *Гарнизон*. Например, если говорящий является жителем «Гарнизона лётчиков», то «Гарнизон лётчиков» для него «этот», а «Гарнизон ракетчиков» – «тот» (и наоборот). Такой разговор возможен только между «своими», ведь здесь читываются такие экстралингвистические факторы, как место, в котором находится говорящий, и общность апперцепционной базы.

Во-вторых, употребление неофициальных топонимов выражает стремление говорящего индивидуализировать, разнообразить свою речь и выразить отношение к объекту, ведь топонимы называют предметы, которые являются частью родного мира человека, места, в котором он живёт. Для достижения этих целей говорящие часто прибегают к языковой игре. Например, в последнее время среди молодежи популярны неофициальные топонимы, являющиеся звуковой модификацией названий крупных зарубежных городов (с оттенком иронии): «*Смолянбург*», «*Лос-Смолянжелос*» (пос. Смоляниново), «*Лазвегас*» или просто «*Вегас*» (пос. Лазо).

Неофициальные названия населенных пунктов встречаются в речи представителей разных возрастных групп. В качестве примера можно привести употребление вариантов одного топонима информантами разных возрастов: село Вольно-Надежденское старшее поколение называет «*Надеждинск*», а в речи молодежи гораздо чаще встречается «*Надѐга*».

Одной из главных особенностей функционирования неофициальных наименований является вариантность их употребления. Вслед за О.Л. Рублёвой под топонимическими вариантами мы понимаем «разные формы именования одного и того же объекта, не меняющие ономастического значения топонима» [3, с. 158]. При этом О.Л. Рублева не относит к топонимическим вариантам случаи переименования объекта, так как с точки зрения лексики они являются разными словами-синонимами. По мнению О.Л. Рублёвой, причины вариантности неофициальных топонимов могут быть разными: «это либо незнание точного официального названия, либо результат специфики самой разговорной речи: стремление к экономии, универбации (сокращению), экспрессивности и т.п.» [3, с. 160].

Среди вариантов, встречающихся в сельской топонимии Приморья, мы выделили следующие типы: фонетико-орфографические, словообразовательные, морфологические, лексико-синтаксические, морфолого-синтаксические.

1. Фонетико-орфографические варианты различаются написанием. Их можно встретить в текстах частных объявлений, а также в местных газетах, для которых характерно частое использование неофициальных топонимов. Например, в Лазовском районе вблизи ключа *Еломовский* можно встретить указатель с фрагментом карты района, где ключ назван *Еломовским*, и объявление с таким текстом: «*Памятник природы кл. Еламовский охраняется законом*». Водопады, находящиеся рядом с ключом, называется также *Еломовские*, но в тексте газетной статьи находим: «*Есть в Приморье знаменитые водопады Еламовские, в Лазовском районе*». Аналогично использование топонимических вариантов *Башаровский* ключ (чаще в живой речи) и *Башуровский* ключ (чаще в официальной речи).

2. Словообразовательные варианты представлены меной словообразующих формантов, преимущественно суффиксов. Более 60% неофициальных топонимов из нашего материала представляют мену суффикса -к- с другими суффиксами: *Молодѐжка* (ул. Молодѐжная) – мена суффиксов -н- и -к-. При этом неофициальное название часто отражает влияние стяже-

ния, сокращения слова, характерного для разговорной речи: *Погранка* (пос. Пограничный), *Аниська* (ул. Анисимова). В образовании неофициальных топонимов участвуют и другие суффиксы, например: *Тиграч* (падь Тигровая): название образовано при помощи суффикса *-ач-*.

Словообразовательная модель на *-к(а)*, по замечанию О.Л. Рублёвой, распространена среди названий сельских населенных пунктов и близлежащих рек и является следствием универбации [3]. Наши данные это подтверждают. Кроме того, мы обнаружили, что по данной модели образуются и неофициальные названия поселковых улиц, учреждений и других объектов (например: *Пожарка* ← пожарная часть).

3. Морфологические варианты топонимов различаются словоизменительной формой, например: *ВалентинО*. Официальное название поселка – Валентин. Скорее всего, при сочетании с существительным среднего рода «село» изменило форму рода и приобрело новое окончание, при этом ударение в слове сместилось на последний слог. Примером употребления этого неофициального топонима служит диалог местного жителя (Б.) и приезжего (А.):

А.: А как правильно/ до **ВалентИна**/ или до **Валентина**?

Б.: До ВалентИна наверное/ но все говорят «до **Валентина**»/ потому что **ВалентинО** говорят//

А.: А-а-а//

Б.: Ну/ или не знаю почему.

4. Лексико-синтаксические варианты различаются количеством компонентов, что является следствием стяжения. В процессе живого общения один из компонентов составного названия часто опускается: *Рыболов* (с. Камень-Рыболов), *Дрегиса* (ул. Рихарда Дрегиса), *Рыбка* (завод «Рыбка моя» в пос. Южно-Морской). Такое явление вообще характерно для разговорной речи. В нашем материале имеются примеры «стяжения наоборот», то есть опускается собственно название объекта и остается его номенклатурное название. Местные жители обозначают близлежащие к поселку крупные поселения как *Город* или *Поселок*. Например, поселок Пограничный называют просто *Поселок*, так как рядом других поселков нет. В поселке Лазо *Городом* называют только Владивосток, как самый крупный, хотя ближе есть и другие города. Употребление такого названия характерно для студенчества и других людей, которые часто ездят во Владивосток: «Я в **Город** часто езжу» или «Ты когда в **Город**?».

5. Морфолого-синтаксические варианты различаются синтаксической и словообразовательной структурой, часто при переходе составного названия в сложно-однословное. Например: село *Коркаменка* (с. Старая Каменка) раньше носило название *Корейская Каменка*, так как через него проходила дорога, проложенная корейцами – «каменка». После переименования местные жители называют это село по-старому *Коркаменкой*. Длинное официальное название было неудобным для употребления, поэтому произошло усечение слова «корейская» и объединение со словом «каменка». Возможно, на такое употребление повлияла надпись на официальной вывеске села: «*Кор. Каменка*».

Отдельную группу неофициальных топонимов Приморья составляют старые названия китайского и тунгусо-маньчжурского происхождения. После массового переименования такие названия исчезли с карт и из других официальных документов, однако они настолько прочно закрепились в памяти местных жителей, что часто используются не только предста-

вителями старшего поколения, но и молодежью. Это такие названия, как: *Тачингоуза* (мыс Туманный), *Мисуси* (гора Календарь), *Канхез* (река Пасечная), *Татибе* (река Дальняя), *Вангоу* (поселок Лазо). Например, пожилая жительница пос. Лазо в своем рассказе использует старое китайское название бухты Киевка – *Судзухе*: «*Мы когда с Шурой в Судзуху приехали/ там корабль ходил/ билета не купишь/ до Ольги/ до Преображения*» (обращает на себя внимание склонение неизменяемого иноязычного топонима). Старые названия встречаются и в речи детей. Например, девочка восьми лет рассказывает о празднике «День рыбака»: «*Мы на Нептуна на Конхез ходили*» (имеет в виду ключ Пасечный).

Таким образом, использование топонимических вариантов связано с особенностями устной речи. Прежде всего, это проявляется в экспрессивности употребляемых названий, языковой игре, а также стремлении к экономии речевых усилий, чему способствуют усечение составных названий и универбация. Наиболее продуктивной моделью образования вариантов названий поселковых объектов является мена суффиксов с употреблением суффикса *-к(а)*. Кроме того, для речи сельских жителей характерно обозначение крупного поселения, находящегося поблизости от места жительства говорящего как *Город*, *Поселок* без употребления его официального названия при условии, если рядом нет других крупных поселений.

С одной стороны, это свидетельствует о желании говорящего разнообразить свою речь, о стремлении к языковой игре. С другой стороны, знание говорящим неофициальной топонимии свидетельствует о его принадлежности к коллективу «своих». Деление на «своих» и «чужих» поддерживает также тенденция к называнию предприятий по имени владельца. Данная тенденция отмечается и исследователями неофициальной топонимии города, однако в городах предприятия обычно называют по фамилии владельца, и данное название известно ограниченному кругу лиц (например, проживающим в данном дворе). Большинство магазинов в сельских поселениях известны именно по именам их владельцев, которых знают жители поселка.

Важным является и активное функционирование старых (существовавших до переименования объекта) названий в устной речи жителей приморских поселков (например, *Коркаменка*). Особенным представляется использование местными жителями старых (китайских) названий, эти топонимы уже исчезли из официальных документов, но встречаются даже в речи детей. Данные факты, полагаем, свидетельствуют о бережном отношении сельских жителей к истории родного поселка и об определенном консерватизме, проявляющемся в желании сохранить старые названия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М.: «Просвещение», 1977. С. 189-199.
2. Рублева О.Л. Топонимия Приморья: учеб. пособие / О.Л. Рублёва. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. 427 с.
3. Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города // Речевое общение. Специализированный вестник Красноярского государственного университета. Вып.5(5), 1997. С.8-26.

**МЕМУАРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ:
ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ Т.И. ЗОЛОТАРЕВОЙ «МАНЬЧЖУРСКИЕ БЫЛИ»)**

В данной статье книга Т.И. Золотаревой «Маньчжурские были» рассматривается как источник лексикографического описания, актуальный при создании словаря собственно харбинской лексики.

Ключевые слова: русский язык зарубежья, восточное зарубежье, харбинская лексика, лингвокультурология, лексикография.

The article considers "Manchurian Stories" by T.I. Zolotaryova as a source of lexicographic description which is important for creation of a dictionary of proper Harbin lexicon.

Key words: Russian language abroad, Harbin lexicon, cultural linguistics, lexicography.

Для полного понимания текста необходимо погрузиться в эпоху его создания, в биографию автора. В то же время и сам текст способен «пролить свет» на темные места в осмыслении той или иной эпохи, того или иного типа культуры. Объектом исследования стала книга воспоминаний Т.И. Золотарёвой «Маньчжурские были», изданная в Сиднее в 2000 г. на русском языке, которая является для исследователей русского восточного зарубежья весьма информативным источником [1]. Для жителей города Благовещенска и эта книга, и судьба её автора интересны нам ещё и тем, что Татьяна Ивановна Золотарёва – бывшая благовещенка, вынужденная в 1929 г. эмигрировать в Харбин. В 60-е гг. XX в. она реэмигрировала в Австралию, где и скончалась в 2006 г.

«Маньчжурские были» состоят из 33 глав-очерков, повествующих о жизни Татьяны Ивановны в Маньчжурии. В основу книги были положены дневники, которые она вела в течение своего пребывания в Китае, а также воспоминания, которые, несмотря на время, сохранились в ее памяти к моменту написания книги живыми и яркими.

Лексика «Маньчжурских былей» была рассмотрена нами с позиций лингвокультурологии – науки, которая является одним из направлений в современной лингвистике, формирующимся в рамках антропоцентрической научной парадигмы. Данная научная парадигма, сложившаяся на рубеже тысячелетий, связана с переключением интересов исследователей с объектов познания на субъект, т.е. на человека, иными словами – это парадигма, «возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания» [2, с. 64]. При этом, как известно, язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей, в связи с чем в науке активно анализируется как человек в языке, так и язык в человеке.

Ю.С. Степанов, пытаясь отразить сложнейшую природу языка, представил его в виде нескольких образов: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа» (М.Хайдеггер), т.е. как результат сложной когнитивной деятельности человека [Цит. по: 3, с. 6].

В самом конце XX в. был сформулирован еще один образ: язык как продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования (т.е. как ее «орудие и ипостась» [2, с. 64]), как фактор формирования культурных кодов. Важно также, что «каждый язык отражает культурные реалии того социума, где язык функционирует, и при этом адекватно обслуживает его культуру» [4, с.3]. Понятие культуры в свою очередь также является не менее сложным. К настоящему времени культурологи выделяют довольно много подходов к пониманию ее сущности, например, деятельностный, нормативный, ценностный и др.

В рамках данной работы особый интерес представляет герменевтический подход, в котором к культуре относятся как к множеству текстов. Согласно Ю.М.Лотману [5], при таком подходе культура представляет собой совокупность текстов, точнее – механизм, создающий совокупность текстов. Тексты же в свою очередь являются плотью и кровью культуры и «могут рассматриваться и как вместилище информации, которая должна быть извлечена, и как уникальное, порожденное своеобразием личности произведение, которое ценно само по себе» [3, с. 14].

Такое понимание культуры актуально для данного исследования, но, учитывая его видимую узость, мы считаем необходимым обратиться к следующему определению: «Культура – это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая «живет» лишь в диалоге с другими культурами» [3, с. 17].

Именно текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли и способности ее представления с помощью языковых средств, и именно текст, будучи ничтожно малым элементом материального мира, способствует приобщению человека к культуре.

В целом лингвокультурологический анализ текста представляет собой анализ более мелких языковых единиц, из которых состоит текст, на предмет их культурной значимости. В наши задачи входит обнаружение в книге Т.И. Золотаревой лингвокультурем, под которыми, вслед за В.А. Масловой, мы понимаем «совокупность формы и языка, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак» [3; с. 52]. Культурологически значимую лексику мы попытались представить в виде дефиниций, при создании которых было важно: а) зафиксировать слова и словосочетания (лингвокультуремы) и растолковать их значение; б) составить краткие культурно-исторические комментарии к каждому заголовочному слову, опираясь на основной материал и дополнительные источники. Иными словами, была предпринята попытка реконструировать словесно-вещественную действительность русский восточной эмиграции, а именно русской эмиграции в Харбине и вдоль линии КВЖД, и заложить основы ее будущего лексикографического описания.

На данном этапе сложилась следующая структура словарной статьи:

- Заголовочное слово или словосочетание.
- Толкование.
- Цитата (контекст употребления) Цитата может выполнять различные функции: 1) Цитата из источника может иллюстрировать случай употребления заголовочного слова или словосочетания; 2) цитата может быть одновременно и историко-культурологическим комментарием к заглавному слову или словосочетанию.
- Дополнительная информация, которая может касаться, например, месторасположения упоминаемых объектов.

Кроме того, в словарных статьях могут присутствовать комментарии, которые касаются слов, встречающихся, например, в языке метрополии, но имеющих некоторые отличительные особенности в языке восточной эмиграции.

Все лингвокультуемы, встретившиеся в книге «Маньчжурские были», можно разделить на три группы:

А) слова и словосочетания, называющие реалии харбинской действительности, которые были распространены и известны как в Харбине, так и вдоль всей линии КВЖД;

Б) слова, называющие реалии социально-политической действительности русской Маньчжурии (в эту группу вошли названия учреждений, особых документов и т.п.);

В) слова, представляющие собой «освоенные» заимствования из китайского и других восточных языков, используемые в языке автора (это, как правило, слова, называющие реалии китайской, а также японской действительности).

Выявленная нами лексика соотносима с той, которую определяют как «собственно харбинскую», т.е. лексику, «которая активно функционировала в русской речи восточного зарубежья и составляла ее специфику в отличие от языка метрополии» [6, с. 113].

Представляем опыт описания указанных групп лингвокультурем по заданным параметрам, сопровождая при необходимости комментарием.

Группа А

КАВЭЖЭДЭКИ. Русские служащие и рабочие, создававшие и эксплуатировавшие КВЖД – Китайско-Восточную железную дорогу. До 20-х гг. XX в. кавэжэдэки в основном составляли население Харбина.

1) *«Это были русские, которых от названия дороги называли **кавэжэдэками**. У них была спокойная устойчивая жизнь и работа с хорошими окладами в золоте»* [1, с.107].

2) *«На территории разъезда находились в хорошем состоянии просторные светлые дома с голландскими печами, отапливавшимися дровами и двое суток сохранявшими тепло. Когда-то давно эти дома строило русское правительство для своих служащих и рабочих, относящихся к категории **«кавэжэдэков»**, получавших оклады по курсу золотого рубля, с готовыми квартирами, освещением и отоплением. Большую заботу проявляло русское правительство о своих тружениках. При домах были добротные хозяйственные постройки. Все было крепко, солидно»* [1, с. 137].

КИТАЙСКАЯ НОЧЛЕЖКА. Специальное помещение для неимущих, в котором они могли переночевать, заплатив определенную сумму.

1) *«Босяки» не имели постоянного места жительства, скитались, где придется: **в китайских ночлежках**, в скверах, в подъездах»* [1, с. 108].

2) *«И весь этот образ их жизни в ужасных антисанитарных условиях, в которых они находились, не имея постоянного пристанища, кроме **китайских ночлежек**, и то в том случае, если могли заплатить за пребывание в ней»* [1, с. 110].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова слово **ночлежка** имеет пометы *простореч., устар., дореволюц.* и толкуется так: «То же, что ночлежный дом (ночлежный дом – дом с нарами для сна, где за низкую плату могла иметь ночлег не имеющая пристанища городская беднота)» [7]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой это слово объясняется как «ночлежный дом» и имеет помету *прост.* [8]. В книге Т.И. Золотаревой слово встречается именно в сочетании *китайская ноч-*

лежка, однако отмечено и употребление *ночлежный дом*. В нашем материале данное словосочетание не имеет пометы *устар.*, употребляется как современное автору, что вполне объяснимо консервативными тенденциями в лексике русского восточного зарубежья.

«МОДЕРН». Популярный ресторан в Харбине.

Крупное предприятие «Модерн», в состав которого вошли отель, кинематограф, театр и ювелирный магазин, организовал в Харбине еще в 1910 г. Иосиф Александрович Каспе. «Ресторан «Модерн» с самого его основания славился лучшей на Дальнем Востоке кухней. В специальных, элегантных отдельных кабинетах ресторана побывали едва ли не все жители Харбина. Бело-золотой зал ресторана также никогда не пустовал» [9, с. 234].

Сегодня здание «Модерна» относится к памятникам архитектуры первой категории [1, с. 234]. Ресторан находился по адресу: ул. Китайская, 89.

1) *«В Харбине друзья, приветливо встретившие его, по поводу его приезда устроили банкет в Модерне, который прошел в теплой дружеской обстановке и воспоминаниях. В Рождественский сочельник опять была встреча с друзьями в Модерне»* [1, с. 75].

2) *«В Рождественский сочельник опять была встреча в Модерне»* [1, с. 75].

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ. Русское высшее учебное заведение в Харбине.

Институт был открыт в сентябре 1925 г. в составе двух отделений: словесно-исторического и физико-математического. Ректором академической части был профессор С.В. Кузнецов. В 1937 г. Педагогический институт был закрыт. Примечательно то, что харбинцы, в том числе Т.И. Золотарева, с особой любовью и гордостью вспоминают об этом учебном заведении.

«В жизни российской эмиграции значительную роль сыграл Педагогический Институт. Его основание было откликом на желание молодежи получить высшее образование. Учредителями и организаторами Педагогического Института явились: профессор С.В. Кузнецов, доцент Н.А. Стрелков, приват-доцент В.Т. Шишин, юрист Д.С. Тихомиров» [1, с. 119].

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР. Помещение со спальными местами для приезжих.

1) *«Постоялый двор представлял собой глинобитное помещение метров пять длиной и метра четыре шириной, вдоль одной из стен тянулся кан, над которым была протянута веревка. На веревку для сушки вешали полотенца или что-нибудь из одежды. У входа – окошко, у которого стоял столик»* [1, с. 16].

2) *«После 1945 года вокруг Аршана стало больше селиться китайцев. Строили избышки из самана, и появился постоялый двор с отдельными клетушками, с нарами и общей кухней с плитой»* [1, с. 249].

Такие постоялые дворы помогали путешественникам передвигаться от деревни к деревне, обеспечивая им ночлег и пристанище.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова слово *постоялый* в выражении *постоялый двор* имеет помету *устар.* и следующее толкование: «Помещение для ночлега с двором для лошадей и экипажей, проезжающих, обычно с трактиром» [7]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой это слово имеет сходное толкование и помету *устар.* [8]. В нашем случае это словосочетание нельзя толковать как устаревшее (как и в случае со словосочетанием *китайская ночлежка*). Кроме того, это была реальность чужой действительности, названная русским словом.

«СЧАСТЛИВАЯ ХОРВАТИЯ» («ХОРВАТИЯ»). Название Харбина (и всей восточной линии КВЖД) во времена управления Д.Л. Хорвата.

Дмитрий Леонидович Хорват был назначен управляющим новой железнодорожной магистралью (КВЖД) в 1903 г. Генерал поселился в Старом городе. «Он, как старый русский помещик, любил несуетную, размеренную жизнь. По вечерам его часто можно было видеть гуляющим, без всякой охраны, по пыльным улочкам Старого Харбина, как бы оглядывающего свои владения» [9, с. 44].

1) *«Быстро рос Харбин, строился, украшался, вел культурную работу. Русские с собой привезли уютный российский быт: с самоваром, с российским гостеприимством и радушием. Так до 1920 г. работали и жили под мудрым руководством генерала Хорвата. Всю эту область, в которой находилась КВЖД, называли «Хорватией».*

После 1917 г. «в счастливую «Хорватию» со всех сторон нахлынули тысячи запуганных, разбитых физически и морально, растерянных, замученных кровавой борьбой русских людей. «Хорватия» всех их приняла. Генерал Хорват своим авторитетом, дипломатичным тактом сумел прикрыть незваных гостей от недовольства хозяев страны» [1, с. 106].

2) *«Полковнику чудом удалось избежать ареста и расправы. Верные друзья помогли ему перейти границу через Амур у китайского города Сахалана. После он перебрался в Харбин в «Счастливую Хорватию» под управлением генерала Хорвата Д.Л. Будучи лично знакомым с самим генералом, он получил радушный прием и разного рода содействие и поддержку»* [1, с. 94].

ХАРБИНЦЫ. Название жителей русского Харбина, а также тех, кто когда-либо жил в этом городе. Кроме того, является названием человека не столько по месту, сколько по общему опыту жизни в восточной эмиграции и сформированному там типу культуры поведения.

1) *«Для нас, харбинцев, ставших жертвами политического урагана, самым приятным в воспоминаниях будут те дни, что провели мы в Харбине под сенью маньчжурских сопок»* [1, с. 104].

2) *«Харбинцам особенно повезло в том, что представители науки, искусств, преследовавшиеся на своей родине как враги народа, нашли в Харбине себе верное убежище и могли свободно применять свои знания, создав очаги образования для детей, юношества и взрослых»* [1, с. 105].

ЧУРИН. Название магазина в Харбине, основанного купцом И.Я. Чуриным.

Свою фирму Иван Яковлевич Чурин основал еще в 1867 г. в Иркутске, и вскоре филиалы ее стали появляться во многих сибирских и дальневосточных городах. В Харбине свою торговлю И.Я. Чурин открыл с самого его основания, а спустя несколько лет у него было уже три крупных магазина в разных местах города [3, с. 304].

«Утром после завтрака Кривцов отправился к Чурину, купил самую красивую дорогую куклу, красивый пенал и книгу сказок для Катюши, а затем букет красных гвоздик для Марии и коробку шоколада» [2, с. 75].

Магазины располагались районах Пристань, Модягоу и Новый город.

Итак, в группу А оказались включены слова, известные языку метрополии, но имеющие некоторые особенности в функционировании в языке харбинской диаспоры; урбонимы, аналоги которым можно также наблюдать в языке метрополии; новые лексемы, построенные по

словообразовательным моделям русского языка, но служащие для наименований реалий русской Маньчжурии.

Группа Б:

БРЁВНА. Название арестованных в одной из японских тюрем, над которыми проводились медицинские опыты.

«Близ станции Пифан был основан японцами военный городок с хорошо оборудованными лабораториями, в которых специально изготавливались разного рода бактерии тифа, холеры, дизентерии с целью применять их действия на живых людях, совершая на них разного рода опыты. При их городке находилась тюрьма, и арестанты, попадающие в тюрьму, являлись объектами для их опытов. В эту тюрьму попадали люди, обвиненные в шпионаже в пользу других государств, лица, критикующие действия японских властей, перебежчики из Советского Союза и хунхузы.

В этой тюрьме арестованных называли «бревнами». Их заражали бактериями, наблюдая за действием их, потом лечили, применяя разные методы, а тех, которые выздоравливали, подвергали повторным опытам. Из этой тюрьмы никому не удавалось уйти. Попасть туда означало верную смерть» [1, с. 191].

БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ (БЮРО). Бюро, основанное японцам в 1934 г. с целью установления полного контроля над русскими эмигрантами; БРЭМ.

*«Для того чтобы создать полный контроль над русскими эмигрантами и их бытом, было основано в 1934 г. **Бюро по делам российских эмигрантов** с несколькими отделениями, охватывавшими разные стороны жизни эмигрантов. Без регистрации в **Бюро** эмигранты не могли устроиться на работу. Вопросы о службе, перемене места жительства – все было в компетенции **Бюро**. Все эмигрантские предприятия, фирмы, мастерские должны были быть зарегистрированы в **Бюро**. **Бюро**, повсюду имея своих представителей, таким путем знало, что делается в эмигрантской среде. Начальники отделов **Бюро** должны были являться с рапортом в Военную миссию» [1, с. 187].*

ДОБ (Департамент Общественной Безопасности). Организация, занимавшаяся визовым контролем.

*«Одно время у советского консульства в Харбине с **ДОБом (Департаментом Общественной Безопасности)** был заключен договор, согласно которому **ДОБ** не должен был давать разрешение лицам, желающим выехать за границу. В течение двух лет продолжался этот договор, и **ДОБ** не давал разрешения, но потом случилось, что отъезжающие выходили из своего дома с чемоданами в руках, оставив все на волю **ДОБа**» [1, с. 230].*

ЖОХО. Рапорт-донос японскому начальству.

*«Служащие некоторых объектов, например, охранники железнодорожной полиции, должны были подавать своему начальству «**жох**» – сведения о настроении и разговорах среди населения, и особенно о тех, кто критикует действия японцев» [1, с. 191].*

КЕЙГОТАЙ. Железнодорожная полиция, действовавшая в Маньчжоу-Го.

*«Название **Кейготай** – это железнодорожная полиция, охранявшая и разъезды железной дороги на Восточной линии бывшей КВЖД» [1, с. 136].*

ЧЖЕ-МИН-ШУ. Специальное удостоверение для пассажиров железной дороги с отпечатками пальцев, введенное японцами после основания Маньчжоу-Го.

«С основанием Маньчжоу-Го японцы начали водворять новые порядки. Жизнь населения в корне изменилась во всех направлениях.

*На Восточной линии железной дороги требовали с пассажиров специальное удостоверение **Чже-мин-шу**, маленькую книжечку с отпечатком большого пальца на первой странице» [1, с. 187].*

Группа Б представлена аббревиатурами и заимствованиями в авторском графическом оформлении.

Группа В:

АБОН. Религиозный монгольский символ.

*«Над источником в Аршане на пригорке находился **«Абон»** – религиозный монгольский символ. Он представлял собой связку прутьев в рост человека, крепко связанных дважды. Окружен **Абон** был оградой, которая была обвешана шарфиками, платочками, лоскутками» [1, с. 248].*

БАБАН. Монгольский пряник.

*«Во время летнего сезона в Аршан на специальный съезд съезжались все ламы из монастыря. Когда они все собирались вместе, то сначала начиналось торжественное моление, после которого они все садились на землю большими кругами, и тогда начиналось угощение. Каждый сначала получал традиционный **«бабан»** (особый монгольский пряник), а после – куски мяса, которое неподалеку варилось. И те, кто присутствовал в это время в Аршане, тоже получали мясо. Этот съезд как бы являлся религиозной традицией и повторялся из года в год» [1, с. 248].*

КАН. Лежанка в китайском доме, которая располагалась над домашним очагом.

1) *«Вдоль одной из стен тянулся **кан** (большая китайская кровать), над которым была натянута веревка» [1, с. 16].*

2) *«Мы с Алешей частенько отдыхали там, на **кане**, раскуривая трубки в ожидании ужина, который так вкусно готовил Ван» [1, с. 163].*

3) *«Мы спали на **канах**, не раздеваясь: в пальто. Я – в середине, а Боря с Володей – по бокам» [1, с. 16].*

КУЗЫ. Китайские мужские брюки.

*«Октябрь подходил к концу, но он, одетый в **кузы** и стеганую куртку, не ощущал холода» [1, с. 50].*

НАМАЙЧИНА. Монгольское печенье.

*«В его поселке жили торговцы, среди которых проживал Брусенцев Николай Петрович с сыновьями. У него можно было купить **намайчины** (особое монгольское печенье), спирт, чай, хлопчатобумажные ткани» [1, с. 248].*

УЧКА-ТАБИ. Легкая японская обувь.

1) *«Охранникам приказано было подготовиться, и им выдали легкую обувь – **учка-таби**» [1, с. 155].*

2) *«Роса еще не высохла, и порою с деревьев, если заденешь, осыпало каскадами брызг. Куртки наши стали влажными, а **учка-таби** промокли» [1, с. 158].*

ХАНА. Китайский алкогольный напиток.

«Затем наварили пельменей, поели, выпили по две чашки ханы, а после стали расходиться: пришьлые к местным, а местные по своим фанзам» [1, с. 37].

ЦУНО. Рога изюбра.

«Начальство не запрещало заниматься охотой, а, наоборот, поощряло, разрешая им пользоваться казенными винтовками. Некоторые служащие японцы делали им заказ на «цуно» (рога изюбра)» [1, с. 138].

Слова группы В, являясь экзотичными для жителей метрополии, свободно используются автором «Маньчжурских былей», являются вполне освоенными. Часто автор дает значения подобных слов в скобках непосредственно в тексте, полагая, что они могут быть неизвестны широкому кругу читателей. Однако в ряде случаев такое дополнительное толкование представляется автору излишним, т.к. контекст полностью проявляет значение слова.

Приведенные выше примеры доказательно иллюстрируют тот факт, что книгу Т.И. Золотаревой можно рассматривать как богатый лексикологический источник, а материалы книги могут стать базой для особого лексикографического описания и создания «Словаря харбинской лексики», что является одной из перспектив настоящего исследования. Работа над словарем была начата в лаборатории региональной лингвистики АмГУ в 2006 г., а его фрагмент был опубликован в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово» (Вып. 6., 2008 г.) [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотарева Т.И. Маньчжурские были. Сидней, Австралия, 2000. 267 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-71.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для вузов. М.: Академия, 2001. 202 с.
4. Фрумкина Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 5. С.3-10.
5. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1 Таллинн, 1993. 479 с.
6. Оглезнева Е.А. О проекте словаря харбинской лексики // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье. Благовещенск: АмГУ, 2008. С.113-124.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл., 1939. Т. 1-3.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. 750 с.
9. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск: Издатель Хворов А.Ю., 2001, 352 с

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА

УДК 81-11

И.Б. Кейдун

КОММЕНТИРОВАНИЕ КОНФУЦИАНСКОЙ КЛАССИКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА «ЛИ ЦЗИ») В ЦИНСКИЙ ПЕРИОД: ТОРЖЕСТВО ЦЕННОСТЕЙ КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена проблеме сохранения национальной культурной традиции в период правления цинской династии в Китае. Вопросы рассматриваются на примере комментаторской традиции классического конфуцианского трактата Ли цзи («Записи о ритуале»).

Ключевые слова: *Ли цзи, конфуцианские классические тексты, комментирование, период Цин, китайская национальная культурная традиция.*

The article is devoted to the issue of preservation of Chinese national cultural traditions in the period of Quin dynasty reign. The commentary tradition of the Confucian classic text Li ji (The Notes on Rite) is applied in the research.

Key words: *Li ji, Confucian classic text, commentary tradition, Quin period, Chinese national cultural tradition.*

Цинский период (XVII – XX вв.) в истории духовного развития Китая является чрезвычайно важным временем. По масштабам и значению развернувшихся в это время идеологических мероприятий оно сродни ханьской эпохе (III в. до н.э. – III в. н.э.). Оказавшись у власти, цинские правители как бы подвели итоги предшествующего развития (духовного, по крайней мере) Китая, пересмотрели все полученное ими культурное наследие.

Зачастую все, что делали цинские власти в области культуры, расценивается как стремление завоевателей-маньчжуров духовно поработить китайский народ. Однако факты этого не подтверждают. Политика государства разрабатывалась и проводилась преимущественно китайской элитой. Политика эта была строго выдержана в русле давно сложившейся в императорском Китае практики, апеллировала к ценностям национальной духовной традиции и была ориентирована на их всемерное утверждение во имя укрепления устоев «конфуцианской монархии», вовсе не маньчжурского владычества [1, с. 33]. Следовательно, уделять столь большое внимание проблемам культурного развития страны, как это делали цинские власти, их заставляло нечто другое, а отнюдь не желание утвердить маньчжурское владычество.

Инициаторами многих проектов в области духовной культуры, как и в свое время при Хань, являлись императоры, только при Цин это носило гораздо более выраженный и масштабный характер. Цинские императоры активно участвовали в реализации многих культурных начинаний, о чем даже специально указывалось в названиях сочинений. Например, в 1748 г., в период правления императора Цяньлуна (乾隆, 1736-1796 гг.), подготовлено издание *Цинь дин Ли цзи и шу* (欽定禮記義疏) – «Высочайше утвержденная редакция *Ли цзи* с комментариями и пояснениями к комментариям». В составлении этой книги по специальному указу императора Цяньлуна принял участие правительственный комитет в составе восьмидесяти пяти известных ученых, блестяще знавших классические тексты всего конфуцианского канона. Комитет использовал труды двухсот двадцати четырех предшествовавших исследователей разных эпох. В результате такой работы текст книги оказался снабженным пространными и при этом ценными замечаниями.

В толковании текстов конфуцианских канонов и утверждении системы разнообразных понятий, связанных с этой отраслью гуманитарной науки, цинская эпоха превзошла все предыдущие исторические периоды, достигнув внушительных результатов. Подтверждением тому может служить огромное количество редакций конфуцианских канонических текстов, подготовленных в период правления династии Цин. Наибольшее количество изданий текст

Ли цзи выдержал при императоре Гуансюе (光緒, 1875-1909 гг.). Возможным объяснением этому является тот факт, что Гуансюй был последним реально правившим императором Китая. Исторический период, на который пришлось его правление – конец XIX – начало XX вв. – это время политически и экономически очень тяжелое для Китая. Обращение к ритуалу, возможно, являлось попыткой решить существующие проблемы путем обращения к традиционным ценностям, которые были зафиксированы, например, и в книге *Ли цзи*. Далее по мере сокращения числа редакций следуют правления императоров Цяньлуна (время правления этого императора отмечено особо на ниве активного обращения к культурному наследию Китая), Тунчжи (同治, 1862-1875 гг.) – одного из последних правителей, Канси (康熙, 1662-1723 гг.), Цзяцина (嘉慶, 1796-1821 гг.), Сяньфэна (咸豐, 1851-1861 гг.), Даогуана (道光, 1821-1850 гг.), Шуньчжи (順治, 1644-1661 гг.). Не удалось обнаружить редакций памятника, выпущенных при императоре Юнчжэне (雍正, 1723-1736 гг.).

В Цин имели распространение частные школы изучения текстов. Это было закономерным явлением, так как в работу с текстами так или иначе были вовлечены все ученые империи. В результате различного отбора и отсеиваний многие ученые, не устраивающие государственную власть, перестали быть официальными (官學, *гуань сюэ*) и перешли в разряд частных школ (私學, *сы сюэ*). Но в условиях строжайшего контроля властей за всем, что происходило в сфере культуры, противопоставление *гуань* и *сы* явно утратило свой изначальный смысл – практически все получавшие хождение в империи труды были выдержаны в официальном русле, любые попытки выйти за его рамки безжалостно пресекались. Фактически вся эта работа осуществлялась под эгидой властей [1, с. 31]. Научная литература содержит имена ученых (комментаторов *Ли цзи*), относимых к частным школам цинской эпохи: Ван Фучжи (王夫之), Гу Яньву (顧炎武), Хуан Цзунси (黃宗羲). По мнению Ян Тяньюя, их работы несут на себе печать сунского влияния [2, с. 32].

Из наиболее известных комментаторов *Ли цзи* цинского периода следует назвать имена Чжан Эрци (張尔岐), Вань Сыда (萬斯大), Цзян Юна (江永), Чжэн Юаньцина (鄭元慶), Фан Бао (方苞), Сунь Сиданя (孫希旦), Чжу Биня (朱彬), Жуань Юаня (阮元).

Одним из наиболее известных в цинском каноноведении является имя Сунь Сиданя (1736-1784 гг.). Он принимал участие в таком важном государственном проекте, как составление свода *Си ку цюань шу*, занимался многими другими книгами. Но наиболее известны в науке его работы по древним книгам, касающимся ритуалов *ли*, и конкретно по *Ли цзи*. Книга Сунь Сиданя *Ли цзи цзи цзе* (禮記集結, *Ли цзи* со сборником толкований) – из числа самых признанных трудов по тексту «Записей о ритуале». В *Ли цзи цзи цзе* Сунь Сидань собрал толкования на книгу различных ученых. Каждый отрезок текста снабжен комментариями *чжу* (注) Чжэн Сюаня (鄭玄, годы жизни: 127-200, ханьский каноник), комментариями *шу*

(疏) Кун Инда (孔穎達, годы жизни: 574-648, танский каноник), а также высказываниями исследователей трактата различных эпох. Завершает все выражение автором сборника собственного мнения по разбираемой проблеме. Таким образом, цинский период явился важной эпохой в историческом и культурном развитии Китая.

В плане обращения к фундаментальным ценностям национальной культурной традиции исследователи именуют цинский период своеобразным «Ренессансом», определяя его при этом как консервативный, поскольку вся «целестремленная деятельность цинских властей на ниве культуры» была основательно ревизована и строго соотнесена с государственной доктриной [1, с. 32-33].

Применительно к *Ли цзи* это время явилось также чрезвычайно продуктивным. Издано большое количество литературы, содержащей разнообразные комментарии и рассуждения по тексту. Однако это состояние нельзя назвать расцветом комментаторских школ. Многие работы по *Ли цзи* были посвящены, в основном, проверке достоверности памятника. Что как раз подтверждает наш тезис о том, что деятельность цинов на ниве культуры была посвящена во многом ревизии культурного наследия Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доронин Б.Г. Государство и культура в империи Цин // Информационные материалы ИДВ РАН. Вып. IV. V Всероссийская конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». Вып. 4. М., 1991. С. 27-34.

2. Ли цзи и чжу. Ян Тяньюй чжуань (Ли цзи с переводом и комментариями. Составитель Ян Тяньюй). В 2 т. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1997. 1112 с.

3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. Т.4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. М. : Вост. лит., 2009. 935 с.

УДК 81; 745

Ю.Г. Лемешко

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ НА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ КАРТИНЕ-НЯНЬХУА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье автор рассматривает одну из актуальных проблем лингвистики – ценностный аспект картины мира. В работе представлены результаты исследования символов «должность», «карьера», «жалование» в китайском языке и культуре, образная составляющая которых ярко представлена на китайской народной картине-няньхуа.

Ключевые слова: китайская народная картина-няньхуа, благопожелательные картины, картина мира, ценностная картина мира.

The article deals with one of the vital problems of modern linguistics – value aspect of world mapping. It presents the results of study of symbols “employment”, “career” and “salary” in Chinese language and culture. A descriptive constituent of these symbols is vividly represented on Chinese woodblock New Year Pictures.

Key words: Chinese woodblock New Year Pictures, auspicious pictures, language mapping, value aspect of world mapping.

Система ценностей любого этноса, в одинаковой степени обусловленная обыденным и общественным сознанием, определяет национальную языковую картину мира. Реконструкция национальной картины мира подразумевает анализ духовных и материальных, общечеловеческих и индивидуально-личностных ценностей. Одним из показательных примеров объективизации базовых ценностей китайской нации, по нашему мнению, можно считать благопожелательные надписи на китайских народных картинах-няньхуа. «Желать здоровья, счастья и процветания принято у всех народов. Однако в Китае культ благопожеланий достиг невиданного размаха. Во-первых, это диктовалось вежливостью, принятой нормой, церемониалом, которые предполагали постоянное использование благожелательных стереотипов как в виде почти автоматически произносившихся фраз, так и в форме знаков внимания, символов. Во-вторых, символика благопожеланий была крайне разработана и детализирована, имела великое множество оттенков и намеков, что нередко превращало благопожелательную картинку в своего рода ребус, разгадать который непосвященному практически невозможно» [1, с. 347].

В данной статье предложена интерпретация надписей, выполненных на народных картинах-няньхуа, с пожеланиями достижения блестящей карьеры, получения чиновничьего звания. Материалом исследования послужили репродукции более 30 благопожелательных картин заданной проблематики, выполненных в разных региональных центрах в конце цинского периода (1644 – 1911 гг.). «Так как почет и знатность приобретались в конфуцианском Китае главным образом путем экзаменов и чиновничьей карьеры, то не удивительно, что картина прославляет чиновничье благополучие на все лады. <...> Быть первым, знатным ученым, гордостью семьи – вот идеал. Выйдя из простолюдинов, достичь высшей знатности – вот идеал (крестьяне к экзаменам допускались, но другой вопрос – какой процент эти экзамены проходил)» [2, с. 38].

Актуальность проведенного исследования заключается в том, что была проанализирована национально-культурная специфика номинации 禄 *лу* «чиновничья карьера» (или «чиновничье жалование») и ее отражение в стереотипных представлениях простых китайцев. Обращение к ментально-аксиологической картине мира, реконструкция которой возможна благодаря исследованию благопожелательных надписей о достижении карьеры, заставляет нас определиться с содержанием достаточно емкой и многоплановой во всех отношениях номинации 禄 *лу*. По мнению М.Е. Кравцовой, самым ранним текстом, в котором слово 禄 *лу* «чиновничья карьера» можно рассматривать как ценностный ориентир, был трактат ханьского философа Хуань Тая (桓谭 43 до н.э. – 28 н.э.), где дано развернутое определение понятия 五福 *уфу* «пять [условий / проявлений / видов] счастья». В «Хуань-цзы синь лунь» («Хуань-цзы синь лунь», «Новые беседы учителя Хуаня») представлены основные ценностные ориентиры, сформировавшиеся к началу новой эры в китайской культуре. В соответствии с цитатой М.Е. Кравцовой, «五福 *уфу* «пять [условий / проявлений / видов] счастья», это – «*шоу* – «долголетие», *фу* – «счастье», *гуй* – «знатность», категория, включающая в себя и успешную служебную карьеру «*лу*», *ань лэ* – «спокойствие и радость», что означает не только душевный покой челове-

ка, но и его пребывание в мире и согласии с окружающими людьми, а также семейное счастье и мир в стране, и *цзы сунь чжун до* – «множество сыновей и внуков» [3, с. 632].

Около 100 г. н.э. ханьским филологом Сюй Шэнем (许慎 58 – 147 гг.) был составлен первый иероглифический словарь «Шо вэнь цзе цзы» («说文解字»), где слову 禄 *лу* было предложено следующее объяснение: 禄 福也. (*лу, фу е.*; досл.: «карьера / чиновничья должность – это счастье») [4]. Согласно «Большому китайско-русскому словарю», 禄 *лу* в современном языке имеет следующие значения: 1) «жалование»; «содержание»; «доход»; 2) «служебное благополучие, карьера», «счастье, преуспевание» [5, с. 819].

Категорию 禄 *лу* «карьера» в качестве обязательного компонента традиционной аксиологической триады «счастье – долголетие – карьера» рассматривает китайский ученый Инь Вэй. В 2005 г. под его редакцией вышла серия книг «Категории счастья в народной культуре Китая», где автор раскрывает номинации «долголетие», «карьера», «радость», «богатство» не как умозрительные абстрактные понятия, а ценностные смыслообразующие конкретные ориентиры. Предметом описания каждой книги стали стандартные благопожелательные символы, отдельные «счастливые» иероглифы, орнаментальные композиции, представленные в народном и декоративно-прикладном искусстве.

В книге «Феномен «чиновничья карьера» в китайской культуре», представлен материал, раскрывающий происхождение и эволюцию образов Лу-сина (Божества карьеры), Вэньчана (Бога литературы) и его помощника Куй-сина, отвечающего за успешную сдачу экзаменов и получение должности [6]. В 2008 г. Инь Вэй опубликовал книгу «Пять [условий] счастья в изображениях», во второй главе – «Чиновничья карьера» – представлен краткий обзор благопожелательных картин-*няньхуа* на заданную тему [7, с. 33-60]. Автор обращается к самым популярным сюжетам-пожеланиям – «[Желаем] повышения в должности, повышения доходов» («加官进禄»); «[Желаем] повышения в должности, приобретения титула» («加官进爵»); «[Желаем] быть всегда первым на экзаменах всех уровней» («连中三元»); «[Желаем] стать первым кандидатом на высокую должность, занять одно из трех первых мест на государственных экзаменах» («状元及第»); «Пусть все сыновья выдержат экзамены на ученую степень» («五子登科»).

Две последних благопожелательных надписи о повышении в должности и успешной сдаче экзаменов созвучны распространенным надписям на народных картинах-*няньхуа*, выполненных в разных региональных центрах в цинскую эпоху: «Пусть все сыновья станут высокопоставленными чиновниками» («五子天官»), «[Желаем успешно] представить сына к императорскому двору» («带子上朝»).

Среди перечисленных выше благопожеланий практически ни одно не вызывает трудностей при переводе на русский язык, за исключением надписи «连中三元» *лянь чжун сань юань* – «[Желаем] быть всегда первым на экзаменах всех уровней». Здесь пояснения требует выражение 三元 *сань юань*, это сокращение от 解元, 会元, 状元, где к цифре 三 «три» *сань* добавили классифицирующую морфему 元 *юань* (в сочетании 元 имеет значение «первый», «главный»). Сокращаемые слова означают победителей в системе государственных экзаменов 科举 *кэцзюй*: 解元 *цзеюань* – победитель провинциальных экзаменов, проводимых на уездном уровне на соискание ученой степени 举人 *цзюйжэнь*, 会元 *хуэйюань* – победитель столичных

экзаменов на соискание ученой степени *цзиньши* 进士, 状元 *чжуан'юань* – первый из сильнейших, первый кандидат на высокую должность при дворе императора.

Благопожелание «连中三元» на народных картинах-няньхуа с изображением пухлого пупса с пионом в руке или играющих подростков (рисунок варьировался в зависимости от стилистики региональных центров по производству народных картин) встретилося нам на монохромной картине «连中三元图» («*Лянь чжун сань юань ту*»), что позволило понять смысл рассматриваемой благопожелательной надписи. На картине юноши с арбалетами, они целятся по трем мишеням (вероятно, мишени символизируют победы на экзаменах – 三元 解元, 会元, 状元), выражение 连中 *лянь чжун* (где иероглиф 中 *чжун* в четвертом тоне имеет значение «попадать в цель», «выдерживать испытание») можно перевести как «постоянно выдерживать экзамен». Следует заметить, что, согласно разным источникам, в истории проведения государственных экзаменов 科举 *кэцзюй* претендентов, выдержавших подряд все три испытания, было не более двадцати человек.

Для традиционного Китая важной была идея о возможности получения звания чиновника благодаря талантам и способностям, посредством прохождения экзаменационного испытания, результаты которого не зависели от происхождения претендента: «важнейшей чертой, определявшей статус служилого сословия в странах ареала китайской политической культуры, было то, что образованный, привилегированный, причастный к управлению социальный слой – чиновничество – имел принципиально ненаследственный характер» [8, с. 207].

Возвращаясь к тезису Л.С. Васильева о невозможности для постороннего прочтения ребусов на китайской народной картине, разберем два популярных цинских сюжета. О сложности декодирования сюжетов писал в свое время академик В.М. Алексеев, первый в мире исследователь картин-няньхуа: «особенностью китайского искусства, и в высшем его проявлении, и в народно-лубочном, является мания ребусов» [9, с. 40].

На картинке, выполненной в одной из мастерских уезда Уцян (региональная школа провинции Хэбэй), изображена обезьяна (猴 *хоу*), указывающая на пчел (蜂 *фэн*), за веревку она держит оленя (鹿 *лу*), рядом на сосне сидит воробей (雀 *цюэ*). Это классический пример омофонии в китайском языке – на картинке отдельные иероглифы 雀 *цюэ* 鹿 *лу* 蜂 *фэн* 猴 *хоу* созвучны фразе 确禄封侯 «*цюэ лу фэн хоу*», которую дословно можно перевести как «Карьера действительно пожалует титул». Раскрывая зооморфный код этой картины, исследователь Шэнь Хун указывает: изображение оленя 鹿 *лу* передает пожелание отличной карьеры 禄 *лу*, изображение обезьяны *хоу* и пчел *фэн* – созвучно выражению 封侯 *фэн хоу* «пожаловать титул» [10, с. 78].

На благопожелательной картине «Когда рыба превращается в дракона, она высоко поднимается (вверх по реке)» («魚龍高陞»), выполненной в мастерских Янлюцина (г. Тяньцзинь), изображен мальчик-пупс, обнимающий карпа, из пасти которого выходит струя воды, превращающаяся в дракона (см. рис.1 на вкладке). Картинка выполнена в традиционном янлюцинском стиле, но даже семантически простой художественный язык картины не дает возможности понять смысл надписи «Юй лун гао шэн» («魚龍高陞»). Оригинал этой цинской картины хранится в Эрмитаже. Ведущий сотрудник музея М.Л. Рудова предлагает следующее объяснение сюжету: «В одной из легенд говорится, что рыба, прошедшая в «Ворота дракона» (пороги на реке Хуанхэ) во время грозы и обжегшая свой хвост, может превратиться в

дракона; не прошедшая, поранив жабры, возвращается. Смысл картины – пожелание сдать экзамены, пройдя «Ворота дракона», – третьи ворота на экзаменационном дворе» [11].

Благопожелательные надписи на картинах-*няньхуа* подтверждают идею о том, что для большинства населения в традиционном Китае чиновничья должность и карьера в ценностной структуре бытия занимали ведущее место. Победа на экзаменах гарантировала любому претенденту богатство и процветание для победителя и его семьи. Л.С. Васильев по этому поводу писал: «Культ благопожеланий в Китае лишний раз подчеркивал не столько даже практичность и прагматичность рационалистического мышления китайцев, сколько ориентацию всей китайской системы ценностей на посюстороннюю жизнь» [2, с. 348].

Особый интерес представляет сюжет «*Ду чжань ао тоу*» («*Ду чжань ао тоу*»), дословный перевод: «Пусть [Ваш сын] единственный встанет на голову *ао*». Парная картина с таким благопожеланием входит в коллекцию академика В.М. Алексеева, хранящуюся в Эрмитаже (см. рис.2 на вкладке). «На правой картине на веревке мальчик тянет чудовище-единорога, на левой – чудовище-льва. Правая надпись: «Богатства и долголетия», левая: «Пусть [Ваш сын] один захватит голову *ао*», т.е. будет единственным, кто сдаст экзамены на высокую должность. *Ао* – гигантская черепаха, на которой стоит священный остров Пэнлай. Выражение «одному захватить голову *ао*» значит: «стать известным». Оно взято из исторического рассказа и основано на игре слов «держат на голове» (*шоу гуань*) и «быть первым», «быть на почетном месте» (*шоу гуань*) (пер. М.Л. Рудовой)» [2, с. 235].

В.М. Алексеев предлагает свою версию сюжета, очевидно, записанную со слов китайцев, сопровождавших его во время путешествия по стране: «Известная формула благопожелания *ду чжань ао тоу* – «будь единственным, которому удастся вскочить на верх горы, называемой Черепаха-Чудовище», т.е. будь первым кандидатом (*чжуан'юань*) на экзаменах во дворце» [2, с. 235]. Далее следует рассказ о молодом человеке Ли Чжун-мине, первым забравшимся на гору *Ао* (находящейся «на юге Китая, близ столицы одной из южных династий») и оказавшимся первым на листе кандидатов. Практически все надписи на народных картинах-*няньхуа* отличаются следующими характеристиками: лапидарность, стереотипность, прецедентность. Носитель культуры, принимая идею благопожелания в целом, может интерпретировать надпись по-разному – в соответствии со степенью популярности сюжета, уровнем образованности и т.д.; этим можно объяснить разночтения в описании картин-*няньхуа*,

Современные исследователи в КНР, занимающиеся народным искусством, привлекают материалы разных научных направлений, поскольку междисциплинарный подход позволяет делать максимально правильные заключения. По мнению ученых, выражение «*ду чжань ао тоу*» («Пусть [Ваш сын] единственный встанет на голову *ао*») имеет непосредственное отношение к большой вырезанной из камня мифической черепахе *ао*, которую устанавливали напротив императорского зала. Победителю на экзаменах было позволено встать на черепаху во время оглашения имен первых кандидатов на высокую должность [12, с. 28].

В этом контексте хотелось бы обратить внимание на народную картину-*няньхуа*, выполненную в мастерских Янцзябу (杨家埠, уезд Вэйсянь, провинция Шаньдун), изображающую Куй-сина, помощника Бога литературы Вэнь-чана, стоящего на одной ноге на черепахе *ао*. (см. рис.3 на вкладке). Картину сопровождают два благопожелания – уже известное нам

«Пусть [Ваш сын] единственный встанет на голову ао» и «Куй-син лао-е чжань чжуан'юань» («魁星老爷占状元»), дословный перевод: «Куй-син занял первое место на экзаменах». Вкратце история этого божества выглядит следующим образом: «По преданию, у Куй-сина было безобразное лицо. Когда он выдержал первым экзамены на ученую степень, ему полагалась аудиенция у государя, но, увидев его, император отказал ему в этой чести. В отчаянии Куй-син бросился в море, но рыба ао вынесла его на поверхность и спасла. Изображение Куй-сина ставилось в особой башне на экзаменационном дворе» [13, с. 483]. В народных изображениях Куй-син, как правило, предстает стоящим на одной ноге на спине огромной рыбы ао. На *няньхуа* из шаньдунского регионального центра Янцзябу мастер изобразил Куй-сина стоящим на мифической черепахе ао, соединив две сюжетных линии.

Изучение основных характеристик надписей с пожеланием успешной карьеры и чиновничьего жалования и, как необходимое для этого условие, пожелание блестящей сдачи экзаменов, позволяет заключить, что на народной картине-*няньхуа*, создаваемой коллективным автором, повторяющаяся, типовая благопожелательная сюжетика, транслирующая народную культуру, создает устойчивую модель, которая дает представление о ценностных ориентирах китайской нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Л.С. История религий Востока: Учебное пособие для студ.вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш.шк., 1988. 416 с.
2. Алексеев В.М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука, 1966. 260 с.
3. Кравцова М.Е. У фу (Пять [условий/проявлений/видов] счастья). Духовная культура Китая: энциклопедия: в 6 т. Т.2. Мифология. Религия. Ред. М.Л. Титаренко и др. М., 2007. С. 631-632.
4. Шовэнь цзецзы. Словарь «Шовэнь цзецзы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shuowen.org/view/15>
5. Большой китайско-русский словарь под ред. проф. И.М. Ошанина (около 250 тыс. слов и выражений): в 4 т. М.: Наука, 1984. Т.3.
6. Чжунго лу вэньхуа / Инь Вэй, Инь Фэйжань. – Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 2005 (Чжунго миньцзянь цзисян вэньхуа цуншу) (Феномен «чиновничья карьера» в китайской культуре / Инь Вэй, Инь Фэйжань. – Куньмин: Изд-во «Юньнань жэньминь чубаньшэ», 2005 (Серия «Категории счастья в народной культуре Китая»)).
中国绿文化/殷伟, 殷斐然著 – 昆明: 云南人民出版社 2005 (中国民间吉祥文化丛书)
7. Тушо у фу / Инь Вэй бяньчжу. – Хэфэй: Аньхуэй вэнь'и чубаньшэ, 2008 (Пять [условий] счастья в изображениях / Инь Вэй. – Хэфэй: Изд-во «Аньхуэй вэнь'и чубаньшэ», 2008) 图说五福 / 殷伟编著 – 合肥: 安徽文艺出版社 2008.
8. Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: Восточная литература, 1999. 312 с.
9. Алексеев В.М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М.: Восточная литература, 1958. 321 с.
10. Чжуншэн цзисян: Миньцзянь няньхуачжундэ мэйхао юй'и / Шэнь Хун чжу. – Бэйцзин: Чжунго гунжэнь чубаньшэ, 2008 (Система символов счастья (Скрытый смысл прекрасного на народной картине-няньхуа) / Ред. и сост. Шэнь Хун. Пекин: изд-во «Чжунгожэнь чубаньшэ») 众生吉祥 (民间年画中的美好寓意) 沈弘著. – 北京: 中国工人出版社 2008.
11. Няньхуа. Народная картина старого Китая. Из собрания государственного Эрмитажа в Ленинграде (набор открыток). Ленинград: изд-во «Аврора», 1988.
12. Букэ бучжидэ Чжунго чуаньтун вэньхуа чанши / Мао Фэн чжубянь. – Бэйцзин: Чжунго фунюй чубаньшэ, 2008 (Базовые общие сведения о традиционной культуре Китая / Под ред. Мао Фэна. Пекин. Изд-во «Чжунго фунюй чубаньшэ», 2008)
不可不知的中国传统文化常识/ 毛峰主编 – 北京: 中国妇女出版社 2008
13. Рифтин Б. Л. Куй-син. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 6 т. Т.2. Мифология. Религия / Ред. М.Л. Титаренко и др. М., 2007. С. 483

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КЛАССИФИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена специфичному явлению китайского языка – классификаторам. Автор предлагает краткую характеристику первым классификаторам. Китайские классификаторы, зафиксированные на гадательных костях, стали обязательной грамматической нормой современного китайского языка. В настоящее время насчитывается около 300 классификаторов.

Ключевые слова: современный китайский язык, классификатор, изолирующие языки, существительное, мерное слово, числительное.

The article is devoted to a specific phenomenon of the modern Chinese language – classifiers. Chinese classifiers, inscribed on oracle bones, have become a grammatical norm of the modern Chinese language. About 300 classifiers have been identified nowadays.

Key words: modern Chinese language, a classifier, isolating languages, a noun, a measure word, a numeral.

Уникальность китайского языка как в устной, так и в письменной формах заключается в том, что, рассматривая его как этнокультурный феномен, в нем можно найти отражение духовной и материальной культуры, непрерывно просуществовавшей более двух тысяч лет. Этнический менталитет и культура китайского народа находят свое отражение в языковом сознании, сохраняя при этом отдельные языковые элементы в течение тысячелетий.

Классификаторы в китайском языке – это особый вид лексики, который интересен не только лингвистам, но и этнографам, историкам, культурологам. Классификаторы отражают результат познания мира и раскрывают культурно-исторические особенности нации.

Так что же такое классификаторы? Это вопрос, которому уделяется достаточно много внимания в научной литературе, однако очень часто исследователи грамматики китайского языка относят классификаторы к счетным словам, объединяя их с другими группами слов, которые грамматически очень сильно от них отличаются. Вопреки устоявшейся терминологии, счетным словом мы будем называть не отдельный класс слов, а позицию или функцию любого слова, стоящего непосредственно после числительного. Употребляясь в этой функции, счетное слово соединяет числительное с существительным или глаголом. В составе счетного комплекса, подчиненного существительному, могут употребляться следующие слова: 1) существительные (только такие, которые могут употребляться для измерения количества); 2) классификаторы (служебные слова, которые помимо счетной функции выполняют и классификационную); 3) мерные слова (слова, сохранившие лексическое значение, но утратившие синтаксическую самостоятельность), среди которых выделяются: а) существительные со значением меры; б) существительные, образованные от глаголов; в) названия совокупностей людей; г) существительные, обозначающие часть вещества или предмета.

Именно наличие классификаторов является специфичным явлением современного китайского языка, поскольку в языках других типов мы тоже можем выделить так называемые единицы измерения, которые сочетаются с неисчисляемыми существительными или при обозначении совокупностей.

По мнению В.М. Солнцева, существительные с классификаторами в китайском языке и в других языках изолирующего типа всегда обозначают некий отдельный определенный или просто выделенный из ряда отдельный предмет. Видимо, идея штучности, единичности (иногда конкретной, иногда неконкретной), является главной для классификаторов. Развитие этой главной функции классификаторов несомненно связано с отсутствием в формоизолирующих языках специальной формы единственного числа и отсутствием жесткой противопоставленности форм множественного и единственного числа [1, с. 281].

Итак, наличие классификатора после числительного является обязательной грамматической нормой современного китайского языка, но всегда ли они существовали в китайском языке? Важными источниками, позволяющими проследить возникновение и развитие классификаторов, являются книга М.В. Крюкова и Хуан Шуин «Древнекитайский язык» [2], а также книга М.В. Крюкова «Язык иньских надписей» [3].

Согласно данным М.В. Крюкова и Хуан Шуин, в архаическом древнекитайском языке XIV – XI вв. до н.э. уже наблюдались «единицы исчисления». Это были, во-первых, «наименования мер объема веществ или совокупностей мелких предметов» *чан лю ю* «шесть кувшинов вина» (букв. вино шесть кувшинов), а во-вторых, единицы исчисления для «счета единичных предметов». Такими единицами служили повторенные после числительных названия тех же подвергаемых подсчету предметов: *жэнь ши жэнь* «десять людей», *ян бай ян* «сто баранов» [2, с. 55-56].

Следует заметить, что никаких специальных классификаторов в языке той эпохи не отмечено. Счетные слова в том смысле, в котором мы понимаем их сейчас, появляются в период «раннего доклассического китайского языка» (X – VIII вв. до н.э.). В этот период сохраняется и прием «дублирования имен», но появляются и специальные единицы, используемые – каждая – для подсчета разных групп примеров. В качестве примеров авторы приводят следующие единицы: *пи* – для лошадей, *фу* – для людей, *лян* – пара лошадей, упряжка [2, с. 78].

По данным М.В. Крюкова и Хуан Шуин, в период раннего классического языка (середина I тысячелетия до н.э.) появляется новая «мерная» конструкция, в которой числительное и слово, означающее совокупность, ставятся уже не после, а перед существительным. Именно эта конструкция стала господствующей в китайском языке в последующие периоды его развития.

В соответствии с периодизацией, предложенной М.В. Крюковым и Хуан Шуин, в период постклассического языка (III – V вв. н.э.) происходит значительный рост количества счетных слов. Очень важным, проливающим свет на природу счетных слов, является вывод авторов о том, что счетные слова этимологически восходят к названиям частей целого предмета: *тоу* «голова» (для счета скота), *лян* «воротник» (для счета плечевой одежды – халатов, курток), *яо* «пояс» (для счета юбок штанов) [2, с. 341-342].

Таким образом, для того чтобы правильно употребить классификатор, надо знать, к какому подклассу относится существительное; при этом сам классификатор сообщает лишь, к

какому подклассу относится существительное, но не передает никакой информации о предмете, он выбирается для каждого существительного автоматически и в переводе не отражается. Существительные делятся на классы в зависимости либо от семантической группы существительного (растения, животные, инструменты, машины и т.д.), либо от формы предмета (плоские, шарообразные, длинные и т.д), но есть и подклассы, трудно понятные изучающим китайский язык. Например, классификатор *коу* «рот» употребляется с существительными «свинья», «гроб», «колодец», «член семьи» и др.: *цзи коу чжу* «несколько свиней», *и коу гуаньцай* «один гроб», *и коу цзин* «один колодец», *у коу жэнь* «пять членов семьи».

Хотелось бы остановиться еще на одном аспекте, который касается употребления классификаторов. Одно и то же существительное может сочетаться с различными классификаторами. Приведем пример: существительные, выражающие понятие *человек*, определяются группой классификаторов *гэ*, *вэй*, *мин*, *коу* и др. С помощью этих классификаторов может быть выражено отношение к данному человеку, уточнено его положение в жизни, обществе.

Универсальность *гэ* позволяет применять его к любому понятию, обозначающему человека (три друга, два брата, шесть человек).

Классификатор *коу* употребляется реже и обозначает «едок» в сочетании *сань коу жэнь*.

Классификатор *мин* применяется очень широко и носит нейтральный характер, нейтральный до такой степени, что его можно употреблять не только в достойных ситуациях, соответствующих высокому социальному уровню, но даже при обозначении таких социально негативных понятий, как, например, существительное «хулиган». Грамматически и этически правильно сказать *и мин люман*, однако если произнести *и вэй люман*, такое словосочетание просто не поймут: «уважаемый господин хулиган».

Классификатор *вэй* применяется по отношению к существительным, обозначающим людей с более высоким социальным и семейным статусом, чем у говорящего; людей с возрастом старше говорящего; людей, независимо от возраста, известных делами, вызывающими уважительное отношение говорящего: *и вэй лаоши* «один учитель» [4, с. 223-226].

Приведем примеры употребления существительного «свинья» с различными классификаторами: *И тоу чжу* – свинья, считаемая по головам для отчета налоговой инспекции; *И коу чжу* – свинья-едок, считаемая по количеству ртов для расхода кормов; *И чжи чжу* – свинья, считаемая в биологическом смысле как вид животного [4, с. 239].

Анализ примеров показал, что, применяя различные классификаторы, мы придаем новые функциональные свойства определяемому существительному и выражаем свое отношение к ним.

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время мы наблюдаем «упрощение» китайского языка, которое коснулось не только лексики, но и грамматики. В частности, это проявляется в употреблении в разговорном китайском языке универсального классификатора *гэ*. Таким образом, напрашивается вопрос, зачем вообще заучивать такое большое количество классификаторов (около 300), если можно обойтись одним универсальным? Однако свободное владение классификаторами – одно из доказательств высокого уровня владения китайским языком. Кроме того, в произведениях современных китайских писателей можно встретить все многообразие классификаторов, которые украшают язык, придают ему особую изысканность и выразительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 281 с.
2. Крюков М.В. и Хуан Шуин. Древнекитайский язык. М.: Наука, 1978. 512 с.
3. Крюков М.В. Язык иньских надписей. М.: Наука, 1973. 136 с.
4. Архипов В.В. Гэ, вэй ... шоу, или 50 классификаторов китайского языка в примерах и объяснениях. Ч.1. Находка: Ин-т технологии и бизнеса, 2007. 260 с.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКА: СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ В РЕЧИ

УДК: 81'32

С.В. Андросова, Е.Ю. Андросов, Р.А. Чала

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО ТРАНСКРИБИРОВАНИЯ ДЛЯ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ОТ ИЗОЛИРОВАННОГО СЛОВА К ТЕКСТУ

Данная работа посвящена некоторым особенностям использования алгоритмического языка Free Pascal в целях фонетического программирования. Рассматриваются способы автоматического транскрибирования нескольких букв и буквосочетаний для американского варианта английского языка на уровне изолированного слова и в тексте с учётом такого явления связной речи, как одноударные аллофоны. Используются различные типы данных (строка, массив, набор символов, целое число), функция по замене одних символов на другие, внутри которой фигурируют четыре библиотечных функции (Pos, Delete, Insert, Length), функция сличения слов с эталоном, процедура определения словесных границ. Задействованы операторы ввода и вывода, условный оператор, циклы к предусловию, операторы булевой алгебры. Для учета фактора ударения применяется методика простейшего тэггирования.

Ключевые слова: автоматическое транскрибирование, одноударный, процедура, функция, оператор, типы данных.

The current article touches upon some peculiarities of applying Free Pascal to phonetic programming. The ways of automatic transcription of several graphemes in isolated words of American English are viewed. Such phenomenon of connected speech as tapping is taken into account. Several data types (string / ansistring, array, set of char, integer) are used. Certain functions such as Replace with four library functions inside it (Pos, Delete, Insert, Length) and the procedure of determining word boundary are considered. Input and output operators, conditional and precondition operators, and Boolean operators are enacted. Word stress is introduced by the simplest tagging technique.

Key words: automatic transcription, tap, procedure, function, operator, types of data.

Введение

В связи с бурным развитием информационных технологий, которое началось в последнее десятилетие XX в., к формам существования современных языков добавилась электронная. Эта форма предоставляет весьма широкое поле для успешной интеграции новейших результатов лингвистических исследований и возможностей программирования. В настоящей статье описан первый опыт программирования автоматического транскриптора американского варианта английского языка с учётом особенностей аллофонного варьирования связанной речи. Поставленная задача в целом относится к задачам довольно высокого уровня сложности в силу ряда обстоятельств. Во-первых, на пути «буква – фонемный транскрипционный знак» из-за большого количества исключений следует говорить скорее о тенденциях чтения, чем о правилах, а программировать тенденции намного сложнее. Во-вторых, непросто определиться с оптимальным количеством аллофонов. В-третьих, выбор аллофона часто обусловлен взаимовлиянием комплекса разноуровневых факторов, что не учтено классической фонологией. В-четвёртых, все вопросы, связанные с компьютерным моделированием аллофонии в американском английском, относятся к неразработанным.

Основой и материалом для систематизации и алгоритмизации правил чтения являются, во-первых, американские произносительные словари: Cambridge Dictionary of American English; Longman Dictionary of American English; Longman Pronunciation Dictionary [1, 2, 3], во-вторых, устная спонтанная монологическая речь. В качестве языка программирования выбран Free Pascal. Причины такого предпочтения заключаются в 1) мультиплатформенности данного языка (при этом список подходящих операционных систем не ограничивается Windows и Linux), 2) постоянной обновляемости (последнее обновление датируется февралем 2013 г.), 3) свободы доступа [4, 5], 4) одновременной универсальности и простоты синтаксиса. Именно поэтому данный язык был выбран в качестве подходящего инструментария для решения задач фонетического программирования.

Постановка задачи для программирования автоматического транскрибирования

Предположим, у нас имеется общеизвестное «правило» чтения английского диграфа -ea-. Схематично оно может выглядеть следующим образом [6]:

ea: 1) /i/: heat, mean, least, beast, leave, lead, read

2) /E/: head, dead, ready, death (usually) (полужирным обозначено условие выбора)

! compare: [E] breath (здесь и далее восклицательным знаком обозначены исключения или редкие случаи)

[i] breathe

! /E/: breast, heaven, wealth, weapon, threat, meant, meadow, measure, read (2nd and 3d form of the verb)

! /ei/: great, steak, break

! /ieu/: create

Схему следует излагать так: диграф -ea- читается как [i], кроме тех случаев, когда он находится перед согласными -d- и -th- и читается в основном как [E]. Имеются исключения, которые необходимо выучить.

Данная схема, совершенно нормальна для студента, изучающего английский язык, но недостаточно пригодна в качестве программируемого алгоритма, поскольку, например, не учитывает формообразование, при котором способ прочтения для человека сам собой разумеется: wealth – wealthy, steak – steaks, break – breaking, great – greater – greatest и тому подобное. Если при формообразовании от слов-исключений способ прочтения диграфа не меняется, то образованные формы также следует заносить в список исключений.

Инструментарий для изолированных слов

Когда построен пригодный алгоритм, можно приступить к его программированию. Суть программы заключается в том, чтобы компьютер находил нужную нам букву или буквосочетание и заменял на нужный транскрипционный знак. Сложность конкретной задачи программирования определяет многообразие задействованного инструментария Free Pascal (полный инструментарий см. в учебнике Е.Р. Алексеева et al [7]).

Для данной задачи достаточна функция по замене одних символов на другие, в которой фигурируют четыре библиотечные функции: *Pos*, *Delete*, *Insert*, *Length*. У функции может быть определенное количество аргументов (их может и не быть, если функция не предполагает аргументов). Аргументы перечисляются в круглых скобках. Так, у функции по замене одних символов на другие имеются три аргумента (где искать – слово, что искать – диграф и на что заменять – транскрипционный знак):

```
function Replace(sInput, sSearch, sReplace:String):String;
```

Функция *Pos* возвращает индекс подстроки в строке. Напр., для строки 'read' и подстроки 'ea' функция возвращает индекс 2 – диграф начинается со второго символа в строке; для eat – 1, для breast – 3.

Функция *Delete* удаляет из строки определённое количество символов. Строка (откуда удалять) определяется первым аргументом, с какого по счету символа начинать удалять – вторым аргументом, сколько символов удалять – третьим аргументом.

Функция *Length* возвращает значение длины строки (количество символов в строке). Напр. *Length* ('break')=5. В нашем случае – длина диграфа = 2 (два символа).

Функция *Insert* вставляет первый аргумент во второй аргумент, начиная с символа, порядковый номер которого определяется третьим аргументом.

Целиком функция по замене диграфа на транскрипционный знак выглядит следующим образом:

```
function Replace(sInput,sSearch,sReplace:String):String;  
var i1:Integer;  
    sTmp:String;  
begin  
    i1:=Pos(sSearch,sInput);  
    sTmp:=sInput;  
    Delete(sTmp,i1,Length(sSearch));  
    Insert(sReplace,sTmp,i1);  
    Replace:=sTmp;  
end;
```

В кодовом блоке сначала идет проверка на все исключения из того или иного правила чтения. Если слово не относится к разряду исключений, то его обработка ведется основной веткой программы. Для упрощения обработки исключений вводятся константы. Для данной конкретной задачи необходимо два типа констант: *string* – строка, если исключение составляет только одно слово, и *array* – массив, когда исключений одного типа прочтения два и больше.

Константа типа строка задается очень просто:

```
TStringIEI = 'create';
```

Для правильного описания массива нужно указать количество в нем элементов и перечислить стандартным способом с правильным синтаксисом. Количество массивов определяется количеством разных типов исключений. В данном случае их два. Первый для трех слов, которые читаются через [ei], второй – для девятнадцати слов, которые читаются через [E].

```
CountEI = 3;
```

```
TArrayEI : array [1..CountEI] of string = ('great','break','steak');
```

```
CountE = 19;
```

```
TArrayE : array [1..CountE] of string = ('heavy','heaven','breast','meadow',  
    'weapon','wealth','wealthy','ready','dead','bread','death','breath','measure',  
    'pleasure','treasure','head','thread','threat','meant');
```

Если нам нужно добавить слова в массив, то следует изменить и цифру, указывающую на количество элементов в нем. В противном случае сборка программы завершится с ошибкой.

Несмотря на то, что идентификаторы массивов произвольны (разумеется, при соблюдении всех правил оформления имен для Free Pascal), мы предлагаем определенным образом привязывать их к типу прочтения исключений, входящих в данный массив: *TarrayEI* – для исключений, читающихся через [ei], *TarrayE* – для исключений, читающихся через [E]. По данному шаблону можно задать константы и для других типичных случаев, напр., для буквосочетания -ege- (см. полную программу автоматического транскрибирования -ege- в статье С.В. Андросовой и Р.А. Чала [8]).

Поскольку зачастую транскрипционный знак не совпадает со знаками, предусмотренными клавиатурой, вместо типа данных *String* следует использовать *AnsiString*, что дает возможность отражения юникодовских фонетических символов (так следует делать, если не совпадает хотя бы один транскрипционный знак).

Программа усложняется, если правила чтения привязаны, напр., к делению букв на гласные и согласные. В блоке констант оговаривается дополнительный тип данных *set of char* – набор символов, как, напр., при программировании чтения диграфа -th-, для которого важно, что он читается как звонкий [Δ] между гласными и как глухой [T] почти во всех остальных случаях. Следовательно, необходимо оговорить, какие буквы относятся к гласным. Полностью блок констант для диграфа -th- выглядит следующим образом:

```
const
```

```
CountTHI = 11;
```

TArrayTH1 : array [1..CountTH1] of AnsiString = ('the', 'this', 'these', 'that', 'those', 'they', 'them', 'their', 'there', 'then', 'than');

CountTH2 = 2;

TArrayTH2 : array [1..CountTH2] of AnsiString = ('Themes', 'Thomas');

vowel : set of char = ['a', 'e', 'i', 'o', 'u', 'y'];

Самая сложная задача, решаемая на уровне работы с изолированными словами, – это учет факторов 1) ударения (ударная или безударная позиция), 2) типа слога (открытый, закрытый, тип III – «гласный + r», тип IV – «гласный + re»). Первый необходим не только для правильного транскрибирования гласных, но и для согласных при учете, например, придыхания и одноударных аллофонов. Ко второму фактору привязан способ прочтения всех одиночных гласных графем.

Учет фактора ударения можно произвести с помощью тэггирования слов, в которых перед гласным следует ввести специальный символ (напр., ^), обозначающий ударение:

It's a d[^]ifficult qu[^]estion. I have gr[^]own [^]up in B[^]oston and in N[^]ew [^]England.

Сравнивая двойные интервокальные буквы в таких словах, как, напр., *att[^]ention u getting*, программа будет игнорировать случаи, когда перед гласным будет стоять знак ударности.

Что касается типов слогов, то научить машину различать третий и четвертый тип слога не составит труда. Проблематичным будет отличить первый тип от второго по формальным признакам. Как, в частности, объяснить машине, что в словах *finite u finish* первую букву «i» следует транскрибировать по-разному? Одним из способов решения этой проблемы может стать введение массива суффиксов, к которым, напр., относятся -ish, -it, -age- /-agi-. Их наличие можно использовать как формальный признак выбора, например, между транскрипционными знаками [ai] и [I] для первой буквы «i» в вышеуказанных словах.

Программирование одноударных аллофонов

При переходе от транскрибирования в изолированном слове к транскрибированию в связном тексте (для этого необходима привязка к соответствующим файлам на входе и выходе формата simple text) учет фактора ударения приобретает особую важность. В дополнение к этому возникает необходимость прописывать особенность позиции буквы или буквосочетания в конце слов или внутри слова. Для этого в вариативном блоке предусмотрено введение индексов типа целое число для начала слова, его длины и конца слова, а также наличие функции по отделению буквенных символов от не буквенных.

Все эти моменты следует учитывать, напр., при автоматическом транскрибировании одноударных на месте интервокальных одинарных и двойных букв «t/tt», «d/dd», находящихся внутри и на стыке слов, а также одноударного в слове «it'll» (частичный анализ программы см. в работе Р.А. Чала [9]; условия реализации одноударных см. в работе С.В. Андросовой [10, с. 108–113].

При оценке позиции как интервокальной необходимо указать на то, что имеются нечитаемые согласные буквы. В частности, для одноударных важно, что в словах типа *honor* и его производных, *heir* и его производных не читается первая буква, что способствует образованию интервокальной позиции для «t» в сочетаниях типа *that honor* и подобных. Обратный

пример – суффикс -ion не способствует возникновению интервокальной позиции и, следовательно, реализации одноударного.

Также следует помнить, что слова могут начинаться с прописной буквы либо отображаться только прописными. Чтобы избежать игнорирования программой таких случаев, необходим перевод сличаемых слов (sWord и sCheckWord) в верхний регистр (UpCase), который является в этом плане универсальным.

На данном этапе программа автоматического транскрибирования одноударных выглядит следующим образом:

```
program Taps1;
const
  sFileNameInput = 'taps.txt';
  sFileNameOutput = 'Taps_with_R.txt';
  sItWill = 'it''ll';
  sItWillRpl = 'i[ ° ]''ll';
var
  fln, fOut:Text;
  iBeginWord,iLenWord,iBeginNextWord,iLenNextWord:Integer;
  sTmp:AnsiString;
Function IsWordSymbol(C:Char):Boolean;
begin
  IsWordSymbol := C in ['A'..'Z','a'..'z','^'];
end;
Function CompareWord(sWord:AnsiString;sCheckWord:AnsiString):Boolean;
var
  s1,s2:AnsiString;
  i:Integer;
begin
  If Length(sWord) <> Length(sCheckWord)
  Then begin
    CompareWord:=False;
    Exit;
  end;
  s1:='';
  s2:='';
  For i:=1 to Length(sWord) do begin
    s1+=UpCase(sWord[i]);
    s2+=UpCase(sCheckWord[i]);
  end;
  CompareWord:=s1=s2;
end;
Procedure SelectWord(s:AnsiString;var iBegin,iLen:Integer);
begin
```

```

While not IsWordSymbol(s[iBegin]) And (iBegin+1<=Length(s)) do begin
  Inc(iBegin);
end;
iLen:=0;
While (iBegin+iLen<=Length(s)) And (IsWordSymbol(s[iBegin+iLen])) do begin
  Inc(iLen);
end;
end;
Procedure ReplaceWord(var sIn:AnsiString; iB,iL:Integer;sCmp,sRpl: AnsiString);
begin
  If CompareWord(Copy(sIn,iB,iL),sCmp)
  Then begin
    Delete(sIn,iB,iL);
    Insert(sRpl,sIn,iB);
  end;
end;
Procedure ReplaceInMiddle(var sIn:AnsiString;iB,iL:Integer);
var i:integer;
begin
  i:=2;
  while i-1<iL do begin
    If (sIn[iB+i] in ['t','d'])
      And (sIn[iB+i-1] in ['a','e','i','o','u','y'])
      And (sIn[iB+i+1] in ['a','e','i','o','u','y'])
      And (i+2<iL)
    then begin
      If (iB+i+3<Length(sIn))
      And (sIn[iB+i+1]+sIn[iB+i+2]+sIn[iB+i+3]='ion')
      then begin
        ;
      end
      else begin
        sIn[iB+i]:='t';
        ReplaceWord(sIn,iB+i,1,'t','[R]')
      end;
    end;
    If ((sIn[iB+i]+sIn[iB+i+1]='tt')Or(sIn[iB+i]+sIn[iB+i+1]='dd'))
      And (sIn[iB+i-1] in ['a','e','i','o','u','y'])
      And (sIn[iB+i+2] in ['a','e','i','o','u','y'])
    then begin
      sIn[iB+i]:='t';sIn[iB+i+1]:='t';
      ReplaceWord(sIn,iB+i,2,'tt','[R]')
    end;
  end;
end;

```

```

        end;
        Inc(i);
    end;
end;
Function ExceptionSecondWord(sTmp:AnsiString):Boolean;
begin
    ExceptionSecondWord := (sTmp='hour')
        Or (sTmp='honor');
end;
Function CheckBeginIsVowel(sIn:AnsiString;iB,iL:Integer):Boolean;
begin
    CheckBeginIsVowel := (sIn[iB] in ['a','e','i','o','u','I'])
        Or ((iL>1) And (sIn[iB]='^') And (sIn[iB+1] in ['a','e','i','o','u']));
end;
Procedure ReplaceInTwoWord(var sIn:AnsiString;iB,iL,iBN,iLN:Integer);
begin
    If (iB+iL<Length(sIn))
        And (iBN+iLN<=Length(sIn))
    then begin
        If (sIn[iB+iL-2] in ['a','e','i','o','u','y'])
            And ((sIn[iB+iL-1]='t') Or ((sIn[iB+iL-1]='d')))
        And (CheckBeginIsVowel(sIn,iBN,iLN) Or (ExceptionSecondWord(Copy(sIn, iBN,iLN))))
        then begin
            ReplaceWord(sIn,iB+iL-1,1,'t','[R]');
            ReplaceWord(sIn,iB+iL-1,1,'d','[R]');
        end;
    end;
end;
BEGIN
    Assign(fIn,sFileNameInput);
    Assign(fOut,sFileNameOutput);
    Reset(fIn);
    Rewrite(fOut);
    While not eof(fIn) do begin
        iBeginWord:=1;
        iLenWord:=0;
        ReadLn(fIn,sTmp);
        While iBeginWord+iLenWord<Length(sTmp) do begin
            SelectWord(sTmp,iBeginWord,iLenWord);
            ReplaceWord(sTmp,iBeginWord,iLenWord,sItWill,sItWillRpl);
            ReplaceInMiddle(sTmp,iBeginWord,iLenWord);
            If iBeginWord+iLenWord<Length(sTmp)

```

```

then begin
    iBeginNextWord:=iBeginWord+iLenWord+1;
    SelectWord(sTmp,iBeginNextWord,iLenNextWord);
    ReplaceInTwoWord(sTmp,iBeginWord,iLenWord,iBeginNextWord,iLenNextWord);
end;
iBeginWord+=iLenWord+1;
end;
WriteLn(fOut,sTmp);
end;
Close(fIn);
Close(fOut);
END.

```

Перспективу дальнейшего совершенствования данной программы составит учет позиций перед слоговым плавным сонорным, который на письме выражен через -lle, а также позиции между эризованным и обычным гласным. Кроме того, планируется программирование транскрибирования глоттализированных аллофонов, наличия/отсутствия придыхания, ассибиляции и ряда других явлений связной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cambridge Dictionary of American English / [ed. by S. I. Landau]. [S. l.] : Cambridge Univ. Press, 2000. 1069 p.
2. Longman Dictionary of American English. 2nd ed. [S. l.] : Longman. 1997. 935 p.
3. Longman Pronunciation Dictionary / [ed. by J.C. Wells]. UK : [S. n.], 2008. 992 p.
4. Текстовый редактор Geany. Режим доступа: http://portableapps.com/apps/development/geany_portable
5. Компилятор. Режим доступа: <http://freepascal.org/download.var>
6. Курс фонетики американского варианта английского языка: учеб. пособие/ С.В. Андросова, С.В. Деркач, М.А. Пирогова, Е.А. Шамина. Благовещенск: АмГУ, 2003. 109 с.
7. Алексеев Е.Р., Чеснокова О.В., Кучер Т.В. Pascal и Lazarus. Учебник по программированию. М.: ALT Linux; Издательский дом ДМК-пресс, 2010. 442 с.
8. Андросова С.В., Чала Р.А. Программирование автоматического транскриптора: к постановке проблемы // Современные проблемы взаимодействия языков и культур: материалы международного форума 14–15 декабря 2012 г. Часть II. Благовещенск: АмГУ, 2012. С. 136–141.
9. Чала Р.А. К вопросу об автоматическом транскрибировании одноударных аллофонов согласных в тексте (на материале американского варианта английского языка) // Молодёжь XXI века: шаг в будущее материалы XIV-й региональной научно-практической конференции с межрегиональным и международным участием. Том 1. Исторические науки. Филологические науки. Благовещенск: БГПУ, 2013. С. 51–53.
10. Андросова С.В. Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Благовещенск: АмГУ, 2012. 535 с.

УДК 81'34:811.511.512.2:811.161.1

Е.А. Процукович

КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ /t/ и /t'/ В РУССКОЙ РЕЧИ СЕЛЕМДЖИНСКИХ ЭВЕНКОВ

Различия в фонологических системах двух типологически разных русского и эвенкийского языков создают условия для влияния звуковой системы эвенкийского языка на русскую

речь эвенков-билингвов. Настоящее исследование посвящено изучению качественных характеристик согласных фонем /t/, /t'/ в русской речи амурских эвенков. Основной целью анализа стало определение акустических коррелятов аллофонов фонем /t/, /t'/, которые в неродной речи эвенков подвергаются тем или иным отклонениям от нормативной реализации в русском языке.

Ключевые слова: амурские эвенки, русский язык, акустические характеристики, согласные фонемы, аллофоны, интерференция.

Differences in phonological systems of two typologically different Russian and Evenk languages create conditions for impact of the Evenk sound system on Russian speech of Evenks-bilinguals. The present study investigates the qualitative characteristics of the consonant /t/ and /t'/ in Russian speech of the Amur Evenks. The main objective was to determine the acoustic characteristics of acoustic correlates of allophones of the phonemes /t/-/t'/, which have certain deviations from Russian normative pronunciation in non-native Russian speech of Evenks.

Key words: Amur Evenks, Russian speech, acoustic characteristics, consonant phonemes, allophones, interference.

Настоящее исследование посвящено изучению качественных и количественных характеристик согласных в русской речи амурских эвенков. Материалом для анализа послужили образцы русской спонтанной речи носителей эвенкийского языка, записанные во время экспедиции в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области в июле 2011 г.

Основной целью акустического анализа стало определение акустических коррелятов аллофонов согласных фонем /t/ и /t'/. Выбор данных фонем был определен тем, что в ходе слухового анализа в них были зафиксированы ненормативные для русского языка реализации. Инструментальному анализу были подвергнуты согласные фонемы /t/ и /t'/, реализованные в абсолютном конце слова перед паузой.

Известно, что смычно-взрывные согласные фонемы в наибольшей степени подвержены качественным модификациям в речи. При образовании глухих взрывных согласных действует импульсный шумовой источник. Глухость реализуется на всем протяжении этих согласных до взрыва и проявляется в акустических характеристиках, аналогичных физической паузе [1, с. 28].

Диаграмма показывает процент употребления наиболее высокочастотных аллофонов фонем /t/ и /t'/ в позиции конца слова в речи каждого говорящего (см. рис. 1).

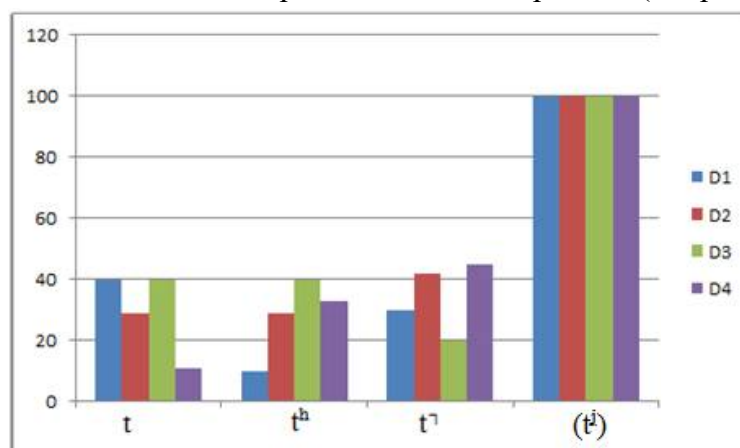

Рис.1. Процент употребления наиболее высокочастотных аллофонов фонем /t/ и /t'/ в позиции конца слова по каждому говорящему

Как видно из представленной на рисунке диаграммы, максимальный процент модификаций по каждому говорящему составляет эллиптирование согласного /t'/. Случаи фонетического эллипсиса являются «результатом определенной лингвистической экономии» и рассматриваются в литературе как «одно из проявлений закона наименьших усилий» [2, с. 68]. Причиной упрощения группы согласных в позиции конца слова является интерференция эвенкийского языка, в котором существует позиционное ограничение «на сочетание более двух согласных в середине слова и сочетание согласных в начале и в конце слова» [3; 4; 5]. Случаи упрощения консонантной группы /s't'/ в русской речи эвенков являются примерами «упрощения, делающие произнесение более простым с точки зрения носителей данного языка и данного варианта языка» [6, с. 15]. Эллипсис согласного /t'/ в позиции конца слова в русской речи эвенков зафиксирован в 100% реализаций сегментов, оканчивающихся на /s't'/.

Вторую по частоте встречаемости группу составляют придыхательные аллофоны фонемы /t/. Известно, что глухие взрывные согласные, находящиеся в сочетании «гласный – согласный» в абсолютном конце слова перед паузой претерпевают наиболее сильные изменения: кроме озвончения глухой смычки, в их спектре после взрыва появляется длительная и интенсивная придыхательная фаза, которая может характеризоваться наличием высоких формант [7, с. 107]. Реализации аллофона фонемы /t/ [t^h] варьируют от 10% в речи D1 до 40% в речи D3, составляя в среднем 28%. Весомую долю всех модификаций глухого согласного /t/ составляют его имплозивные аллофоны. Имплозивные согласные считаются разновидностью взрывных, отличаясь от них отсутствием третьей фазы. Артикуляция глухих имплозивных смычных согласных характеризуется гортанной смычкой, которая реализуется одновременно со смычкой положенным активным органом в положенном месте образования при отсутствии взрывной фазы [8, с. 75]. Встречаются данные согласные, как правило, в конце слов и перед другими смычными согласными. Настоящее исследование показало, что в русской речи эвенков реализация имплозивных аллофонов отмечается только в конце слова перед незаполненной паузой. Частотность реализаций имплозивных аллофонов /t'/ в речи дикторов неодинакова – от 20 % в речи D3 до 45 % в речи D4.

Слуховые впечатления и анализ сонаграммы (рис. 2) позволяют констатировать эллиптирование согласного /t'/ в слове «кость». «Следов» смычного взрывного /t/ на сонаграмме не обнаружено: фазы смычки не наблюдается, незаметно и характерной для /t/ полосы кратковременного шума от взрыва. В данном примере обращают на себя внимание крутые траектории форманта гласного при переходе к мягкому согласному [s'']. Перепад F1 гласного составляет 887 Гц, что свидетельствует о реализации последующего переднеязычного согласного.

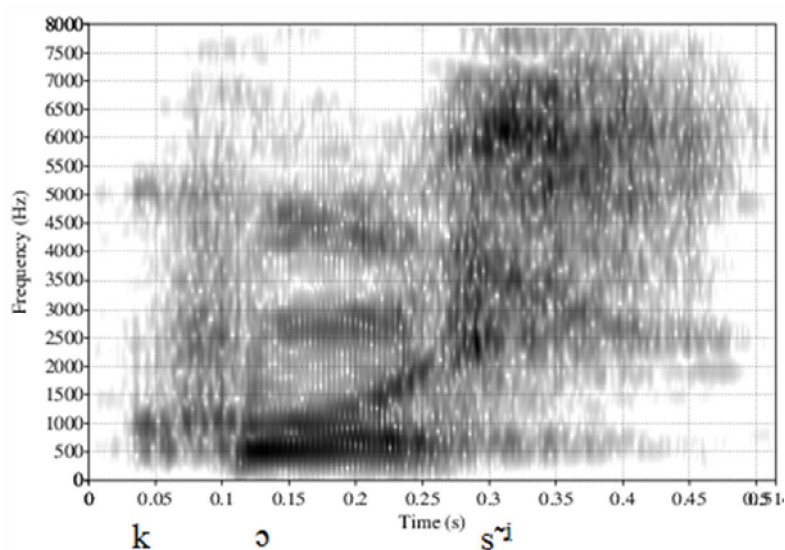

Рис. 2. Реализация слова *кость* (D1)

Пример реализации придыхательного аллофона фонемы /t/ представлен на рис. 3. На сонаграмме слова «запрет» отчетливо видны глухая смычка длительностью 180 мс, полоса кратковременного импульсного шума от взрыва, а также полоса интенсивного шума от придыхания. Длительность щелевой фазы придыхательного согласного [t^h] составляет 185 мс.

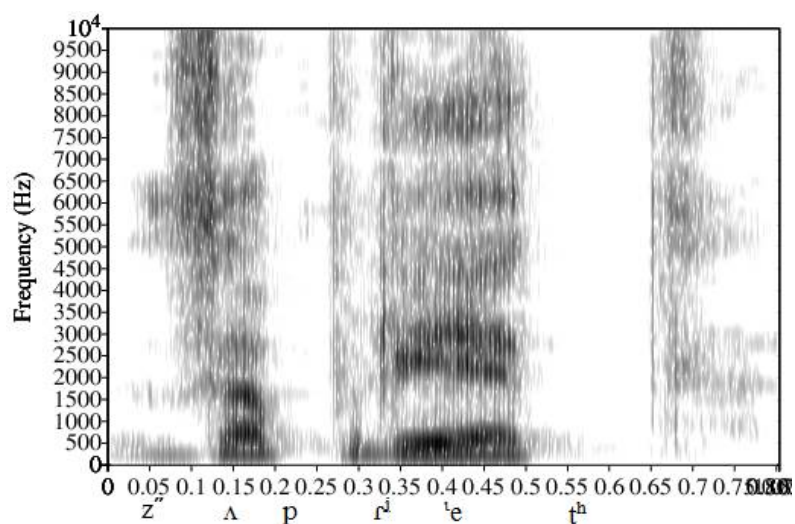

Рис. 3. Реализация слова *запрет* (D4)

На рисунке 4 представлена сонаграмма слова «сосед» перед незаполненной паузой. По акустическим характеристикам согласный реализуется как глухой имплозивный [tʰ]. Полоса импульсного шума от кратковременного взрыва /t/, которая должна захватывать как низко-, так и высокочастотные области спектра, отсутствует. Также не наблюдается в спектре шума от придыхания.

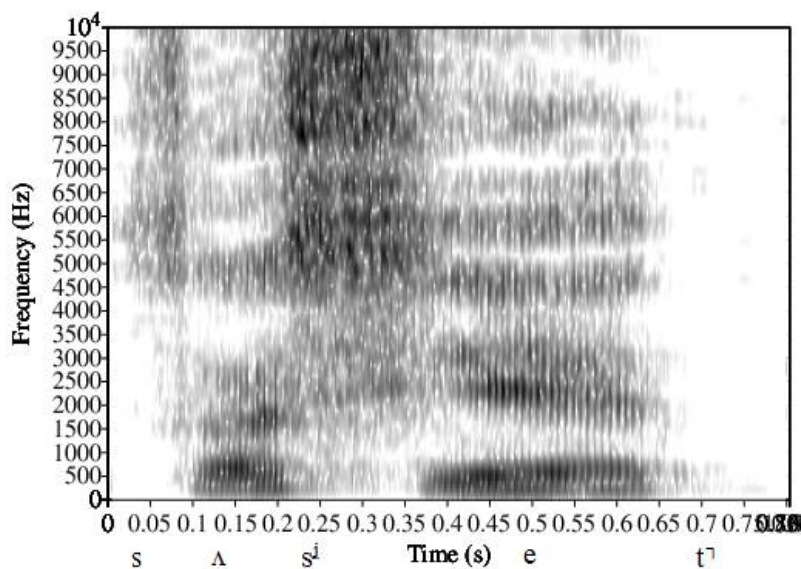

Рис.4. Реализация слова *сосед* (D4)

Из приведенных выше примеров видно, что согласные фонемы /t/ и /tʰ/ в неродной речи эвенков подвергаются тем или иным отклонениям от нормативной реализации. Большинство отклонений от русской произносительной нормы в речи носителей эвенкийского языка обусловлены взаимовлиянием фонетических систем двух языков. Различия в фонологических системах двух типологически разных языков создают условия для влияния звуковой системы эвенкийского языка на русскую речь билингвов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скрелин П.А. Сегментация и транскрипция. СПб.: СПбГУ, 1999. 108 с.
2. Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д. Светозаровой. Л., 1988.
3. Афанасьева Е.Ф. Фонология и фонетика эвенкийского языка: учеб. пособие. 2 изд., доп. и перераб. Улан-Удэ: Издательство Бурятского гос. университета, 2010. 116 с.
4. Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.-Л.: Наука, 1964.
5. Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык: Учебное пособие для педагогических вузов. М.: Л.: Госучпедгиз, 1953. 332 с.
6. Островская Э.П. К проблеме фонетической мотивированности упрощения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 20 с.
7. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 176 с.
8. Андросова С.В. Слог как единица координации (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. 272 с.

УДК 81'34:811.511.512.2:811.161.1

Н.Н. Шелевая

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО РЕГИОНА

Статья посвящена описанию результатов эксперимента, направленного на выявление особенностей восприятия гласных канадского варианта английского языка носителями американского варианта английского языка. Задачей было определить, какие варианты интерпретации канадских гласных дают носители американского варианта английского языка, а также выявить случаи соответствия перцептивных характеристик акустическим характеристикам канадских гласных, приведенным в литературных источниках.

Ключевые слова: ударные гласные, восприятие, спонтанная речь, монофтонг, дифтонг.

The article describes the results of the perceptual experiment which purpose was to reveal the peculiarities of Canadian stressed vowels by American native speakers. The purpose of the experiment was to define what variants of interpretation are given to Canadian stressed vowels by American native speakers; and also to reveal the cases of conformity of perceptual and acoustic characteristics of Canadian stressed vowels, given in the literature.

Key words: stressed vowels, perception, spontaneous speech, monophthong, diphthong.

Общеизвестно, что английский язык североамериканского региона представлен двумя вариантами: американским и канадским, которые, несмотря на тенденцию к выравниванию и нивелированию границ, имеют ряд отличий, в том числе касающихся фонетической вариативности гласных.

Основываясь на результатах акустического и слухового анализа, проведенного О.Н. Морозовой и Т.Л. Лобановской [1], можно привести следующие данные. Сравниваемые варианты английского языка имеют ряд различий:

1. Различия гласных по признаку ряда: а) более отодвинутая назад артикуляция канадских монофтонгов; б) наличие в канадском вокализме монофтонга заднего ряда низкого

подъема огубленного /ɒ/; его делабиализация и переход в гласный центрального ряда /a/ в американском английском.

2. Различия гласных по признаку подъема: более закрытая артикуляция канадских монофтонгов в отличие от американских.

3. Различия гласных по признаку стабильности артикуляции: а) более закрытая и отодвинутая назад артикуляция второго элемента канадских дифтонгов с i-глайдом; б) ядро канадского /eɪ/ – более отодвинутый по ряду назад гласный, нежели в американском; в) ядро канадского /ɔɪ/ – более открытый, в отличие от американского, гласный; г) более закрытая артикуляция как первых, так и вторых элементов дифтонгов /aʊ/ и /ɔʊ/ в канадском английском по сравнению с соответствующими американскими дифтонгами [1].

В рамках исследования восприятия канадских гласных был проведен аудиторский эксперимент на материале спонтанной речи дикторов-канадцев на просодически выделенных участках речи. Целью данного эксперимента было выявить особенности восприятия канадских гласных носителями американского варианта английского языка, а также определить случаи соответствия перцептивных характеристик акустическим характеристикам канадских гласных, приведенным в литературных источниках.

В эксперименте приняло участие 20 аудиторов – носителей американского варианта английского языка. При проведении эксперимента аудиторами было предъявлено 5 серий по 30 стимулов. Гласные в контексте CVC были отсегментированы из просодически выделенных участков речи. Испытуемым было предложено записать прослушанные аудиофрагменты буквами английского алфавита, а также привести примеры слов, в которых они могут встречаться. Каждый фрагмент повторялся 3 раза. Для удобства анализа были составлены матрицы ответов аудиторов.

Некоторые данные, полученные в ходе эксперимента, коррелируют с акустическими характеристиками канадских гласных, приведенными в литературных источниках. Это относится, прежде всего, к некоторым монофтонгам. Например, при анализе перцептивной оценки стимула с гласным переднего ряда нижнего подъема широкой разновидности /æ/ выяснилось, что 17 % аудиторов слышат вместо /æ/ более задний по ряду гласный, т.е. монофтонг /ʌ/. В 12 % случаев гласный опознан как /e/ (в данном случае аудиторы слышат более высокий по подъему гласный). Хотя в большинстве случаев (63%) гласный был воспринят аудиторами как /æ/. Наиболее уверенное опознание данной фонемы наблюдалось в стимулах bæʃ (из слова *bachelor*), fæm (из слова *family*), læb (из слова *labs*). Возможно, это является попыткой узнать знакомые слова, поскольку другим стимулам, например, mæʃ (*imagine*), gæd (*undergraduate*), аудиторы дают различную интерпретацию. Данный факт согласуется с результатами экспериментов многих исследователей, т.к. «рассматривая восприятие звуков как процесс, опирающийся на сличение с хранящимися в памяти эталонами, обычно отмечают, что восприятие связано с узнаванием звуков речи на базе их отождествления с этими эталонами <...> Отмечают также, что это отождествление происходит по принципу наибольшего сходства (близости), то есть будет воспринят тот звук речи, к эталону которого наиболее близок предъявляемый стимул» [2].

Более неуверенное опознание монофтонга наблюдалось в остальных 8 % случаев. Как дифтонг /oʊ/ данный монофтонг был воспринят в стимуле ɾæv (*travel*), что можно объяснить влиянием губно-зубного /v/.

Таблица 1

Акустические и перцептивные характеристики монофтонга /æ/

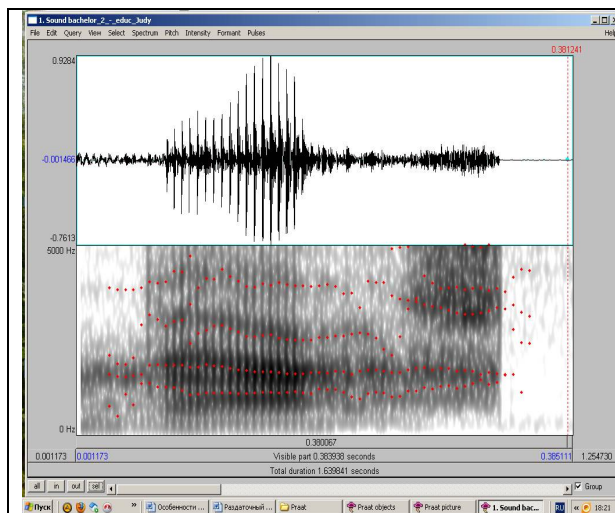

Рис. 1. Спектрограмма стимула bæʃ из слова *bachelor*, формантные значения F1-F2 = 750 – 1685 Гц, длительность – 111 мс.

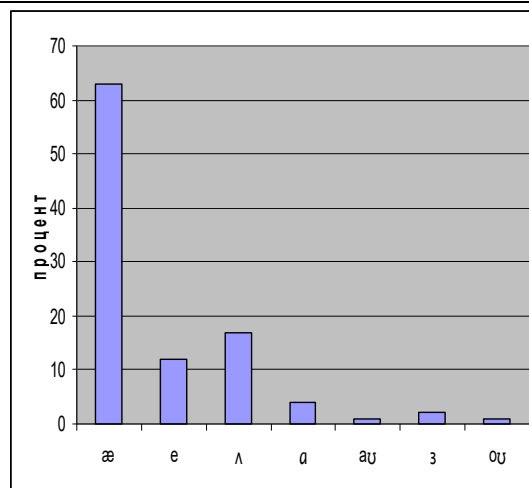

Рис. 2. Перцептивные характеристики монофтонга /æ/ в целом по эксперименту.

Хочется отметить, что в отличие от других фонем, которые отмечены значительной перцептивной вариативностью, фонеме переднего ряда высокого подъема узкой разновидности /i/ аудиторы дали всего 3 варианта интерпретации. Более того, данная фонема отмечена самым высоким процентом опознаваемости – 85 %. 8 % аудиторов опознали данный гласный как /ɪ/ и 7 % аудиторов как /e/.

Также очень высоким процентом опознаваемости отличается гласный /ɪ/ (78 %). В остальных случаях монофтонг был обозначен гласными /i/ (8 %), /e/ (9 %) и /u/ (5 %).

Опознаваемость фонемы /e/ аудиторами составила 57 %. Большая часть реакций приходится на стимулы, где гласный стоит в позиции после заднеязычного смычного /g/ и переднеязычного /n/. 21,5 % аудиторов опознали данный гласный как /æ/, например, после губно-зубного /f/ в стимуле из слова *professional*. В данном случае аудиторы слышат более открытый гласный, что объясняется акустическими характеристиками данной реализации монофтонга. 3 % аудиторов слышали более задний по ряду монофтонг центрального ряда среднего подъема широкой разновидности /ʌ/, 3 % – как гласный заднего ряда низкого подъема широкой разновидности /ɑ/, 1 % – как более задний и более закрытый /u/ (стимул feʃ из слова *professional*). Интересно отметить, что гласный был воспринят как дифтонг /aʊ/ в стимуле *hel* из слова *health*. Подобное восприятие фонемы /e/ можно объяснить влиянием следующего за гласным веляризованного /l/.

Гласный центрального ряда среднего подъема широкой разновидности /ʌ/ был опознан аудиторами как /ʌ/ в 73 % случаев, в том числе в позициях после губного сонанта /m/, заднеязычного смычного /g/, веляризованного /l/. 14 % аудиторов слышат более низкий по подъ-

ему и более задний гласный, т.е. гласный /ɑ/, например, в стимулах *gʌs* (*disgusting*), *mʌn* (*month*). В 7 % случаев аудиторы интерпретировали монофтонг как /æ/. Это наблюдалось в основном после заднеязычного смычного /g/ в стимуле *gʌs* и после переднеязычной аффрикаты /tʃ/ в стимуле *tʃʌs*. Также заменами /ʌ/ выступили гласные /e/ (3 %) и /ɜ/ (1 %).

Гласный заднего ряда низкого подъема широкой разновидности /ɑ/ отличился довольно низкой опознаваемостью (18 %). В эксперименте аудиторам было предложено всего 4 стимула с данным гласным (*taf*, *las*, *mas*, *pas*) и в 64 % случаев аудиторы слышат более передний гласный /æ/. В остальных случаях монофтонг был обозначен следующими гласными: /ʌ/ (8 %), /e/ (2 %), /ei/ (4 %), /aʊ/ (1 %), /oʊ/ (2 %), /u/ (1 %).

Что касается гласного /ɔ/, он был опознан как /ɔ/ в 53 % случаев, в т.ч. после ретрофлексного /r/, губно-губного /b/ и переднеязычного /s/. 27 % аудиторов обозначили гласный как /ɑ/. 7 % аудиторов слышат дифтонгизацию данного монофтонга (3 % – *ai*, 2 % – *oʊ*, 1 % – *ʊə*, 1 % – *aʊ*). Как /ʌ/ монофтонг /ɔ/ был опознан в 7 % случаев. Также данный гласный был обозначен как /æ/ (2 %), /e/ (1 %), /i/ (1 %), /ɜ/ (1 %), /ʊ/ (1 %).

В данном эксперименте аудиторам были предъявлены стимулы с четырьмя сужающимися дифтонгами: /ei/, /ai/, /aʊ/ и /oʊ/. Хочется отметить, что сужающиеся дифтонги с *i*-глайдом опознаются значительно лучше, чем дифтонги с *ʊ*-глайдом [3, с. 115].

Наиболее уверенно опознавался дифтонг /ai/ (87 %). После губно-зубного /v/ аудиторы слышали монофтонгизацию дифтонга и опознали его как гласный /ɑ/ (в слове *advise*). В 12 % случаев /ai/ был опознан как /aʊ/ (например, в стимуле *tail* из слова *style*). Данное опознание можно объяснить положением дифтонга в препозиции к веляризованному /l/.

Опознаваемость дифтонга /ei/ составила 68 %. 1 % аудиторов интерпретировали данный дифтонг как дифтонг /ai/. В остальных случаях аудиторы слышат монофтонгизацию дифтонга и предлагают следующие варианты его интерпретации: /i/ (14 %), /ɪ/ (6 %), /æ/ (6 %), /e/ (3 %), /ʌ/ (1 %) и /ɑ/ (1 %). Монофтонгизация дифтонга подтверждается акустическим и слуховым анализом.

Дифтонг /aʊ/ был опознан аудиторами как дифтонг /aʊ/ в 59 % случаев. В 18 % случаев аудиторы слышали дифтонг /oʊ/, например, в стимуле *baʊt* из слова *about*, что соответствует данным акустического анализа, приведенным ранее, а именно, более закрытая артикуляция как первых, так и вторых элементов дифтонгов /au/ и /ɔu/ в канадском английском по сравнению с соответствующими американскими дифтонгами. В позиции после веляризованного /l/ дифтонг был обозначен монофтонгом /ɑ/. Также данный дифтонг был воспринят как монофтонги /æ/, /ʌ/, /e/, /ɔ/. Таким образом, носители американского варианта английского языка слышат либо более узкий дифтонг, либо монофтонг. Такое восприятие дифтонга /aʊ/ можно объяснить тем, что в канадском варианте английского языка в беглой речи в словах подобного типа /aʊ/ реализуется как /oʊ/ или /ʊə/.

Таблица 2

Акустические и перцептивные характеристики дифтонга /aʊ/

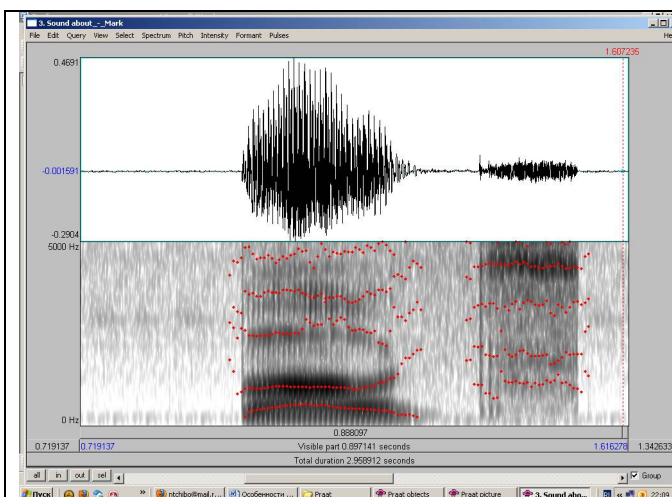

Рис.3. Реализация дифтонга /aʊ/ из слова *about*. Ядро: F1 – 471, F2 – 1020, глайд: F1 – 489, F2 – 1013

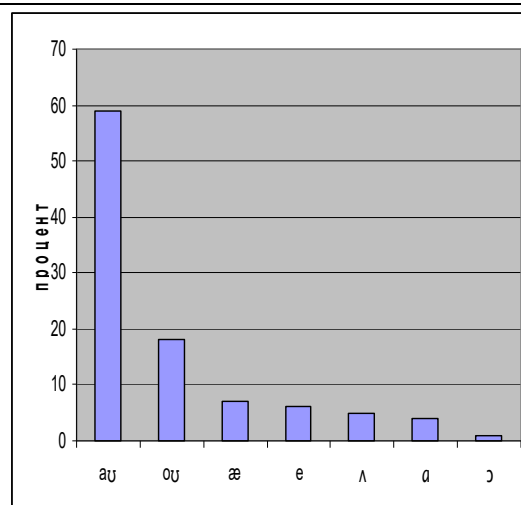

Рис. 4. Перцептивные характеристики дифтонга /aʊ/ в целом по эксперименту.

Хуже всего опознавался дифтонг /oʊ/ (опознаваемость составила 52 %). В стимуле из слова *closed* аудиторы слышат открытый дифтонг /aʊ/, в остальных случаях была услышана монофтонгизация дифтонга и предлагались следующие варианты его интерпретации: /ɑ/, /ʌ/, /ʊ/. В последних двух случаях происходит нейтрализация оппозиции по стабильности артикуляции и по ряду. Действительно, в данных случаях происходит монофтонгизация дифтонга. Это было подтверждено слуховыми впечатлениями нашими и носителя языка.

Таким образом, по результатам аудиторского эксперимента можно сделать следующие выводы:

1. Некоторые данные, полученные в ходе эксперимента, коррелируют с акустическими характеристиками канадских гласных, приведенными в литературных источниках. Например, 17 % аудиторы слышат вместо гласного переднего ряда низкого подъема широкой разновидности /æ/ более задний по ряду гласный, т.е. монофтонг /ʌ/. В 12 % случаев гласный опознан как /e/ (в данном случае аудиторы слышат более высокий по подъему гласный). При восприятии дифтонга /aʊ/ в 18 % случаев аудиторы слышали дифтонг /oʊ/, что соответствует данным акустического анализа, приведенным ранее, а именно, более закрытая артикуляция как первых, так и вторых элементов дифтонгов /au/ и /ou/ в канадском английском по сравнению с соответствующими американскими дифтонгами.
2. Более уверенно опознается монофтонг переднего ряда высокого подъема узкой разновидности /i/ и дифтонг /ai/. Хуже всего опознавался монофтонг заднего ряда среднего подъема широкой разновидности /ɔ/ и дифтонг /oʊ/.
3. При восприятии монофтонгов аудитор часто слышит соседние по ряду и подъему гласные.
4. Случаи монофтонгизации дифтонгов подтверждаются данными перцептивного эксперимента.

5. Сужающиеся дифтонги с i-глайдом опознаются значительно лучше, чем дифтонги с u-глайдом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова О.Н., Лобановская Т.Л. Фонетическая вариативность английских гласных в североамериканском регионе // Англистика XXI века: Материалы V Всероссийской научной конференции памяти профессора В.В. Бурлаковой. СПб., 2010. С. 85-87.

2. Абрамов В.Е. Моно- и билингвальные механизмы восприятия звучащей речи (на материале гласных американского варианта английского языка): дисс. ... д-ра филол. наук. Самара, 2004. 274 с.

3. Янушевская И.Д. Особенности восприятия дифтонгов современного английского языка в сопоставлении с монофтонгами (Данные аудиторского эксперимента на материале квазиомонимов) // Сб. статей: Канадский колледж: к 5-летию основания. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2000. С. 101-115.

ВОПРОСЫ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 801.82

Н.И. Белозубова

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье рассматривается рекламный текст Харбина (его особенности) как источник изучения восточной ветви русской эмиграции.

Ключевые слова: рекламный текст, структура рекламного текста, заголовок, слоган, средства выразительности.

The article examines an advertising text of Harbin (its peculiarities) as a source of Eastern emigration research.

Key words: advertising text, advertising text structure, heading, slogan, expression techniques.

Последнее десятилетие XX и начало XXI вв. ознаменовались бурным развитием рекламной индустрии в России. Сегодня для россиян реклама стала привычным явлением. Однако в жизни советского потребителя, как известно, реклама практически отсутствовала, она «была сведена к нулю» [1]. Тогда политико-экономическая система государства не нуждалась в её услугах. Но, несмотря на идеологию советского периода, русская реклама не прекратила своего существования, а напротив, сменив пространственные координаты, в 20-40-е гг. XX в. она плодотворно развивалась за рубежом, в китайских городах Харбине и Шанхае. Факторы, оказавшие наибольшее влияние на развитие рекламы в этих городах, – экономические и политические.

По разным источникам, в 20-е гг. XX столетия в Китай эмигрировало от 200 до 500 тысяч человек. Центрами русской восточной эмиграции были Харбин и Шанхай. Рост численности русской диаспоры в Китае стимулировал появление новых коммерческих предприятий и развитие издательского дела. Вс. Иванова вспоминал: «Я встретил тогда в Харбине, Маньчжурии, после военного 1920 года, бурный подъём общего хозяйства. На маньчжурскую землю за счёт русского золота пришла КВЖД и принесла жизнь, работу и рост населения.

Китайцы, русские, так же, как и корейцы и японцы, конкурируя друг с другом, молча, по-муравьиному работали на тучных землях, растили пшеницу, бобы, заводили рис, выхаживали скот, рубили лес, экспортировали масло. В Харбине работало много международных фирм по снабжению техникой, связью, транспортом» [2, с. 13].

К 1925 г., согласно Г. Мелихову, в Харбине действовало более 1200 коммерческих предприятий, созданных российскими эмигрантами, в том числе заводы, банки, разнообразные магазины, мастерские, парикмахерские, рестораны, ателье [3, с. 61]. Производство товаров, оказание услуг населению требовало сбыта готовой продукции и предполагало увеличение спроса на предлагаемые услуги. В совокупности эти факторы и стали основой для расширения в русском Китае печатной рекламы, которая в 20-40-е гг. XX в. публиковалась на страницах ежедневных газет, еженедельников и журналов различной направленности, а также в экономических справочниках и сборниках, издававшихся под эгидой КВЖД.

Предметом нашего исследования является рекламный текст как источник изучения культурного наследия восточной ветви русской эмиграции.

Наиболее полное определение термина «рекламный текст» представлено, по нашему мнению, в работах Л.Г. Фещенко. Рекламный текст – это коммуникативная единица, текст, во-первых, «информирующий об объекте рекламы, формирующий и поддерживающий к нему интерес и отвечающий за его продвижение на рынке, то есть один из текстов маркетинговых коммуникаций»; во-вторых, «распознаваемый потребителем информации именно как рекламный»; в-третьих, имеющий полисемиотическую коммуникативную природу» [4, с. 162].

Главная отличительная особенность рекламного текста, при всем разнообразии вариантов его построения, состоит в том, что «у него одна фиксированная тема (информация о продаваемом предмете / услуге) и одна главная мысль: «рекламируемый товар – прекрасный (выгодный, полезный и др.)»» [5, с. 23].

Цель данной работы – рассмотреть рекламный текст Харбина (содержание, виды, структуру, лингвистические особенности) как источник изучения культурного наследия восточной ветви русской эмиграции. Объектом нашего исследования являются тексты, опубликованные в периодике Харбина: журнале «Рубеж» (1929-1938 гг.), «Нация», в «Нашей газете». Проанализировано более 70 текстов.

Согласно традиционному принципу классификации рекламных обращений, в Харбине представлено три базисных вида рекламы: «товарная» реклама, корпоративная и социальная. Не отмечены тексты политической рекламы. По типу целевой аудитории в большей степени реклама Харбина ориентирована на индивидуального потребителя, нежели на сферу бизнеса.

По объекту рекламирования в русской рекламе Харбина можно выделить:

- рекламу периодических изданий;
- рекламу учебных заведений и коммерческих курсов;
- рекламу ресторанов, кафе и отелей;
- рекламу медикаментов;
- рекламу винно-водочной продукции;
- рекламу парфюмерии;
- рекламу бытовой техники;

- рекламу салонов, магазинов, торговых домов;
- рекламу акционерных обществ, заводов;
- объявления о благотворительных акциях (кампаниях).

Исходя из того, что рекламный текст представляет собой графически законченное текстовое единство, где сочетаются факторы лингвистического и экстралингвистического характера и осуществляется позитивная прагматическая направленность, рассмотрим структуру рекламного текста, функционирующего в периодических изданиях дальневосточного русского зарубежья.

При изучении структуры рекламного текста мы берём за основу модель Е.Н. Сердобинцевой, изложенную в книге «Структура и язык рекламных текстов». В соответствии с этой моделью в рекламном тексте выделяется пять компонентов: 1) заголовок; 2) подзаголовок; 3) основной текст; 4) подписи и комментарии; 5) рекламный лозунг (слоган) [6].

Заголовок – «самый важный» элемент рекламного объявления, так как содержит информацию, которая будет прочитана первой [6, с. 35]. На него возложена задача – привлечь внимание покупателя и побудить его совершить покупку. Исследователи рекламных текстов создали множество типологий заголовков. Так, по классификации К. Бове и У. Арэнс, выделяется 5 типов заголовков: 1) о полезных свойствах; 2) провоцирующие заголовки; 3) информативные; 4) вопросительные; 5) содержащие команду. Согласно этой классификации, в рекламных текстах Харбина наиболее частотны: 1) «заголовки о полезных свойствах» (они дают обещание хороших качеств товара), например, *Лучший подарок* (реклама духов и одеколона), *Высшая водка* (реклама водки), *Нет лучше водки № 50* (реклама водки), *Лучшее удовольствие* (реклама шашлыка), *Только в кафе «Прохлада»...* (реклама кафе) и 2) «заголовки, содержащие команду» (призывающие, побуждающие к действию), например, *К празднику покупайте вина «Татос»* (реклама вина), *Всюду требуйте к пасхальному столу* (реклама водки). «Вопросительные» заголовки встречаются, но редко, например, в переводной рекламе: *Почему вы страдаете?* (реклама медикаментов). К «провоцирующим» можно отнести заголовок рекламного текста вязальной машины: *Обеспеченный заработок*, способный вызвать интерес и любопытство у читателя и заставить его прочитать текст до конца в силу того, что проблема безработицы и материального благополучия была очень актуальна для эмигрантов.

С помощью подзаголовка, используемого в рекламе русского Харбина, осуществлялось воздействие на потребителя посредством передачи главных коммерческих стимулов. Как правило, подзаголовок усиливал действие заголовка и содержал информацию, которая не могла войти в заголовок. Подзаголовок располагался как над заголовком, под заголовком и внутри рекламного текста, выделяясь более мелким шрифтом, чем заголовок, но крупнее, чем основной текст. Например, в рекламном тексте крема «NIVEA» подзаголовок *Всем, кто занимается зимним спортом* располагался перед заголовком «КРЕМ “NIVEA”» и содержал обращение к потенциальному потребителю, очерчивая границы целевой аудитории рекламы. В рекламе парфюмерии фабрики «WELKA» в подзаголовке называлась товарная категория: *духи и одеколоны*. В рекламе аптечно-парфюмерного склада «Сантэ» подзаголовок содержал коммерческое предложение, привлекающее потенциального потребителя: *Мы выдаём премиальные талоны*. В рекламе вязальной машины «ФАМА» подзаголовок печатался после заго-

ловка *Обеспеченный заработок* и содержал обещание решить материальные проблемы: *...даст каждой семье шведская вязальная машина.*

Отличительной особенностью рекламных заголовков в русском Харбине является преобладание номинативных конструкций (*Лучший подарок, Салон М.Ф. Полежак, Высшая водка “Нега”, Торговый дом “Чурин и К*”, Ресторан “Мартьяныч”, Ресторан “Эдем”, Ресторан “Новый век”, Ресторан “Москва”*). Такие заголовки выполняют, прежде всего, информирующую функцию. Потенциал их воздействия на потребителя обусловлен тем, что номинативные конструкции знакомы давно и не раздражают читателя, а значит, позволяют чётко понять, кому адресован текст.

Соотношение рекламного заголовка (РЗ) и основного рекламного текста (ОРТ) варьируется. Встречаются примеры, которые можно отнести к «традиционному типу» (РЗ задаёт тему, ОРТ раскрывает её). Например,

(РЗ) *Лучший подарок Духи и одеколоны фабрики WELKA*

(ОРТ) *6 цветов; Моя дорогая; Я люблю Вас; Голубая ночь; Чёрный нарцисс; Рождественская ночь; Чёрный лотос,, а также все цветочные запахи. **Требуйте в лучших парфюмерных и универсальных магазинах.***

В данном случае ОРТ конкретизирует названное свойство товара, идентифицировав рекламируемую марку.

В рекламе крема «NIVEA» содержательное взаимодействие рекламного заголовка и основного рекламного текста более тесное. Заголовок является первой фразой текста. Для его выделения использованы параграфемные средства: заголовок напечатан другим, чем ОРТ, шрифтом и выделен концентрированно чёрным цветом. Рекламный заголовок и подзаголовок раскрываются как вербальным, так и визуальным рядом ОРТ. Например, заголовок и подзаголовок *Всем, кто занимается зимним спортом Крем «NIVEA»* раскрывается в фотоснимке (изображена девушка, стоящая на фоне катающихся фигуристов, с коньками в руке), и в вербальном ОРТ: *Необходим для защиты кожи лица и рук от вредных влияний атмосферы. Натирая прежде, чем отправиться на свежий воздух, лицо и руки кремом «NIVEA», Вы гарантированы, что Ваша кожа останется гладкой, свежей и бархатистой. Трещины и красные места на коже быстро исчезают.*

Крем «NIVEA» – единственный крем в мире, который содержит родственный кожному жиру ЭУЦЕРИТ, на нём и основано поразительное действие этого крема.

Крем «NIVEA»

Имеется во всех лучших аптеках и аптекарских магазинах (РУБЕЖ, № 39, 1938).

Рекламный заголовок – вопрос, обращённый к целевой аудитории, представляет имитацию диалога с потребителем. Дело в том, что вопрос предполагает возможность ответа «да» (и в этом случае потребитель может перейти к чтению ОРТ) или «нет» (потребитель идёт дальше, не задерживаясь на данном тексте). Основная задача РЗ в этом случае – привлечь внимание «своей» целевой аудитории, а «ОРТ выполняет роль «третьей» реплики в этом диалоге (реклама (РЗ) – потребитель – реклама (ОРТ)), например:

(РЗ) *Почему Вы страдаете?*

(ОРТ) *ГАРДАН предупреждает и устраняет боли. Его действие быстро и верно, и он помогает браться от жизни много счастливых часов.*

Продаётся во всех аптеках (РУБЕЖ, № 40, 1938).

Очевидно, что для реализации стоящей перед РЗ задачи необходимо использование иных, нежели в предыдущих типах текстов, морфологических и синтаксических средств, а именно глаголов 2-го лица ед. или мн. ч., личных местоимений 2-го лица, обращений. РЗ и ОРТ раскрываются на вербальном и визуальном уровнях посредством изображения страдающего лица, упаковки и самого флакона с лекарством.

Реклама препарата «Гардан» в 1939 г. претерпевает изменение. Отсутствует заголовок, его место занимает изображение страдающего мужчины на фоне танцующих пар. Он призван привлечь внимание потенциального потребителя своим видом к тексту, следующему под рисунком. ОРТ сопровождается визуальным изображением упаковки лекарственного препарата и представляет собой инструкцию по применению:

Нельзя терять времени при появлении боли и недомогания. Современный мужчина с его многочисленными деловыми и общественными обязанностями не может ждать, пока боль пройдёт сама собой. Нет, при первом её появлении он сразу прибегает к верному средству – «Гардану». «Гардан» быстро помогает при первой боли. Принятый вовремя, «ГАР-ДАН» предупреждает и останавливает боль (РУБЕЖ, № 29, 1939).

Большинство рекламных текстов содержит реквизиты фирмы: собственно адрес фирмы-изготовителя рекламируемой продукции или торгующей организации, предоставляющей услуги. Адрес, как правило, включает название улицы, номер дома (в рекламе товаров зарубежного производства – город). Кроме того, указывается номер телефона и график работы. Нужно отметить, что в рекламе Харбина место за реквизитами не было строго закреплено, они могли быть напечатаны как в начале (после заголовка), так и в конце рекламы. Переводная реклама ограничивалась общими фразами: *Требуите в лучших парфюмерных и универсальных магазинах* или *имеется во всех лучших аптеках и аптекарских магазинах*. В каждом рекламном тексте использовались разные шрифты, нередко название печаталось на двух и более языках (русском, китайском, английском), что обусловлено многонациональностью Харбина. В зависимости от адресата реклама могла быть либо на английском (отель «Модерн»), либо на русском, например, реклама мехового салона, водки, коммерческих курсов.

Один из важнейших структурных элементов рекламы – слоган. Это «рекламный словесный эквивалент логотипа фирмы» [6, с. 43], краткий рекламный девиз. В рекламном лозунге сконцентрирована и отражена позиция рекламируемой фирмы. О.А. Феофанов делит рекламные слоганы на три категории: 1) слоган фирмы – он отражает философию фирмы; 2) слоган рекламной кампании – относится ко всей кампании, наделяя её «заголовком»; 3) слоган, напрямую связанный с предложением определённого товара или услуги.

Русскоязычная реклама Харбина содержит слоганы первой и третьей категории (корпоративный слоган и слоганы, связанные с предложением товара или услуги). Так, в тексте рекламы журнала «Нация» слоганом выступает фраза: «БОГ. НАЦИЯ. ТРУД», отражающая философию профашистского издания, основной идеей которого было освобождение России от «красной чумы». Слоган напоминает известный в СССР девиз: «МИР. ТРУД. МАЙ», отражающий ценности Советского государства. К этой группе можно отнести ещё два слогана: *ЭЛЕГАНТНО. ДОБРОСОВЕСТНО. ПРАКТИЧНО* (реклама салона меха и тканей М.Ф. Полежака) и слоган компании «Marvelous», выпускающей косметику: *MARVELOUS BEAUTY*

AIDS by Richard ... (MARVELOUS красота от Ричарда...). Два последних слогана также выражают корпоративную философию и PR-позицию фирм. Слоганы «товарные» обслуживают отдельно взятый товар (водку как наиболее потребляемый в русском обществе продукт и шашлык). Например, слоганы, рекламирующие водку: *“Жемчуг” – лучшая водка, Нет лучшие водки № 50 завода Герасима Антипас и кафе «АЛЛА ВЕРДЫ»*, услуг и блюд, предоставляемых ими – *ЛУЧШЕЕ УДОВОЛЬСТВИЕ – ЭТО СЪЕСТЬ ШАШЛЫК*. Общее количество слоганов незначительно, в процентном отношении всего 15 % рекламы содержит их.

Слоганы, представленные в рекламных текстах Харбина, можно классифицировать по связи с названием и по содержанию. По связи с названием выделяются следующие виды слоганов:

1) **связанные** – слоганы, которые включают название продукта, например, *“Жемчуг” – лучшая водка* (реклама водки), *ЛУЧШЕЕ УДОВОЛЬСТВИЕ – ЭТО СЪЕСТЬ ШАШЛЫК* (реклама кафе), *БОГ. НАЦИЯ. ТРУД* (реклама газеты «Нация»), *MARVELOUS BEAUTY AIDS by Richard ...* (реклама косметики), *“GARDAN” предупреждает и останавливает боль* (реклама геля от боли);

2) **привязанные** – те, которые соотносятся с названием ритмически и фонетически: *Нет лучшие водки №50 завода Герасима Антипас*;

3) **свободные** – независимые от названия, слоганы, которые могут существовать отдельно от него: *Салон М.Ф. Полежак. ЭЛЕГАНТНО. ДОБРОСОВЕСТНО. ПРАКТИЧНО*.

По содержанию эти слоганы можно разделить на такие виды:

1) **буквальные** – обыгрывают название, например, *БОГ. НАЦИЯ. ТРУД* (реклама газеты «Нация»); *“Жемчуг” – лучшая водка* (реклама водки), *ЛУЧШЕЕ УДОВОЛЬСТВИЕ – ЭТО СЪЕСТЬ ШАШЛЫК* (реклама кафе), *MARVELOUS BEAUTY AIDS by Richard ...* (реклама косметики) (дословный перевод – *чудесная красота от Ричарда...*);

2) **конкретные** – повествуют об осязаемых достоинствах товара и услуг: *Салон М.Ф. Полежак. ЭЛЕГАНТНО. ДОБРОСОВЕСТНО. ПРАКТИЧНО*; *Гараж «Люкс». Вызов днём и ночью* (реклама такси);

3) **абстрактные** – это афористичные фразы, имеющие весьма отдалённое отношение к продукту. Связь между ними восстанавливается только при расширительном контексте или не обнаруживается вовсе: *Вырабатывается для настоящих мужчин* (реклама водки завода Е.И. Никитиной).

К числу наиболее часто используемых в слогане средств выразительности можно отнести:

1. Фонетические:

– созвучие, звукопись (*Лучшее удовольствие – это съесть **шашлык**; Элегантно. Добросовестно. Практично*);

– рифма: *Нет лучшие водки № 50 завода Герасима Антипас* (название товара рифмуется с производителем).

2. Лексические:

– преобладание конкретной лексики над абстрактной;

– использование устойчивых выражений: крылатых слов, фразеологизмов, прецедентных слов, т.е. высказываний, восходящих к некоему тексту и ставших известными. (Напри-

мер, *Бог. Нация. Труд* (слоган газеты «Нация»). Впервые он появился как девиз Российского фашистского союза во главе с К. Родзаевским в Харбине. Он отражал основы идеологии союза, в которой религия сочеталась с национализмом и признанием первоценности труда).

3. Стилистические (тропы и фигуры).

Наиболее распространенными в рекламе Харбина были следующие виды тропов:

гипербола “Жемчуг” – *лучшая* водка (реклама водки), *ЛУЧШЕЕ УДОВОЛЬСТВИЕ – ЭТО СЪЕСТЬ ШАШЛЫК* (реклама кафе), *Нет лучше водки № 50 завода Герасима Антипас* (реклама водки); олицетворение “GARDAN” *предупреждает и останавливает боль* (реклама геля от боли).

В рекламе используются различные стилистические фигуры, среди которых наиболее распространены: антитеза (*Гараж «Люкс» Вызов днём и ночью* (реклама такси)); градация (*ЭЛЕГАНТНО. ДОБРОСОВЕСТНО. ПРАКТИЧНО* (реклама салона меха и ткани); *Бог. Нация. Труд* (реклама периодического издания)).

Образные средства оживляют, актуализируют рекламный текст.

Восклицательные предложения, используемые в харбинской рекламе, играют роль своеобразных сигналов, призывов к действию. Действительные и побудительные конструкции, которые содержат предложение, приглашение, убеждение. Например, рекламный текст *Женщины, изучайте ремёсла!!!* (реклама коммерческих курсов), где тройной восклицательный знак подчёркивает важность проблемы, ее актуальность в эмигрантской среде. Или: *Всем! Всем! Всем!* (реклама склада). Предложения, представляющие риторические вопросы: (*Почему вы страдаете?* – реклама геля от боли), адресованы как будто каждому потенциальному потребителю и заставляют задуматься над своим физическим состоянием. Конструкции с глаголом в форме повелительного наклонения носят долженствующий, предписывающий характер: *К празднику покупайте вина ТАТОС, Всюду требуйте к пасхальному столу водку. “Жемчуг” – лучшая водка!*

Часто употребляются слова: *лучше, лучшая, большой*; не используются слова «не», «нет».

В 50 % рекламы Харбина используются фотографии и иллюстрации. Иллюстрированная реклама более эффективна, нежели просто текстовая. Иллюстрация – более наглядное и, следовательно, доходчивое средство коммуникации. Например, Ларисса Андерсен, известная в Харбине и Шанхае поэтесса и балерина, первая красавица, была лицом косметической фирмы. Созданный ею образ примадонны оказывал эффективное воздействие на потенциального покупателя, желающего быть столь же красивым и привлекательным (реклама фирмы «НИВЕЯ» и французской парфюмерии). Мнение о товаре «лица с обложки»: *«Я положительно в восторге от косметики MARVELOUS и всегда пользуюсь ею, как в жизни, так и при свете лампы»* только усиливало внимание потенциального покупателя к парфюмерии MARVELOUS.

Реклама парфюмерии и медикаментов выделяется среди другой рекламы. Ее отличает четкая структура, развернутое содержание, соответствие рекламным канонам, наличие специальной терминологии, например: *Крем НИВЕЯ – единственный крем в мире, который содержит родственный кожному жиру ЭУЦЕРИТ, на нём и основано поразительное действие этого крема.*

Можно предположить, что подобная реклама с участием Л. Андерсен – разработка западных рекламных агентств. С другой стороны, согласно материалам зарубежных исследователей, в начале XX в. в Китае наблюдается расцвет рекламного дела, что связано с появлением западных концессий в Шанхае. В 1872 г. в Шанхае уже выходила ежедневная газета «SHENBAO», основанная британским торговцем, печатавшая рекламные объявления. К 1925 г. ее тираж составлял 30 000 экземпляров. Большинство объявлений являлось рекламой лекарств, рекламировалось также белье, ароматы, ткани, одежда. В качестве моделей выступали и европейские женщины, и китайки. Индустрия кино, зародившаяся в Шанхае в начале XX в., тесно взаимодействовала с рекламным бизнесом и модой. Рекламодатели и коммерческие художники стремились в качестве моделей привлечь актеров и актрис и этим обеспечить хорошие продажи.

Итак, рекламный текст дальневосточного зарубежья отражает быт, нравы, ценности, пристрастия, материальное положение и нравственные ориентиры и идеалы русской эмиграции в Китае.

Рекламные тексты, «будучи преходящими, не рассчитанными на вечность, отражали сиюминутность быстротекущей жизни во всём многообразии деталей» [1, с. 108]. Реклама – зеркало нации и уровня её культурного развития, зеркало ее бытового пространства.

Харбинская реклама как самобытное явление, которое ещё практически не исследовано ни психологами, ни культурологами, ни лингвистами, ждёт своего описания и изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.
2. Иванов Вс.Н. Харбин. 20-е годы // Русский Харбин /сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: изд-во МГУ: Наука, 2005. С.13-24.
3. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае. 1917-1924 гг. М.: Институт Российской истории РАН, 1997. 245 с.
4. Фещенко Л.Г. Проблемы атрибуции и анализа рекламного текста // Петербургская школа PR и рекламы: от теории к практике. Вып. 4: Сб. статей / отв. ред. А.Д. Кривоносов. СПб.: Роза мира, 2006. С. 158-168.
5. Анищенко Н.В. Модели анализа рекламного текста. М.: ФОРУМ; НИЦ ИНФРА-М, 2013. 304 с.
6. Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 160 с.

УДК 808.5; 33.09; 32.019.5

М.А. Куроедова, М.В. Назарова

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА СРЕДСТВАМИ PR

Цель данной статьи – изучение технологий формирования имиджа политического лидера. На основе анализа опубликованных научных и методических работ российских и зарубежных ученых выявлена зависимость поставленной цели формирования имиджа от реальных качеств кандидата, электоральных ожиданий, социальных и психологических характеристик целевой аудитории, общественно-политической, исторической ситуации в стране, а также каналов передачи и восприятия информации, их языкового облика.

Ключевые слова: имидж, паблик рилейнз, политический лидер, стратегии, технологии, кандидат, репутация, электоральная аудитория.

The article focuses on the study of technologies creating an image of a political leader. Having analyzed scientific and methodical works by Russian and foreign scholars, the authors establish dependence of creation an image on candidate's qualities, expectations of electorate, social and psychological features of target audience, socio-political and historic situation in the country, channels of information transmission and perception.

Key words: image, public relations, political leader, strategies, technologies, candidate, reputation, electorate.

С появлением демократических выборов в Российской Федерации возникает и профессиональное обеспечение организации и проведения предвыборных кампаний. Становится актуальным изучение имиджа политического лидера. К началу 90-х г. прошлого века сформировалась система знаний в области имиджа, появились серьезные разработки по практическому имиджированию, по использованию имидж-технологий для формирования индивидуального, коллективного и массового сознания. Центральными научными проблемами в области политического имиджа следует считать изучение закономерностей формирования, функционирования и управления политическим имиджем.

В настоящее время в политической имиджологии существует большое количество исследований, посвященных изучению технологий формирования имиджа политического лидера. Эти исследования характеризуются большой разнородностью, отражают различные концепции, поэтому особую актуальность приобретает целостное описание структуры политического имиджа в единой модели, позволяющей добиваться принципиальной совместимости различных областей исследований в рамках единого каркаса представлений.

Важным аспектом общего восприятия и оценки политика есть *впечатление*, которое он производит, то есть его имидж. В условиях становления информационного общества значение имиджа резко возрастает. Коммуникативные процессы сегодня приобретают принципиально новые формы, которые вызваны воздействием на человека средств массовой информации. Образ политического лидера воспринимается именно таким, каким его представляют СМИ. В сознании электоральной аудитории создается картина лучшего мира, контрастирующего с настоящим положением дел, а его потенциальная устроенность определяется заслугами политического лидера. Голосование за того или иного политика также приобретает виртуальный характер.

Процесс политических выборов можно рассматривать как заранее организованное коммуникационное событие, отрепетированное и обращенное к населению. Современные имидж-технологии формируют положительное впечатление о политическом лидере на избирателя. Имидж создает определенную социально-психологическую установку, определяющую поведение человека по отношению к политическому объекту. Люди, получая информацию из СМИ, не задумываются о том, что начинают воспринимать политического лидера как образ, навязанный им полит-технологами. Эти свойства имиджа позволяют специалисту публичных отношений использовать его как инструмент манипулирования сознанием.

Это означает, что, принимая решение, мы часто вынуждены опираться на имидж, на картинку, отражающую основные черты политического лидера, но, возможно, не являющуюся его настоящим. То, о чем реально думает и что делает политик, становится менее важным. «Может сложиться мнение, что создание имиджа политического лидера средствами PR – это изощренный обман электоральной аудитории. Не следует рассматривать PR как вариант порождения неправдивой информации, на неправде невозможно двигаться бесконечно, подобная цепочка рано или поздно разорвется. Никакой инструментарий PR не поможет преодолеть реальную действительность. Аксиома имиджевых технологий – следует менять не самого политика, а его имидж» [1, с. 321].

Несмотря на разницу идеологий и политических пристрастий, программные обещания строятся примерно одинаково, обнаруживая больше сходств, чем различий. В данной статье мы рассматриваем основные технологии формирования имиджа политического лидера.

Многие исследователи считают, что первоочередная задача в процессе конструирования имиджа политика – *сближение его с населением*. Формирование имиджа политического лидера на всем протяжении его политической карьеры – это взаимообусловленный процесс движения от населения к политику и от политика к населению. В ходе этого встречного движения и разыгрывается тот миф, который как бы подспудно лежит в глубинах коллективной психики. В этом смысле политическая кампания представляет собой оживший на время мифологический сюжет. Это миф, который в восприятии населения становится желаемой и привлекательной реальностью, мотивирующей социально-политическое поведение целевых групп [2].

Другие исследователи считают, что формирование политического имиджа начинается с *постановки цели*. Четко сформулировав цели, можно определить те характеристики, которые должны соответствовать желаемому политическому имиджу [3]. Определив цель, необходимо, во-первых, разработать *имиджевую стратегию*, направленную на формирование «стратегического образа», который нужно внедрить целевым аудиториям через манипуляцию символами и образами, заставить население поверить, что данный политик соответствует ее потребностям и ожиданиям.

Во-вторых, чтобы реально определить, какой политик нужен населению, сегодня необходимо постоянно проводить *социологические опросы, психологические и политические исследования*, т.е. систематически осуществлять мониторинг общественного мнения и настроения в отношении тех или иных политиков, партий, общественных движений и т.п.

В-третьих, зная требования и ожидания целевой аудитории в отношении желаемого образа политического лидера, необходимо внимательно рассмотреть реальные позитивные и негативные характеристики данного политика, выявить, какие его качества подлежат усилению, а что, напротив, должно быть устранено из будущего имиджа. Необходим *всесторонний анализ социальных представлений о политическом лидере, общественных ожиданий*, а также *систематизация основных качеств политического лидера*, позволяющая прогнозировать его общественную деятельность.

Таким образом, цель формирования политического имиджа напрямую зависит от изучения электоральных ожиданий. Образ политического лидера складывается из реальных характеристик человека и «ожидаемых» либо «желаемых» качеств.

Формирование имиджа политического лидера зависит от взаимодействующих групп субъектов социально-политической коммуникации, для которых политический лидер предстает как претендент на власть в *различных уровнях*: биологическом; личностном; социальном; трансцендентном.

Объединение, слияние всех этих уровней в единое социальное представление о политическом лидере осуществляется в коллективном дискурсе и различного рода групповых коммуникациях.

К *биологическому уровню* оценки политического лидера относится следующая часть ассоциаций субъекта: внешний вид, физическая сила, темперамент, эмоциональное впечатление от внешности и личности политика и другие. К ассоциациям *социального уровня* – действия политика и сфера его деятельности, политические установки и способы реализации власти, политическая программа и другие. К ассоциациям *трансцендентного уровня* восприятия политика – религиозность, национальная идентичность, отношение к стране, народу, гражданская позиция [3, с.5; 4, с.34]. Специалист публичных отношений должен спрогнозировать впечатление, которое окажет образ политического лидера на электоральную аудиторию на всех уровнях, проанализировать уже сложившийся образ и, в случае необходимости, скорректировать его.

Для формирования имиджа политического лидера PR-специалисту необходимо учитывать не только уровни восприятия образа, но и *имиджевые характеристики*, которые также складываются из реальных качеств объекта имиджирования и ожидаемых, т.е. поддаются корректировке в зависимости от цели предвыборной кампании и ситуации на политической арене:

- а) психофизиологические (активность, агрессивность, сила и мощь, а также противоположные им качества);
- б) личностно-коммуникативные (связанные с каналом передачи информации, такие, как фото - или телегеничность, тембр голоса и т.д.);
- в) социальные (моделирование человеческих качеств, воспринимающихся людьми: доброта, отзывчивость, открытость для других и т.п.);
- г) мифосимволические (подводящие объект к имеющимся у целевой аудитории стереотипным представлениям);
- д) профессиональные (отражающие требования и ожидания массовой аудитории по отношению к внешним и частично внутренним представлениям о данной профессии);
- е) контекстные характеристики, зависящие от имиджа оппонента политика («сильный» на фоне «слабого») [5, с. 288].

Исследователи в сфере PR считают важным также *тип идеологии*, реализуемый политиком, который репрезентирует возможность определения вектора социального развития,

что очень важно для электората. Приверженность разных групп электората той или иной идеологии означает для них возможность осознанного выбора собственного будущего, участие в его реализации через выбор лидера – носителя этой идеологии и тем самым повышение избирательной активности, социальной и общественно-политической мобильности и гражданской ответственности. *Репутация* политического лидера выражается для электората в выборе и присвоении образа желательного будущего и может формироваться путём применения политического репутационного менеджмента. В какой-то мере имидж, как и репутация, близки к понятию «социальный стереотип». Только стереотип формируется стихийно, а имидж и репутация создаются целенаправленно [2, с.13]. Главное, имея политический имидж и стабильную *репутацию*, вписаться в стереотип, которому безоговорочно доверяет необходимая электоральная аудитория. Стереотипы, которые сформировал потенциальный избиратель относительно политика, носят более эмоциональные оценки и связаны, как правило, с вербальными и невербальными характеристиками политика, а также с его человеческими фактором.

Например, фактор понимания «предназначения власти» может быть представлен через идеологию как систему социально значимых идей и ценностей, сообщающую всей деятельности в социально-политической сфере целевую направленность и таким образом придающую ей смысл.

Ещё одним содержательным фактором репутации является «сила личности», которая олицетворяет волю к победе и способность переносить все удары судьбы на пути к поставленной цели при исполнении миссии. «Сила личности» представлена в пространстве политического взаимодействия через личную *легенду лидера*, как индивидуальный сценарий социализации личности лидера. Под личной легендой понимается «такой компонент репутации, который представляет собой особым образом организованную и проинтерпретированную биографию субъекта, его поступки, личные достижения, дела, которые репрезентируют разные стороны и качества его личности» [2, с.13].

Дополнительными содержательными характеристиками репутации являются «Нравственно-этическая позиция», «Религиозность» и «Тип мышления (рационализм)». Эти качества ответственны за уверенность в себе, олицетворяют силу духа, интуицию и способность повести за собой людей под флагом политической идеи. Именно «Нравственно-этическая позиция» лидера способствует зарождению доверия к вождю, а «Религиозность» – веры в его миссию.

Таким образом, репутация политического лидера, его легенда также зависят от электоральных ожиданий и корректируются по результатам социологических опросов, изменения картины активности избирателей.

При этом все моделируемые характеристики имиджа должны входить в резонанс с системой представлений, существующих в сознании среднего человека, на психику которого и планируется осуществить воздействие. Основная задача имиджмейкера – это поиск возмож-

ностей технической реализации имиджевых характеристик в вербальной, визуальной, контекстной и событийной сферах.

С точки зрения семиотической модели имиджа Г.Г. Почепцов выделяет три вида сообщений, каждое из которых использует свои виды знаков [6, с.77]:

- вербальные в виде выступлений, статей и т.д.;
- событийные, т.к. доверие событию или ситуации у населения выше, чем просто словам;
- визуальные, поскольку с экрана телевизора большая часть информации считывается визуально.

Таким образом, имиджмейкер выступает в роли «переводчика», призванного перевести текст на ряд других языков. Центральными при этом становятся следующие «переводы»;

- на язык аудитории, поэтому имиджмейкеры очень четко выделяют те или иные типы аудитории, поскольку для каждого из них должны быть созданы свои собственные тексты;
- на событийный язык, поскольку слова не столь убедительны, как события;
- на визуальный язык, поскольку визуальная информация всегда рассматривается как более достоверная и неотфильтрованная [1, с. 302].

Можно сделать вывод о том, что технологии формирования имиджа политического лидера – это сложный многоуровневый процесс, успешность которого во многом зависит от четко поставленных целей, которые в свою очередь основываются на анализе электоральной аудитории (их социальных характеристик, ожиданий, особенностей языка, картины мира и исторической памяти). Формирование имиджа – это длительный и многоступенчатый процесс, в ходе которого постоянно вносятся корректировки после получения данных социологических опросов, встречи с электоратом, реакции оппонентов, политического события.

Политическая имиджелогия представляет собой организацию сложной системы отношений политик – имиджмейкер – целевая аудитория. Имидж формируется в соответствии с заданной целью, которая актуальна в данный момент. При этом стратегия конструируемого имиджа всегда определяется исходя из требований и ожиданий целевых аудиторий. *Формирование имиджа* проходит ряд этапов:

- определение сегмента целевой аудитории, т.к. от этого будет зависеть и постановка основной цели кампании. Сюда относится определение требований и ожиданий целевой аудитории к данному политическому лидеру, т.е. определение реальных сильных и слабых сторон. Необходимо знать не только позитивные, но и негативные черты политического лидера. Необходимо производить отбор тех желаемых качеств, которые избиратель считает важными и необходимыми в данный момент для конкретного политика;
- определение основной цели предвыборной кампании; внедрение отобранных характеристик в образ политического лидера;
- продвижение сформированного образа политического лидера населению с помощью СМИ, специальных PR-мероприятий и т.д. Создание таких контекстов, в которых отобранные характеристики могут наилучшим способом проявляться.

– перевод отобранных характеристик в разные контексты (визуальный, вербальный, событийный, семейный и т.д.). При этом основными каналами информации должны быть визуальные и событийные сообщения, так как они легко преодолевают «барьеры» недоверия и пользуются большим доверием у населения, чем вербальные коммуникации. На данном этапе в сознании электоральной аудитории формируется устойчивый образ политического лидера.

– постоянная корректировка основных параметров имиджа в соответствии с изменяющимися требованиями целевой аудитории и неизбежными искажениями, вносимыми каналами трансляции и способами массового тиражирования имиджа.

Таким образом, при формировании имиджа конкретного политического лидера специалист по связям с общественностью должен опираться не только на теоретические знания в области имидж-технологий, имиджевых стратегий и тактик, но и учитывать психологические, вербальные и невербальные характеристики кандидата, национальные особенности, социальные характеристики электората, запрос и ожидания целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшенз для профессионалов. М.: Рефл-бук: Ваклер, 2005. 624 с.
2. Кошелюк М. Выборы – конфликт управляемый // Советник. 1998. № 1-2. С. 27-41.
3. Трубецкой А.Ю. Категория репутации в социально-политической коммуникации: Автореферат дисс... доктора психол. наук: М., 2006. 24 с.
4. Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2003. 208 с.
5. Ольшанский Д. Политический PR. СПб.: Изд-во «Питер», 2003. 544 с.
6. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшенз, или как успешно управлять общественным мнением. М.: Центр, 2006. 366 с.

ИСТОРИЯ КРАЯ. ИЗБРАННОЕ

Предлагаем вниманию нашего читателя воспоминания коренного амурчанина Петра Васильевича Умрихина о его жизни на Дальнем Востоке.

Профессор П.В. Умрихин (1899 – 1983 гг.) рассказывает о своей жизни, которая заключалась в непрерывном, самостоятельном стремлении, преодолевая трудности, получить вначале общее среднее образование, еще в Царской России, а потом, уже при советской власти, высшее образование для активного творчества в науке и металлургической индустрии.

Весь жизненный путь Петра Васильевича проходил вначале на Дальнем Востоке, в Амурской области – в деревне Тамбовке, в Благовещенске, а потом в Ленинграде и, наконец, на Урале, в Свердловске.

В воспоминаниях приводится ряд событий: переезд из деревни Тамбовки в Благовещенск и работа там; окончание Высше-начального училища, Благовещенской гимназии, потом педагогических курсов; работа в школе 3-й ступени; Гражданская война; организация «Частных математических курсов» в Благовещенске; поездка в Петроград, поступление в Ленинградский политехнический институт; стихийное наводнение в Ленинграде и Благовещенске; защита дипломного проекта; работа в ЛПИ, на Кировском (бывшем Путиловском) заводе; начало Отечественной войны, эвакуация семьи, блокада Ленинграда, эвакуация П.В. Умрихина в Свердловск; работа в Уральском политехническом институте и УЗТИ; защита кандидатской и докторской диссертаций; пять поездок на Дальний Восток; получение звания лауреата; болезнь, пенсия.

В своих воспоминаниях Петр Васильевич сообщает, что, будучи студентом, он уже внимательно знакомился с опубликованными научно-исследовательскими работами по металлургии и, в частности, по производству стали. Став профессором, он в течение почти 30 лет руководил аспирантами, которые выполняли исследовательские работы по темам, связанным с интенсификацией сталеплавильного процесса и кинетикой шлакообразования. В Уральском политехническом институте проработал 34 года, из них 28 лет заведовал кафедрой металлургии стали.

В воспоминаниях П.В. Умрихина предстают события Дальнего Востока и страны в целом, преломленные в жизни одного из представителей нашего народа, пытливого, запоминающего, анализирующего, понимающего важность текущего момента, пытающегося понять логику происходящего и в то же время стремящегося достичь высоких целей человеческого существования – стать образованным человеком, приносить пользу людям.

Петр Васильевич представляет текущую жизнь в деталях, и история оживает в глазах читателей его воспоминаний. Какими он представлял своих читателей? Это его дети, внуки? К счастью, не только. Это мы с вами, имеющие возможность с помощью этих записей погрузиться в другое, совсем не далёкое, время, сравнить его с тем, в котором живем сами и, возможно, что-то понять и в себе, и в этом времени.

Название «Подарил свою шапочку Амуру» – строчка воспоминаний Петра Васильевича. Этими словами он утешил внука, случайно уронившего в Амур свою пионерскую шапочку и расстроившегося по этой причине. Строчка, на наш взгляд, символичная. Амуру отдано

самое дорогое – сердце Петра Васильевича. Не случайно сюда он возвращался пять раз, уехав в далекой молодости с Дальнего Востока, пустив корни в других краях, но помня об истоках – родителях, родных, оставшихся на Амуре, который он полюбил раз и навсегда, красотой которого безмерно восхищался. После прочтения воспоминаний остается теплое чувство большой родины.

В настоящем выпуске воспоминания Петра Васильевича Умрихина публикуются в сокращении. Полный текст существует в машинописной рукописи. Рукопись и фотографии из семейного архива любезно предоставила дочь П.В. Умрихина Нина Петровна Титова (Умрихина) и внук Петр Александрович Савченко. При публикации материалов авторский стиль, грамматические особенности текста П.В. Умрихина сохранены. Текст подготовлен к печати Н.Г. Архиповой.

П.В. Умрихин

«ПОДАРИЛ СВОЮ ШАПОЧКУ АМУРУ».

**Воспоминания профессора П.В. Умрихина, коренного амурчанина,
о жизни на Амуре**

Деревня Тамбовка

Я родился в 1899 г., 12 июля, в крестьянской семье в деревне Тамбовке Благовещенского уезда Амурской области, то есть родился в последний год девятнадцатого столетия и в день Петра и Павла («Петров день»).

Поэтому описание всех моих событий будет производиться в новом (двадцатом) столетии, а родители, исходя из названия дня, дали мне имя Петр.

Деревня Тамбовка получила свое название в честь Тамбовской губернии, из которой родители мои были переселены как сектанты. Переселение производилось в свое время главным образом под влиянием православной церкви путем высылки сектантов: молокан и баптистов – на земли Приамурского края.

Русские впервые появились на Амуре в 1644 г., когда проникла из Якутска через реки Лену, Алдан и Зею партия казаков под начальством Пояркова. В 1649 – 1651 гг. на Амур пришел с казаками Е.П. Хабаров. Потом капитан Г.И. Невельской совершил большую экспедицию в 1849 г. по нижней части Амура.

В 1858 г. был подписан так называемый Айгуньский договор с Китаем, по которому к России перешли земли левого берега Амура. Этот договор потом в 1860 г. закреплен был Пекинским договором. В этом же 1860 г. появились первые крестьянские селения, казачьи станицы и поселки.

К принудительным переселенцам относились также и мои деды, родители и родственники, принадлежавшие к секте молокан. Они объединенными усилиями пережили все трудности переезда из Тамбовской губернии в Амурскую область. Трудности заключались, главным образом, в отсутствии железнодорожной магистрали, которая тогда только что начала строиться. Поэтому ход переселения осуществлялся в начале от одного до другого пункта гужевым транспортом по шоссе, плохим дорогам, по болотам, по рекам на плотках, через леса и горы. Особенно были большие трудности в Читинской области через горы Яблонового

хребта с высотой гор до 1800 метров. Нижняя часть Яблонового хребта покрыта богатой растительностью, затем следует тундровая, и, наконец, самая вершина совсем лишена леса и покрыта каменными россыпями. Переход через Яблоновый хребет не только был трудным, но и небезопасным: были нередки случаи гибели людей. Только через два года переселенцы прибыли в 1867 г. в селение Тамбовку и начали осваивать местожительство в этом районе Амурской области.

Приток населения в Амурскую область начал сильно возрастать в конце XIX и начале XX вв. в связи с проведением Сибирской железнодорожной магистрали.

Вначале родственники жили большими объединенными семьями, как это было с братьями Умрихиными (Степан, Василий и Федор). В день моего рождения (1899 г.) они уже имели большой общий дом с большим двором и постройками: сараями, банями; имели большой участок земли-пашни, имели несколько лошадей, коров, овец; при этом началось строительство дома меньшего размера.

По рассказам Владимира Тарасовича Карева, общим руководителем семьи был брат Степан Леонтьевич, который, по отзывам, отличался большим умом как в обыденных житейских, так и хозяйственных делах, и пользовался он вместе с женой Татьяной Петровной общим уважением. У них было трое детей. Мои родители – отец Василий Леонтьевич и мать Вера Тарасовна – были людьми, любящими родственников и очень добросовестными при выполнении обязанностей; у них было пока двое детей. Брат Федор Леонтьевич вместе со своей женой Пелагеей Ивановной не отставали в выполнении всех обязанностей в общих делах. Однако Федор Леонтьевич был недостаточно здоровым, это составляло общую заботу семейного коллектива. У них было двое детей.

Таким образом, я, новорожденный, оказался в окружении большого коллектива: трое мужчин, трое женщин и семь детей, что было важно в трудовом воспитании. Жизнь переселенцев была очень напряженной и протекала в непрерывных трудах. Поэтому главным фактором в воспитании детей было, как правило, привить любовь к активному добросовестному труду. На втором году жизни я уже участвовал в определенное время в работе по сбору ягод, грибов в лесу или участвовал в работе по поливке водой огорода, ягодных кустарников; на третьем-четвертом году я был помощником взрослым в полке капусты, картофеля, в прополке и уборке сорняков. На пятом-шестом году был погоняльщиком работающих лошадей во время вспашки поля, при сенокосе или во время жатвы и уборки урожая. Были случаи, когда я, утомленный работой, засыпал в кустах на поле работы. Мать отыскивала меня и уводила в деревню.

В жизни переселенцев первое время возникала острая необходимость иметь связь между деревнями, которые отстояли друг к другу на расстоянии 40-60 километров. Эта связь осуществлялась путем введения переселенцами ямщины. По рассказам сельского писаря Перец, связь между деревней Тамбовкой и деревней Завитой осуществлялась братьями Умрихиными. Для этого выделялся один человек (брат Федор), лошадь и таратайка-одноколка. Совершалась поездка из Тамбовки в Завитую, а потом из Завитой в Тамбовку. Отвозили туда и обратно какие-нибудь документы, или вещи, или одного-двух служащих.

Однажды дядя Федор решил взять меня в эту поездку (мне было около 5 лет). Для меня это было большим событием: прокатиться в таратайке-одноколке 52 километра и побывать в

деревне Завитой. Выехали в 9 часов утра с целью возвратиться к вечеру обратно домой. Первый раз я увидел реку Гильчин, протекающую почти сразу после деревни Тамбовки и до соснового леса. После соснового леса дорога была однообразная, если не считать встречающихся небольших озерков. Дядя Федор, как охотник, рассказывал о том, как он охотился на этих озерках и приносил домой убитых им уток. Потом он задремал, а вожжи, которые он держал в руках, все время опускались и попали под хвост лошади. Лошадь вначале быстро побежала, а потом начала сильно бить задними ногами в переднюю часть таратайки. Таратайка перевернулась, и мы вместе с дядей Федором оказались в какой-то яме у самой дороги. Лошадь продолжала дальше скакать, одно колесо таратайки отлетело в сторону, а таратайка зацепилась за проходящую крестьянскую телегу. В результате лошадь остановилась с поломанной таратайкой. Дополнительно к этому событию пошел сильный дождь; это произошло в 10 километрах от деревни Завитой. Мы вышли из ямы: дядя Федор с ушибом правой руки, а я в полном здравии, так как лежал на густой траве. Это событие вызвало сильное расстройство у дяди Федора, и я его успокаивал. До деревни Завитой мы шли пешком с лошадью и поломанной таратайкой. Основной ремонт заключался только в замене поломанной оси, что задержало нас в Завитой до следующего дня.

В следующий раз дядя Федор привез из деревни Завитой пассажира-священника, который задержался в Тамбовке на два часа в «зале» нашего дома. Он решил до отъезда покушать и для этого извлек из саквояжа свиное сало, разрезал его на столе, под которым я очень часто играл и любовался красивыми отточенными его ножками. Священник покушал сало с хлебом, попил чаю и, поблагодарив за приют, уехал в г. Благовещенск. Женщины, наблюдавшие за едой священника, решили уничтожить этот стол, так как он был «осквернен» свиным салом, как это предусматривалось религиозной сектой. Вынесли стол на двор и изрубили топорами, превратив его в дрова. Я стоял тут, смотрел и плакал над гибелью моего любимого стола. Через два года ямщина была передана переселенцами казне.

В 1904 г., когда мне было пять лет и в нашей семье прибавилось еще два мальчика (Ваня и Федя), а количество детей прибавилось и у дяди Степана, и у дяди Федора, то возник вопрос о разделе как недвижимого, так и движимого имущества между братьями с переходом житья раздельно семьями. Раздел имущества был совершен без каких-либо затруднений. Мои родители вместе с 4-мя детьми заняли только что построенный маленький дом, а в старом доме (большой дом) остались жить семьи братьев Степана и Федора.

После раздела каждая семья почувствовала некоторую трудность в жизни, которую нужно было в дальнейшем преодолевать. Отец серьезно задумался и решил несколько сократить сельскую работу и перейти на что-нибудь дополнительное; он решил заняться небольшой мелочной торговлей продуктами первой необходимости, в чем был заметный недостаток в деревне Тамбовке. Построил к дому дощатую крытую лавочку. Привез из г. Благовещенска намеренным товар, как-то: чай, сахар, мед, табак, папиросы, курительной бумаги, консервы, некоторые крупы, рыбу и т.п. В начале торговое дело как будто пошло неплохо, но потом выяснилось главное, что к этому делу он не подготовлен, в чем его предупреждал сельский писарь Перец, его ближайший друг.

Покупатели в большом количестве забирали товары в долг с расчетами в конце месяца. Отец был неграмотным и рассчитывал на свою память, записывать о проделанном не мог.

В результате получалось, что стоимость проданного товара была ниже себестоимости, что приводило к сплошному убытку, не говоря уже о получении какой-то прибыли. Здесь отец воочию убедился, что его неграмотность является большим препятствием для торговли и что этому должно предшествовать обучение грамоте, он понял, что «учение – свет, а неучение – тьма» (в этой тьме ему суждено было оставаться и дальше). Все предшествующие события у отца никак не способствовали возможности его обучения грамоте. В возрасте почти семи лет он выехал вместе с отцом и матерью, как переселенец, из Тамбовской губернии. Прибыл к месту назначения через два года, потом около года он болел. Будучи уже десятилетним мальчиком, он приступил к сельскохозяйственной работе переселенцев в деревне Тамбовке, где еще не было школы для детей. Достигнув восемнадцати лет, он женился, и дальнейшая работа с семейными заботами никак не давали возможности ему учиться грамоте. По этим же причинам большая часть молодежи деревни оставалась безграмотной.

Таким образом, опыт отца по проведению мелкой торговли показал себя несостоятельным. Поэтому отец решил отказаться от торговли, распродал все товары и занялся поисками других работ вместо сельскохозяйственных.

В период торговли отца знакомые мне мальчики деревни (товарищи) обратились ко мне с просьбой угостить их папиросами и табаком, которые имеются в лавочке отца. Я ответил им: «Вы можете купить их у отца». Они ответили: «Ты знаешь, что мы это сделать не можем». Мне было известно, что иногда они использовали мох и бумагу для курения, поэтому предложил угостить их мхом, завернутым в курительную бумагу, которые были в амбаре. На это они согласились и место для курения наметили под высокой террасой нашего дома.

Вечером под террасу явилось пятеро мальчиков и я с мхом и курительной бумагой. Удобно расположились и начали готовить папиросы. В это время по улице проходило стадо коров, а пастух зашел в наш дом на ночевку. Одновременно приехал с поля отец. Мы спокойно закурили. Вначале пастух, а потом отец заметили поднимающийся дымок из щелей ступенек террасы. Отец решил посмотреть туда и обнаружил нашу компанию и меня. Он обратился ко мне с удивлением: «Петька, ты что с мальчиками тут делаешь?». Мальчики сразу разбежались врассыпную. Отец понял, в чем дело, и сказал: «Огнем и курением занимаешься?! Это я не могу тебе простить!». Схватил у пастуха длинную плетку и начал бить меня плетью. Я от боли и страха бегал по двору около бани, но он меня настигал длинной плетью. В одном месте я упал, и мать меня подхватила и унесла в дом; потом она обнаружила на моей спине кровавые полосы. По требованию фельдшера я пролежал на кровати четыре дня с повязками. Это справедливое наказание отца я запомнил на всю жизнь. На пятый день ко мне пришел сельский писарь Валерий Иванович Перец, который часто беседовал со мной по разным вопросам, и сказал о том, что он был бы счастлив получить наказание от отца за такой поступок. Я с ним был вполне согласен и никогда уже не курил в жизни.

В 1905 г. родители имели уже четверых детей (Мария, Петр, Иван и Федор), из них дочь должна была пойти в школу, но здание ремонтировалось и достраивалось, поэтому она была принята только на будущий 1906 г. Неграмотный отец побоялся такого же исхода и для дочки – остаться неграмотной. При долгом обсуждении этого вопроса родители решили переехать полностью из деревни Тамбовки в г. Благовещенск. При знакомстве с жизнью людей в городе отец увидел большие возможности в выборе различных работ. Однако и в городе

необходимо иметь недвижимое и движимое имущество в определенных пределах, то есть иметь дом, сарай, баню, телегу, пролетку (экипаж), коня, корову и т.п. и хороший огородный участок. Возникла большая и сложная работа по продаже имущества в д. Тамбовке и покупка имущества в г. Благовещенске.

В этом деле большую роль оказал приятель родителей – сельский писарь Валерий Иванович Перец. Он подыскал одного переселенца, который согласился купить у отца значительную часть недвижимого и движимого имущества в д. Тамбовке и одновременно помог с покупкой дома в г. Благовещенске на окраине города, в районе так называемой «Горбылевки».

Город Благовещенск

В марте месяце 1906 г. был окончательно совершен переезд родителей с семьей в г. Благовещенск, где и был занят участок вместе с домом по Свободной улице № 61. На участке был большой огород. Из Тамбовки потом были доставлены две лошади, корова, телега, одноколка и разные мелкие необходимые вещи.

После освоения участка и проведения необходимого строительства (как-то: постройки деревянного забора, сарая, бани и др.) отец устроился работать в Союз транспортных рабочих. Там он работал на одной из своих лошадей по перевозке в городе различных грузов.

Меня и сестру приняли в школу имени Горького, где мы обучались три года под руководством опытного учителя Акима Филипповича Маслова, который дал нам первое начальное образование. После окончания школы родители решили устроить нас на работу: сестру горничной в семью купца Терехова, а меня помощником приказчика в шорном магазине И.И. Саяпина. Семья Терехова очень была довольна работой сестры в должности горничной, и она осталась работать и дальше у них, не поступая в дальнейшем в школу. Что же касается меня, то я заявил отцу и купцу Саяпину о моем переходе осенью в школу под названием «Высшее начальное училище». По этому вопросу И.И. Саяпин вызвал отца на беседу и предложил оставить меня в магазине для получения квалификации приказчика. Он сказал, что дальнейшее обучение может привести к тому, что сын, получив большое образование, покинет родителей, как это было недавно в известной семье Щукина (сын закончил Томский институт и уехал от родителей в другой город). Отец явился от Саяпина в определенном тревожном настроении и указал на то, что мне необходимо продолжать работать в магазине. Однако, он не знал, что я подал заявление в «Высшее начальное училище». < ... >

В конце 1917 г. поступило сообщение из Петрограда о совершившейся Октябрьской революции. В это время в наш 8-й класс гимназии приезжали два раза офицеры с докладами о происходящих событиях в России в связи с революцией и агитацией против большевизма.

Директор гимназии разрешил офицерам сделать гимназистам доклад, но был против всякой агитации. Однако во второй раз посещения офицеров среди гимназистов произошло обсуждение, участвовать ли в наступающих событиях в г. Благовещенске. На это согласились только гимназисты из буржуазии и чиновничества, остальные отказались от этого, в том числе и я. Об этом я сообщил отцу, который собирался поехать в Тамбовку по делу. В связи с таким политическим осложнением он решил взять с собой мать с ребятами, а меня пока оставил дома. За время отсутствия семьи я уже не ходил в гимназию и был среди соседей на улице или на скамейке у дома. Через два дня отец явился из Тамбовки с целью отвезти и ме-

ня в деревню, причем с беспокойством сообщил, что на берегу Зеи имеется уже охрана казаков, а к городу все время идут рабочие и крестьяне. Поздно ночью я с отцом выехал к берегу Зеи в санях на лошади и, выждав отъезд охраны казаков в сторону, начали быстро пересекать реку Зею по льду. Только с приближением к противоположному берегу нас стала обстреливать казачья охрана. Наше «бегство» из Благовещенска обошлось благополучно. В деревне Тамбовке мы пробыли 25 дней. За это время произошел разгром белогвардейцев в Благовещенске, и жизнь вошла в норму.

Однако после нашего возвращения соседи сообщили нам о том, что меня, гимназиста, разыскивал командир одного красного отряда. Выяснилось, что во время событий какие-то гимназисты ходили по Горбылевке и арестовывали рабочих. Одна женщина уверяла, что один из них был Умрихин. Пришлось вместе с соседями пойти к этому командиру и доказать, что в это время я был в Тамбовке, а женщину убедить в ее грубой ошибке. Из нашего класса было убито 4 человека гимназистов.

6 июня 1918 г. я окончил гимназию с получением аттестата зрелости и с получением золотой медали за учебные успехи. 7 июня 1918 г. состоялся выпускной вечер последнего выпуска Благовещенской мужской гимназии, т.к. в дальнейшем гимназия была переименована на школу третьей ступени. На этом вечере между абитуриентами происходил разговор о желании продолжать учиться в высших учебных заведениях с приобретением определенной специальности. <...>

Однако желание поступить в ВУЗ могло осуществиться только через несколько лет по причине тех событий, которые начали разворачиваться с конца 1917 г. Это была гражданская война почти во всей нашей стране и вмешательство иностранных государств в эту войну. Борьба с белогвардейцами продолжалась в разных областях Востока. Происходящие в связи с этим перемены на Дальнем Востоке вызывали недовольств как со стороны местной буржуазии, так и со стороны иностранцев. Япония, под давлением Англии, США и Китая, начала в июле месяце 1918 г. постепенное оккупирование Дальнего Востока, вплоть до озера Байкал с введением 100000 человек. В это время Красная Армия разгромила в Сибири колчаковщину вплоть до г. Иркутска с приостановкой дальнейшего движения Красной Армии на восток.

Осенью 1918 г. все абитуриенты начали устраиваться на работу. Я и абитуриенты В.Х. Попов, В.И. Шахов поступили на педагогические курсы, которые мы окончили в мае месяце 1919 г. Я и Попов были оставлены в Благовещенске преподавателями по математике в школе 3-й ступени имени Горького (бывшее реальное училище), где мы проработали 3 года (до 1922 г.). Помимо этого, в вечерние часы мы временами читали лекции на общеобразовательных курсах для рабочих двух Чепуринских заводов. Они были приспособлены производить выпуск военной продукции: бронированные вагоны, паровозы, изготовление и ремонт винтовок, отливка артиллерийских снарядов. Наши лекции, в особенности технические расчеты, помогли рабочим в ускорении изготовления изделий, за что мы получили благодарность от администрации и рабочих.

Во время интервенции Дальнего Востока Японией происходила кровопролитная война между белогвардейцами, поддерживаемыми Японией, и партизанами, поддерживаемыми Народно-революционной армией (НРА).

В это тяжелое время по идее В.И. Ленина было предложено образовать Дальневосточную Республику, которая лишь по форме должна была являться буржуазно-демократической, а по существу в ней фактически должна была осуществляться диктатура пролетариата.

Образование ДВР было осуществлено 14 мая 1920 г. при одновременном создании Народно-революционной армии (НРА). Образование ДВР преследовало цель разгрома белогвардейцев и выдворения японских войск из пределов ДВР. Япония признала образование ДВР, рассчитывая на возможность превращения ее потом в «добропорядочное буржуазное государство».

После этого командующий японскими войсками генерал Оой предложил ДВР приступить к переговорам по установлению нейтральной зоны между войсками НРА и Японией и прекращения на этой зоне военных действий во избежание больших потерь солдат с обеих сторон. ДВР неоднократно заявляла о том, что НРА ведет войну не с Японией, а с белогвардейскими бандами, и поэтому от ДВР имеется большая просьба к японскому командованию не вводить, согласно договору, белогвардейцев в нейтральную зону. Однако, по настоянию Японии, город Чита остался вместе с белогвардейцами атамана Семенова на нейтральной зоне. Таким образом, Народно-революционная армия не могла производить военных операций против г. Читы и находящихся в нем белогвардейцев. Это могут сделать только отряды партизан, не связанные договором о нейтральных зонах.

Многочисленные попытки партизан овладеть г. Читой оставались безрезультатными. Это указывало на возможно значительное удлинение времени по ликвидации образовавшейся «Читинской пробки», т.е. предсказывало на затяжное время отсутствие железнодорожного сообщения с Советской Россией и из-за этого с высшими учебными заведениями.

Это обстоятельство сильно опечалило всю группу абитуриентов, ожидавших решения этого вопроса уже почти 3 года со дня окончания гимназии. Не желая дальше терять время, абитуриенты решили организовать по программе высшего образования «Частные Высшематематические курсы» в г. Благовещенске. Для этого выбрали рабочую группу из товарищей В.Х. Попова, П.В. Умрихина и В.И. Шахова. <...>

Были утверждены два подписных листа: подписной лист № 1 по сбору денежных пожертвований на создание «Частных Высшематематических курсов» и подписной лист № 2 по сбору подарков-вещей для создания студенческой лотереи, используемой для этой же цели.

Для выполнения всей этой работы были привлечены все абитуриенты (48 человек). Они провели большую разъяснительную работу об организации «Частных Высшематематических курсов» среди родственников, организаций, предприятий и всех знакомых.

По подписному листу № 1 удалось собрать денежных пожертвований 565 рублей золотом (в ДВР деньги были царского режима: монеты 5, 10, 25 рублей золотом и серебро 3 рубля по стоимости 1 рубль золотом). По подписному листу № 2 удалось собрать от граждан в виде «подарков» большое количество вещей для организации студенческой лотереи. Помимо этого, к лотерее были присоединены купленные: лошадь, корова, свинья и два велосипеда. По городу были вывешены типографские объявления о студенческой лотерее с перечнем более важных разыгрываемых вещей.

Лотерея состоялась 30 июня 1920 г. в 17 часов дня в общественном саду на Вознесенской улице. При входе и выходе из сада играли два оркестра. В саду было гулянье, работала лотерея и действовали несколько разукрашенных торгующих киосков.

Вдруг раздался громкий ликующий голос о выигрыше свиньи. При передаче же выяснилось, что это была не свинья, а боров. Был большой смех и полное удовлетворение выигравших. Корову выиграла 5 летняя девочка; один велосипед выиграл рабочий, который был в восторге, так как ему нужно было спешить на работу. Он немедленно сел на велосипед и уехал на завод. Второй велосипед выиграла старушка. Лошадь никто не мог выиграть, к тому же она оказалась хромой на переднюю правую ногу, о чем при ее покупке у цыган не было установлено. Некоторые выигранные вещи не отличались достаточной новизной.

Организованная лотерея и проведение двух студенческих вечеров позволили приобрести для организации «Частных Высше-математических курсов» 2216 рублей золотом.

1-го сентября 1920 г. состоялось открытие «Частных Высше-математических курсов», и все 48 человек абитуриентов города начали слушать лекции, счастливые продолжением своего образования. В ноябре 1920 г. мы получили сообщение о том, что более крупные отряды партизан с большими боями ликвидировали «Читинскую пробку». Остатки Семеновских белогвардейских войск бежали в Маньчжурию. В результате установилась прямая связь с Советской Россией. Однако железнодорожный транспорт находился в исключительно плохом состоянии и восточнее города Читы было положение недостаточно спокойным.

Всех бежавших в Маньчжурию белогвардейцев (до 200000 человек) японские милитаристы перебросили во Владивосток. Там они 26 мая 1921 г. спровоцировали белогвардейское восстание, в результате которого в Приморье местные органы ДВР были свергнуты. У власти встало марионеточное белогвардейское правительство капиталиста Меркулова. В начале белым бандам Меркулова, а потом генералу Дитериксу удалось занять Хабаровск 22 декабря 1921 г. и даже потеснить Народно-Революционную Армию по железнодорожной станции Волочаевка в направлении на г. Читу.

2-14 февраля 1922 г. после трехдневного боя НРА заняла станцию Волочаевку и 14 февраля освободила г. Хабаровск, преследуя белогвардейцев до Владивостока.

Таким образом, белогвардейцы потерпели сокрушительное поражение под г. Читой, потом под Волочаевкой и, наконец, были окончательно разгромлены в боях под Спасском.

Интервенция Дальнего Востока Японией вызывала у народа Японии гнев и возмущение и не имела никакой поддержки. Массовая борьба пролетариата Японии против интервенции велась под лозунгом немедленной эвакуации японских войск.

Под нажимом трудящихся масс правительство Японии вынуждено было подать в отставку. Новый кабинет, сформированный адмиралом Като 24 июня 1922 г., принял решение о выводе японских войск из Приморья.

Перед вторым годом обучения в «Частных Высше-математических курсах» 1 сентября 1921 г. мы запросили министерство народного образования ДВР о возможности перехода этих курсов на государственные. Нам в этом отказали и предложили в дальнейшем ориентироваться только на существующие высше-учебные заведения в других городах. Поэтому занятия на курсах были продлены только на полугодие – до 1 февраля 1922 г., исходя из оставшихся средств. «Частные Высше-математические курсы» сыграли большую роль в

начальной подготовке студентов по высшей математике, физике и неорганической химии в высших учебных заведениях, куда они потом поступали. Студенты при закрытии курсов выразили большую благодарность преподавателям В.И. Боголюбову, А.П. Полину и Ф.К. Лукину за хорошую постановку занятий на курсах. Обсуждался вопрос о подготовке к поездке в Советскую Россию для поступления в высше-учебные заведения. Выяснилось, что из 48 абитуриентов только двое, П.В. Умрихин и В.Х. Попов, решили «рискнуть» на такое длинное путешествие из Благовещенска в Петроград. Подготовка к поездке заключалась в том, чтобы добыть себе на какое-то время продукты питания и по возможности иметь необходимую сумму денег от своей преподавательской зарплаты и некоторую помощь от родителей на такое большое путешествие. От Амурпрофсовета нужно было получить официальное письмо для Дальневосточного профсовета с просьбой оказать помощь в направлении т.т. Умрихина и Попова в Москву или Петроград для продолжения образования.

Как учителя школы, мы имели право на скидку в стоимости проезда водным путем, поэтому мы решили осуществить наше начальное путешествие пароходом от г. Благовещенска до г. Сретенска.

16 августа 1922 г. мы с В.Х. Поповым заняли каюту пассажирского парохода с грузом: 2 мешка сухарей и полтора мешка копченой рыбы кета, а также необходимые личные вещи. Для того чтобы не показалась погрузка вместе с вещами излишней, я попросил товарищей с мешками пройти по второй сходне. Нас двоих провожали родители, мой отец и мать, а В.Х. Попова провожали старшая сестра Вера Христофоровна и мать Наталья Васильевна. На проводках были почти все абитуриенты от курсов, а также преподаватели и сотрудники от разных учреждений.

Некоторые завидовали нам, едущим для получения высшего образования, а некоторые смотрели на нас, как на людей, идущих на большой риск, имея ввиду голодовку в Советской России и трудности поездки. При прощании с родителями, а также со всеми присутствующими мы дали слово, что примерно через два года мы обязательно встретимся на этом же берегу Амура. Пароход отошел по расписанию, а родители остались на высоком берегу Амура на нашем извозчицком экипаже. Отец стоял у лошади Савраски. Моя мама, Наталья Васильевна, и Вера Христофоровна сидели в экипаже и все время махали платочками, пока не скрылся пароход за крутым поворотом Амура. Так запечатлелись проводы у нас и у наших милых родителей. Пароход шел против течения реки при мелководе с большим опозданием по станциям и с большими остановками. На пятые сутки нашего путешествия мы решили посмотреть рыбу в мешках и обнаружили на ее поверхности появление плесени от влияния влажности воздуха. После обсуждения этой неприятности мы решили посушить рыбу в каюте. Для этого развесили рыбу на веревках, расположенных крест на крест под сводом каюты. Часов через пять около нашей каюты все время останавливались гуляющие люди и задавали друг другу один и тот же вопрос: «Откуда так «несет» рыбой?!». Я об этом сообщил Попову и предложил немедленно убрать рыбу в мешки во избежание скандала с капитаном парохода.

Только что окончили уборку рыбы, как уже помощник капитана стучит в каюту и спрашивает у нас: «У Вас, товарищи, по-видимому, в каюте рыба?». Мы говорим: «Да», — и показываем на стол у окна, где для отвода глаз лежит большая рыбина. Больше помощник

капитана к нам не обращался, а в следующие дни мы уже спокойно продолжали просушивать рыбу.

В устье реки Шилки, впадающей в Амур, пришлось всем пассажирам пересесть с парохода на плоскодонную баржу, которую потом тянул буксиром маленький двухколесный пароходик.

Река Шилка протекала среди высоких гор, покрытых густыми лесными зарослями: этот пейзаж был изумительно красив. Временами пароходик не мог преодолеть быстрое течение воды в Шилке, в особенности при крутых поворотах, и поэтому были частые вынужденные остановки. Это приводило в уныние многих пассажиров, несмотря на окружающую красоту пейзажа.

На одной из остановок попутно разгорелся спор между В.Х. Поповым и одним из пассажиров о том, существует ли страх. Этот пассажир доказывал, что страха вообще не существует, и приводил примеры. Через 3 часа после этого спора произошел интересный случай. Во время послеобеденного сна вдруг раздалась интенсивная стрельба, по-видимому, из винтовок.

Мы с Поповым быстро встали и решили пойти на палубу. При выходе из каюты мы увидели лежащих пассажиров в коридоре на полу, в том числе и пассажира, утверждавшего вообще об отсутствии страха. При этом он кричал во все горло, что надо быстро ложиться, так как на нас напали хунхузы. Мы вышли на палубу и увидели действительность: капитан пароходика непрерывно стрелял по прыгающей на горе козе. Это событие вызвало потом разговоры и дискуссии по другим вопросам, и все уже не замечали медленный ход пароходика.

В Сретенск мы прибыли на 9-е сутки утром при хорошей солнечной погоде, но с большим опозданием против расписания. Пароходик остановился против двух разрушенных зданий. Горы против Сретенска были все изрыты, в траншеях, что свидетельствовало о бывших военных событиях. Житель Сретенска сообщил нам, что полтора года тому назад было большое сражение между партизанами и белогвардейцами. Мы поднялись на гору и увидели там другие глубокие траншеи. Весь день при солнечной погоде мы просушивали на берегу нашу рыбу, а вечером погрузились на поезд. <...>

Первая поездка в Благовещенск

Мы с В.Х. Поповым наметили в конце второго курса (т.е. в 1924 г.) сделать поездку на родину в Благовещенск. Это было условлено с родителями при нашем отъезде в Петроград. Теперь предстояло выполнить часть экзаменов до экзаменационной сессии. По этому вопросу мы обратились к декану факультета профессору М.А. Павлову, который, подробно ознакомившись с нашим положением, разрешил нам выехать 15 июня с возвращением обратно в Ленинград к 1 августа. Перед отъездом мы получили стипендии за отпускное время, но этого было на поездку недостаточно. Поэтому мы обратились в трудовую студенческую артель за заработком. Артель включила нас в мае месяце на разгрузку каменного угля с двух баржей на реке Неве. Во время нашей работы на Неве В.Х. Попов вспомнил адрес знакомых в Ленинграде, и мы решили познакомиться с ними как благовещенские. Это была семья Халчевых, проживала она недалеко от р. Невы на Литейном проспекте. В этой семье когда-то проживал В. Гейер, будучи студентом Военно-медицинской академии. Теперь (в 1924 г.) он жил

в Благовещенске и являлся знаменитым губернским врачом. Между Гейером и Халчевыми происходила непрерывная переписка, как между старыми друзьями. В. Гейер дал рекомендацию В.Х. Попову для знакомства с Халчевыми. Они приняли нас очень приветливо и были в восторге, когда узнали, что почти через месяц мы уезжаем в Благовещенск. Оба сказали: «Как приятно через вас передать семье Гейер подарки, и как все время мы будем благодарны вам за живую связь между Благовещенском и Ленинградом!». Весь вечер мы провели у Халчевых с большим удовольствием. Они очень интересовались нашей студенческой жизнью и в дальнейших наших посещениях.

14 июня 1924 г. мы выехали из Ленинграда в наше большое путешествие по железной дороге до г. Сретенска, а по воде на пароходе от г. Сретенска до г. Благовещенска. Таким образом, совершили путь по такому же маршруту, как это было в 1922 г. Мы были оба очень утомлены перед отъездом, и поэтому ехали, не вылезая из вагонов, за исключением Екатеринбурга (Свердловска) – все время отдыхали. В Екатеринбурге мы осмотрели железнодорожную станцию с подземными ходами по пути. Общее впечатление по железнодорожной магистрали в пути оставалось хорошее: за прошедшие два года была выполнена большая восстановительная работа. Путь от Сретенска до Благовещенска был совершен достаточно быстро благодаря паводку и достаточному уровню воды. Здесь нам удалось подробно ознакомиться с Шилкинскими горами, покрытыми лиственной тайгой с примесью сосны и кедра. Наш спутник по пароходу сообщил, что в бассейне Шилкинских гор геологами обнаружены крупные месторождения цветных металлов и золота и что этот бассейн будет играть здесь большую роль в развитии промышленности.

Пароход прибыл в Благовещенск с опозданием на 5 часов по причине вынужденной остановки на ближайшей станции для ремонта боковых колес. Поэтому встреча с родными на берегу Амура, к сожалению, не состоялась. Мы приехали домой к родным только поздно ночью. Моя мама и Наталья Васильевна (мать Попова) были очень довольны нашим видом по сравнению с тем, что они предполагали. Разговор между нами продолжался почти до самого утра, а потом весь день с другими членами семьи.

Утром я лег в кровать, установленную в сенях дома, чтобы я мог спокойно поспать. Однако почти в 12 часов ко мне нагрянула детская делегация посетить меня – дядю из Ленинграда. Дети: Валя, Сережа и Ниночка вместе с отцом Колей и матерью Марусей (моей сестрой). Затем явились мама, папа и братья Ваня и Федя. Здесь была выражена общая радость встречи, которая продолжалась потом за общим столом почти весь день. На следующий день я посетил семью Туниных и Паскониных. Они встретили меня с радостью и большой любознательностью о результатах моего двухлетнего пребывания в Ленинграде. Я убедился, что удовлетворить их любознательность полностью не смог, так как впереди еще оставались 2-3 года работы по программе в политехническом институте и на заводах по специальности металлургии. Здесь выяснилось, что мои школьные товарищи Петя и Миша ограничились приобретенными специальностями: Петя – бухгалтером, а Миша – мастером, и оба женились. Договорились о вечере воспоминаний.

С В.Х. Поповым мы зашли к В.А. Гейеру с посылкой от Халчевых. Нас приняла его дочь Надежда Васильевна, которая при разговоре сообщила нам, что она тоже студентка из Москвы и тоже приехала на побывку к родителям. Они уехали на неделю в деревню. Мы обещали через неделю зайти с поручениями от Халчевых.

При разговоре в нашей семье выяснилось, что во время моей побывки (около месяца) необходимо выполнить две важные задачи: подготовить для лошади и коровы сена и подготовить для отопления дома необходимое количество дров. Первую задачу я выполнил вместе с братьями поездкой на сенокос. Подготовка дров была произведена на берегу реки Зей путем покупки бревен и распилки их на дрова, которые были доставлены нашей лошадкой на наш двор. Помимо этого при моем участии было проведено несколько экскурсий в лес и на горы в компании с родственниками или с близкими знакомыми.

Около 20 июля мы с В.Х. Поповым собрались обратно в Ленинград. На вокзале нас провожали родители, все родственники, и все наши знакомые с большими пожеланиями успехов в нашем деле. Обоюдные добрые пожелания, приятные разговоры с обеих сторон создали хорошее настроение на проводах. <...>

Вторая поездка в Благовещенск

В июне 1928 г. состоялась вторая моя побывка к родителям в г. Благовещенск. Вся железнодорожная ветка до Благовещенска находилась почти в воде, и поэтому поезд шел очень медленно. Я приехал с большим опозданием. Приближалось наводнение от паводка: был все время сильный дождь.

В семье Умрихиных были большие изменения. Братья Ваня и Федя женились, зять Николай Васильевич (Коля) вместе со своей семьей переехал от отца на новую квартиру, расположенную на нашей Свободной улице. Отец и мать хорошо выглядели, жили дружно. Очень я был огорчен тем, что отец продал лошадь и пока не думает приобретать новую. Встреча была радостная. Много было разговоров и воспоминаний о прошедшем. Особенно много со мной говорила мама. Я показал ей фотографию моей знакомой Веры Александровны и охарактеризовал её как человека с самой хорошей стороны. Я был в восторге от детей моей сестры Маруси с Колей. Они были очень жизнерадостными и исключительно внимательными к родителям и старикам: дедушке и бабушке. Отец, Ваня и Федя в мой приезд работали плотниками на строительстве нескольких школ. В связи с тем, что моя побывка дома была рассчитана только до первого августа, то на семейном совете был решен вопрос о моей нагрузке – помощи семье. Я должен был проводить все огородные работы и подготовку топлива на зиму.

На второй день приезда меня записали в отряд по борьбе с наводнением. Почти половина города Благовещенска уже находилась в воде. Наша Горбылевка была расположена на гористой местности, и вода не дошла до нас за все время наводнения. Во время дежурства на реке Зее я совершенно не видел второго берега реки – одно сплошное море. По быстро текущей воде были видны крыши плавающих домов, телеги, деревья, кусты и разные поломки. Иногда на плавающих предметах находились собаки или кошки, их спасали при помощи моторных лодок. Во избежание дальнейшего подъема воды поднимали выше имеющийся земляной вал на некотором расстоянии от берега путем подвоза земли на тачках и телегах.

Я подробно рассказал о наводнении в Ленинграде в 1924 г., где я был тоже мобилизован на ликвидацию последствий наводнения для срочного освобождения Невского проспекта и других улиц от занесенных водой барок, лодок, бревен, досок и разных материалов для восстановления необходимого уличного движения в городе. Прибавил, что в настоящее время уже идет строительство защитных сооружений от наводнения в Ленинграде.

Теперь нам известно, что Благовещенск навсегда освободится от наводнения в связи с окончанием строительства на реке Зея гидростанции и образованием водоема (моря), поглощающего воду в период паводка.

20 июля я зашел к семье доктора Гейера. Меня встретила жена доктора Софья Михайловна и девушка, которую звали Таней (вторая дочь Гейера). Я сообщил ей о своей обратной поездке в Ленинград и попросил подготовить ответ семье Халчевых на вторую посылку, которую я привез для них в этот приезд в Благовещенск. При разговоре выяснилось, что Таня тоже собирается к поездке в город Читу и что она, как и я, затруднена была приобретением билета. Железнодорожные билеты не продаются в связи с разрывом железнодорожного пути наводнением.

Было принято решение ехать пассажирским пароходом по реке до города Зеи, а там по железной дороге дальше. 2-го августа мы выехали утром из Благовещенска и наблюдали с парохода, какое получилось море от наводнения Зеи, и понимали, какой большой ущерб принесло это несчастье народу. Вода начала убывать. Через два дня мы выехали по железной дороге. В Чите встречал Таню ее муж с группой молодых веселых людей. Она перед этой встречей очень благодарила меня за помощь, которую я ей оказал.

В день приезда в Ленинград меня встречала с радостью Вера Александровна Ширяева и сообщила о том, что в газетах писали так много о наводнении в Благовещенске, и она боялась за мое благополучие. Вместе сдали в багажную камеру вещи и пошли в ресторан, чтобы за чашкой чая отметить нашу встречу, поговорить о многом. <...>

Третья поездка в Благовещенск

В 1935 г. я решил совершить третью кратковременную поездку на родину. Моя жена (Вера Александровна) не могла участвовать в этой поездке, так как на ее руках были ребенок (девочка одного года) и старые родители, с которыми она была на даче в местечке Колтуши. Завод предоставил мне короткий отпуск на 18 дней с учетом расхода времени на железнодорожный транспорт в связи со срочной работой по намеченным исследованиям.

На родине в Благовещенске я пробыл 7 дней и за это время увиделся со всеми родственниками и знакомыми. Кое-что помог по хозяйству: подготовил дрова на зиму, отремонтировал крышу нашего домика и оказал материальную помощь. В домике уже было тесновато в связи с появившейся семьей брата Федора Васильевича с детьми. Отец и мать жили хорошо, но постарели, им было около 70 лет каждому. На следующий день приезда все собрались в нашем домике, а именно: отец и мать, Иван Васильевич с женой, Федор Васильевич с женой, сестра Маруся со своим мужем (Николаем Васильевичем) и все их дети. Я постарался сделать о себе доклад о том, как я защитил дипломный проект и получил звание инженера металлурга и начал выполнять двойную работу в институте и на Путиловском заводе, сообщил о знакомстве с семьей Ширяевых и с Верой Александровной, на которой я женился, и о некоторых других подробностях своей ленинградской жизни. Просидели мы до позднего вечера. При общем разговоре отец признался, что были большие трудности у них тут и у меня в одиночестве, но все прошло, и мы живы, здоровы.

Здесь он сообщил о том, что купец И.И. Саяпин, который из меня хотел сделать приказчика, сошел с ума (тихое помешательство), а потом попал в психиатрическую больницу, где и умер. Это меня поразило.

На следующий день меня поразила встреча со школьными товарищами Петей и Мишей Туниными. Узнав о их новом адресе, я пошел встретиться с ними. При входе во двор дома на Некрасовской улице я увидел в садике человека на костыле (без правой ноги). Это оказался Петя Тунин. Мы с радостью обнялись и долго говорили, не затрагивая вопроса о его несчастье. Об этом начали говорить после прихода к нам его жены. У него была гангрена и, несмотря на поездки на юг, все-таки пришлось сделать операцию. Мы условились еще раз встретиться и более подробно поговорить обо всем. Миши дома не было, он только что уехал в командировку. Наша встреча состоялась после приезда Миши.

Вторая беседа с родными была в воскресенье за день до моего отъезда. Так как поезд должен был отходить в 7 часов 15 минут, то я распрощался со всеми, за исключением родителей, которые согласились быть на проводах в раннее утро. Со слезами проводили они меня, со слезами поехал и я. Это была наша последняя встреча. В конце Великой Отечественной войны их уже не было в живых. <...>

Четвертая поездка в Благовещенск

В 1954 г. была совершена поездка на мою родину в г. Благовещенск впервые с участием жены Веры Александровны и дочери Нины. Вторая дочь Алла не могла поехать из-за поступления в институт. Для меня эта поездка была по счету уже четвертой (первая была в 1924 г., вторая в 1928 г. и третья в 1935 г.), с перерывом между этой поездкой и третьей почти в двадцать лет. Такой большой перерыв объясняется, главным образом, ходом больших событий в период Отечественной войны и после нее. Но в этот перерыв я и моя семья имели непрерывную связь почтой с моими родителями и родственниками. В этот 1954 г. моих родителей уже не было, умерли в 1944 г. Не было двух моих братьев – один погиб на гражданской службе, а другой на фронте при наступлении на Берлин. Остались в живых сестра с мужем и многие более дальние родственники.

Эта поездка для жены и дочери представляла большой интерес: познакомиться с моими родными и моим родным городом на границе с Китаем. Так как ехали туда и обратно по железной дороге, то имелась возможность познакомиться с Сибирью и Дальним Востоком, а также с некоторыми городами, как-то с Благовещенском, Хабаровском, Иркутском. Наш приезд на станцию Благовещенск ознаменовался очень радостным событием. Мы подъезжали до станции в почти опустевшем вагоне, т. к. много пассажиров вышло в предпоследней ст. Белогорье. Поезд подходит, а на перроне толпа встречающих. Мы выходим из вагона, и вся эта толпа встречающих начала нам кричать: «Дядя Петя, тетя Вера». Это оказалась толпа наших родственников. Все бросились целовать и обнимать нас (Веру Александровну большинство узнало по фотографии). Я говорил: «Почему вас так много?». Потом жена и дочка долго знакомились со всеми родными, не зная никого. Раньше сестра Маруся и ее муж со слезами на глазах обнимали меня после такой долгой разлуки, радость была велика. Встречали нас их сын Валя с женой Ларисой и внук Гена с женой Женей, а у последних их дети. Вот так стало ясно на встрече, почему так много было встречающих. Нам подали легковые машины, которые доставили нас в большой дом, расположенный недалеко от реки Амура, временно занимаемый сестрой Марусей. За общим столом вспоминали прошлые годы. На следующий день решили побывать на могилах моих родителей. Могилу папы нашли быстро, а могилу мамы, к сожалению, так и не могли найти. Сестра объясняла это тем, что в

день похорон было много подготовлено могил, и поэтому произошла какая-то путаница. Остался только район, где она была похоронена. Этим обстоятельством я был очень расстроен.

Почти неделю мы провели с родными, а я попутно знакомился с изменениями города. Из Благовещенска мы выехали на пароходе по реке Амуру в г. Хабаровск. Там мы имели ввиду познакомиться с родными по линии матери. Путешествие по Амуру представляло для нас большой интерес. С парохода мы имели возможность сопоставить относительную жизнь двух народов: русских – на левом и китайцев – на правом берегу Амура. Удалось сопоставить по такому примеру, как обработка полей: у русских она производилась при помощи тракторов, а у китайцев при помощи плуга и волов, с использованием ручного труда. Амур поразил нас своей экзотической красотой. Он достигал местами двух и более километров в ширину. Отвесные горы Хингана, мимо которых мы плыли, покрытые лиственницей и елью, были сказочно прекрасны. Поразительны были волшебные превращения поверхности воды Амура при движении парохода во время лунного освещения и при закате. Поверхность волн превращалась то в серебро, то в золото, и мы, очарованные этим, долго не могли уйти в каюту.

Новая сказка нас ждала – это г. Хабаровск, расположенный на трех горах (теперь они, к сожалению, для удобства жителей сравнены). Мы увидели хорошо выполненный памятник Хабарову; на берегу расположен большой парк, украшенный статуями; побывали в краеведческом музее и в цирке. Удалось устроиться в номере гостиницы, где мы потом принимали своих родственников после того, как мы сами побывали у них в гостях. В общем, очень хорошо встретились с родственниками в течение 6 дней и постарались ознакомиться с городом.

Из Хабаровска в обратный путь до Свердловска проехали по железной дороге с остановками у близких родных на два дня в городе Иркутске. <...>

Пятая поездка в Благовещенск

Почти через двадцать лет после побывки на родине в 1954 г. мы собрались побывать в Благовещенске еще в пятый раз – в 1973 г. Выехали мы из подмосковной дачи семьей: я, Вера Александровна, Ниночка и Петрик. Алла не могла поехать в связи с необходимостью обмена нашей квартиры и, не останавливаясь в Свердловске, продолжали путь до самого Благовещенска. В Свердловске нас встречали и провожали сестры Веры Александровны, Нина Александровна и Валентина Александровна, и друзья. По всему пути нигде не останавливались и с удовольствием знакомились с изменениями, происшедшими за такой срок – 20 лет – по карте, вывешенной нашим внуком Петриком на стенке нашего купе в железнодорожном вагоне.

В Благовещенске нас встречали все родственники, ожидавшие нашего приезда. Было приятно сразу узнать, что у моей сестры Марии Васильевны с мужем имеется собственный дом, такой же дом имеется у Вали, ее сына с семьей, и проживают они все на одной и той же улице; у каждого дома имеется огород. Мы с женой остановились в доме сестры, а Ниночка с Петриком в доме Вали. Петрик хорошо освоился в родной семье и в особенности с мальчиком Артемом (внуком Вали), с которым играл в различные игры. Я неоднократно совершал с ними прогулки на катере по Амуру. Однажды Петрик решил посмотреть течение Амура и высунул свою голову выше окна катера, и с головы сдуло его пионерскую шапочку прямо

в воду. Он был очень расстроен, но после разговора с дедом, то есть мною, он начал гордиться тем, что подарил свою шапочку Амуру.

Впервые мы подробно познакомились с семьями детей моего брата Федора Васильевича, убитого во время Отечественной войны при наступлении на Берлин. В начале были в гостях семьи Сергея Федоровича, а потом в гостях семьи Ивана Федоровича. Оба они были по специальности строителями. Перед отъездом в Свердловск побывали в гостях у моей двоюродной сестры Надежды Степановны Димитрюк. Теперь ведем со всеми переписку.

Очень подробно ознакомились мы с Благовещенским областным музеем, в котором просмотрели китайское вооружение, применявшееся при Боксерском событии, и другие интересные экспонаты, со вкусом расставленные в музее.

Берег Амура производит странное впечатление по сравнению с тем, что было двадцать лет тому назад. На берегу обычно было много пароходов, теплоходов, и в связи с этим было большое оживление. Теперь ни пароходов, ни теплоходов не было, за исключением нескольких катеров служебного назначения. Берег был прекрасно асфальтирован, и на берегу появились многоэтажные дома, гостиницы и другие учреждения.

Вид со стороны реки Амура указывает на значительный рост областного города, а отсутствие оживления на берегу можно объяснить временным явлением, как для города, находящегося на границе с Китаем.

Значительное оживление теперь наблюдается в самом городе, в связи с увеличением промышленности, учреждений, а также транспортных средств: машин, автобусов, возникновением троллейбусного сообщения. Благодаря реконструкции и новому строительству, некоторые улицы города изменились до неузнаваемости. Например, было трудно узнать Буссевскую улицу, которая соединяла бывшую мужскую гимназию с районом Горбылевки. По этой улице я бегал три года из Горбылевки в гимназию. Недалеко от Буссевской по пересекающей ее Иркутской улице были два больших каменных здания. Первое здание было молоканским молельным домом, а другое – баптистским. Раньше около этих домов, а, следовательно, по улицам Буссевской и Иркутской, было большое движение молокан и баптистов, которые в воскресные дни и в праздничные дни шли молиться в эти дома. Реконструкция этих домов и передача их учреждениям сказались на сокращении движения по этим улицам. Наша дочка Нина Петровна как архитектор оценила архитектурное оформление старых и строящихся новых зданий.

Через девять дней пребывания в Благовещенске мы направились в обратный путь с чувством глубокой благодарности, полные сильных впечатлений от красоты и своеобразия города, а также от теплого гостеприимства родных.

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПЕЛАГЕИ ПЕТРОВНЫ РАТУШКИНОЙ,
жительницы села Новоивановка
Свободненского района Амурской области,
как неординарной языковой личности**

В статье представлен речевой портрет жительницы села Новоивановка Свободненского района Амурской области П.П. Ратушкиной, переселившейся в Амурскую область из Рязанской области в 1939 г. и сохранившей в своей речи материнский диалект.

Ключевые слова: речевой портрет, диалект, амурские говоры, материнский говор.

The article presents a speech portrait of a modern representative of Amur dialects, who preserved native (maternal) features of her speech in spite of long-term living in a non-native territory under the circumstances of interaction of dialects of various types.

Key words: Russian dialects, speech portrait, interdialectic interaction, maternal dialect.

Амурские говоры представляют большой интерес в исследовательском плане. Их неоднородность, гетерогенность обусловлена формированием диалектного континуума на базе разных материнских диалектов.

Как известно, русские говоры Амурской области являются говорами переходного типа, сложившимися в результате взаимодействия говоров с различной диалектной основой, причем не только русских говоров, но и украинских и белорусских. В том, что на одной территории в силу разных исторических условий оказались носители разных говоров, проявляется своеобразие говоров Дальнего Востока, среди носителей которых встречаются очень яркие диалектные личности, сохранившие в своей речи следы материнского диалекта, порой в той степени, которая достаточна для реконструкции материнского говора без знания территории переселения их предков.

2009 год подарил нам встречу с интересным человеком и уникальной языковой личностью – в селе Новоивановка Свободненского района Амурской области мы записали большое интервью с Пелагеей Петровной Ратушкиной, 1921 г.р., в речи которой сразу были отмечены диалектные черты, не типичные для местных говоров при всей их пестроте и разнообразии. Естественно возник вопрос о происхождении этих черт.

Познакомившись в ходе беседы с историей жизни Пелагеи Петровны, узнали, что росла в большой семье: мать, отец, три брата и четыре сестры. Семья была полной даже в годы войны: отца не забрали на фронт (*бронь была на нём*). В 1939 году вся семья из Рязанской области переехала на Дальний Восток по переселению и обосновалась в с. Серебрянка Свободненского района. Вот что Пелагея Петровна сама говорит об этом: *Мы приех... были... Рязани, в Рязани, и оттуда в тридцать девятом году мы приехали в Серебрянку. Родители*

нас привязли сюда из Рязани. Ну от станции недалёко, от станции, наверно, кило́метров восемь.

Позже семья переехала в с. Новоивановка Свободненского района. По свидетельству Пелагеи Петровны, вместе с ними переселились и другие жители их деревни: *Он [отец] год тут жили. А потом он приехал, и всех собрал там, которые близкие... ну наши... Собрал и по всей деревне этих переселенцев и сюды привёз.*

После переселения на новые места – на Дальний Восток, в Приамурье – многочисленная семья поддерживала свой прежний уклад жизни: варили самодельную лапшу (*Мы приехали сюды, на Дальний Восток, тут никто лапшу такую не делал тонкую . <...> У нас мама хорошо делала*); отказывались от употребления в пищу некоторых продуктов (*Мы-то сразу стали есть, а у нас-то их [помидоров] не было*) и т.п.

Пелагея Петровна вышла замуж сравнительно поздно – в 25 лет. С мужем Игнатом, украинцем по национальности, прожили в браке около сорока лет.

Всю жизнь Пелагея Петровна трудилась в сфере сельского хозяйства: во время Великой Отечественной войны работала на тракторе (*всю войну на тракторе бу́халд*), в мирное время – дояркой и птичницей (*всю жисть на земле. Тока когда вот сюды приехали дояркой, и дояркой , и дояркой. Сорок лет тока отбухала, дояркой всё время. А потом на птичник*).

Пелагея Петровна неграмотна: читать и писать не умеет, только расписывается и считает до ста (*Я неграмотная. Мож и училась бы, я первенький была у мамы*).

Дети и внуки Пелагеи Петровны получили образование. Дочь работает учителем математики в школе с. Новоивановка, внучка учится на историко-филологическом факультете Благовещенского педагогического университета.

Пелагея Петровна проявляет себя как активный собеседник, ведет разговор на разные темы как бытового характера (домашний уклад, сельское хозяйство), так и касающиеся вопросов культуры, религии, нравственности (взаимоотношения в семье, вера), размышляет о жизни раньше и сейчас, охотно рассуждает о будущем. Во всем проявляется ее живой ум, народная смекалка, чувство юмора, ироничное лукавство, желание удивить, рассмешить.

Несмотря на преклонные годы, Пелагея Петровна ведет активный образ жизни, живет самостоятельно в своем доме и пресекает всяческие попытки родных нарушить ее автономию – забрать к себе. Застали мы ее в огороде, где она оказывала посильную помощь семье: полола, несмотря на просьбы родных отдохнуть. Работа в данном случае, как и во всех других подобных случаях, была исключительно ее инициативой и, в ее представлении, способом ощущать себя полноправным членом семьи.

С первых слов беседы стало очевидно, что Пелагея Петровна является яркой языковой личностью. Она обладает богатым словарным составом, включающим собственно диалектную лексику, диалектные варианты литературных слов, просторечные слова.

Пелагея Петровна является типичным представителем амурского крестьянства. Её жизнь и судьба тесно связана с историей заселения Дальнего Востока. Типичной является и ситуация разнонациональной семьи: замужество за украинцем, не повлиявшее, однако, на ее речь.

Уникальность Пелагеи Петровны как носительницы амурских говоров проявляется в том, что, находясь в инодиалектном окружении на протяжении более семи десятков лет, в

ее речи сохранились диалектные черты материнского говора, отличающие речь Пелагеи Петровны от речи других диалектоносителей в селе. Возможность сохранения материнского говора обусловлена факторами как объективного свойства (неграмотность, отсутствие образования), так и субъективного (ощущение собственной самодостаточности как сильной личности и самодостаточности своего малого социума – семьи; уважение к памяти и культуре предков как представителей своего переселенческого микросоциума, противопоставленного другим аналогичным микросоциумам).

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

Ратушкина Пелагея Петровна, 1921 г.р.

Амурская обл., Свободненский р-н, с. Новоивановка.

Записали Е.А. Оглезнева, Н.В. Лагута,

М.А. Панасенко, А.Г. Колосова, 2009 г.

Обработала М.А. Панасенко, 2013 г.

Комментарии: Е.А. Оглезнева, М.А. Панасенко

«Петух запел, а тогда кочет закричал...»

- А как курей называли? Так, куры?
- Курицы да и всё. Там же мноґо. Что их, по имени?
- Никак больше не называли?
- Не-е.
- (дочь П.П.) На западе как называли кур?
- Кур как называли раньше?
- Ну вы... если курица садится, квоку-уха.
- Квокуха?
- Квокуха, да.
- (дочь П.П.) Ну-ка индюка назови.
- А индюк... ґать... кан, кан, кан. Кан сопливый, кан ґорбатый (Смеётся). Это так дражнили.
- Это индюка?
- Это индюка так дражнили. А он... и он, кан-то большой, как распустя, а тут ня... в него сопля висять ет. Уже ня сопля, а такие ето уже, как... висюльки (смеётся). И вот ґо дражнишь там... а красный, красный ня... не любил он. Хто оденет чё-нибудь красное, или там, может, платье красное какое, ну тада чё? Из холстов сошьють платье да покрасють, вот это вот тэ и платье. А вот... а он не любил красное. И скар... подойдёшь к нему: «Кан горбатый, кан сопливый, хуже-гаже котчета». А он «бл-бл-бл-бл» (изображает индюка и смеётся), бґжит за тобой! А мы от ґо врассыпнуя! А курей как, ну курей, было, никак.
- Ну вот хохлушка, или как вы сказали?
- Квокуха? Ет квокухой уже на ґйца када садится.
- И больше никак не называли?
- Ну так, ну бу... курам ды... как ты? Цып-цып-цып-цы, за ето цыплят так звали.

- *А цыплят больше никак не называли?*
- А никак больше, как ты? Их там мноґо же их, как ты их, по имени будешь назывть что ль?
- *Не, не по имени, а так вот, в общем.*
- Ну так...
- *А петухов никак?*
- Нет, петухи и ето уже есть и петухи. Ко-очет, кочеты́. Тада звали не петухов, а (в)он, «кочет закричал»!
- *Кочет?*
- Да. Щас ить «пятух запел», а тада «кочет закричал». Вот повставали, таґды часов не было. Пятух пропел, и закричал пятух, ну, вставайтя. Уже время.

«Златая слеза не выкатится»

- На поле ходили, ни часов, ничёуо. Солнышко встало маленичко – поднялась, идёт. И уже в поле пошли. И солнышко село – с поля идуть. Вот. Целыми днями. И там и рожали. В по́лях, в по́лях.
- *А как рожали?*
- Ну как рожали? Телеуа какая-нибудь стоять, под телеуой зале... залезить она там, родить да и всё. Ба... приняли у ней там да домой повезли. Так вот принимали. Ни больницев, ничё не было.
- *А были бабки-повитухи?*
- Бы-ыли, а как же.
- *А как называли их?*
- Ну повитуха, так и называли. Бабкой. «Бяжи за бабкой». Чё ж сделаешь-то.
- *Как она вот там, вот рождаются, приговаривала, может, какие-нибудь заговоры говорила на рождение?*
- Мы... мы-то уже при нашей памяти-то не было того уже.
- *А раньше было, да?*
- А раньше было, да. Было, было. Были даже... если идёт повитуха первая, бабка, бабка, а мы-то звали «за повитухой иди», вот её ведут, она не идёт первая. Ты побяжал за ей, она уоворить: «Иди, я щас приду». Она прежде прийдить, в окно улядить: что эт... етаму ребенок прис... ну... при... как? Вот в жизни ето. Друуая и уоворить: виси-ить. Человек висить. Или ей в окне покажется. Вот значить он задавится. А ток... то скажет, там увидала какой-то пшаницу или чеуо-нибудь золото, значит, боуатый будет ребенок. Хорошай.
- *А если висит, то задавится?*
- А эт зада... да, эт задавится уже. <...>
- *Бабушки помогали?*
- Ну, бабушки бы-ыли, бабушки были.
- *Специальные? Знающие?*
- Да. Бабки, бабки-повитухи. Конечно, знающие. Даже мама рожала, и то она ня шла(?). Ей сказали: «Ты делай аборт, а то помрёшь, ня... не разродисся».
- *Почему?*

– Ну что-то там, наверно, неправильно, или старый, или что он там. Ну а мама говорить: «Нет». Она: «Чё ж я, говорить, стоко дорожала, и всех ни ето. А буду душу губить. Грех на себе брать?»

– *Аборт тоже бабушки делали?*

– Не-ет.

– *А кто? В больнице?*

– В больницах уже там делали тада. Када уже мама. Это уже где-то в сорок восьмом или там в сорок девятом году, наверно. В сорок восьмом, или пятидесяте.. пятидесяте... не знаю, где-то тута. И то, врачиха ня пришла, бабка пришла, бабка-повитуха, да говорит: «Идите за врачихой, я буду всё делать, пускай тока врачиха сидить около мене, чтоб мене тада ня обвинили». А то скажут, что ня... если не разродится и что тада? Будут судить же бабку. «А иди, поди за врачихой». Пошли (*нрзбр.*).

– *А чего, большой был сильно или что?*

– Да нет, и не большой он. И родила, ничего. И вот по щас он. И мамку схоронил, и мамка яму и ребятишек всех ше... вынянчила. Самому последнему брату. Ну и... Бог миловал. Родила. А вот тада-то уже...

– *Ну а в поле, вы говорите, а кто помогал?*

– Нихто. Сама. Ну там, или мужик, или там хто там он? Рядом тут бабы, чужие. Ну, не... соседы там. Все же с одной деревни. Хто-то там на поле будет вот и... примуть и всё. Поляжить, и приняли, поляжить, пока они там сделали своё, к вечеру-то они... на телеуу положили да привязли. День поляжить, а на второй день опять в поле бжжить.

– *А с ребенком кто?*

– С собой ребёнка.

– *Он же плачет.*

– Тада плачь, ня плачь. Покормили, ляжи. Да хоть ня плачь, хоть не... знает, что он...

– *Золотая слеза не выкатится.*

– Да, златая, г(о)ворить, слеза ня выкатится. «Луче, говорить, петь будеть». Вот так. Некада была за ребёнком (*нрзбр.*). Бяруть туды уже какую-нибудь качалку или... вот ет, оулоблю у телеги, оулоблю подымють, на оулоблю повесють люлькю ету, и вот и ляжи в этой люльке, пока покормят. Вот поорал, заорал он, она пошла покормила яго, и опять туда, а ты ляжи. Хоть ори, хоть не ори.

– *Ну ничего, вырастали?*

– Вырастали вот, да какие ишо вырастали-то! Щас и люди-то какие? Уже совсем слабые такие. Скоро до того дойдёт, будет семь человек одну овечку ташыть. Не дотащут. Будеть (*нрзбр.*) хуже карлика. Дойдёт, дойдёт щё до того. Всё люди слабже,слабже, слабже, слабже.

«Одной иконе тама где-то сто лет»

– *А у вас есть красный угол дома? Вот сейчас?*

– Е-эсь, е-эсь. Ну щас полотенцев-то у нас нет таких, уже давнóшных-то, все...

– *А у вас иконы старые или новые?*

– А икону-то, ей, наверно, сотню лет.

– *Пелагея Петровна, а вот украшали нарушником, получается, да, иконы?*

– Да. Ну вот так вот он, она висить вот так, и на неё вот так вот повесишь...

– *А это для красоты или еще зачем-то так надо было?*

– Ну иконы ня будуть уолые же висеть, правда? Чем-нибудь вот, да вот щас вот у мини и то там есь полотенчику, хоть кúпальное уже вот, а тожа-а с Укراًини дочки моей привязли. Она была на Укراًини...

– *Ку'пальное?*

– Кúпальное. То-о вышиты-ый руками, а ет так, как... или ткали, ткали, как вышитые вот.

– *Заводское?*

– Аүа, заводская уже так.

– *Иконы вам от кого достались? Где их брали?*

– О-о, я ня знаю от кого даже, не знаю.

– *Старыя уже?*

– Одной икон(е) тама где-то сто лет, там написано на них было. И ета вот эдак... Мы-то, уже мы живёма тут больше... шиисят лет, под семьдесят. И икона у мине тут она. А ишо мине продавали хату вот что сүорела, с это-ой давали-и... оставляли в хати иконку, Николай Уүодничек вот тут вот у мини. Он тоже уже старый-старый. Старый.

– *От матери досталась или как?*

– Нет-нет! Вот хата... мы купили хату у одних, а он та... одна ишо, ето вот та иконка, там мноүо иконок на ней, это уже яго мать оставила яму икону ету.

– *От мужа?*

– Да, мужева икона.

– *Пелагея Петровна, а родители не благословляли иконой вот на свадьбу вас?*

– Какая свадьба была там у нас?!

– *Ну, в смысле не на свадьбу, на женитьбу, чтобы поженились. Я поняла, что свадьбы не было.*

– Свадьбы не было, а так благословляла, да, так благословляла. Ну цы... иконой када.

– *Ну, родители не против были, да, что у вас Игнат?*

– Да уже он старый тоже был, и я же ня молоденькой была, уже мне, наверно...

– *А сколько лет было вам?*

– Лет двадцать пять было, наверно. Или может двадцать с лишним... Уже я и забыла.

– *А ему сколько?*

– А яму больше тридцати, ну он на шесть лет старше мине, на шесть лет старше мине было тока. Он был с пúтнадцатого, а я с двадцать первого.

«Серьги были, серёжки, бусы...»

– *А женщины себя чем-то украшали?*

– И вот тада что-т(о) такого не было, такой ни красоты такой. Ну, волосы приберё-ошь тама, или так, да валик на... накатаешь, или шишку навьёшь какую-то.

– *А валик накатаешь как?*

– Ну вот резиночка вот тут, тут тоже ленточка, а тут резиночка, и на ету резиночку так вот, и она делается вот так... как... ну как? Как волосы-то накатаешь там, щас вот волосы-то не такие, тада хорошие волосы-то были.

– *А в уши? Серги не...?*
 – И серьги бы-ыли, серёжки, бусы... И щас вот еще ношу, вот крестик ношу на бусах. На бусах уже ношу.
 – *А серёжки какие были?*
 – И серебрыны были, и простые такие были, всякие, и сами делали, проловочку накручут, да сюды.
 – *А дырки как делали?*
 – Прокалывали.
 – *Где? Чем?*
 – Дома, иголкой.
 – *Цыганской?*
 – Не-ет, потоньше маленьке.
 – *Потоньше?*
 – Да-а, маленьке потоньше. Цыганской там о-ой! Разделается, дырка-то большая, а тут-то маленькие. Я любила... и эти, и кольца носили.
 – *Тожe купленные кольца?*
 – Нет, делали и из пята... то из пяточкя, то ещё чё... из двух, две копейки красные были. Тада две копейки красные-то были, вот из них...
 – *Медные.*
 – Медные такие, красныи. Красныи. Медные ет какая-то жёлтая была.
 – *Да, такая тёмно-желтая.*
 – Да, а ет... а та красная была прямо ишо какая-то. Дьявол её знает, какая. Може люминевые, нет, люминевые они белые были.

«Раньше хлѣбы пекли»

– *А печь одна была в избе?*
 – Одна, как и щас одна
 – *Русская?*
 – И русская, и плита
 – *А, это отдельно, да?*
 – Да. Ну она вместе сложена. Так вот... тут вот... печкя русская, а тут вот плита.
 – *И сейчас так осталось?*
 – И щас и у нас вон она и осталась.
 – *Её не переделывали?*
 – Не-ет. Вон.
 – *Прям печка русская?*
 – Русская печкя, да.
 – *Да, мы тогда к вам точно зайдѐм.*
 – Да ладно (смеѐтся)
 – *Это редко уже в деревне.*
 – Да, в деревне у нас щас тут вот... ни у к.. у мене и у Уали Пятровой. А так больше ни у кого нет.
 – *Ну а сейчас пользуетесь этой печкой русской?*

– Раньше хлёбы пякли, а щас чего я тут... там буду делать?

– *А как пекли?*

– Ну как? Натопишь да и-и...

– *На чем пекли?*

– Формы.

– *Мешали на чём?*

– А мешали вы... такая у мене хлебница была, такая деревянная, кадушечке.

– *Специальная, да?*

– Да, специально такая, хлебница.

– *С ушками, да?*

– Никаких ушек у мене не было.

– *А она из чего? Из дерева?*

– Из дерева, да. Ну, она и... как кадушка. Ну как наз...

– *А высоты какой? Вот такой (показывает 60-70 см)?*

– Не-е, у меня небольшая была. Вот (показывает 40-50 см). Ну вот шесть булок я делала.

– *На сколько хватало?*

– На неделю хватало и больше. Четыре булки сделаешь и... и ишо на сковороде сделаешь такую булочку поменьше.

– *Вы на молоке мешали, на воде?*

– Не-е, на воде хлеб. Вода, дрожжи сами делали...

– *Как? Из чего?*

– Из чаго... вот хмель, вот этот хмель и за... ета, закатываешь яго тама опять и замешиваешь на дрожя... на етих, уже на отрубях, эти отрубя опять выка... вылаживаешь их, выка-тываешь, а потом сушишь, а потом и скока нужно тябе и... помаленьку берёшь.

– *И это получаютя дрожжи?*

– Да, как дрожжи. Как дрожжи. Щас дрожжи вот купляют помаленичко, а тада свои были дрожжи.

– *Значит, из хмеля и отрубей делали?*

– Да. И ишо там добавляли кислого, эт чтобы заквасить сразу, чтобы он кислый был.

– *Кислого того же самого, да? А что кислого добавляли?*

– Ничего, от... от хлеба возьмёшь эт... маленьке, оставишь тесто и опять за... опару сделаешь, опару, хто картошки добавляет, намнёт да её и... хорошо разомнёт, ну прям как...

– *Варёной, да уже?*

– Она варёные, картошка уже варёные и всё, и туды опять ети дрожжи кладёшь, по... маленька подмешаешь их в... поставишь, они подойдут ужеть вы... вылазиеть. Тогда начинаешь хлебы ставить.

– *Подбиваешь?*

– Подбиваешь да и... Как щас вот, делают же там, то блины, то пирожки, то ешо что-нибудь. Так и ета.

– *Вы знаете, хлеб – это особое искусство.*

– А тада... а хлеб-то уже, о, у нас была, дак о! А на западе вон, бочку сделаешь, враз куль муки замешивали.

- *А в куле сколько килограммов?*
- *Пиисят*
- *Пиисят?*
- *Да. И вот и...*
- *А проверяли как, что готов? Ну вот стоит хлеб в печке, да?*
- *В печке, да, кода он...*
- *Чтоб знать, когда засунуть.*
- *Да когда зас... Ну как? Ну конечно, как подойдёт там уже, всё, тогда уже суёшь туды. Так вот булку катаишь, катаишь, катаишь её, там какую тебе нада. Положишь, потом друууя, ещё так, так, так. Четыре штуки положишь.*
- *Положишь на что?*
- *А протвинь такой у mine уже, как сковорода такая.*
- *Я вот слышала, на капустных листьях ещё?*
- *А это уже... тада прям на под сажали. Да, прям уже без всяго. Прям на кирпичи. Там выметишь всё, выметишь, всё. Такие были.*
- *Тоже так делали*
- *Да. Так ну, ну. На западе мы так делали. Ну там видишь, топиться нечем было. Ведь хлеб надо же нажечь там пе... чтобы хлебы испяклись, а ведь булки то во! какие сажали. Чтобы оно там пропёкся.*
- *Много дров надо было?*
- *Да-а.*
- *Ну это как, сначала топили прямо там, да, дрова?*
- *Да, да. А потом всё вымятать.*
- *Чем?*
- *Хто кочерёжкой тама, а то такая... была как... помяло, там называли помяло. Вот как тряпка, и тряпкой там, всё чтоб чисто было.*
- *Зóлу.*
- *Хоть хлеб... Золу́ убирали, чтобы хлеб. А потом на лопату накладёшь етих, листов капустных...*
- *Специальная лопата?*
- *Лопата, специальная лопата.*
- *Из чего?*
- *С дерева тоже. Прямо вот такая вот и широкая, крууулая. И вот.*
- *А как вот, там внутри всё равно уголья остаются по бокам или всё вычищаешь чисто?*
- *Всё, ну там и мож быть үде-то в самому ууолках ня вымятишь вот там.*
- *То есть это просто накалилось, и на этом накали́нном?..*
- *Да. Да. На етом пиле.. накали́нном, накали́нных кирпичах и пяклися хлэ́бы, да.*
- *Сколько он пёкся примерно?*
- *Часа два. А ети вот большии по три часа дяржали. А если маленькие булочки, дак это она... за час и пропикётся тама.*
- *Запах, наверно, хороший.*
- *А запах уже идёт.*
- *Хороший.*

- Да-а. Уже даже на улице идёшь, знаешь, какой дом уже хлеб пекёт. Уже запах хлеба.
- *Вкусный?*
- Конечно, вкусный. А щас колбасу несёшь, и никто не знает, что ты несёшь колбасу или нет. А раньше не украдёшь ни... или в пазуху клади или куды тама прячь, все равно запах от тебе будет. А щас хоть ты и... не... в сумку положил и... никто не знает, что ты колбасы взял. Всё равно.
- *Пелагея Петровна, а кроме хлеба пекли ещё что-нибудь?*
- Ну как? То пирожки, то ишо какие-то... Возьмешь такую, ета, кусочек, вместо лепёшки, скажете, мы-то звали раздуванки. Он наду-уется прям такой тама, и эти вот и ели тоже. Кто как.
- *Из дрожжевого теста?*
- Ну прям из живого, возьмёшь от хлеба, покатаешь его и (*показывает*)...
- *Из того же теста?*
- Да из того теста, конечно. Ёуо вот сположишь ишо возьмёшь кусочек.
- *Булочки так делали?*
- Нет, прямо раз... разлепёшишь ёуо, она не булочки уже.
- *Раздуванки.*
- Раздуванки уже (*смеётся*). А щас не...
- *Сдобное не делали тесто?*
- Ну ето по праздникам. На Тро-оицу. На Па-асху, вот, ток только ето уже сдобные делали.
- *А как называли куличи, куличом?*
- Куличи, куличи, так и звали, куличи, да.
- *А ещё что кроме кулича пекли?*
- Ну чё там? Кто чёуо, кто пирожков хто какие-нибудь мож... на... ет... там... то крученые, то верченныи, хто как наз...
- *А называли как?*
- То пышка, то... ой! По всё... по-всякому. И жеворó-онки и всё, всякие. Жеворонку уже сделаешь, как она, и уоловку сделаешь, и крылушки сделаешь, и всё! Она уже как, похожа на птицу маленькя.
- *Ну это на какой праздник жаворонков пекли?*
- Ну и...
- *На Троицу?*
- На... тут и нет, не где-то не на Троицу. Забыла уже када их пякли.
- *Весной, по-моему?*
- Да и где-то уже тут вот, весной. Да, вот...
- *Может на Масленицу?*
- Не в посту... в пост, в пост. В пост. Вот када пере... перяломы к ету, уже поста, вот три недели пройдёт, а три недели ишо остаётся, тада крясты делали. А эти крясты зарывали, да, в это в зярно в какое-то тама, или в рожь, или пшаницу или в овёс, чтобы росло чтобы.
- *Кресты тоже из теста?*
- Да, из теста.
- *Из сдобного?*

– Не-ет. Ну үде ж сдобного тоүда наберёсса, какого сдобного? Ни сахару не было, ничёуо. Какой тебе, какая сдоба?

– *На Пасху где-то брали, да, наверно?*

– Да и на Паску не у всех было. У кого денех, хто побоүаче, тот, може, возьмёт, на Паску хоть чая напьётся. А тот так... Нихто яго не пили тада, чай. Это уже хто боүатый, чай. Там у нас один боүатый был, ну у неүо дочке тоже была. И он там етими, шыпцами на... а куски-то были во какие! Сахар-то. А щас таких нету.

– *«Головы», да, говорили?*

– Вот такие куски прям, кусками большими, даже в руку другой раз не возьмёшь, какие куски. Вот он нашыпаеть их, ох, а охота! Ну даст по... по капельке. Уүостить сё равно.

– *Нащипает щипцами?*

– Да, да.

– *Нащипать – это отколоть?*

– Да, отколоть. Да. Ну пойдёмте домой тада

– *Пойдёмте.*

– Пойдёмте, посмотрим, да, печкю нашу посмóтрите.

«Ну кто стирал в бане, а кто дома»

– *А стирали где? Тоже в бане?*

– Ну хто стирал в бане, а хто дома. Да тада стирали-то! Мыла не было, ничё не было. Это вот щас порошки, ды мыло, ды и... всё. А то такую выдолбобку делают, кадушка, как кадушка...

– *Как вы сказали?*

– Выдолбыка. Ну вот... вот такая сосна толстая, вот её там выдолбють ету, выдолбють всё из ней, вычистют, а у ней ни дна и ни... ну эт(о) бочкю бы над(о) туда такую. Вот её и... накладаёшь и... белья туды, заливаешь ет золойя, и она там позолётся...

– *Золу из печи выгребаешь, да?*

– Вот выкидываешь из плиты-то хоть, из печки, вот и етой золой...

– *Мне кажется, сильнее испачкается.*

– Да-а, кака сильнее. Холшовые эти бельца аж белые-белые, как все равно кйпятильные. Ну конечно, уже полоскать надо. Её ж вад... не ето, в ванне не пополоскаешь, а иди на речкю. Там скока полоскать надо? Скока бы ваннов наставить, пока она чист...

– *Сколько стоит так? В этой выдолбке?*

– В выдолбке? Вот сёдня если вечером сделала и завтра токо утром будешь вытаскивать да и полоскать. Уже если зимой, дак о, вязуть скорей, скорей, скорей, скорей, чтоб үорячию там пополоскать.

– *А гладили чем?*

– Ж**ой.

– *Да?*

– Да.

– *Это как?*

– Как. Вот накладёшь суды бяля, вот так вот сядешь, и она ро-овненький (*смеётся*). А то... а вот холшовые у ето... был такая рубель и скалка ка... такая длинная. Наматыешь ём и-и (*показывает*) и-ить этим рубелём-то. И она мягеньк...

– А что за рубель? Как выглядел?

– Как выглядел-то? Ну вот доска, а в доске делаются такие... вот как... вот щас едут по дороуе или где, уоворять, как по рубель... по рубелю, уоворять, тут от зубцами, зубцами (*смеётся*), так и ета. Вот и уладили тем. Кто зна... и никто ня знал, а потом ка... пошли ети, ну такие, они тока науреются, а ничем не засыпались, эти утюуи. А потом такие, как всё равно ето, он из паровой, не паровой, туды ууля наклада́ишь, и он оттэда (*показывает*)фс-с... Не совсем же уули там... Там и он...

– С углями, да?

– Да, от из печки там уголь достаёшь из-под дров и туды насыпайшь, и он раскаляется красный ж, уорячий.

– Чугунные – они тяжёлые?

– Да, там чижё-олые.

– На печку их ставят?

– И на печкю их ставили, и... ну хто как.

– Ну это уже покупные, да?

– Покупные, конечно. Покупные уже. Такой же не сделаешь уже сам-то.

КОММЕНТАРИИ

Фонетика

1. Под ударением различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /э/, /и/. Рефлексов /ω/ и /h/ не обнаружено. На месте /h/ под ударением произносится гласный [e]: *јес'л'и, сүар'элә, јес'т'и*. Фонема /ω/ совпала в звучании с фонемой /o/ и под ударением произносится как [o]: *твой, хто, мójэт, вас'мом, мноүә*.

2. Фонемы /a/, /o/ в первом предударном слоге после твердых согласных на месте *a* и *o* не различаются. На их месте обычно выступает гласный [a]: *сүар'элә, пакарм'йла, врачйха, кача́лкә, карóв*.

3. После мягких согласных в первом предударном слоге перед твёрдыми и перед мягкими согласными фонемы /a/, /o/, /э/ произносятся как [a], т.е. по модели сильного яканья: *п'атрóвна, в-р'азáне, н'а-знáју, с'астрá, с'ам'jý, пал'авóј, л'ажй, м'ашóк*. Однако в некоторых случаях наблюдается произношение [и]: *у-м'ин'е, иишо, с'ир'ошк'и (серёжки)*.

4. Отмечена возможность совпадения гласных *e, a* и *и* в звуке [a] в заударных слогах после мягких согласных перед твёрдыми: *мés'ац, дé'наг*.

5. После отвердевших шипящих в первом предударном слоге наблюдается реализация звука [a]: *жанá, пшán'йцә, шás'т'й, жан'йл'ис'и*.

6. Отмечается лабиализация по типу [y]: *мужук'й, буту́лк'ах, со́лнушк'ә, или [o]: со́лношк'ә*.

7. Реализация гласного [e] на месте [a] в слове *ййца: ёйцы*.

8. Склонение личных местоимений может сопровождаться утратой начального [н]: *по-бежал за ей*.

9. В парадигме указательного местоимения *это* перед гласным [э] развивается протетический [j]: *јэ́ тэ , јэ́ ти, јэ́ тэт*.

10. Произношение преимущественно γ -фрикативного на месте литературного г-взрывного, который в слабой позиции реализуется как [x]: *П'илау'эја, [γ]от (год), [γ]ол э т (голод), дарох(дорог), налох (налог)*, но в некоторых случаях наблюдается звонкое произношение: *агарот (огород), кагда́*.

11. Долгая глухая шипящая фонема реализуется твёрдо как [шш]: *ишио́, та́ишица́, халишо́выја́, ишии́цы́*.

12. Произношение фрикративного [x] на месте взрывного [к] перед согласными: *трахтэр, хто́, нихто́, тваро́х, тах-называ́јут*.

13. Отмечена редко наблюдаемая в Амурской области прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных по мягкости: *Ван'к'а, Вит'к'а, мал'эн'к'ь, пт'ичк'а, тр'апачк'у, исп'ьт'ачк'а́, на-сп'ичк'у, в-бутул'к'ах*.

14. Отмечена в единичном случае замена [з] на [ж]: *дражн'ил'и* (дразнили).

15. Отмечена в единичном случае реализация фонемы /л/ как [в]: *кавхо́зэв (колхозов)*.

16. Отмечено мягкое произношение согласной фонемы /л/ в слове *колыбельная*: *кал'иб'эл'најь*.

17. В некоторых лексемах, чаще всего иноязычного происхождения, наблюдаются фонетические процессы, которые отсутствуют в литературном языке: выпадение слогов в середине слова – синкопа (*идуа́л'ный* «индивидуа́льный»); изменение порядка следования звуков в отношении друг друга – метатеза (*пр'истал'эрых* «престаре́лых»); утрата начального слога в многосложных словах (*кумба́тар* «инкубатор», *л'ум'ин'ивајь* «алюминиевая»).

18. Употребляются стяженные варианты часто употребительных слов: *то́ка (только), тада́ (тогда), ско́ка (сколько), буи (будешь), хои (хочешь)*.

Ударение

19. В отдельных словах (словоформах) место ударения отличается от литературного: *уже было лёхко, далёко от деревни, кило́метров восемь, а́рбузыхоть есть*.

Морфология

20. Отмечено явление утраты среднего рода у существительных и употребление их в форме женского рода: *одеяла была́, сена была́*.

21. Наблюдается факт перехода существительного 3 склонения в существительное 1 склонения: *це́рковь – це́рква, в це́ркви*.

22. Отмечена флексия -ы в словах *сосе́ды, полоте́нцы* в соответствии с литературными вариантами *соседи, полотенца* и -и в слове *у мами* в соответствии с литературным вариантом *у мамы*.

23. У существительных в родительном падеже множественного числа используются флексии -ов/-ев: *родите́лев, больни́цев, тайно́в, ванно́в*.

24. У существительного в дательном падеже множественного числа отмечена флексия -ах в соответствии с литературным вариантом с флексией -ам: *по всех деревня́х*. Согласуемое с данным существительным местоимение имеет флексию -ех, которой соответствует литературный вариант с флексией -ем.

25. В винительном, родительном и дательном падежах личное местоимение 1 лица упо-

требуется в форме *мене*: *мене́ кормили, сидит около мене́, мене́ никто не нужен*.

26. В мужском роде в именительном падеже прилагательных флексия *-ый* часто реализуется вариантом *-ай*: *лес непроходи́май, хлеб сла́дкай, ребёнок хоро́шай*.

27. В женском роде именительного падежа флексия *-ая* часто реализуется вариантом *-ыя*: *я здоро́выя, она́ пер́выя, семья́ дру́жныя, лопата́ кру́глыя* в винительном падеже как *-ую*: *но́вую хату́, ме́лкую карто́шку*.

28. Сравнительная степень прилагательных и наречий образуется при помощи суффиксов *-е-, -ей-, -ее-*, при этом возникают словоформы, отличные от литературных: *помельче́й (помельче), слабже́ (слабее), побога́тее (побогаче), маленьке́, малени́чке*.

29. У глаголов наблюдается выравнивание основ: *бежи́, пеке́шь, не хочут́, покупа́ют*.

30. У глаголов в форме 3 лица множественного числа в составе флексий наблюдается /т'/: *говоря́[т'], возьму́[т'], приму́[т']*. Иногда [т'] присутствует и в форме 3 лице единственного числа: *уме́е[т'], ляже́[т'], говори́[т']*.

31. Отмечено наличие фактов неразличения форм I и II спряжения: *любю́ть, поды́мю́ть, пригоню́ть, хочут́, покормю́ть, даю́ть*.

32. В возвратных глаголах в ряде случаев используется постфикс *-ся* в тех случаях, когда в литературном языке постфикс *-сь*: *роди́лися, упира́лася, жени́лися*.

33. Отмечено употребление в возвратных формах глаголов частицы *-си*: *наливае́шь во́ды там и моеси́*.

34. Отмечена личная форма глагола *ловить*, образованная от основы *лав-*: *повар не нала́вит*.

35. Распространение таких форм глагола *мочь*, как *мо́жу, може́шь, могут́: мо́жуть приворо́жить, вы́йдет не мо́жет*

Синтаксис

36. Особое употребление предлогов в словосочетаниях: *небо на ды́рках (в ды́рках), положи́ть в пазуху (за пазуху), на доя́рках (доя́ркой) была́, у нас во Запа́де (на Запа́де)*.

Словообразование

37. Отмечены словообразовательные варианты общерусских слов: *вспере́ди две поло́сы (спере́ди); откла́дая рук (покла́дая); выби́рать карто́шку (соби́рать); кря́стит за́даром (крести́ть даром); обжани́лись мы здесь (пожени́лись); не зуора́ется сам (не загора́ется); лес по́горел (сгорел); нет уже́ давно́шно (давно́); жи́ть по-и́наче (по-друго́му)*.

Лексика

В речи информанта встречается много диалектных и диалектно-просторечных слов, диалектных фразеологических выражений:

1) лексика родства: *ма́мка* (без сниженной коннотации), *па́пка / папа́ня/ та́та, ба́ба* «жена», *му́жу к / му́жик* «муж», *сва́кру́ха / свя́кря́вка* «свекровь»;

2) лексика трудовой деятельности: *бу́хатъ* «рабо́татъ», *полу́жо́к* «плуг»; *ба́рда* «часть ткацкого станка»;

3) названия предметов быта: *нару́шник* «полоте́нце», *хле́бница, роу́ач/ ухва́т* «приспособление для вынимания чего-либо из русской печи», *столе́шник / скате́рка* «скатерть», *вы́долбка* «емкость, выдолбленная из дерева и используемая для стирки белья», *рубéль* «приспособление для глажения белья»; *покрýлика* «тонкая ткань для накрывания ребенка», *вёш-*

ника «овечья шерсть весенней стрижки», *люлька* «колыбель»;

4) названия предметов растительного и животного мира и их действий: *польн*; *квоку́ха* «курица, которая собирается сесть на яйца», *ко́чет* «петух», *ка́н* «индюк», *поха́ртиться* «издохнуть (о корове)»;

5) названия обуви: *ичи́и*, *ка́ танки* «валенки»;

6) названия строений: *ку́зня*, *це́рква*, *ха́та* «дом», *кумба́тор* «инкубатор», *эта́жка* «многоэтажный дом»;

7) названия продуктов питания: *карто́вочка* «картофель», *раздува́нки* «домашняя выпечка», *жеворо́нки* «пряник в виде птички»;

8) наименования человека: *лапи́евник* «переселенец из Рязанской области; считалось, что они умеют приготавливать вкусные блюда из тонкой лапши», *галу́шник* «тот, кто любит галушки⁸», *хохо́л* «украинец»; *хунху́зы* (вариант *ханху́зы*) «прозвище для нерусских: китайцев или японцев»;

9) названия действий *ча́каить* «сосёт, чмокает»;

10) болезни: *рахі́т*, *лі́ишій*, *ячме́нь* и некот. др.

Фразеологизмы:

Златая слеза не выкатится «ничего не случится»;

У вас кошка в лапше окотилась «о переселенцах из Рязанской области за их умение приготавливать лапшу»;

Как Катруся «о грязнуле, неряхе».

⁸ Ср. галушники – переселенцы из Украины [Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова. Л.Ф. Путятин. Н.П. Шенкевец. Изд.2-е. испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007.С.89],

Исследователями жанров живой речи двигало и движет стремление разгадать загадку, касающуюся того, как одинаковая по содержанию информация может быть облечена в форму разных жанров, либо в форму одного жанра, но с помощью разных языковых средств, а в последнее время все чаще возникает вопрос о том, в чем специфика реализации того или иного жанра у носителей разных вариантов национального языка, и действительно ли она есть. Подборка статей в настоящем выпуске альманаха содержит ответы на некоторые из неизбежно возникающих в современной речевой жанрологии вопросов.

Традиционно в раздел включается тематическая подборка текстов того или иного жанра. В этом выпуске представлены рассказы о семье, подготовленные к печати Н.В. Лагута.

УДК 82-94(571.63)

О.П. Кормазина

ЖАНР ВОСПОМИНАНИЯ В ЖИВОЙ РЕЧИ ПРИМОРЦЕВ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВАРЬИРОВАНИЯ

Статья посвящена описанию функционирования жанра воспоминания в живой речи приморцев. Рассматривается возможность варьирования исследуемого жанра, обусловленная такими его жанрообразующими признаками, как «образ автора» и «объект воспоминаний». Дается характеристика выделяемых вариаций данного жанра.

Ключевые слова: речевой жанр, рассказ-воспоминание, жанрообразующие параметры, образ автора, образ адресата, объект воспоминания, вариация жанра.

The article is concerned with the genre of “Reminiscence” in the speech of Primorye residents. A possibility of the genre variability due to such genre-forming features as “an image of an author” and “the object of recollection” are considered in the article. A description of possible variations of the genre is presented.

Key words: speech genre, a story-remembrance, genre-forming parameters, an image of an author, an image of an addressee, an object of recollection, genre variability.

По признанию большинства исследователей, одним из ведущих направлений современной антропологической лингвистики остается учение о речевых жанрах. Несмотря на то, что с каждым днем количество работ, посвященных изучению речевых жанров в различных аспектах, неизменно увеличивается, множество вопросов и по сей день остается открытыми. В числе актуальных задач современного жанроведения исследователями называется и «монографическое описание отдельных речевых жанров» [1, с. 8], ранее не подвергавшихся подробному изучению. Целью нашего исследования стало описание возможных вариаций речевого жанра воспоминания. Материалом для наблюдения послужили расшифрованные записи живой речи пожилых жителей Приморского края.

Описание отдельных речевых жанров обычно строится с опорой на определенные жанрообразующие признаки. В настоящее время существуют различные варианты «анкет» речевого жанра, однако основными жанрообразующими параметрами большинство исследователей, вслед за Т.В. Шмелевой, называют коммуникативную цель, образ автора и образ адресата, фактор прошлого и будущего, тип диктумного (событийного) содержания, а также языковое воплощение [2]. В свою очередь О.А. Казакова в качестве еще одного важного компонента модели речевого жанра выделяет тональность как «способ представления текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозицию в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникантов» [1, с. 31]. Для создания полной картины исследуемого жанра речи мы поставили целью проведение детального анализа с учетом всех вышеназванных критериев. В данной работе мы подробнее остановимся только на двух из них – образе автора и образе адресата, проследим, каким образом данные параметры влияют на реализацию жанра рассказа-воспоминания в речи наших информантов.

Как отмечает Т.А. Демешкина, **образ автора** в жанре рассказа-воспоминания может быть описан с точки зрения его непосредственного или опосредованного участия в событиях [3, с. 102]. Анализ собранного материала позволил нам различать два варианта соотношения категорий автора воспоминания и непосредственного рассказчика: 1) автор – говорящий и 2) автор – не говорящий. В первом случае рассказчик вспоминает те события, в которых он участвовал непосредственно, или же был их свидетелем. В качестве примера можем привести отрывок из рассказа-воспоминания жительницы села Веденка Дальнереченского района Клавдии Ивановны о работе местной машинно-тракторной станции: *Вот эта МТС/ значит/ туда пошли вот эти люди/ которые уже тут/ они обучились/ в бригаду эту тракторную/ создали свои бригады/ полевые бригады были/ вот// Я ещё помню/ в школу ходила/ семь классов тут я закончила/ мы ходили полоть/ уже в бригаду/ у нас было три бригады/ первая/ вторая и третья// О-от// И там мы.../ мы пшеницу пололи/ ещё помню/ я жала серпом хлеб//*. Апелляция к собственной памяти, являющаяся неотъемлемым показателем воспоминаний подобного типа, может быть выражена непосредственно (с помощью существительного *память*, глагола *помнить* в форме первого лица единственного числа и некоторых устойчивых словосочетаний с данными словами), а также посредством других выражений, подчеркивающих факт личного участия рассказчика в описываемых событиях. Например, еще одна жительница села Веденка Надежда Ивановна вспоминает о том, как в конце тридцатых годов был репрессирован ее отчим: *Вот/ пришли/ в часов десять вечера/ как/ я как вот сейчас вижу/ два солдата/ с ружьями/ забрали этого Ивана Игнатенко/ и всё//*. Выражение *я как сейчас вижу* акцентирует внимание слушающих на том, что рассказчица сама была очевидцем описываемых ею событий.

Второй из названных нами вариантов, при котором говорящий не является «первоисточником» воспоминаний, а лишь вспоминает, как кто-то другой рассказывал ему о тех или иных событиях, мы считаем возможным рассматривать в качестве отдельной вариации исследуемого нами жанра, условно называя ее **«чужими воспоминаниями»**. «Маркерами» данной вариации также служат определенные формальные показатели. Для примера приведем

отрывок из рассказа жительницы поселка Реттиховка Черниговского района Анны Александровны, вспоминающей об одном из братьев своего дедушки: *А дед Василько/ он как раз подошел в каких-то юдах/ в четырнадцатых или в тех// Дэ вот.../ де-то война шла/ я ж сильно-то историю.../ я все токо по.../ по словам мамы/ бабушки/ там шо папа рассказывал/ и я токо вот это// <...> Ну деда заб.../ Васильку забрали// <...> Васильку забрали/ в армию/ и он служил//*. Рассказчица подчеркивает, что свидетельницей тех событий, о которых она вспоминает, была не она сама (в 1914 г. она еще не родилась), а ее родители и бабушка, и поэтому немного «отстраняется» от своих воспоминаний, словно снимая с себя ответственность за возможные неточности.

Апелляцию к чужим воспоминаниям мы можем наблюдать и в отрывке из воспоминаний Анны Александровны о ее бабушке: *Бабушка уговорила шо «я была сама млачша/ и была дуже врэдна»// Така/ уговорит/ врэдна/ шо як-то/ батько/ рано этот Хфёдор умер// Аґа// Шо/ уговорит/ маме я досаждала вообще// Те все/ уговорит/ разошлись ўсэ/ а я ж уговорит маленька/ а мама уже пожилая// Во// Ну она рассказывала/ как она/ жила значить// Как она это/ замуж она вышла в шестнадцать лет/ тада рано выходили// Она уговорила/ шо ей было двенадцать лет/ она уже ухажера мала//*.

Стоит отметить, что в данном отрывке непосредственным показателем того, что авторство данного воспоминания принадлежит не самой рассказчице, являются выражения *бабушка говорила; она рассказывала*, в которых глагол используется в форме прошедшего времени. Употребление глагола *говорить* в форме настоящего времени (хотя бабушки Анны Александровны, безусловно, уже много лет нет в живых) представляет собой факт передачи прямой речи настоящего автора данного рассказа-воспоминания, что позволяет нашей рассказчице подчеркнуть его достоверность.

Анализируя функционирование речевых жанров в дискурсе диалектной языковой личности В.П. Вершининой, О.А. Казакова отмечает тот факт, что «при передаче чужой речи В.П. воспроизводит не только лексику, зачастую нетипичную для нее самой, но и структуру фразы, характерные интонации, подражает тембру голоса, типу речи, иногда даже особенностям жестов и позы говорящего» [1, с. 137]. Подобные явления мы можем обнаружить и в приведенном выше фрагменте рассказа-воспоминания Анны Александровны. Передавая слова бабушки, она сохраняет индивидуальность ее речи, меняет тембр своего голоса, активно используя при этом лексику украинского языка (*ду́ же, якто, батько, ўсэ, (и)ма́ла (имела)*). Более того, зачастую рассказчица настолько «вживается» в образ бабушки, что, даже не воспроизводя ее речь, а отвлекаясь на собственные рассуждения или пояснения, она продолжает говорить немного «не своим» голосом, употребляя в речи гораздо больше украинских слов, чем обычно. Например, рассказывая внучке, как поженили родителей ее бабушки – крепостных крестьян, Анна Александровна поясняет: *А они/ вот этих крепостных женили// Женили/ ну этой вот/ у каво Фёдор/ ей выгодно было/ она зебэ́рэ́ть цю ди́уку/ а ди́ука нарожае/ это же ей люды́ будут/ собственные//*.

Однако и при передаче чужих воспоминаний проявляется позиция рассказчика, хотя он и стремится представить непосредственного автора этих воспоминаний. Например, Анна Александровна вспоминает рассказы бабушки о ее переселении с семьей из Украины на Дальний Восток: *И вот тут/ значить/ они начали корчевать// Вот это де/ (спрашивает у*

внучки) ты была када-нибудь вот в этой воинской части вот? Ни разу/ да? Там/ нарно/ вообще уектар двадцать территория вся туда вниз/ я ишо там када-то работала нормировщиком на территории/ улянула/ Боже мой/ как же мой дедушка Иунат это всё.../ столетние/ двестиленные дубы/ всё это он корчевал// <...> Ну и/ де-то к сорока уодам/ дед Иунат/ мой дедушка/ надорвался и умер/ бабушка осталась вдовой//.

Подобное стремление к отступлению от чужих воспоминаний и обращение (пусть на короткое время) к своим собственным в исследуемых нами текстах обнаруживается регулярно. По этой причине мы считаем возможным говорить, используя терминологию В.Е. Гольдина, о «текстовой эгоцентричности» [4, с. 5] речевого жанра воспоминания в целом и чужих воспоминаний как одного из его подвидов, в частности.

Анализируя собранный материал, мы пришли к выводу, что для речевого жанра воспоминания наряду с выделением таких жанрообразующих признаков, как автор и адресат, релевантным оказывается и выделение такого параметра, как **объект воспоминания**. Если в чужих воспоминаниях объект повествования ясен – это люди, которых рассказчик или вовсе не знал лично, или знал, но в силу возраста не был свидетелем тех или иных событий в их жизни (бабушки и дедушки, другие старшие родственники, старшее поколение односельчан), то в ситуации, когда автором является сам говорящий, возможны два типа объектов рассказа-воспоминания: 1) сам говорящий и 2) люди, которых говорящий хорошо знал и был свидетелем их жизни. В ситуации, когда рассказчик вспоминает события собственной жизни, реализуется еще один подтип жанра воспоминания – «автобиографический рассказ» (данный термин использован в ряде работ для обозначения «комплексного информативного речевого жанра, содержащего описание жизни говорящего с рождения и до момента общения» [5, с.12]). Как мы уже отмечали выше, подобные автобиографические фрагменты могут возникать и в процессе воспроизведения чужих воспоминаний в силу эгоцентричности исследуемого жанра. Более того, анализ собранного материала показал, что, как правило, данный подтип представляет собой не подробное и последовательное описание всей жизни рассказчика, а только воспоминание об определенных ее моментах, когда рассказчик описывает события из детства, работу, семейные истории и т.п. Так, например, жительница села Веденка Надежда Ивановна, рассказывая гостям о своей маме (о том, где и кем она работала перед войной), вспоминает и о своей жизни в этот период: *Ну вот/ значить/ война коуда уже была/ я лето была у тёток ў Китай-уороде/ а зиму здесь была/ ну и так вот/ а трудно ж было/ и хлеба не хватало и всево не хватало/ и нечево было есть нечево было/ вот/ так я значить/ один уод работала/ был от такой магазин который обслуживал милиционеров// <...> Потом значить/ и ещё одну зиму так было/ значить я уже два уода пропустила// Сюда я приехала в сорок пятом уоду уже в шестой класс//.* Далее рассказчица вновь возвращается к воспоминаниям о маме, ее работе, болезни и новом замужестве.

Подобные ситуации, когда говорящий вспоминает не собственную жизнь, а жизнь хорошо знакомых ему людей, в исследуемом материале обнаруживались нами регулярно, вследствие чего мы пришли к выводу о необходимости выделения третьего подтипа жанра воспоминания – «воспоминания о других». Объектами таких рассказов-воспоминаний чаще всего являются близкие родственники информанта: родители, братья и сестры, а также дру-

зья или односельчане. Так, Анна Александровна, рассказывая о войне, вспоминает одну из своих сестер, погибшую в 1943 г.: *У каждого/ в войну/ особенно у детей/ бедные от те/ еще малолетние/ а уже как складывалась ихня судьба// Теть Нины было/ пятнадцать лет/ от она в двадцать шестом году родилась/ в июне/ аа/ в сорок первом началась война/ ее сразу// <...> Нину/ пятнадцатилетнюю взяли в железнодорожное училище// <...> По-моему год Нина училась// И сразу ее в Сибирцево поставили кочегаром// <...> Вот она работала//.*

Тематическое наполнение данного подтипа почти полностью совпадает с тематикой автобиографического рассказа: говорящий может вспоминать события из детства героев своего повествования, описывать их личную жизнь в определенный период. Разграничивая рассказ-воспоминание о жизни самого информанта и его рассказы о других, О.А. Казакова подчеркивает, что два этих типа должны различаться степенью эмоциональности: «в воспоминании автор рассказывает о том, что было с ним самим, он вновь переживает описываемые события, а в рассказе о человеке прослеживается большая или меньшая степень отстраненности, так как речь идет о другом человеке» [1, с. 134]. На наш взгляд, данное утверждение нуждается в некотором уточнении: если в рассказе-воспоминании о неблизком человеке говорящий действительно не будет слишком эмоционален, то вспоминая жизнь (и уж тем более смерть) близких ему людей, рассказчик может быть даже более взволнован, чем в процессе рассказа о своей собственной жизни. Примером этого может служить все тот же рассказ Анны Александровны о погибшей сестре: начатый произнесенными с горечью словами (*бедные от те/ еще малолетние (дети)/ а уже как складывалась ихня судьба*), он заканчивается с такой же печалью в голосе рассказчицы: *И семнадцатого марта ее/ она сменилась/ она три поездки сделала// <...> Ну некому работать было! И решила/ поехать к папе на Хасан покушать// А папа работал кочегаром/ в столовой в солдатской// Ну а кочегару все равно шо-то подадут каково-то супу/ и он бы покормил Нину// И она шла в Сибирцево/ и как раз там мост недалеко от вокзала/ по мосту/ по главной линии/ воот/ и ее нагнал поезд и/ убило//.*

Помимо трех описанных разновидностей жанра воспоминания (автобиографический рассказ, воспоминания о других, чужие воспоминания), особым подтипом данного жанра, на наш взгляд, можно считать такую его вариацию, как коллективные воспоминания. Наличие не одного, а сразу двух или даже более рассказчиков определяет структурные особенности текстов таких воспоминаний, когда один из говорящих может «подхватывать» и продолжать мысль другого. Кроме того, в подавляющем большинстве подобных текстов рассказчики вспоминают о каких-либо общих эпизодах из собственной жизни, то есть сами являются и авторами, и объектами своего повествования. Ярким примером коллективного воспоминания может служить рассказ двух сестер – Наталии Ивановны и Надежды Ивановны, жительниц поселка Кировский Кировского района, о своем детстве:

Надежда Ивановна. (Рассказывала о том, как в поисках конфет они с сестрой повредили кладку печи) *Такой испух был! Шо нам делать! Прилепили/ а оно ж.../*

Наталия Ивановна. *Это ж по-другому/ ясно//.*

Тот факт, что воспоминание является общим для рассказчиц, подчеркивается особенностью структуры данного текста: две реплики, произнесенные сестрами, по смыслу оказываются одной («прилепили на место, но вышло по-другому»). Более того, даже в ситуации, когда одна из рассказчиц не участвовала лично в описываемых событиях (*Я токо/ Надя/ за-*

помнила/ когда я нашла/ но я сама тогда искала/ ты не́ была), она все равно легко понимает, о чем говорит ее сестра, и также с легкостью подхватывает и продолжает эти воспоминания:

Наталья Ивановна. Я токо/ Надя/ запомнила/ када я нашла/ но я сама тауда искала/ ты не́ была/ не знаю/ где ты была́/ у-у.../ этой самой/ то что у нас было/ этот самый.../

Надежда Ивановна. Кладовка? Пидда́шек/ или как?

Наталья Ивановна. Не-не/ вот то где/ сарай был/ и там это/ как/ это.../ Пчельник пчельник! Дедушка там пчёл держал//.

Надежда Ивановна. Ну//.

Таким образом, обязательным условием для реализации подтипа «коллективные воспоминания» оказывается даже не непосредственное участие обоих рассказчиков в описываемых событиях, а общность их апперцепционной базы, когда каждый из участников повествования хорошо понимает, о чем идет речь. В противном случае, если описываемые события будут недостаточно известны одному из рассказчиков, он станет обыкновенным слушателем, а значит, воспоминание перестанет быть коллективным.

Еще одним значимым жанрообразующим параметром является **образ адресата**. Как отмечает Л.Г. Гынгазова, первым условием для осуществления жанра воспоминания является достаточная степень близости коммуникантов, так как «автор не станет вспоминать о событиях личной жизни в разговоре с малознакомыми людьми» [6, с. 170]. На наш взгляд, гораздо более важной для успешной реализации исследуемого жанра оказывается не степень близости информанта со слушателем, а умение последнего расположить рассказчика к себе, настроить его на доверительное общение. Это подтверждает и имеющийся в нашем распоряжении материал: некоторые из наших информантов делятся своими воспоминаниями не с родственниками или друзьями, а с собирателями, с которыми их только что познакомили.

Мелания Даниловна, жительница села Виноградовка Анучинского района, делится воспоминаниями о своей жизни с гостьей, собирателем-филологом:

М.Д. Вроде недавно/ вспоминаешь/ очень тяжелое время было/ очень/ щас вот подумаешь/ как тяжело жили/ Боже мой! Но не считали/ што это тяжело// Никто не обижался/ никто не жаловался// Считали/ што это в порядке вещей/ то война/ то после войны не лучшие было/ чем в войну// Ой/ так// А теперь старость уже//.

– Когда и были самые хорошие времена/ да? Молодость?

М.Д. Да// Да// Самые лучшие времена были/ была юность/ была мо.../ молодость/ да я/ мне кажется/ што ее у меня и не было/ молодости той//.

Подводя итог, можем сказать, что в зависимости от таких параметров, как автор и объект воспоминания, исследуемый нами речевой жанр может реализоваться в следующих вариациях:

- чужие воспоминания;
- воспоминания о других;
- автобиографический рассказ.

Схематично эту зависимость можно представить следующим образом:

Особым подтипом исследуемого жанра считаем коллективные воспоминания, в процессе которых два (или более) рассказчика вспоминают общие эпизоды своей жизни. В силу того, что в качестве рассказчика выступает не один, а сразу несколько человек, данный подтип отличается от трех других и особой структурой.

В свою очередь, при анализе образа адресата как не менее важного жанрообразующего параметра наиболее значимой нам представляется не степень близости рассказчика и слушателя, а способность последнего расположить говорящего к доверительному общению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. 200 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88-99.
3. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
4. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Сарат. ун-та. Нов. сер. 2009. № 9. С. 3-7.
5. Волошина С.В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Том. гос. ун-та. 2008. № 308. С. 11-14.
6. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики. Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1-3 декабря 1997 года). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 167-174.

УДК 81'27(571.6)

Т.И. Петрова

ДИАЛОГ В ТАЙГЕ КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

В статье анализируется фрагмент языкового существования дальневосточников: материалом для наблюдения послужила запись живой речи в ситуации «Сбор грибов в тайге». Рассматриваются особенности данного дискурса, обусловленные такими признаками,

как «место», «тема», «роли коммуникантов». Выявляется гипержанровая природа текста; обращается внимание на его региональную специфику.

Ключевые слова: языковое существование, живая речь, гипержанр, тематическая организация текста, конситуативность разговорного диалога, ролевое поведение, региональная лингвистика.

The article studies a fragment of the Far Eastern language situation: a recording of speech situation "Picking up mushrooms in taiga". It considers such features of the discourse as "place", "theme", "roles of communicants". The hypergenre nature of the text and its regional specific features are revealed.

Key words: language situation, speech, hypergenre, thematic arrangement of the text, consituation of informal dialogue, role behaviour, regional linguistics.

В отечественном языкознании термин «языковое существование» появился в 50-е гг. XX в. благодаря Н.И. Конраду, который предложил его как перевод японского «гэнгосэйкацу» и обосновал в соответствии с теорией языкового существования, изложенной японскими лингвистами [1]. В центре этой теории – ситуативно обусловленные конкретные речевые действия в процессе индивидуального использования языка. Особую значимость в связи с этим приобретает методика непрерывного наблюдения, позволяющая выявить факторы, влияющие на дифференциацию устной речи.

В таком понимании термин «языковое существование» используется и в современной отечественной социолингвистике (работы Е.А. Земской [2], Т.И. Ерофеевой [3], М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [4], [5]). Активизация интереса к понятию, названному данным термином, связана с поисками разных подходов к описанию языковой личности. В частности, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова одним таких подходов считают изучение записей речи говорящего в течение определенного времени, когда «исследуются особенности его речевого поведения в разных коммуникативных ситуациях, то есть по существу анализируется языковое существование личности» [4, с. 3]. Иначе говоря, языковая личность изучается на основе ее дискурса. Объектом исследования в данном случае оказывается прежде всего живая речь – неофициальное устное речевое общение в разнообразных ситуациях повседневности, представленных в контексте окружающей среды.

Материалом для нашего наблюдения послужила расшифрованная запись живой речи в ситуации «Сбор грибов в тайге» (запись сделана в сентябре 2009 г. в селе Виноградовка Анучинского района Приморского края; общий объем записи составляет около 60 минут). Участниками речевого общения были три женщины: Елена (52 года, жительница г. Арсеньева Приморского края; в Виноградовке бывает очень часто), Екатерина (50 лет, жительница г. Владивостока; школьная подруга Елены), Татьяна (50 лет, жительница г. Владивостока; подруга Екатерины). Зафиксированный в аудиозаписи дискурс анализируем с учетом следующих параметров: «место коммуникации», «тема коммуникации», «роли коммуникантов».

Ключевой, объединяющей весь записанный диалог, является тема «Поиск грибов», обусловленная местом протекания коммуникации. Отличительной особенностью данного диалогического текста следует считать его ярко выраженную конситуативность. Прежде всего,

это многочисленные речевые фрагменты, посвященные найденным грибам: *А вот он гриб/ который я/ не нашла и не срезала/ и он устарел// Вот/ видите? А если б я его в тот раз нашла/ это был бы шикарный гриб...; Вот это съедобный гриб/ это подберезовик/ но он старый уже бедный/ шляпа должна быть вот такая/ вот такой он...; О! Груздь какой/ красавец! Он даже не порыжел еще...; Вот рядовки// Если они молоденькие/ значит тоже очень хороший гриб// Только когда их мало.../ – Какой какой/ Лен? – Рядовки// – Ри.../ – Рядовки// Он несъедобный/ его нельзя есть не отваривая... и т.п.*

Конситуативными обстоятельствами вызван и ряд частных тем, представляющих собой своеобразные ответвления от общей темы: «Осень в Приморье» (*Жарко! – Да-а-а? – Угу// – Лето// – Ну день-то сегодня сухой/ погожий// Что такое сентябрь у нас в Приморье? Это/ утром осень/ днем лето// – А ночью? – Ночью (смеется) зима/ порой// Когда заморозки//*); «Мурилов ключ» (*Ой/ красота какая! – Вот/ видишь/ местами даже вот и вода есть/ местами он уходит под камни// (...) – Красота! И даже немножко шумит// – Хватит хватит/ замолчим// (молчат) А когда воды много/ его прямо далеко слышно// Шумит// – Мурилов/ ключ/ да? – Потому так и называется да/ он угрюмый такой/ распадок этот глубокий... – (диалог начинается, когда выходят к ключу); «Фотографирование» (фотографируются на фоне осеннего леса: *Давай/ нас с Катей// – Давай/ давай обязательно// Катюш/ покажи// (...) – На фоне да/ на фоне хотя бы.../ Эй-эй листик давай наш любимый.../ – Красный// – Не-ет! – Не надо красненький/ надо естественно/ там на фоне красноватое Катюш...); «Встреча с огромной лягушкой» (*Смотри какая жабица/ у-у-жас! – Ой какая! Катя/ хочешь сфотографировать? – Я такую жабу никогда в жизни не видела! – Я тоже не видела// – Очень крупная! (...) – Кать/ так надо рядом с кем-то ее щелкнуть/ чтоб видно было какая она большая...); «О маньчжурском орехе» (проходят мимо зарослей ореха: *В детстве/ за чем только в лес не ходили/ за этим вот/ орехом.../ – Это про какой ты говоришь орех/ Лен? Вот этот? – Нет/ лещина/ его было очень мало// А мы ходили вот за этим вот/ маньчжурским орехом// – За маньчжурским?(...) А вы его всё равно ведь.../ он не успевает вызреть/ правильно? Он же такой/ все равно/ неспелый еще// – Почему неспелый? Он же осенью падает уже// (...) мы принесем/ наложим прямо на плиту/ вот печка же топится/ зимой особенно/ поздней осенью/ печка топится/ мы положили их вот так на край плиты/ (...) то он/ как бы лопался тогда...)* и т.д. В наблюдаемом дискурсе конситуацией обусловлена, как правило, «речь-комментарий текущих событий» [2, с. 22-23], но обнаруживается также – хотя и реже – «речь-сопроводитель» [2, с. 22-23] тех или иных действий. Например: (Екатерина обращается к Елене, которая укладывает собранные грибы для того, чтобы их сфотографировать) *Только разверни их чашками сюда/ чтобы было видно; (Татьяна фотографирует своих спутниц фотоаппаратом Екатерины) Девочки/ чуть-чуть вправо/ шагните// (...) Вот так/ щас я еще раз/ потому что я как раз.../ Вот/ вот сейчас Лена хорошо// Кать/ он не щелкает? Почему/ он не щелкает? – Держи-и// – А-а-а/ нажать и держать? – Нет/ отпусти// – И отпустить? – Загорелась кнопочка? Отпускай отпускай...; (наблюдают за жабой) Ой/ так она идет вон как// – Она уже не прыгает/ она/ вот так вот/ знаешь/ переваливается// – Я ее сниму// – Нет/ она прямо на меня направляется/ смотри-ка... и т.п.****

Еще одну группу составляют темы, ассоциативно обусловленные, но так или иначе связанные с конситуативными обстоятельствами. Например, с реплики *Вот там где-то пова-*

ленная береза/ она была помоложе/ но она уже тогда такая была переломанная начинается рассказ Елены о том, как в этих местах ее дочь когда-то нашла свой первый гриб: ...и тут Света орет/ «мама! А это гриб хороший?» Я так подхожу/ он у нее белый/ точёный/ красавчик/ не очень большой такой// (...) И вот я Ольге показываю/ вот это та береза/ возле которой/ Света нашла первый гриб// Это наше историческое место/ свой первый белый гриб; восклицанием Ой/ ну как мне вот это всё нравится! Это синее небо/ этот простор/ стрёкот этих кузнечиков! инициируются воспоминания Елены и Екатерины об их жизни в этих местах: Мне напоминает знаешь/ когда отец еще жив был/ на «Муравье» на этот/ на огород за речку/ да? – Да! – И назад с этим.../ – Урожаем! (...) – И едешь/ и уже так вот/ солнце уже такое вот низкое...

В записанном нами диалоге следует выделить и фрагменты, объединенные частными темами метаязыкового характера: «О местном названии *Серпы*», «О названиях *ильм* и *ильмак*», «Об этимологии слова *волок*», «О местном топониме *Мурилов ключ*» и т. п. Но исходной для каждой из них также оказывается конситуация.

Таким образом, конситуативность является основополагающей для тематической организации анализируемого диалога. Названным обстоятельством обусловлена такая его лексико-семантическая особенность, как широкое распространение дейксиса – способа референции, служащего «для идентификации объектов, событий, отрезков времени и пространства через их отношение к речевой ситуации» [6, с. 259]. Наиболее частотными, как и обычно, оказываются классические слова персонального, пространственного и временного дейксиса: **вот это** лещина; **я здесь вот** срезала/ **эти** не брала; **мы** взяли **здесь** то/ что недобрали первый раз; **здесь** холодно/ черви плохо грибы едят; **вы** прямо в тайге друг друга чувствуете; пойдём на **ту** сторону; а **вот** то что не найдено **нами** тогда; **вон туда** еще зайдем и т.п. Все приведенные примеры иллюстрируют первичный дейксис – дейксис диалога, полноценной коммуникативной ситуации, когда говорящему и слушающему доступен один и тот же фрагмент окружающей обстановки.

Место протекания диалогического общения – тайга – определяет специфику и ролевого взаимодействия коммуникантов. В данном случае проявляются как долговременные, так и ситуационные роли участников общения: к первому типу ролей следует отнести наличие (или отсутствие) статуса местного жителя, а также профессиональную принадлежность; ко второму – степень осведомленности относительно ситуации общения («Сбор грибов в тайге»).

Ведущая партия в диалоге принадлежит Елене, живущей в этих местах и хорошо их знающей, – именно ее речь составляет большую часть дискурса. В жанровом отношении это, прежде всего, различные виды рассказов, так или иначе связанные с данной ситуацией: рассказ-объяснение (*Серпы это такое место// Я тебе объясню почему Серпы// Там дорога круто поднимается в верховье// Вот натурально вот идет вот так/ поднимаемся вот так/ я от той дороги вижу эту дорогу// И вот такими прямо этими/ складками// А Серпы/ потому что так серп и так серп/ ну как вот/ как бы серпами такими/ серпантин...*); рассказ-рассуждение (*Да я вообще осень обожаю/ нашу приморскую осень я вообще обожаю// Это/ мне любимое время года/ сентябрь октябрь и май// Лето я не очень люблю// Лето/ это комары/ жара// А вот это/ благодатное время такое...*); рассказ-воспоминание (*А вот ниже*

дороги/ у моего брата была пасека// – У-у/ в этом месте/ да? – Да-а/ там такое место замечательное/ знаешь/ здесь же липы много в этом распадке// Совхозная/ он же у меня совхозным/ пчеловодом был// Здесь была совхозная пасека/ совхоз ее держал/ Мишка там/ у Мишки там были домики построены/ где инвентарь весь был/ мальчишки у него там летом подрабатывали/ мой Лешка еще застал это время// На период качёвки/ нанимали пацанов/ у них это зачитывалось/ в счет практики...). Рассказ в пределах целостного дискурса, как правило, является стимулированным, то есть предполагает непосредственную реакцию слушателей: в частности, в последнем фрагменте это реплика-вопрос У-у/ в этом месте/ да?, способствующая разворачиванию воспоминания.

Доминирующей ролью Елены обусловлены характерные именно для ее речевого поведения в данных коммуникативных условиях стратегии: организующая (*Щас сходим на ключ/ и пойдем назад; Вон туда еще зайдем/ и всё; Зайди еще на ту полянку/ Кать/ или давай я схожу; Сходим на обрыв еще и т. п.*); корректирующая (*Хватит хватит/ замолчим (слушают шум воды); Чё снимать/ там гнилое дерево/ пойдем еще найдем другое место; Осторожно/ камни! и т. п.*); информирующая (*Вот на этих изломах/ обычно грибы не растут; Если все время забирать вправо/ рано или поздно все равно выйдешь на дорогу; Обычно грузди растут семейками и мн. др.*). Показательны и экспрессивы, отражающие отношение Елены к родным для нее местам: *Мы родились/ и здесь живем// Это ж вообще/ обалдеть! Столько всяких воспоминаний/ всего;* (рассказывает о том, как она любит ездить в тайгу за кедровыми шишками) *Ой/ ну какое это счастье! Я согласна/ даже мешки кидать/ на машину// Ну просто/ красота такая/ лес/ обалденный; Ой/ ну как мне вот это всё нравится! Это синее небо/ этот простор/ стрёкот этих кузнечиков и т. п.*

Маркером роли местного жителя, который хорошо владеет миром слов, обозначающих реалии этих мест, следует считать многочисленные локализмы в речи Елены.

Во-первых, это неофициальные топонимы: *Мы ехали из/ Крайтопа/ я/ Толик и Васька* (название поселка вблизи села Анучино, где в советские времена находился леспромхоз); *Вот там где Серпы/ вот этой машиной не проедешь* (название извилистого участка таежной дороги); *Мурилов ключ/ вот он/ он вверх туда/ и на Муриловом ключе/ там верховье/ есть орех/ там хвойники/ и там орех есть* (название одного из таежных ключей и прилегающего к нему места); *На Дальнюю речку уже не успеем/ на Ближнюю разве что* (названия участков реки относительно села); *Чаще место это называют Шуркиной пасекой* (название по имени владельца пасеки, находившейся когда-то в этих местах).

Во-вторых, это лексические единицы, называющие дальневосточные реалии: *распадок* («горная ложбина, седловина в горах»: *Он угрюмый такой/ распадок этот глубокий*); *излом* («крутой изгиб сопки»: *Вот на изломах/ обычно грибы не растут*); *осыпь* («склон сопки, формируемый в результате разрушения скальных пород»: *Это осыпь// Наверное/ какая-то скала была/ она была из более мягкой породы/ стала разрушаться/ камни осыпались осыпались/ и на этих камнях ничего не растет// Таких много среди сопки мест*); *качёвка* (производное от «качать (мед)»: *На период качёвки/ нанимали пацанов*).

В-третьих, в речи Елены обнаруживаются те или иные диалектно-просторечные особенности, характерные для этих мест. Например: *май наступил/ выбросился лист; таких много среди сопки мест/ голимые камни; спилили/ на дрова распилякали*; использование

слов *брать*, *взять* в значении «собирать, заготавливать»: *самые хорошие грузди мы взяли две недели назад; на Серпах брали грибы; орех/дрова в этом месте берут*. Вызывает интерес диалог о значении слова **ильмак**:

Екатерина. *Лен/ а вот ильм и ильмак это одно и то же?*

Елена. *Да/ просто его называют ильмак//*

Екатерина. *Правильно называть ильм//*

Елена. *Ну правильно/ это грамотно.../*

Екатерина. *Ильмаками называются эти/ грибы/ которые на.../*

Елена. *Нет/ ну еще ильмаки называют деревья//*

Екатерина. *Ну это неправильное название//*

Елена. *А гриб ильмачок называется// А растут/ на ильмаке// (...) Ну у нас же вот говорят/ «спили ильмак»//*

Татьяна. *Да// И Меланья Даниловна/ слышала Катя? Она тоже так говорила//*

Из приведенного речевого фрагмента следует, что слово **ильмак** в селе Виноградовка встречается в двух значениях: 1) «название дерева; то же, что *ильм*» и 2) «название гриба, растущего на ильмах»; во втором значении используется и производное слово **ильмачок**. Обратим внимание еще на одно слово в диалоге Екатерины и Елены – **кашка** («семена ильма»): *У нас/ кашка помнишь? Кашка/ кашка// – Да-а// – Эти/ семена/ или как они называются.../ – Ну/ на ильмаке растут? – Вот на чем растут? – На ильмаке...*

Заслуживает внимания еще один диалог:

Елена. *Вот во'лок пошел// А мы зашли в лес/ вон там/ чуть-чуть ниже вон там// С этого во'лока//*

Татьяна. *Лен/ так во'лок/ это все-таки не это/ а.../*

Елена. *Нет/ это вот дорога//*

Татьяна. *Это дорога/ да//*

Елена. *А в ней расходятся.../ люди ездят/ за грибами/ за лесом/ конечно/ прежде всего дорога за лесом//*

Татьяна. *Так во'лок/ это какой-то такой.../ как тропы/ да?*

Елена. *Это просто трактор прошел/ и проволока/ за собой лес// (...) Вот такие вот во'лока'/ их еще называют/ или поруба' еще/ потому что ну как/ вокруг лес рубили.../ Вот/ видишь/ дежурный во'лок такой/ это вот недавно/ видимо что-то убрали/ тащили//*

Интересно, что, например, в словаре В.И. Даля формы диалектных слов *во'лок* и *волока'* имеют разные значения: *во'лок* – «непроезжий лес», а *волока'* – приспособление «для выволакивания бревен из во'лока» [7, с. 236]. Как видим, дальневосточный дискурс отражает определенные лексико-семантические изменения в данном случае: приобретение словом *во'лок* особого значения («подобие просеки в тайге; след трактора, волочащего срубленные деревья») и появление у него коррелята по числу: *во'лок* (ед. ч.) – *волока'* (мн. ч.). Что же касается слова *поруба'*, то оно используется в качестве синонима рассмотренного слова, причем в анализируемом дискурсе употреблена форма только множественного числа.

В речи Елены обнаружилась и такая диалектная особенность, как использование формы единственного числа конкретных существительных в собирательном значении, например: *май наступил/ выбросился лист; осень/ шишка падает; здесь же липы много/ в этом рас-*

падке и т. п. (факты такого рода часто встречаются в речи жителей приморских сел). Обращает на себя внимание повторение конструкции с предлогом *НА*: *сходим на обрыв еще; сходим еще на ключ; ильмаки ходил смотреть на ключе* и т. п. В связи с диалогом «О маньчжурском орехе» нами отмечен весьма любопытный факт. Елена рассказывает о том, что ее мать называет маньчжурский орех «воловым»: *У нас мама его называет воловый почему-то// – Воловый? – Воловый/ да/ ну вот/ не знаю почему//*. Интересно, что это слово в сочетании *волоый орех* зафиксировано в словаре В.И. Даля как синоним названия «грецкий орех» [7, с. 238]. Можно предположить, что оказавшиеся на Дальнем Востоке переселенцы применили это название к похожему на грецкий ореху (заметим, что такое название маньчжурского ореха было знакомо и в других селах Приморья – в частности, украинским переселенцам в селе Архангеловка Кировского района).

Функционирование в речи Елены, метеоролога с университетским образованием, носительницы «среднелитературного типа речевой культуры» (Сиротинина О.Б.), названных выше диалектно-просторечных единиц, на наш взгляд, обусловлено исключительно особенностями конкретной ситуации общения: обращение к реалиям жизни таежной деревни предполагает переключение на соответствующий ей языковой код.

Различными в рамках данной ситуации оказываются роли коммуникантов Елены. В речевом поведении Екатерины проявляются отношения равенства, основанные на общности апперцепционной базы. Она уроженка этих мест, с детства хорошо знакома с Еленой, чем объясняется такая, например, жанровая форма их речевого общения, как воспоминание-унисон: *Мне напоминает знаешь/ когда отец еще жив был/ на «Муравье» на этот/ на огород за речку/ да? – Да! – И назад с этим.../ – Урожаем! – Тыквы/ эти.../ – Да! – ...кукурузы/ всё вот это вот/ соя там сверху/ да? – Да да да! – И лежишь на этой ка.../ тачке это/ сверху.../ – Во-первых поработаешь/ устанешь/ и таешь такой/ отдыхаешь уже.../ – И едешь/ и уже так вот/ солнце уже такое вот низкое да? Часов шесть/ и вот это уже/ прохлада/ и стрёкот кузнечиков/ и вот эти ковыли вдоль дороги//* Общность воспоминаний отражается в коллективном конструировании высказывания, например: Екатерина. *И назад с этим.../* – Елена. *Урожаем!* Обращает на себя внимание стратегия уточнения, которую использует Екатерина, дополняя рассказ Елены:

Татьяна. *А как же трактор идет?*

Елена. *Это специально.../*

Екатерина. *Это называется трелёвщики//*

Елена. *Трелёвщики//*

Татьяна. *Нет/ я понимаю/ но как он среди деревьев может?*

Екатерина. *Он такой/ как танк/ Тань// Да/ он подминает под себя.../*

Елена. *Мелкие/ мелкие эти поросли.../*

Екатерина. *А сзади у него вот такие бревна/ поэтому остается волок//*

Речевое же поведение Татьяны продиктовано ролью приезжего, впервые оказавшегося в этих местах, что сопровождается преобладанием речевых действий двух типов: это экспрессивы (*Как хорошо Катя! И цвет такой/ вот казалось бы ничего особенного/ но тоже красота; Как хорошо/ господи! Ой/ какие красивые!* и т. п.) и многочисленные вопросы (*Лена/ а вот как ты узнаешь/ и Катя тоже/ какие поганки/ а какие нет? А вот это «чистый»*

лес/ да? Так волок/ это какой-то такой.../ как тропы/ да? Лен/ Серпы это что/ тоже место какое-то? и т. п.).

Таким образом, диалог в тайге как фрагмент языкового существования дальневосточников представляет собой дискурс, отличительными особенностями которого являются следующие: 1) тематическая организация диалогического текста имеет ярко выраженную констатирующую природу; 2) ролевое взаимодействие коммуникантов коррелирует с жанровой дифференциацией дискурса; 3) последовательность речевых действий, обусловленных такими параметрами, как «место», «тема», «роли коммуникантов», определяет гипержанровую природу текста.

Исследование языкового существования жителей определенного региона можно считать одним из аспектов региональной лингвистики, предполагающим комплексный подход к описанию речевого материала. Такое направление представляется достаточно перспективным: «Диалоги у моря»; «Диалоги во время туров в Китай»; «Рассказы о поездках в европейскую часть России» и некоторые другие типы дискурсов – это фрагменты языкового существования именно дальневосточников, они отражают языковую картину мира жителей этого региона и могут служить источником разнообразного языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конрад Н.И. О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М.: Наука, 1959. С. 5-16.
2. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 5-44.
3. Ерофеева Т.И. Опыт исследования речи горожан: (территориальный, социальный и психологический аспекты). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. 136 с.
4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995. 115 с.
5. Китайгородская М.В. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Наука, 1996. 464с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 699 с.

УДК 800.86/87; 801.1

Н.В. Лагута, М.А. Панасенко

ИНФОРМАТИВНЫЕ И ОЦЕНОЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ НОСИТЕЛЬНИЦЫ АМУРСКИХ ГОВОРОВ (на материале записей речи П.П. Ратушкиной)

В статье рассматриваются информативные и оценочные речевые жанры в речи современного носителя амурских говоров; представлена классификация наиболее частотных речевых жанров заявленных типов в языке диалектной личности.

Ключевые слова: амурские говоры, диалектная коммуникация, языковая личность, речевые жанры, сообщение, объяснение, жалоба, оценочные высказывания.

The article considers informative and evaluative speech genres in the speech of a contemporary informant of Amur dialects. The classification of the most frequent speech genres in the language of dialect user is presented.

Key words: Amur dialects, dialect communication, linguistic individual, speech genre, report, explanation, complaint, evaluative expression

Целью данной работы является выявление основных информативных и оценочных речевых жанров (далее – РЖ) в речи отдельного конкретного человека и их общая характеристика. «Анализ функционирования РЖ в дискурсе диалектной языковой личности, с одной стороны, позволяет осмыслить существенные особенности индивидуального мировосприятия человека, с другой стороны, даёт представление о стереотипах национального взаимодействия членов общества» [1, с.10]. Материалом для работы стала запись беседы с Пелагеей Петровной Ратушкиной, жительницей села Новоивановка Свободненского района Амурской области (далее – Пелагея Петровна).

В целом, набор РЖ соответствует типическим ситуациям речевого общения и типическим темам, поэтому этот набор достаточно ограничен и исчислим. Этим объясняется и выбор двух основных речевых жанров – информативные и оценочные РЖ. Однако с другой стороны, в разговорной речи, какой по своему типу является диалектная речь, репертуар и количество жанров, их границы имеют специфические отличия, что и представляет несомненный интерес для исследователя.

Коммуникативной целью информативных жанров является стремление говорящего пространно или кратко передать слушающему какую-либо информацию. Намерения говорящего при передаче информации и сама информация разнообразны. Анализ беседы с Пелагеей Петровной показал, что наиболее частотными являются информативные РЖ «Объяснение» и «Сообщение».

Речевой жанр «**Объяснение**» занимает по объективным причинам значительное место и функционирует чаще всего в качестве ответа на запрос собирателей диалекта: [Е.А.: Полужку́ / это что? //] Ну что? // Вот такие вот/ пащуть/ что? Вот щас трактор таскаить полушкí/ а тада один полужок/ один лемашок был/ его конь-то не потянет/ если вот щас большой плух-то/ а маленький плух такой дык и...// Ну / вчера у нас мужики тут вот/ картошку окучивали сами/ таким с... ижиш (?) плу́ом таким/ не плух / а один лемех/ один лемех// Двое ташут/ один там за ручки держится//.

Практически весь разговор с Пелагеей Петровной строится на диалогических единствах (вопрос-ответ). Собеседники, которые ставят своей основной целью узнать как можно больше новой информации, познакомиться с особенностями сельской жизни, спрашивают о событиях прошлого и настоящего, о назначении каких-либо предметов, о способах их использования, о смысле каких-либо слов или устойчивых словосочетаний: [Е.А.: Вика? И как она выглядела?] Как / как горох// А или вот где-нибудь... вика-то... да... вы / вон там у нас в оуороде / в конце города / дикая растёт // Ну как горох / как горох / такая она и... // А чече-вика она небольшая/ вот такая вот/ ее руками выбирали / уже она под эту не подходит/ а если какой ее / обмолочишь//.

Если Пелагея Петровна мало знает о предмете вопроса или по каким-то причинам не хочет об этом распространяться, то намерение кратко объяснить что-либо в ответ на запрос собеседника она воплощает с помощью отдельных коротких, иногда достаточно категоричных высказываний. [Е.А.: А как мама воспитывала?] *Как воспитывала / так и воспитывала* //.

В тех случаях, когда собиратели просят разъяснить некоторые диалектные слова, Пелагея Петровна, как правило, живо откликается на просьбу и отвечает эмоционально. *Всю войну на тракторе бу́хала* // [М.: Бу́хала? А что делали?] *Работала* // (смеется) или [Д.: Ты объясни, что такое «похартилась корова»] *Подохла* (смеется) // *Подохла / подохла / а́а / пропала* // . Можно отметить, что Пелагея Петровна на протяжении всего разговора держалась очень открыто, не скрывала своих эмоций: *И подойдешь к нему: «Кан горбатый / кан сопливый / хуже / у́же кытчата»* // *А он: «Бл-бл-бл-бл-бл»* (изображает индюка и смеется) / *а мы от яю / врассыпнуя* //.

В некоторых ответах жанр объяснения реализуется с включением вопросно-ответных конструкций, например, [Е.А.: Ракета?] *Да* // *Ракеты пускають/ то... а куда она пошла? Туды же / кверху куды-то* // или [Е.А.: А дороги какие были?] *Вот как есть земля / такие и были* // *Дороги / никаких дорог не было* // *Конь проедет / что он тебе? Сделает колюю там / такую выбиит что ли?* // *Он если проехал тут... / дык / он подальше маленьке / проехал / опять незаметно ниче* // . В таких случаях данные вопросно-ответные конструкции используются для развернутого логического объяснения, являются особым видом аргументации.

РЖ «Сообщение» обслуживает коммуникативную цель говорящего сообщить адресату определенную информацию. Событийное время высказываний-сообщений в основном связано с настоящим и прошедшим временем. Использование в речи высказываний-сообщений довольно многообразно, в соответствии с коммуникативным намерением говорящего выделяются разные типы сообщений: сообщение о намерении, сообщение о необходимости, сообщение о событии, сообщение о желании, сообщение-цитирование [см. об этом: 1, с. 42-52]. В анализируемом материале наиболее частотными являются сообщения о событии, сообщения о намерении, сообщения-цитирования.

Сообщения о событии занимают в речи Пелагеи Петровны значительное место, этому способствует сама ситуация общения – «городские» интересуются тем, что происходило/происходит в деревне, в жизни говорящего или его родных, знакомых: *Ну вот постройки вот / гараж тут построили / кузня вот тут была рядом* //; *Это мы / мы скока нынче картошки-то ей сдали? Кулей / наvern(o) / шисят / и все ж в подполье было* //; *А обжанились мы здесь* // *И жанился / он приехал / я ею не видала / и он меня не видал / и пожанились / и жили* //; *Ой / один раз как юбку одела / а мне трактор как он / ломиком заводился / как юбку поддел ломиком / как мне трахнуло / трактор-то/ я как мячик тока/ бах! / тока/ гык!* //; *Не / меня не пришибала / так меня ноуой лянула / ну я... я молоденьки ешо / она в первый раз только телилась / тёлка / я стала её доить / первый раз мне бы к неё как-то осторожней / или в кружку какую её додоить / а я села / как под старую корову/ скамеечки / и она как ноуой-то / я отлетела* //.

Коммуникативная задача в сообщении о намерении – предупредить о своих ближайших действиях. Главным субъектом речи и деятельности является сам говорящий. Сообщение о

намерении тесно связаны с коммуникативной ситуацией и сопутствующей деятельностью. Например: *Не / помоуать не надо / идите / и я потихоньке пойду* // или *Я-то пойду потихоньке да / а вы идите хоть побыстрей / идите* //. К отличительным признакам формальной организации сообщения о намерении относятся глаголы в форме будущего времени совершенного вида первого лица единственного числа *пойду* и личного местоимения *я*.

Коммуникативной целью сообщений-цитирований является передача адресату определенной информации, «автором» которой является третье лицо. В речи Пелагеи Петровны сообщения-цитирования выполняют три основные функции (о функциях см.: 1, с. 49-50): **заместительную**, например, рассказывая о том, как раньше воспитывали детей, Пелагея Петровна говорит: *Да / «Златая слеза / уговорить / не выкатится // Луч(ш)е / уговорить / неть будеть»* //, заменяя сообщение о мнении = «Из-за того, что у молодых мам было очень много работы в поле, не было ничего страшного в том, что дети плакали»; **функцию подтверждения**: *Да // У нас мама хорошо делала // И я делала все время хорошо / раз я уже большая / дак ее ... «Авдотья / уговорить / наверно / на фабрике жила это / работала / что вот лапшу вот так тонко делат»* //; **функцию выражения оценки**, например, Пелагея Петровна возмущена современными отношениями внутри некоторых семей: *Дочки на мамки уворачять: «Чтoб ты сдохла!»* // *Да разве можно так?* //. При этом Пелагея Петровна повысила голос, ярко жестикулировала. Все это передавало общее негодование по поводу таких случаев.

Достаточно часто в ходе беседы Пелагея Петровна цитирует себя: когда она передает свой разговор с кем-либо: *Бог еуо знает / что делать / я ня знала ниче этоуо / Тада ня знали как-то / ну / уговорит: / «Там сердце» / а мне друуой раз и ту заколить сердце: / «Ох / Вера / Вера / наверно / два сердца у мене / и тут колит что-то* //), когда выражает своё решение или передаёт свои чувства по какому-либо поводу: *Я зеленые-то порву / траву-то / а уже в тыкву-то не лезу / она там / я уворюю: / «Все равно / тебе легче маленьке со мной / а мне веселее»; Ой / после войны уже надоело / дык уговорила: / «Уосподи / хоть бы какой китаец сопливый пришел / и то замуж пошла бы!»* // *Так надоело очень работать на тракторе* //.

Передача чужой речи осуществляется через использование глаголов *говорить*, *сказать* в необходимых для контекста формах: *Кто / уговорить: / «Урызнула / катруся» // Скажутъ: / «Катруся / урязная такая вот / как катруся / ты хоть с себя бы юбку сняла / да платок юстирала бы!»* //). При этом данные глаголы могут быть сказуемыми: *Дед говорить / «Поуди / у мене сапоуи новые / пойду я»* или вводными словами *«Авдотья» / уговорить / наверно / на фабрике жила*. Большую роль в оформлении высказываний-цитирований играет также интонация: *А потом Коля / как звали / прозвали еуо Колясик / он не Колясик / и фамилия у неуо не Колясик / он и щас остался Колясик* // *«Кто пошел?» / «Коля Колясик»* // *И все знают / что Коля Колясик* //.

В целом, в диалектном речевом пространстве информативные жанры занимают значительную часть, что определяется спецификой диалектного дискурса. При организации данной беседы одна из целей собирателей диалекта заключалась в получении новой информации от диалектоносителя.

Сигналом оценочного жанра является «общая семантика оценки, которая проявляется, прежде всего, в используемых лексических средствах» [2, с. 140]. Е.М. Вольф отмечает, что

оценочными являются не только те высказывания, «где встречаются собственно оценочные слова *хорошо / плохо*, но и многочисленные виды сообщений, включающие оценочную сему как один из элементов своего значения. Оценочный смысл имеют высказывания с глаголами, содержащими оценочную сему – *нравиться / не нравиться, одобрять / осуждать, радоваться / огорчаться* и многие другие, где смысл «хорошо / плохо» обнаруживается в одном из элементов пропозициональной структуры данного глагола» [3, с. 163]. Следовательно, коммуникативная цель оценочных РЖ – выражение той или иной оценки человеку, предмету, явлению, событию.

В речи Пелагеи Петровны можно выделить жанры эмоциональной оценки и жанры рациональной оценки.

Коммуникативное намерение эмоционально-оценочных высказываний «заключается в выражении чувств, переживаний субъекта оценки» [2, с.140]. В анализируемом материале представлены высказывания эмоциональной реакции, реализующие широкий спектр переживаний:

а) радость, гордость: *Ой / я считать хор... / я табличку всю знаю* //. Пелагея Петровна испытывает радость и самоудовлетворение, несмотря на то, что она неграмотная, она знает таблицу умножения и с гордостью об этом сообщает собеседникам.

б) обида: [М.: Получается / вы не выучились // А братья ваши / сестры ходили в школу?] *О! Эти все ходили / все / все ходили* //. Обида передается преимущественно восклицательной интонацией и использованием эмоциональных повторов.

в) возмущение: *Даже сёстра / да как руауются / да как?! Ой-ой-ой / и у сестер мужуков отбивают / ой-ой-ой-ой-ой! / это страсть Божия / ох / ой-ой-ой-ой-ой! // Развь так можно? Ой-ой!* //. При реализации интенции возмущения в формальной организации используются повторения междометий, вопросительно-восклицательные конструкции, устойчивые выражения («*страсть Божия*»), тональность передачи своей оценки граничит с жанром порицания.

Большое количество таких высказываний в исследуемом материале дает возможность говорить о том, что ценностная картина мира Пелагеи Петровны содержит ряд морально-этических принципов, которые входят в круг общекультурных и общечеловеческих законов. Например, уважение в семье старших и помощь в воспитании младших, стремление к образованию и т.п. При этом, если названные принципы нарушаются, Пелагея Петровна относится к данным фактам эмоционально и категорично.

Высказывание рациональной оценки «преследуют цель передать мнение субъекта о предмете речи, обозначить ценностное отношение» [2, с. 140]. «Эмоциональное состояние говорящего не актуализировано в речи, «эмотивность» в структуре высказывания практически нулевая или приближающаяся к минимальному уровню» [4, с. 99]. Рациональная оценка представлена в диапазоне «хорошо – плохо», обозначает ценностное отношение говорящего к предмету речи. В исследуемом материале в рамках выражения рациональной оценки функционирует следующая шкала ценностей: *хороший – ниче – нехороший – плохой*. В соответствии со шкалой основными РЖ являются полярные «Похвала» и «Порицание». Область оценки может быть различной:

а) уровень знаний: *Ну щас-то они... он по-русскому **хорошо** так/ и ня скажешь/ что он китаец //* *Да / табличку я **хорошо** умела //* *А так вот писать / расписаться / **плохо** / расписываюсь / а вот что написать //*

б) уровень мастерства и качество получившегося изделия: *Полюша **хорошо** вышиваить / картины **хорошие** вышиваить / прям такие //* *У нас мама **хорошо** делала [лапшу]//.*

в) качество жизни: *Мы даже **хорошего** не вядали / от улоду уехали / сюды приехали / война //* *Щас **хорошо** / щас видишь / пошел купил / и лапша / и хошь лапши / хошь рожки какие-то / всё есть //*

г) качество работы: *А щас всех под одну / кто **хорошо** работаить / кто **плохо** / хто с совестью / а хто без совести //* *Если я хожу / работаю **хорошо** / на совесть / и яйца больше //*

д) характеристика моральных качеств и поведения: *Канеш... //* *Я не... вот и есть **плохие** //* *Есь... в и девки такие **плохие** / есть и хлопцы такие **плохие** //* *А есть **хорошая** //* *Есть так **ниче** //* [Е.А.: Как мужчины относились к курящим женщинам?] *Рууалися / а че ж ты думаешь-то? **Нехорошо** //*

е) характеристика внешних качеств: *У нас церква большая была / большая / **хорошая** такая / каменная / кирпичная //* *А мож они / да вот у нас одна тут / такая самая **хорошая** / прям / красивая такая / а муж китаец //*

Для выражения оценки Пелагея Петровна чаще используется крайний левый элемент шкалы ценностей. «Плохой» не играет в дискурсе информанта самостоятельной роли, данная оценка является противопоставлением для «хороший», используется в речи как антонимический контраст. Представляется, что это характерно для диалектной речи в целом, где часто оценки даны по принципу сопоставления: с одной стороны, называется факт, событие, которые осмысливаются как норма в данном социуме, с другой – то, что получает отрицательную оценку. Такая антонимичность обычно подчеркивается противопоставлением <...> прошлого и настоящего в оппозиции раньше (тогда) – сейчас (теперь). При этом активно используется отрицательная характеристика, которая формально выражается при помощи отрицательных частиц, отрицательных местоимений: *А щас колбасу несёшь и **никто не** знать / что ты несёшь колбасу иль **нет** //* *А **раньше не** украдёшь **ни**... или в пазуху клади / или куды тама прячь / все равно запах от тебе будет //* *А щас хоть ты **не**... в сумку положил да и... **никто не** знать / что ты колбасы взял //* *И с картошкой ели так / если маслицем помажет / тем больше **тада** / как вкусно было //* *Щас **ничё не** вкусно / а **тада** всё вкусно было //* *Щас волосы-то уже **плохие** / **тада** **хорошие** были //*

Среди оценочных жанров в исследуемом материале можно выделить также жанр самооценки. Чаще всего Пелагея Петровна оценивает своё сегодняшнее состояние, здоровье и образование: *Ох / какая я-то / я-то **старенькие** //* или: *И осталась **дурой** / и **дурой** прожила //*. Данные высказывания имеют яркую экспрессивную окрашенность. В первом случае, диктумное содержание связано с возрастом информанта, при этом использовалась деминутивная форма. Данное языковое воплощение смягчает самокритику. Во втором случае, когда речь идет об образовании, информант использует повтор лексемы в пределах одного высказывания, причем лексема выражает крайне отрицательную коннотацию и имеет оскорби-

тельное значение. Данное языковое воплощение отношения к самообразованию говорит о том, что информант чувствует недостаток знаний.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующий вывод: попытка описания РЖ в дискурсе конкретной личности помогает получить представление системе ценностей личности, об особенностях ее речевого поведения. Активный запас РЖ Пелагеи Петровны характеризует ее как человека открытого в общении, прожившего тяжелую, но интересную жизнь, имеющего свои моральные и нравственные установки, обладающего подчас категоричной, но собственной, четко выраженной позицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. 200 с.
2. Лагута Н.В. Жанровое наполнение диалектной речи Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. с.138-144.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 280 с.
4. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. 170 с.

РАССКАЗЫ О СЕМЬЕ

Подготовка к печати Н.В. Лагута

«Раньше любовь была, совесть была, жалность какая-то была»»

*Маркова Вера Степановна, 1923 г.р.,
п. Поярково Михайловского р-на Амурской обл.
Беседовали Лагута Н.В., Старыгина Г.М., 2013 г.
Обработала Лагута Н.В., 2013 г.*

– Вот таки дела, так и живу, дети, нэ обижаюсь я. Я и то(г)да жила нэ обижалась и сейчас нэ обижаюсь! Это всё зависеть, как сама хозяйка построит свою жись. Это всё зависит только от хозяйки. «От я устала, я устала! (передразнивает)». Я-то устала, а муж-то не устаёт?! Тоже ж надо рассчитывать на... на дальше, чтобы муж нужен. А щас привыкла, вот она идёт, как пышка, а он тут, а (в)сё в... авоськи, тут авоськи, тут... Ну как это можно! Жив был, дак мы стол ставили, и то вдвоём сделали! Никогда... я всегда жалела! Я рассчитывала, что он тоже устаёт. Я нет-нет хоть... посуду помыла, раз, присела маленько, а он, скажите, на работе-то он присядет? И работал, там хапал и там. Как щас вот у меня, это, сын. И этот, который умер, и этот умер. Начáli строиться, хапали по... Людям работы нэт, а мои по пять работ имеют. Крууом! А потому что, (г)де антенна, где телевизор, где машинка, всё-всё умеют делать. И делают только на честность! А люди... всё рабочие – только деньги собирать! И то наши ... посмотрят его и... никогда не брали. Вот так, доча, мы жили! Вот и я так всю жись прожила. А прожила, я их так воспитала.

– Вера Степановна, а Вы говорите, вот муж с женой одинаково должны работать, да?

– Да, одинаково.

– И помогать друг другу...

– И помоуать должны, надо помоуать и ему... вот так уоловой возьми своёй, вот ты дома нет-нет, уде... там и хозяйка, там соседка пришла поболтала, ты-то хоть маленько отдохнула, а они вот... им приходится, а ведь он тоже не железный. Ну?

– *Беречь надо мужа?*

– Надо беречь. Надо беречь. Потому что... вот вы молодые тоже, всё-таки молодые ниш... не жалеют мужьей. Не жалеют ни урамма. Вот щас у меня сын, вот сын. Она на работе, она продаёт вот эти, товары, машин... колё-оса вот эти все... сколь... возле это, возле уостиницы, по Советской. Она с восьми до шести. А он дома всё! Всё лето, всё лето дома, считай сам. И наварит, печки вытопит, и всё. Или вот у меня племяш, маминого брата праправнук уже. Вот тоже. Она не... это, врач, стома... нет, какой-то врач она, не знаю. Вот. Она пошла, как пышечка, а он ўкалывает, (в)от щас я вот вам покажу, посмотрите, как чё... Всё сам! Ну как, ну ему ж тоже отдохнуть надо. И баню натопит, и свинэй держали, и курочки были, и на оуороде, там дров понаколол и всё-всё, и на оуороде всё. Или вот мой... Она на работе. В шесть часов он едет за ней, за принцессой. Хотя она и нэ плохая, но так нехорошо делает. (В) церков стала ходить часто-часто. Она ж отдыхает, а он всё дома. А маленьких и детей, и вот который умер, и маленьких детей, понакупають и понастираеть, пока жена... жена работала воспитателем в садике. Пока со смены придёт, он и ужин наварит, детей перекупал уже, покормил их, спать уложил.

– *Вера Степановна, а мама тоже папу берегла? Мама отца тоже берегла?*

– А я чё-то... нет, чё-то посмотрю... так вот вспоминаю как-то... Как-то тоже дружно у них как-то у их было. И то, часто рууались из-за чего? Вот на съмену он (*нрзбр.*) и бежить на охоту, на охоту или на рыбал(ку). Раньше рыбы было навалом. Утки... во-во! Сядут тебе на уолову! По восемнадцать коз привозил!

– *Ого! Охотник отец был?*

– Охотником был. В сани навалит за день, и целый день на морозе. А как-то... она за это рууает: «Стёпка! Да хоть бы маленько ты отдохнул!» Заядливы такие, вот щас у меня вот этот меньший... вот все вот эти. И тот рыбак был хороший, тот шибко охотник был. А вот этот меньший – рыбак. Тоже сюда-туда, ну, отдохнул бы! Ну чё, полежал бы на диване. Ай! И быстрее сети выло... в мешок и... ночь, комаров кормить! Эта краснопёрка! Раньше было наловят вон ка... во! Сазаны какие! А щас вот такёсенские.

Любов раньше была! Вот старшей моей внучки... сын повесился. В Блауовещенске. Мать не разрешила эту девчонку взять, и он повесился. Во кака любов была! А я любила... Вот пройдёт, я вот землю взяла бы и съела! (*Смеётся*)

– *Так мужа любили?*

– Да.

– *Это второй муж который? Второго так любили?*

– Ага. Вот так. Во какая любов... А щас любов собачья! Щас муж ведро помойное не вынес – всё, любви нету! Или там не по её, кажется, желанью не исполнил – тоже любви нету. Ну как это?! Что это за любов?! Это собачья любов! Сбежались, раз – и всё! Вот так, доченька! Раньше любов была, со-овесть была, жа-алность какая-то была, а щас этого нету! Нету щас! Потеряно всё. Это Уосподь подсказывает! «Что хотите, то творите, воля ваша, но час придет расплаты», – старые люди так уоворять, и точно! Вот что и сбывалось, всё точно! Вот так. Муж – это, считай, одно и то же. Что ты, что муж! Так вот должно быть!

«Плохо ли, хорошо, но мы жили!»

*Лощенко Валентина Епифановна, 1937г. р.,
с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.*

Беседовали Горлова Л., Небора Е., 2006 г.

Обработала Лагута Н.В., 2013 г.

– *Кушать садились, сначала родители начинали есть? Или все вместе?*

– *Всё-о, стол большой был, всем места хватало.*

– *То есть не ждали родителей, да?*

– *Не-ет, все вместе, все садились и ели и всё. У нас такого не было там, таких госпожей, таких не было (смеётся). Все садились за стол, всё, общий стол был. Все садились.*

– *А вы не знаете в других семьях, ну, были такие порядки, что сначала родители кушают или сначала родители начинают?*

– *Да чё-ё ж, я чё-то не слышала такого, мож, где и было у кого. Ну, это тока у богатых. Только там-м так делают, но у нас богатых таких-то и нету. У нас все такие, большесемейные все были, вот в семье, с конца до конца вотхвати, и во всех семьи большие были. Вот у нашей родове, у там Лощёнковы, эти, наши фамилия – Лощ... Лощенки, вот, дак и у во всех, и у Кудельник, у Ефремовых, и у Конюховых, да, да во всех вот, эт самое, вот, кого нихвати, везде, во всех семьи большие были. Ну, и таких богачей у нас шибко не было, нет таких богачей (нрзбр) вот так от, все живём вот сами себе.*

– *А вот на кроватях спали, а матрацы какие-нибудь были? Или...*

– *С соломы были матрасы.*

– *А как бы просто солома, или матрацы (нрзбр)?*

– *Соломой набивали, солому набивали, и вот и спали, покамест трухой сделается, потом это высыпали, опять другой накладывали, и опять эт самое. А вот к Троице мыли полы, всегда выскобли(шь), полы некрашенные были, выскоблишь, выскоблишь их, потом травы накосим и расстелем. О-ой, такой запах, хоть ложись и катайся по полу! По этому, ну-у... Ну, жили, всяко жили, помаленьку-потихоньку, да и жили. Куда нам торопиться? Спешить-то теперь некуда (смеётся). Куда спешить?!*

– *А вот подушки были? Одеяла?*

– *Подушки-и...Одеяла там один, одно на всех, там одеял, мы... у нас там жили... спали, на полу спали, дак у нас одно одеяло было, мы все вчетвером от вот, те уже взрослые были, и брат, и сестра, те уже работали, да и мы же уже таки уже подрастали тоже, пололи, дома работали. Дак мы ещё вместе все спали, дак у нас одно одеяло было, одно. Печка железная стояла у нас там. Батя зимой кочегарит то и дело по очереди с мамой, мы спим, а они кочегарят (смеётся). А на полу спали. Мы на полу спали, они на койке спали, а мы-то на полу спали, нёгде, нёгде, коек не было, таких же не было коек. Это щас то диваны, то кресла всякие, то чего, вот, а щас же, раньше такого же не было, эт само(е), шобы были там, обстаноўка там где-то какая-то или того ли чё. А вот так вот и жили, но выжили. Плохо ли хорошо, но выжили! Работали все, (в)от. Вот. Но мы уже пошли, уже работали, уже... Раньше во! От малых и до старых все работали, всем работа была, на посадку все ходили, от бригада, всё вот это у нас бригада была тоже, все, женщин было много, да три(д)цати человек, больше ходило*

на поле работать, она (показывая на соседку) и то уже успела, захватила уже. Вот, приехали. Все работали. Девчонки вот такие вот, подростки (в)от, все, все себя обрабатывали. В школу все сами себя одевали. Мы-то меньше заработаем, а они вдвойне получали. Пожалуйста. Они сами себя одевали, в школу собирали, учебники покупали, одежду себе покупали. И все покупали они себе. Вот.

«Мама, я буду жениться!»

Лощенко Валентина Епифановна, 1937г. р.,

с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.

Беседовали Горлова Л., Небора Е., 2006 г.

Обработала Лагута Н.В., 2013 г.

– *Вот родители, мама вас как воспитывала?*

– О-о, тая подойдёт, не слушаешься, ремешком или бичик, или ремешок такой кожаный, раз, (*нрзбр.*) одного, другого, и всё успокоила, угомонила, готово! От так от успокаивала!

– *А за что наказывала?*

– А там где поругаемся, где подерёмся, бывает, где чё, ну-у, бывает за чё-нибудь да вот распоримся, ну мало чё бывает там.

– *С братьями, сестрами как жили?*

– О-ой! Дак уж как, эт самое. Ну, а братья чё, этот в армию ушёл, с армии пришёл, потом женился, ушёл, ну это его, тот тоже женился в шисят втором го... брат был. Ну и потом он тоже женился, уехал тоже, жена увезла. Приезжали в депо работали, (г)дэ школа стояла у нас, вот туть они жили, девчата, вот. И-и он работал на покосе, там познакомился брат у меня, а мы и не знали, шо он там познакомился. А он неделю всего дружил-то с ней, он с тем дружил, с какой, (в)от с Тоней Сластиной, он с той, так его и звали Клинцов, её фамилии были Клинцов. Так мы и думали, шо он на ей женится, а она чуть его оттолкнула, а и с Пашкой неделю погуляла, и за Пашку замуж выскочила. (*нрзбр.*) уже свадьба у их уже. Васька, мой брат, в стороне оказался, всё уже, вот. И потом...

– *Быстро.*

– И потом, этот, городские от приехали, и он там работал, на поле, познакомился там с ней, неделю погулял и женился. А мама у меня была п-парализованная в шысят первом, шысят втором году, правая сторона была парализована, и вот он ей говорит: «Мама, я буду жениться!» Она говорила, ну, ей уже набок было, правда, што она парализована была, вот. «Мам, я буду жениться!» А мама: «А кого ты берёшь? Свою или чужую?» А он гов(о)рит: «Чужую!». Но, раньше интере-сно было, шоб чужих все брали от, а-а своих-то шибко тож не брали же девчат, девчата выходили тоже за чужих. А ребята-то женились как-то всё больше на чужих. Вот так от.

– *А на чужих, это на каких?*

– Ну-у, на городских, например, или Князевки, и Комиссаровки, вот таких, своих шибко не брали. Уже знают свои какие девчата, уже не берут.

– *А, ну так тоже.*

– А ребята тоже берут чужих уже.

– А почему?

– Хорошие... Ну, так заведено в жизни уже.

– Ага.

– Так уж заведено. Ну-у, и он... и мама спрашивает у него, говорит: «А на ком ты женишься-то, и говорит, эт самое, свою-чужую берешь?». Он говорит: «Чужую». А мама: «А скока ей лет?». – «Не знаю!». – «А как, как её звать?». – «Не знаю!». О-ой, мы похотали! А мама говорит: «Дак её пора уже хоронить, её уже!»... *(смеётся)* Ой, хохотали, я до сих пор вот помню, як мы хохотали! Говорит, пора уже её хоронить! а она эт самое: «Да нет» говорит. Да она, бабёнка эта, и шустрая была, ничё, работящая, шустрая была. Угу. Ну, и эт самое... Посмеялись, ну и чё, ну-у, женился, привел, эт самое, свадьбу сыграли, столик собрали, посидели, вот тебе и всё, и живут до сих пор, с шысят второго года. В шысят втором году.

– А какие раньше свадьбы были?

– О-ой, ну раньше свадьбы-то как-то *(нрзбр.)* были, хорошие. Я особо-то, если было-то и какая-то, я ж маленькая ещё. Я особо-то и не гуляла на их, там-м, на этих свадьбах. А люди-то, старые-то люди да и гуляли веселье да знают всё-таки. А мы-то и... все работали, я на свинарнике работала, то на ферме работала, нам гулять то(ль)ко некогда было. Вечером, если пойдём маленько где чё посидим, погуляем да, а утром уже на работу надо. Гуляй-гуляй, а, девица, я говорю, как говорится, а дело где, знай! Мы уже работу-то знали, если раз – чэпе будет, чэпэ – прогул за пьянки будет *(смеётся)*. Так што нам пить никак нельзя было, это щас пьют все дай Бох!

– А во что невеста была одета, жених?

– Да-а и-и... Да я выходила-то кого, я сошлась только с этим, с одним вот с этим, который с Томичей...

– А какие платья, свадьба?

– Я перед днём (?), у нас и свадьбы-то не было, так сошлись, да и все, и-и... я с ним шесть лет прожила, да-а и ... и вытолкала его к черту!

– А что так?

– Нервы трепал, нервы трепал, пил да нервы трепал, здоровье угроблял, (в)о-от и всё. От их, кто пьёт, от их добра, хорошего ничего. Ожидать хорошего нечего. Вот так от.

«Так и жили, и детей нажили»

Чубенко Мария Андреевна, 1924 г.р.,

с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.

Беседовала Иванова О., 2001 г.

Обработала Лагута Н.В., 2013 г.

– Он пришёл по своим делам, сидит, я управляюсь, он наблюдает надо мной. А я внимания не обращаю. Поливала как раз, под вечер. «Можно вас это, познакомиться?» Я уоворю: «В чё там знакомиться, я ...» – «Ну а как! Я от тут (в)от, твоих сестру знаю, и ту, и друую». – «Ну и что? И знай!» А *(нрзбр.)* я вообще недовольна была, приехали с Запада,

ещё это, не так-то было, вот это всё. Ну, я девчонкой приехала сюда. Ну, мне там остался жених. Письма слал. Теперь я уже туда не вернуся, всё. Ну-у, он меня на третий день... посидели мы так, поговорили: «Я вам всю тайну расскажу». Он был женатый! Ну, тот. Ну, разошёлся он. Быстренько. Такая была ленивая чё-то она, ему не полюбилась, то-другое, ну он и говорит мне, посидели мы с ним, ну яго-о, сурьёзный не так что вот э-э... туда-сюда... Я говорю: «Чего? Слушаю». – «На девятое я-а да те... к тебе приду. Заберу тебе». Я говорю: «Как это ты меня заберёшь?! Я тебе не знаю, ты меня!». – «Да-а я уже и говорил: знаю, вы приехали с Запада». То-другое, я говорю: «Ну и что, приехали». А я зиму на лесозаготовке была. А керамический завод был, нас отправляли. Ну и что? Так как-то, не так я до его... Думаю, кто его знает, какой ты, ка-ак? «Ну как хотишь». А он раньше-э... и шас вот свет дают этим, а-а была электростанция, он машинистом работал. «Отдежурил я, – говорит, – ну, как хотишь, на девятое я здесь буду». Сестра-а ёво, ма-ать, отец были уже старенькие, а я так сижу, вдохнула, я говорю (со вздохом): «Как хотишь, дело твоё». Я ему отвечаю. Ну, и то ... «Да, – говорит, – конечно, дело моё». А не во-одки нигде не было, в те годы как трудно было. Ну а-а это, зять у меня самогонку унал, ну, там маленько вынули, и сёстры у меня были. Ну вот и как раз, это, девятое выпало воскресенье. «Ну чё? Ты согласна?». А Лида говорит: «Я не знаю». Ну и она, она мне отвечает: «Если, г(ово)рит, судьба, то иди. Кого ждать, уже девятнадцать лет!». Мине, а-а, уже девятнадцать лет. Ну и... Да кому надо? Ну, матери, правда, там и похоронили, на Западе. Я всю ночку, девки, не спала! Пла-ачу, не советы, не отговора, что боу даст?! Судьба и судьба! Не я одна! И с детьми бросают, а-а я что? Ничё я не потеряла! Ну, ладно. Ну, девятое, девятое подходит, смотрю: идут! Сестра, брат его, невестка идут сюда. Мы жили на этой улице, где сельсовет. Тут домик был, ну, сестра там приутовила, пришли, и знакомые тут были, собра-ались, ну, человек, наверно, двадцать было. Так это время ничего. Такое время тяжёлое было в те годы. Это после войны да приехали мы, собра-ались... а-а тут была Амурсталь, работали раньше, у него была квартира, ну, и перешли, так и жили. Ну, надоело в этой квартирке, и домик построили свой, стали жить, корёку купили, и так и жили, и жили, и детей нажили. Потом этот уже до-ом, он в заводе работал, маленький был домик, на заводе работал, от завода дали, сам строил это дом. И построили этот домик.

«Они сватали, а я сидела плакала: не хотела замуж»

Наконечникова Елена Анисимовна, 1940 г.р.,

с. Чагоян Шимановского р-на Амурской обл.

Беседовали Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., 2002 г.

Обработала Лагута Н.В., 2013 г.

– И вот ко(г)да Николай пришёл с морфлота, а вот ... раньше было не восемь классов, а семь, а я семь классов окончила, собралась в город ехать учиться, а он сватов прислал, пришли, засватали меня. Сказал: «Не пойдёшь замуж, застрелю тебя, а потом себя застрелю!».

– А как сватали?

– Родители пришли, дво-ое братьев его, сватов взял на той стороне, там были. Ой, в Сиваки жили, сваты приехали! Ну, они сватали, а я сидела плакала: не хотела замуж.

– *Замуж не хотели? Или за него не хотели?*

– Замуж просто не хотела, я хотела учиться, я училась отлично, хотела учиться. Замуж не хотела! А он всех обегал, всех проверил, и на конце остановился! И сразу зимой навозил лесу, и сразу стали дом строить. Баян в руки, и по деревне! А пришёл с армии, а штаны такие... раньше клёш мода была в пият шестом году, пият пятом он пришёл. Клёш, и мой брат старший и он этот клёш оденут, брат играет на баяне... и он! И вот маленько поддали и пошли в клуб, а там яма такая огромная: дождь шёл и яму промыло, идут, эти широкие брюки... К девкам чистенько оделись, этот в морской форме, одеть нечего было, так в морской форме и женился! И шли-шли, яма метра три, так это – у-у! и баян так а-а, в яму улетели обои! У нас простые баяны. А один он мне на трицать лет. Полетел на самолёте в Хабаровск и привёз баян! Немецкий баян, хороший, красный такой, как аккордеон! И вот этот баян кругом! На-а сва-адьбе или где, я строго: наволочку такую большую белую сшила, туда в наволочку завяжу, за ним слежу, потому что дорогой! Корову пришлось продать и баян купить!

– *Такой дорогой?*

– Тогда он стоил четыреста семисят рублей, а корова стоила всего пятьсот, поняли?! Хорошая большая корова – пятьсот рублей стоила! А ещё слетал туда самолётом, оттуда самолётом, тоже же... и как раз получилась корова! Проездили туда и обратно.

«А раньше про любовь-то не знали, чё говорить...»

*Петрова Мария Ефимовна, 1930 г. р.,
с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Трунова М., Хлебникова О., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2013 г.*

– *А вот на тырло когда сходились, сходились э... какие вот, возраст какой был у молодёжи?*

– Ходили, ой, да и-и, по вос... по семна-адцать лет.

– *Ну то есть на тырла не ходили те, кому двенадцать лет?*

– Не-е, не-не. Да ну, пустют! Я уже с первым мужем дружила, уже в сорок восьмом году дружила, и-и то не пускали. Дверь закроют вот, тую дверь вот, сидишь, на крючок закрывали, а потом, были вот так вот скобки забиты ешо, и палку вот так закрывали! И скажут: штоб заря ни стухла, штоб дома были, была. А раньше часов-то не было! А когда она, заря, стухнет?! Там прохочешь, просидишь да и готово. Вот. Помню, как раз просидели прохотали, аҫа, я, Лида Кушнарёва, а-а Таня Терентьева... Да нас, ну, много там человек, наверно, пятнадцать было. Ребя-ята, это круг печки вот так все сели, печка топится и сидели. А раньше про любов-то не знали, чё говорить, про работу говорили. Вот дверь открывается, а-а етот, жирник-то этот горит. Дверь открывается, отец заходит, а у него раньше были унты лосяные, с оборками, а он с бичом заходит. О-ой, мы сразу – хоп! потушили, хто куда! Как же, ну, потом домой-то идти? Аҫа, домой... но надо ити! Ну и чё ж? Хотели мы, э-э... а тут через дорогу подружка жила, эта, Терентьева Таня. «Ну ладно, пойдём, у нас ночуешь, на крышу залезем и поспим». А я говорю: «Я утром приду, ешо хуже будет!» Пошла... Мама открыла. А раньше вот, вот так же косяки были, раньше плёточка была уставлена там. Прутик и либо

ешо такое там, маленькое... Аҫа. Ну и чё, открыли. Тут был... придешь если вовремя, то на столе чё-нибудь мама накроет там, подьесть или чё. А эту... пришла, мама-то-о... тятя: «Ну-ка иди, – на маму, – иди w хату!»

– *Тятя это кто?*

– Ну, отец. Раньше же «папой» не звали, а-а «тятя».

– *А-а, ну и дальше что?*

– Ну и чё... Так от... отхо... отходил, што, однако, неделю на задницу не сядешь. И долго не ходили. А потом лето, опять пош... начáli ходить. Аҫа, а это, он (жених) меня проводит вот так, за угол, к воротам не подходили, за угол я говорю: «Я пойду домой, а то опять». Он: «Ну иди, а я буду стоять, если чё бить будут, я зайду».

– *Спасу, да?*

– Приду. Так вот было. А шичас им по двенадцать лет, оне, вот по пятнадцать лет, вот соседка и вот, через дорогу. Они уже с ребятами!

«Выходишь замуж – он глава семьи считается, вот!»

Гребенищикова Степанида Евстафьевна, 1927 г.р.,

с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.

Беседовали Галимова Д.Н., Скрябина А., 2006 г.

Обработала Лагута Н.В., 2013 г.

– *А к вам приходили свататься?*

– А хто там? После войны какое, кака свадьба?! Ничем... ничё не было, ни обувь, ни оде-сть. А? Кака свадьба?! Го-о-осподи! Ничего.

– *А какие вот раньшe качества ценили в мужчинах? Вот какого мужа вы выбрали?*

– *(смеётся) Какого...*

– *Ну, что-то же ценили?*

– Да вот, через дорогу мы жили.

– *Всё? Может, он красивый был?*

– А?

– *Красивый был?*

– Да ничё. С армии пришёл, зубы золотые, здоровый. Привязался, привязался, вот и всё. Я щас вон кака, а раньшe-то кака была!

– *Красивая были?*

– Семён тут жил, да говорит: «Стешка, куда тебя и прёт?!». А я чего?! Я на ферме работала, чё там, сепарировала молоко. Хоть кружку пей, хоть две пей сливок.

– *А вот раньшe какого человека красивым считали? Какая должна быть девушка красивая?*

– Ну, кака? Как ото, в телевизере.

– *Ну нет, не как в телевизоре, а вот как раньшe? Вот люди говорят – красивая, вот почему красивая?*

– Ну, ну, на лицо красивая, видать.

– *Ну, она полной должна быть? Худая?*

- Да... есть и худые на лицо красивые, а есть и полные красивые. Всякие.
- *А волосы какие должны быть?*
- Раньше косы заплетали.
- *Одна коса была или две?*
- У нас мама дак две косы, вот сюда вот.
- *И завязывала, ой... закалывала. А волосы длинные были всегда?*
- У мамы не длинные были.
- *Она стригла их?*
- Не, такая была порода, недлинные.
- *А у вас были длинные волосы?*
- Да я по... те года стриглась, а это вон дак, осталось одна часть, повылезли. <...>
- *А мужчины красивые – это какие? Они должны не пить, не курить?*
- *(смеётся)* Для нас-то хорошо это, не курить да не пить.
- *А что ещё хорошо для нас?*
- Жалеть. Жалей и щас пожалей.
- *А мужчина должен быть трудолюбивым?*
- Ну а кого же?! Чё, лодыря держать? *(смеётся)* Он должен семью сохранять. Кормить.
- *Так в семье должен главным быть мужчина, да?*
- А счас этого не понимают. Счас: «Ой, я-а! Куда там! А он та-ак!». Вот само главное, выходишь замуж – он глава семьи считается, вот! А щас... Щас баба верх держит!
- *А раньше так неправильно было?*
- Да. Раньше такого не было. Раньше был хозяин. Я-от помню, тут, через дома, Павловы жили. Дед с бородой. Он как рявкнет, рявкнет, дак трусы забудешь!
- *Так мужчина строгий, да, был?*
- Ага. О-ой, ну чё?
- *А в женищинах какие качества ценились? Она какой должна быть? Чтоб хорошей женой быть и хозяйкой?*
- Работать надо, делать надо!
- *А красивой она должна быть?*
- Как-то ў телевизере было, чтоб муж любил тебя, ты должна чистенька ходить возле кухни или там платочек беленький должен быть, фартучек у тебя должен быть. Вот.
- *А ещё что?*
- Чё б мужик любил. Ну, и ласку, мужуку ласку не будешь, он...
- *А вот раньше люди разводились? В старину?*
- Не.
- *А почему нет?*
- Даки дети пошли.
- *А не изменяли, гуляли с другими?*
- Не-ет. Кого нагулять?! Трое детей, работа, огород.

«Раньше держали знаешь как в руках!»

Гребенищикова Степанида Евстафьевна, 1927 г.р.,

с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.

Беседовали Архипова Н.Г., Скрябина А., 2006 г.

Обработала Лагута Н.В., 2013 г.

- Наши родители стояли с палками, дескать, скоро придут, нет?
- *А что, строгие были?*
- Да-а. Раньше держали знаешь как в руках! Меня мама дак палкой била!
- *А что?*
- Что сидела с этим, с лейтенантом!
- *Да вы что! Ну, расскажите как?*
- Ну, оне же тут были, солдат, их много тут было. Ну, и один вот привязался ко мне. Придём, вот сядем коло дома, а она уже выходит с палкой! Уже чуть стемняется, чтоб дома была!
- *А почему?*
- Мы так... Маленько про это, не придёшь вовремя, получишь палкой!
- *Не разрешала с ребятами, да, гулять?*
- Не. Каждая мать.
- *Ага. Ну, сейчас-то можно. Ну вообще родители строгие были?*
- У нас отец нет, а мать...
- *А вот в чём строгость проявлялась?*
- Ну, она вот, у ей вот ремень был под поясом. Один раз чё-то провинились, а҃а, а она, хто кого успеет, за волоса, вот сюды голову (*нрзбр*), по́дол от так задерёт и пошла! Не побегишь никуда лишний раз (*смеётся*)!
- *А за что наказывали?*
- Ну, что-нибудь пробегаем, не выполним задание, вот и...и получим!
- *А что нужно было делать? Что дети делали?*
- Ну-у, чё-нить заставят полоть либо помыть, а мы пробегаем, ото и получим! <...>
- А раньше приходили, у нас до-олго сидели ребята.
- *А когда сидели, песни пели, да?*
- Да ну! Песни! Сидели, разговаривали про своё, про своё.
- *Как, вот просто сидели и разговаривали?*
- Ну, ў их найдётся, то за работу, то-о... ў их находится.
- *Так а там же и любовь, наверно, была, да? Там же кто-то кому-то нравился? Знакомились как раньше? Там же, чтобы замуж выйти, надо как-то понравиться?*
- Ну, дак это самое, были. Маруся, Маруся с Семёном дружила, приходила сюда тоже к нам.
- *Мать разрешала дружить?*
- Ну дак, конечно, аборт сделала от него то(г)да!
- *А тогда же нельзя, вы ж говорите, строгие родители были?*
- Ну, у их отца не было, у ней, мать только. А мать сама така была.

- А что не поженились они?
- Поженились. Она скоко, четырёх родила и рак желудка, и умерла.
- А ваша вот мама, говорите, строгая была ваша?
- Мама наша строгая. Отец не, а мама строгая!
- А как она вот, вы замуж выходили?
- Не-е. Ко(г)да понравился – иди!

«...жили в одном и каждому распределено!»

*Лазарева Ирина Антроповна, 1931 г.р.,
с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Галимова Д.Н., Степанова И., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2013 г.*

- А у нас-то уже большая семья была, на той...
- А сколько человек?
- У нас четырнадцать человек было. И всего хватало, и любви, и согласия, и всего на свете. А щас-то, подумай-ка, если четыре. А мама рассказывала, у их и тётя, четыре невестки было, жили в одном. И каждому распределённо! А щас сведи-ка четыре, да они побьются в кроў!
- А как распределённо?
- Ну, одному неделю короў доить, одному хлеб печь, другому полы мыть, третьему в оуороде там. Ну, все по порядку было...а муж...
- А потом менялись, да?
- Да, а потом оне менялись, мама так у мене рассказывала. А-а мужчины уже, там покосы это, у их были же кони и, это, коро-оушки были, так вот у-увсём. Ну хорошо.

«Ой, я щас помню его! Хорош был парень!»

*Юдина Пелагея Григорьевна, 1930 г.р.,
с. Великокнязевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Демченко И., Бирик Е., 2006 г.
Обработала Лагута Н.В., 2013 г.*

- А как вы познакомились со своим мужем? С первым мужем как познакомились?
- Ну это, я девчонкой, ещё там, в Москве... Как вы знакомитесь? Так и мы... Дружили мы мало с ним... с пол... скоко...с полмесяца всего. Он давно за мной следил, я не хотела, чё-то он мне не нравился. А потом познакомились, полмесяца побыли и поженились. Но прожила я всего два года. Дочу нажила ещё, и мы разошлись. Ну, я, правда, развод не брала, и щас мы не в разводе. Он там себе живёт, а я тут. Я тут двоих уже женила, а он там, не знаю, скоко, мож, десяток. Как уоворят, ко(г)да дружишь – хороший, всё. Вот и мужики уоворят, вот ко(г)да дружишь с девчонкой, такая милая, такая хорошая, и улыбчивая, и ласковая, но ко(г)да женишься, в других, уоврить, летать и доски, и качалки, и всё. И всё на уолове, уорьть! Это как нярусский и украинка поженились, он уоворит: «Знаешь, дивчино, якый

у нас порядок?», это грузин. А она: «Який?» – «Если я пришёл, у мэнэ будэ тибетейка вот так, значит, я хорош. Если моя тибетейка будэ вот так, то, мол, тюкай! Я злой!». Она: «Ну и хорошо! А тэпэрь слухай, якие у нас порядки на Украіне! Если у мэнэ руки буйть вот так, то знай, будэ и борщ, будэ и каша, будэ всэ, и ласки. А если руки будут у мэнэ вот та-ак, то лучше беи сразу с хаты! Вот так! Вот у нас законы такие!» Тоже беи и-и не оулядывайся. Вот так вот, закон! Всё бывает. Да. И зло, и всё... Да так он у меня, мэнэ-то, конечно, не бил, шоб есть вон и бьют, үня-ают. Так-то не-е. Но а я за то, шо он с друими таскался... Ну, а я кому? Мне не понравилось.

– *А как вы узнали об этом?*

– Ой, да чё, не знают люди?! Ну как? Прие(з)жает с работы, он машинистом работал, одевается, собирается и уходит. И бывает, до утра. А бывает, по два дня нету, вот! А я-то сижу. Ну а потом уже дошло до тоуо, шо я уоворю: «Да пошёл ты!», уоворю. И взяла его то(г)да, и бросила, и ушла.

– *Он вас так легко отпустил, не держал?*

– Ну, он уоворил, шоб я писала. Я уже даже в Хабаровске была, и то писал, шо, прие(з)жай или я приеду за тобой, мол. Не-е, я уоврю, не надо! Вот так и эт...и разошлись, я уехала оттуда. Может, конечно, помирились, если б я не уехала, а я уехала оттуда. Я такого не моуу, не хочу переваривать: там үде-то лазить, лазить, а потом со мной! Не-е-е! А туди ещё те үода, знаешь, заразных мноуо было людей, и СПИД был (*нрзбр.*). А он-то лазил-то он везде, и так разошлись.

А я уоорю, есть үода-ами дружат, ну я с одним была так два үода, военным. Мобилизовался. Ой, я щас помню еуо! Хоро-ош был парень. Лейтенант. Два үода мы пробыли с ним, а я не схотела с ним ехать. Собирались хотя тожа... А вон, үыть, скоко у вас детей, девок забирали, и үлядишь, то бросил, то ето...Приежьжаєте к нему, а там жена встречает, вот. У нас скоко поворачивалось детей, девок! Заберут, а оттуда, үлядишь, приезжают. Вот. А у её там, приежают, а там жена! О! И всё, и вворачиваются. Скоко у нас (*нрзбр.*). Вот так. Всё было.

– *А вы любили первого мужа?*

– Я? Да как тебе сказать? (*нрзбр.*), а тут ещё доча родилась, думаю, куда теперь? Вот. Не очень.

– *А вообще любили по-настоящему? Из всех троих мужей кого больше любили?*

– Ну, я любила это же, Кольку. Это лейтенант. Два үода была с ним. Само дольше. А с теми я пома-алу была.

О – ОС

ОБА́БОК, -а; м. 1. Гриб подберёзовик обыкновенный – *Leccinum scabum* (Fr.) *Үрибы были подосиновики, подберёзовики, а потом он уже вырастает – дедушка называл обабок. Он похож на подберёзовика, на подосиновика он не пойдёт* (Макс. Окт.). *Обабки вот это. Да мы с тобой их срывали. Тут обабки да белые грибы. Да вот, белый гриб какой-то. Нет, это обабки. Вот это белый* (Светил. Бел.). *Тут много грибов. Тут и обабки. Ну, там они, как тебе сказать? Ну, гриб да гриб – подберёзовик. Ну, гладкий такой, а сверху светленький. Чистый, ножка белая такая, его можно жарить* (Чаг. Окт.). 2. Гриб подосиновик – *Lesccium*. *Ну, Үрибы тут, уже в Иваноўке, ну, вот эти, как их, лисичка, потом опять булы и обабки, обабки звали мы их. Они как рыжики, токо она ўот така толстая ўся, эта шляпка толстая* (Варв. Окт.).

АС +

ОБВЕНЧА́ЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Предназначенный для венчания; подвенечный; *Свадьба была, но обвенчального платья не было* (Черн. Своб.).

АС –

ОБГОРНУ́ТЬ, -ю; -ишь; сов., **ОГОРНИ́ТЬ**, -ю; -ишь; сов. Взрыхлив вокруг землю, привалить влажную почву к нижним частям растений; окучить. *Тожe людей наняла тут я таких хороших, что вижу, коли они конём обгорнули, ой, хорошо* (Преобр. Окт.). *Пойду я ещё куста два там оґорню иль пополю беґом, беґом* (Комиссар. Бел.). || Ср. **ОБГУРТА́ТЬ**, **ОГРЕБА́ТЬ**.

АС –

ОБГУРТА́ТЬ, -ю; -ешь; сов. То же, что **ОБГОРНУ́ТЬ**. *Полола я сама, садила – людей нанимала, обгуртали – тожe людей наняла* (Преобр. Окт.).

АС –

ОБДЕ́ЛЫВАТЬ, -ю; -ешь; несов. Обрабатывать, готовить к использованию (о земле). *Ужe огород обделывать не могу* (Черн. Своб.).

АС –

ОБДРЫНКОВА́ТЬ, -кую; -куешь; сов. Покрыть стены, потолки материалом, имеющим вид очень длинных колотых деревянных досочек – дранок. *Я говорю: «Давай, строй мне кухню». Он построил. Я её обдрынковала, обмазала. Да, обдрынковала, чтобы глина держалась, штукатурка* (Урал. Шим.).

АС –

ОБДУ́ТЬ, -ю; -ешь; сов. Обмануть. *А сразу как американцы появились, приехали, о-о-о, тут сразу оґненную воду дали, а он, дурак, не знает, что потом опьянеет, и ему весело, пока, конечно, совсем вот их обдуют* (Могил. Арх.).

АС –

ОБЕ́ДНИЙ, -ая, -ее. Обеденный. *На поле приедем в обеднее... перерыв, обедаем* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

ОБЕЗБО́ЖЕННЫЙ, -ая, -ое. Живущий безнравственно, вопреки божьим заповедям. *Вот напротив дом, там бичи живут. У них ни свету нет – свет обреза́ли. Пьют, как обезбоженные* (Светил. Бел.).

АС –

ОБЕРЁНОК -а; м. Количество поленьев, уместающееся в обхвате рук. *Сто дров,*

оберёнок набираешь, заносишь, ставишь (Зел. Бор Мих.)

АС –

ОБЕСПЕЧИТЬСЯ, -чусь; -ишья; сов. Родить ребёнка вне брака. *У нас одна только обеспечилась Лида. Родила – он её обманул* (Могил. Арх.).

АС –

ОБЖЕНИТЬСЯ, -юсь; -ишья; сов. Вступить в брак; пожениться. – *А поженились здесь? – А обженились здесь* (Н.Иван. Своб.).

АС –

ОБЖИВАТЬСЯ, -аюсь; -аешья; несов. Обзаводиться необходимым для жизни хозяйством. *Ну, начали обживать: кто коров купил, кто коня купил* (Косиц. Тамб.).

АС –

ОБЖИМШИ, нар. О наличии совместно нажитого хозяйства. *А мы с бабушкой делали свадьбу, мы уже маленько обжилиши были* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

ОБЖИТЬСЯ, -вусь; -вёшья; сов. См. **ОБЖИВАТЬСЯ**. *Ой, раньше, раньше, вот как мы сюды приехали, мы обжилися. Две коровы у меня было, три чушки, два быка* (Толст. Тамб.).

АС –

ОБЗЛОБЛЕННЫЙ, -ая, -ое. Озлобленный. *Такой народ стал озлобленный* (Черн. Своб.).

АС –

ОБЗЫВАТЬСЯ, -аюсь; -аешья; несов. Откликаться на зов; отзываться. *«Коля, Коля! – звала его. – Принеси мне водички». А он не обзывается. Поползла к нему, а он застыл, умер с вечера* (Ин-ка Арх.). *Я пацанка, он хоть бы обозвался, ну, сказал: «Вера, ты там скоро?». Или пришёл да помог* (Ин-ка Арх.).

АС –

ОБИРАТЬСЯ, -аюсь; -аешья; несов. Очищаться, перебирая перья (о домашней птице). *Ну, вот когда курица обирается так, чистится, вот говорят: «К дождю. Дождь будет»* (Ин-ка Арх.).

АС +

ОБКОВАННЫЙ, -ая, -ое. Обитый железом; окованный. *Крепкие сани, вкованные, видите, железом обкованные, крепкие, хорошие сани, прекрасные* (Урал. Шим.).

АС –

ОБКОЛЬЦЕВАТЬ, -ую; -ешь; сов. Покрыть, обмазать чем-нибудь по кругу, со всех сторон. *С талы сделали домик, мазали его. Да этот дед не дал сыну, а дал в колхоз четыре амбара. Дак сын выказывал ему: «Вот, тять, ты не дал нам дом, он же такой хороший амбар был. Мы б его обкольцевали»* (Разд. Тамб.).

АС –

ОБЛАКАТ, -а; м. Адвокат. *Надо тысячи три облакату деньги* (Зел. Бор Мих.).

АС –

ОБЛЕНТЯЛИТЬСЯ, -люсь; -лишья; и **ОБЛЕНТЯТЬСЯ**, -тюсь; -тишья; сов. Стать ленивым; облениться. *Я раньше всё пела, а теперь облентялилась* (Разл. Своб.). *Я раньше на Пасху шанежки пекла. Я раньше всё пекла, а сейчас облентялась* (Черн. Своб.).

АС –

ОБЛЕНТЯТЬСЯ, -тюсь, -тишья; сов. См. **ОБЛЕНТЯЛИТЬСЯ**.

АС –

ОБЛИГАТ, -а; м. Ценная бумага; облигация. *Ещё в войну налоги платили: колхозный и военный. Облигаты подписывали* (Черн. Своб.).

АС –

ОБЛОМЁННЫЙ, -ая, -ое. Крупный (о ягоде); то же, что рясный. *Обломенная*

ягода! Из Германии завезли. Рясная, крупная такая (Песч. Окт.).

АС + (обломная)

ОБЛЯПЫВАТЬ, -ая; -аешь; несов. Покрывать чем-либо вязким; обмазывать. *Стайки делали. Белоберёзник рубили и плели частокольную, а потом урязью или там землёй и ужиной обляпывали (Комиссар. Бел.).*

АС –

ОБНАКНОВЁННЫЙ, -ая, -ое., **ОБНАКОВЁННЫЙ**, -ая, -ое. Обычный, обыкновенный. *Ну, какая шапка? Обнакновенная. Ну, простая такая шапка, сшитая из сукна (Могил. Арх.). Папоротник обнаковенный. Папоротник цветёт на Иванов день (Гащ. Своб.).*

АС –

ОБНАКОВЁННЫЙ, -ая, -ое. См. **ОБНАКНОВЕННЫЙ**.

АС –

ОБОЖГЁННЫЙ, -ая, -ое. Обожжённый. *Вы в гончарке горшков каких набрали, обожгённых? (Черн. Своб.). Ну, и один раз, значит, солдаты обнаружили, возле деревни лежитдохлый скот, обожгённый, или больной был, или как, или може быть пал (Сыч. Своб.).*

АС –

ОБО́РКИ, -ок; мн. Тонкая веревка из волокна конопля, используемая как шнурки. *И вот стоишь, крутишь жменю этой конопля. Привязывишь и крутишь, крутишь верёвку. Вот накрутил на один кручок, на друиый, потом ее соединяешь. Это оборки назывались, вот верёвочка тонка такая (В. Урт. Конст.).*

АС +

ОБОРТО́ВОЧКА, -и; ж. Боковая стенка кузова грузовой машины. *Я не видела, что он сидел в кабине. Я замёрзла, встала на колесо и на обортювочку (Сагиб. Арх.)*

АС –

ОБОСНОВА́ННЫЙ, -ая, -ое. Основанный. *Так она (деревня) обоснована ещё в восемьсот каком-то году (Великокняз. Бел.).*

АС –

ОБОСНОВЫВАТЬ, -ю; -ешь; несов. Положить начало чему-н.; основывать. *Как обосновывали Дальний Восток? Ёсе почти оттуда, Запада, ёсе Запада переселенцы были (Серебр. Своб.).*

АС –

ОБРА́ТНО, нар. Опять. *Там пошла одна деревня, там обратно третья, и так они идут и идут, и можешь ехать пятьдесят километров (Белояр. Маз.).*

АС +

ОБРОСИ́ТЬСЯ, 1 л. ед. не употр.; -ишься; сов. Стать мокрым от росы. *А мы пойдём, шесть часов нету. Пойдёшь, вот так обросишься, пока коня поймаешь (Ин-ка Арх.).*

АС –

ОБРУ́БОВАТЬ, -ую; -уешь; несов. Очищать ствол спиленного дерева от веток и сучьев; обрубать. *В лесу сразу стелят. Вот эти сучки, всё, всё, всё обрубовали (Урал. Шим.).*

АС –

ОБРУ́ШИТЬ, -у; -ишь; сов. Сделать чистым по составу; очистить. *Она, крупа гречневая, серенькая такая, вот это её уже обрушили, она сама-то чёрная (Краснояр. Маз.).*

АС –

ОБРЫ́ЖИК, -а; м. Оборка из лёгкой ткани или кружева; волан. *Кохточка вот так, например, а тут с обрыжиком. Это вот называлось, это как волан, знаете, кроится вот так, вот здесь вот (Кас. Арх.).*

АС –

ОБСОЮ́ЗАННЫЙ, -ая, -ое. Обшитый по краю подошвы; окантованный. *А потом*

тапочки были – просменки. Да, они были беленькие, обсоюзаны вот так вот голубым (Краснояр. Маз.).

АС + (обсоюзить)

ОБСТАНАВЛИВАТЬ, -аю; -аешь; несов. Обустраивать, приводить в порядок. *Ну, и пришла, и тут, правда, дом разбитый был. Я сама обстанавливала этот дом* (Гильч. Тамб.).

АС –

ОБУ́ВКА, -и; ж., **ОБУ́ТКА**, -и; ж. 1. Обувь. *Я до семнадцати лет на своей собственной ноге и не имела обувку, нет, не имела* (Краснояр. Маз.). *Жизнь трудная была, одевались плохо. В детстве у меня обувка бедная была* (Черн. Своб.). *Мы же не видели обувки путние* (Дим Мих.). *Да, там девочки всякое гадали на Новый год или там ещё на какие-нибудь праздники. Придут, обувку через вагон бросит на ту сторону вагона* (Лохв. Бел.). *Двенадцать километров было, дак мы пешком туда и оттуда босы ноги, без ничего, без обувки. Честно вам, девочки, увору* (Великокняз. Бел.). 2. Обувь, изготовленная в домашних условиях. *И вот из этой кожи делали обувки* (Краснояр. Маз.). *Зашнуровываешь шпатель и надеваешь на ноги, завязываешь, это у нас обувки летние были. В их ходили* (Заг. Сел. Своб.).

АС +

ОБУ́ТКА, -и; ж. См. **ОБУВКА**.

АС +

ОБЧЫ́СТИТЬ, -щу; -ишь; сов. Освободить от кожуры, оболочки; очистить. *Картошку обчистишь, разве выкинешь як туда?* (Дим Мих.).

АС –

ОБША́ННИК, -а; м. Специальная постройка для зимовки пчёл; омшанник. *Мы*

и обшанник держали. Сарайчик такой, пчёлы там живут (Светил. Бел.).

АС –

ОБШИКАТУ́РИТЬ, -ю; -ишь; сов.; **ОБШИКАТУ́РЕННЫЙ**, -ая, -ое; прич. страд. прош. Покрыть слоем штукатурки; оштукатурить. *Срубленные дома, тока снутри всё обшикатурено, а у кого жена обшিকা-турила, побелено* (Кас. Арх.).

АС –

ОБШЫ́ТЬСЯ, -юсь; -ёшься; сов. Сшить одежду в достаточном количестве. *В ясли, правда, не ходили, потому что одевать-обувать было нечего. А потом-то уже маленько обшились* (Великокняз. Бел.).

АС –

ОБЪЕ́ДЬЕ, -ья; ср. Недоеденный корм; остатки сена. *Это объедье – это которое сено едят коровы, да не поедают* (Краснояр. Маз.).

АС –

ОВЕ́ЧЕК, -а; м. Самец домашней овцы; баран. *А потом уезжал, и ещё овечка зарезали* (Великокняз. Бел.).

АС –

ОВОДЬЯ́, -ёв; мн. Собирает. Оводы. *Оводья – это пауты. Вот эти большие, кусучие* (Зиг. Своб.).

АС –

ОВЧА́РКА, -и; ж. Наименование работницы, ухаживающей за овцами. *Я пошла на работу возле овец. Кто говорит овчарка, что шо, ну, возле овец* (Варв. Окт.).

АС +

ОВЧЫ́НКА, -и; ж. Выделанная шкурка животного (овцы, зайца, кролика). *У нас отец бере, намоче холицовую эту полотняную тряпочку в тёплую воду, уорло это обкруте, наверх там из зайца или кролика оучинку замота. Хоть душа тебе раздуша кашель. Вот сколько там полчаса или час*

– всё. Всё – смотришь прошло (В-Урт. Конст.).

АС –

ОВЩУ́Х, -а; м. Дикорастущий овёс. По полю растёт, собирали так называемый овцух – дикий овёс. Собирали его, когда поспел. В ступу натолкёшь, посеешь (Сыч. Своб.).

АС –

ОГЛО́Б, -а; м. Жидкая закваска для теста; опара. Тогда этот поулядишь, оулоб начинает подходить, тогда месить его, хлеб (Гриб. Арх.).

АС –

О́ГНИК, -а; м. Народное название заболевания кожи лица в виде воспалившихся сальных желез. Огники могу заговаривать, если соскочил на лице (Чемб. Своб.). Арина лечила и вот огники, кожные эти болячки, вот у детей обычно было, блямбы эти (Костюк. Своб.).

АС +

ОГОРНѐТЬ, -ю; -ишь; сов. См. **ОБГОРНУ́ТЬ**.

АС –

ОГОРО́ДЧИК, -а; м. Уменьш.-ласк. к общерус. ОГОРОД. Я приехала, а дед уже огородчик посадил (Белояр. Маз.). Камнем, щебнем выкладывали заборы такие – огородчик загорожен (Белояр. Маз.).

АС +

ОГРА́ДКА, -и; ж. Огороженный участок земли с надворными постройками при отдельном доме; усадьба. У некоторых двор, а у нас оградка, шоб скот не зашёл, кому не надо. Это уородишь досками, тёсом (Краснояр. Маз.).

АС +

ОГРЕБА́ТЬ, -ю; -ешь; сов. То же, что **ОБГОРНУ́ТЬ**. Щас картошку уже огре-

бать или окучивать, кто говорит окучивать, кто огребать.

АС +

ОГУРО́ЧЕК, -ка; м. Уменьш.-ласк. к общерус. ОГУРЕЦ. Посеяла огурочки близко над водою. Сама буду поливать горькою слезою (Варв. Окт.).

АС –

О́ДАЛЬ, нар. На некотором расстоянии от кого-чего-нибудь, в отдалении. Одали – это дальше, вот туда, одали сделанные. Скажем, не вплотную к дивану, а до сих пор (Максим. Окт.).

АС –

ОДЕ́ЖА, -ы; ж., **ОДЕ́ЖЕЧКА**, -и; ж., **ОДЕЖѐНКА**, -и; ж., **ОДЕ́ЖКА**, -и; ж. Одежда. Насчёт одёжи – бедно жили люди (Комиссар. Бел.). А это тоже люди, но они безвредные, им лишь бы есть да одёжа (Великокняз. Бел.). – А чем раньше укрывались от дождя? – А ничем, кто чем, кто какую одёжу придумает (Краснояр. Маз.). Я сама не могу одёжи себе купить (Ин-ка Арх.). А теперь все одёжу себе хорошую требуют (Черн. Своб.). В него одёжу хорошу кладут, чисту (Черн. Своб.). Одёжа кака была? В уод одно то-ка платье пошьют и носят, не с чею было наряжаться (Черн. Своб.). Так врачи не Лёньку моего наряжали, а одёжу разглядывали, что сама вышила (Чемб. Своб.). Одёжа вся льняная была. А вот у меня совсем мало одёжи было (Чемб. Своб.). Час чем лучше? То, что китайцы стали снабжать одёжей (Великокняз. Бел.). А сейчас и одёжа бравая и всё. Раньше такого не было. Бедно жили, хорошего же ничего не видели (Н.Андр. Бел.). В распоряжении у него всё было: и продукты, и водочка да-же, и одёжа – всё (Жар. Тамб.). Бедно: у кого была одёжа, у кого не было (Костюк.

Своб.). *Одёжа была – тужурки* (Черн. Своб.). *А одёжу вот. Выйдет, говорит жених, давать, подавать вещи будет* (Разд. Тамб.). – *А зимой что надевали? – Такие одёжи носили, что фуфайку эту* (Гриб. Арх.). *У нас одёжки такой вот не было. Мы плохо жили, бедно. Детей-то много было* (Зиг. Своб.). *А одёжка у нас была ... Это в последнее время пошёл закупил. Тогда же нет* (Заг. Сел. Своб.). *Что-то такое старое, какая порвалась одёжинка* (Белояр. Маз.). *Старинный сундук. Девяносто, сто лет ему, этому ящичку. Это вон тот вот бабушкин, бывало, всю свою одёжечкуложила* (Н.Андр. Бел.).

АС –

ОДЁЖЕЧКА, -и; ж. См. **ОДЁЖА**.

АС –

ОДЕЖИ́НКА, -и; ж. См. **ОДЁЖА**.

АС –

ОДЁЖКА, -и; ж. См. **ОДЁЖА**.

АС –

ОДЕРВА́ТЬСЯ, -усь; -ёшься; сов. Отделиться от большинства при движении; потеряться. *Ваши коровы? – А не, це опять одервалыся, а вон за нима пауть, им дыхат нечем* (Максим. Окт.).

АС –

ОДЕЯ́ЛКО, -и; ж. Уменьш. к общерус. ОДЕЯЛО. *А я их принесу, на одеялку стареньку, расстелю на оґороде, их посажу.* (Комиссар. Бел.).

АС –

ОДИНА́КИЙ, -ая, -ое. Одинаковый. *Белорусы и украины одинакие наряды. Красные были, зелёные были* (Могил. Арх.).

АС –

ОДИНО́ЧЕК, -а; м. Рыболовная снасть. *Одиночек поставил, где вперёд клюнет, там и снимаю* (Черн. Своб.).

АС –

ОДНОВЕСЁЛОЧКА, -и; ж. Лодка с одним веслом. *Он плавал на лодке с вёслами. И то на такой одновесёлочке* (Урал. Шим.).

АС –

ОДНОВРЕМЁННО, нар. Одновременно. *Варим чушке, и одновре́мню там бочка стоит* (Урал. Шим.).

АС –

ОДНОКОЛÉНКА, -и; ж. Лодка. *На глубину плавали в одноколенке с греблями* (Черн. Своб.).

АС –

ОДЮ́ЖИТЬ, -у; -ишь; сов. Справиться с болезнью; выздороветь. *А он и пищит, и пищит. Я молитву прочитала, он и одюжил. А так бы и подох* (Комиссар. Бел.).

АС –

ОЗА́ДКИ, -дков или -док; мн. Отходы при обмолоте зерна. *Озадки, вот это сортируются, зерно то чисто зерно, а то отсортируют – тама и трава, всё тама* (Сыч. Своб.).

АС +

ОЗВА́Р, -а; м. Напиток, сваренный из фруктов и корнеплодов; компот. *Она как напоролася озваром. А озвар – это такой яблочек, свёкла сахарная. И туда яблоки, вишни, ну, в общем все фрукты. Всё закипает, настаивается. Мы называем это компот, а по-украински называется озвар* (Максим. Окт.).

АС –

ОЗЁ́БКА, -и; ж. Травя с жёлтыми соцветиями, используемая для изготовления лечебной настойки. *Потом озёбка, озёбка – это вот жёлтыми цветёт и цепляется. Её тоже для аппетита пьёшь* (Ключи Бел.).

АС –

О́ЗЕР, -а; м., **ОЗЁ́Р**, -а; м., мн. **ОЗЁ́РЬЯ**. Озеро. *Вон, поди, озер есть, он зелёный*

весь (Рощ. Тамб.). Съезжу на озёр, гальянов наловлю (Урал. Шим.). Ну, это там где-то... ну, это озёрья, озёра (Ин-ка Арх.).

АС –

ОЗЁР, -а; м. См. **ОЗЕР**.

АС –

ОКАЛЁЧИТЬ, -чу; -чишь; сов. Поранить, покалечить. Он окалечил ногу (Великокняз. Бел.).

АС +

ОКАЯННЫЙ, -ая; -ое. Грешный. Ну, видишь, так мы, они считают, мы православные, а они, как же они, ихна вера называется. Мы ж уже окаянные, мирские (Грибов. Арх.).

АС –

О́КЛА, предлог. Около; рядом с кем-чем. Ну, зашли мы до мауазина, а окла мауазина стоят два ведра нарватых урибов (Светил. Бел.).

АС –

ОКЛИМАТИ́ТЬСЯ, 1 л. ед. не употр.; -ишься; сов. Приспособиться к другому климату. Мы приехали, в первый год покамись оклиматились, поехали назад (Н. Александр. Окт.)

АС –

ОКЛУ́НОК, -а; м. Небольшой мешок. Я как оклунок какой-то упала. – А оклунок это что? – Ну, полкуля (Краснояр. Маз.). Это полмешка примерно. Он так и называется – оклунок. Я не знаю, почему называется (Великокняз. Бел.).

АС –

ОКОЛУ́ПЕВКА, -и; ж. Стог сена из десятка и более снопов. Копны – околупевки назывались. Это копна, это полосы там, ой, я забыла, сколько снопов, наверно, пятнадцать в этой, в околупевке (Зел. Бор Мих.).

АС –

ОКО́НОЧКО, -ка; ср. Уменьш.-ласк. к общерус. ОКНО. Смотри, вон, вон улубенький оконочки. (Комиссар. Бел.).

АС –

ОКОРА́ЧИВАТЬСЯ, 1-2 л. ед. не употр.; несов. Останавливаться, замедляться (о ритме сердечных сокращений). Ну, вроде маленько лучше! А то сердце у меня окорачивается, мне так плохо, мне так плохо (Комиссар. Бел.).

АС –

ОКРА́ЙНА, -ы; ж. Окраина. Я вот живу на окраине, а улица, которая на Октябрьской, така там (Урал. Шим.).

АС –

ОКРОВЛЁННЫЙ, -ая, -ое. Испачканный кровью; окровавленный. Они из Уермании боуатство привезли. Оно там нужно то богатство? Одеялы окровлённые, шапки... (Зел. Бор Мих.).

АС –

ОКРУ́ЧИВАТЬ, -ю; -ешь; несов. Совершать свадебный обряд смены головного убора невесты. Невесте одевают фату, а потом её окручивают, вместо фаты платок одевают (Чернов. Своб.).

АС –

ОКСТИ́ТЬСЯ, 1 л. ед. не употр.; -ишься; сов. Умерить пыл; одуматься. Мы когда ругаемся, то говорим: «Да окстись же ты». Это значит, одумайся, успокойся (Урал. Шим.).

АС –

ОКУПА́ТЬ, -аю; -аешь; сов. Омыть новорождённого. Ну, а он идёт на обед, уже обедать. А я как раз родила, одна, никого. И я окупала её сразу (Гильч. Тамб.).

АС –

ОКУ́ПЫВАТЬ, -ваю; -ваешь; несов. Вспахивать землю для каких-либо целей.

*Немцы там прямо копали землянки, оку-
пывали всё-всё (Заг. Сел. Мих.).*

АС –

ОКУ́ЧНИК, -а; м. Тот, кто занимается
окучиванием растений. *Завтра придут
окучивать, она наймёт, окучники будут,
молодые пусть работают (Краснояр.
Маз.).*

АС –

ОЛА́ДИКИ, -ков; мн. Оладьи из картофе-
ля. То же, что ДРАНИКИ. *А с картошки с
тёртой оладки такие (Желтояр. Маз.).* ||
Ср. **ДРАНИКИ**, **ДЕРУНЫ**, **КАРТО-
ФЛЯНИКИ**, **ЛАПУНЫ**.

АС –

ОЛ́ЙЙ, -я; м. Растительное масло. *Бабуш-
ка мне говорит: «Иди, Тася, там олия мне
принеси». Це ж масло растительное
(Ник.-Алекс. Окт.).*

АС + (олéй).

ОЛÓЧИ, -ей; мн. ч. Самодельная обувь из
выделанной шкуры животного. *На ноуах
это олочи шили. Вот уже убивают коз, да
разных, выделывают эти шкуры, вот из
этих шкур такие, но они некрасивые, но
удобные, в них легко – олочи (Саг. Арх.).* ||
Ср. **МОРШНИ**.

АС +

ОЛЬЯ́Н, -а; м. Мелкая озерная рыба; голь-
ян. *А щас, в основном, как озёрные в по-
следнее время – ротан, ольян появился
(Великокняз. Бел.).*

АС –

ОМОЛОКА́НИТЬСЯ, -юсь; -ишься; сов.
Принять молоканскую веру. *Вот оттуда
он приехал, дедушка – мамин отец. Ну, они
здесь омолоканились (Толст. Тамб.).*

АС –

ОНДА́ТР, -а; м. Полуводное животное-
грызун с ценным тёмным мехом; ондатра.
Десять минут без воздуха ондатр дю-

*жит, потом задыхается, тонет, что ль
(Урал. Шим.).*

АС –

ОНУ́ЧКА, -и; ж. Тканное из остатков ове-
чьей шерсти полотно для обмотки ноги;
онуча. *Конечно, наматывали. Назывались
онучки. У каждого в доме стоял станочек,
ткали шерсть овечью. Первая шерсть ...
А уж вот эту шерсть, она уже плохая, не
вязали – как полотенце на станке ткали
(Кас. Арх.).*

АС –

ОПА́ЛИВАТЬ, -аю; -аешь; несов. Очи-
щать от сорняков; пропалывать. *Мы кар-
тошку опаливали и огребали сами (Чернов.
Своб.).*

АС –

ОПА́РНИЦА, -ы; ж. Небольшая емкость
для замешивания теста. *У нас была опар-
ница – это маленькая, а большая – это
квашня. Вот опару ставили, ауа, когда вот
процедишь уже, там же много получает-
ся, то это уже в этом квашня называется
(Гриб. Арх.).* || Ср. **ДЕЖА**.

АС +

ОПÉТЬ, нар. Опять, снова. *Пришли два
мужчины давление мерить. У меня двести
двадцать. Кошмар! На второй день при-
ходить – опеть у меня двести, двести
двадцать (Толст. Тамб.). Ниуде еуо нету,
опеть километра два или три проехали,
опеть он пошёл, дедушка с отцом. Опеть
поискали по всем возам – нету (Светил.
Бел.).*

АС +

ОПÉЧЕК, -а; м. Деревянное или каменное
основание печи. *А это опечек вон, печка
стоит на этом. Опечек, потому что фун-
дамент щас на бетоне. Тогда опечек
назывался, а это на чурках делается. То-
гда опечек назывался, а щас фундамент.
Опечек назовёшь не ошибка (Белояр. Маз.).*

АС +

ОПИЙУН, а; м., **ОПИЎН**, -а; м. Сильнодействующий наркотик, получаемый из млечного сока опийного мака; опий. *А раньше давно оне, вот эти, мак, опийун собиралы. Щас же от это, наркотики называлися. Да-да, вот это макоўка, прорижуть и от это молочко и собиралы* (Варв. Окт.). *Опиун, опиун. Сеяли мак, и уоловки вот эти вот вырастали маковые. Они их обрезаю, когда шио зелёные только. Поспеют – тогда не возъмёшь мак* (Комиссар. Бел.).

АС +

ОПИЎН, -а; м. См. **ОПИЙУН**.

АС +

ОПЛЕТАТЬ, -аю; -аешь; несов. Обматывать; бинтовать. *Ну, щас у меня в прошлом году стали ноги болеть: во какое, чем я оплетаю* (Чаг. Шим.).

АС –

ОПО́РЧИВАТЬ, -аю; -аешь; несов. Избавлять от определенного оккультного воздействия на человека, от порчи. *Бывают и бабки такие, что они опорчивают – Снимают порчу? – Да* (Зел. Бор Мих.).

АС –

ОПОСЛЯ́, нар. После, спустя некоторое время, потом. *Ну, правда, деньги, сколь накопи, сейчас не выплатят, отдавали опосля* (Великокняз. Бел.). *Ну, все врачи, ну, я понял опосля, что каждый врач своё ж* (Великокняз. Бел.). *Это опосля уже, при Хрущёве стало легче* (Заган. Своб.).

АС –

ОПЭ́НЬКИ, -ек; мн. Грибы семейства рядовковых – *Avmillariella mellea*; опята. *Мать ещё, я нэ знаю, где она их рвала, опэньки называют. – Опята? – Их звали опэньки* (Макс. Окт.).

АС –

ОРГАНИЗА́ВЫВАТЬ, -аю; -аешь; несов. Организовывать. *Тогда жеть колхозный*

праздник организовывали (Великокняз. Бел.).

АС –

ОРКЕ́СТ, -а; м. Оркестр. *Там был духовой оркест* (Ин-ка Арх.).

АС –

ОСА́БЬЯ, -и; ж. Кушанье из ливера. *Ну, да як уже стали лучше жить, чушки держали. Так картошка и печёнка – осабья называется. Печень, сердце, там всё вместе* (Ник.-Алекс. Окт.).

АС –

ОСВОБО́НЯТЬ, -ю; -ешь; несов. Освобождать от чего-либо; очищать. *Ураган был, столбы все повалилися. Деревья лежат, все с корнями. И все лежат вот так. Дорогу освобоняют и на бока всё сталкивают* (Комиссар. Бел.).

АС –

ОСЭ́НЕШКА, -и; ж. Прославляющая песня, исполняемая во время рождественских праздников; овсень. *А на Рождество ходили, осенешку пели. Я счас расскажу сперва, как мы ходили, славили. Двенадцать часов ещё нету, и пошли, вот у коуо огонёк идём туда, заходим, нас трое, начинаем славить* (Дим Мих.).

АС –

ОСЭ́РДИТЬСЯ, -жусь; -дишься; сов. Рассердиться. *Я этот уод не садила, те уода посажу – поворують. На второй уод не стала садить, осердилась* (Белояр. Маз.). *Я не неё осердился сегодня за её медлительность, а она меня обедом не стала кормить* (Урал. Шим.).

АС –

ОСЭ́СТЬ, 1-2 л. ед. не употр.; сов. Сделаться слабым, немощным. *Всё время лежала, на улицу никуда не хожу, так у меня ноги осели* (Чаг. Шим.).

АС –

ОСКЛІЗНУТЬСЯ, -нусь; -нёшься; сов. Оступиться на скользком месте; поскользнуться. – *Ты что осклизнулся? – Нет, у меня ноги отказали. Вот и упал* (Комиссар. Бел.).

АС –

ОСЛАВИТЬ, -лю; -ишь; сов. Распространить дурные слухи о ком-чём-нибудь. *Подарить, да так же подарить шоб, шобы ни ославили тебя. Ну, ославили – осудили, осудили вот: ты такая, ты сякая* (Белояр. Маз.).

АС –

ОСЛОБОДИТЬСЯ, -жусь; -дишься; сов. Освободиться. *Квартиры не было, потом под низом там вот, где склад, ослободился дом* (Могил. Арх.).

АС + (ослобониться).

ОСТАВИТЬ, -лю; -ишь; сов. Утратить; лишиться. *А там один мужчина, у него уже четверо детей. Он пришёл без руки с*

войны. Он там оставил руку свою (Урал. Шим.).

АС + (другое значение).

ОСТОГРАММИТЬСЯ, -люсь; -ишься; сов. Выпить сто граммов спиртного напитка. *Ну, и это по сто грамм привозит или старишина, где самогон или чё достанет, остограммиться – хоть согреться* (Белояр. Маз.).

АС –

ОСТРОГА́, -и; ж. Одревесневшие части стеблей, получаемые как отходы при первичной обработке прядильных растений; костра. *Коноплю брали, потом мялки были. Сушили, мялками переминали. А потом на прялке пряли. Выминали это всё. Выбивали остроуу. Остроуой называлось* (Комиссар. Бел.).

АС –

КОГНИТИВНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

В разделе представлены статьи постоянных авторов, посвященные когнитивному осмыслению диалектной метафоры (статья Д.Н. Галимовой) и метеонимической сферы сибирских говоров как формы обыденного знания (статьи В.П. Васильева и Э.В. Васильевой). Стремление проникнуть в глубины познания мира, в те структуры, в которые оказывается облечено полученное знание о нем, движет лингвистами, работающими в русле когнитивного направления, и приводит к возникновению новых разделов когнитивной лингвистики, таких как когнитивная диалектология и когнитивная диалектография (В.П. и Э.В. Васильевы), свидетельствующих о накоплении информации и в какой-то степени ее безграничности даже во вполне определенном и ограниченном поле исследования, будь то диалектная метафора или метеоконцепт.

УДК 800.86/87; 003

Д.Н. Галимова

ФРАГМЕНТ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА АМУРСКИХ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ: МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ЖИЗНЬ – ДВИЖЕНИЕ»

В статье представлено описание фрагмента ценностной картины мира жителей сел Амурской области, выполненное на основании анализа метафорических единиц. В качестве базовой ценности отмечена активная деятельность, ее значимость подчеркивается в высказываниях, связанных с работой, здоровьем и жизнью в целом.

Ключевые слова: метафора, миромоделирование, ценностная картина мира.

The article describes a fragment of axiological language mapping of the Amur region villagers which is based on metaphorical analysis. Energetic activity is distinguished as a basic value, its importance is supported by utterances relating to work, health, life.

Key words: metaphor, world modeling, axiological language mapping.

Ценностная картина мира индивида формируется под влиянием традиционной культуры, национальных стереотипов, моральных ценностей, передаваемых от поколения к поколению, и достраивается, корректируется в течение жизни под влиянием внешних и внутренних обстоятельств, обусловленных семейным, социальным, профессиональным положением человека, историческими и политическими факторами. Таким образом, ценностная картина мира содержит общее для представителей одной культуры и специфическое, обусловленное личным опытом человека.

В ценностной картине мира отражаются наиболее значимые для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [1].

Ценностная картина мира вербализована: в языке отражена система ценностей, моральные нормы, обычаи и установленные людьми принципы. Изучение лексических единиц помогает описать ценностные доминанты носителей языка. Так, например, выборка и анализ метафорических единиц позволяет реконструировать фрагмент аксиологической модели определенной референтной группы.

Материалом нашего исследования выступили записи речи старожилы сёл Амурской области. Поскольку анализируемые записи сделаны в относительно короткий временной промежуток (в течение 13 лет, с 2000 по 2013 гг.) и большая часть информантов – люди, рожденные в 20-30-е гг. XX в., можно утверждать, что реконструируемая метафорическая модель мира и воплощенный в ней фрагмент ценностной картины мира, с большой степенью точности отражают обыденные («наивные») представления целого поколения диалектоносителей, жителей Амурской области, в частности.

Ценность есть то, что для человека значимо, что определяет жизненные ориентиры его поведения и признается обществом как таковое. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, ценность тесно связана с оценкой, это положительная или отрицательная значимость экстралингвистического факта (во втором случае речь идёт об антиценности). Ценностная система отражает представления культуры о норме (ценности) и отступлениях от нее (антиценности) [2].

Анализируя метафорические единицы, отражающие интерпретацию диалектоносителями разных моментов их личной жизни, общественного устройства, мы отметили, что говорящие наиболее часто метафорически подчеркивают такую базовую ценность, как активная деятельная жизнь.

Рассмотрим некоторые подтверждающие нашу мысль высказывания.

Конкретизируя абстрактное понятие «жизнь», диалектоноситель интерпретирует ее как земное или водное пространство. В первом случае бытие человека осознается как направленное движение активного субъекта (*жизнь идти, пройти жизнь*) через глагол однонаправленного поступательного движения *идти* в переносном значении. Таким образом, жизнь интерпретируется как линейное движение от начальной точки в определенном направлении к определенному месту: «*Чё я знаю. Да **жизнь** от такую **пройшла**. Непокойную*». В представлении диалектоносителей человек проживает жизнь, как проходит (проезжает) дорогу, часть выделенного ему пути, то есть постоянное перемещение осознается как норма жизни. Результатом таких представлений является выражение *всю дорогу*, употребляющееся в значении ‘всю жизнь, постоянно на протяжении жизни’: «*Раньше сами пекли. Моя мать, покойница, у колхоз пекла. **Всю дорогу** пекли хлеб. Раньше в кажноу были печки*»; «– *Головные уборы как называли? – Головной убор как? Ну, я обычно в платочке **всю дороу***».

Помимо этого, интерпретация жизни как земного пространства, на котором обитает человек, предполагает, что живущий должен проявлять свою активность, чтобы обустроить свою жизнь. Метафоры, характеризующие такое поведение человека, выражены глаголами активного действия, значение которых указывает на качества, требующие больших физических затрат со стороны субъекта: «*Если хороший муж ещё попадётся, какой попадётся. Ну, если такой вот, можно **увернуться**, но это надо **крутиться** много*». Таким образом, подчеркивается значимость постоянного движения.

То, что жизнь интерпретируется как перемещение по водному пространству, также предполагает определенную активность со стороны «плывущего» (живущего). Однако ме-

тафор, отражающих норму жизни как спокойное плавание, при котором человек держится на поверхности и постоянно движется в выбранном направлении, в диалектном дискурсе мы не отметили, хотя в художественном тексте они присутствуют (см., например, [3]). Зато зафиксированы метафоры, характеризующие отступление от «гипотетической» нормы и отражающие отрицательную оценку «бурного течения жизни». Так, например, подтверждает возможность бытования в диалектном дискурсе образа жизни как перемещения по водной поверхности, а человека как корабля метафора *посадить на якорь*, используемая в значении 'Отстранить кого-л. от активной трудовой деятельности по состоянию здоровья': *«Жизнь моя проходила хорошо. Всю жизнь в работе. Доярка. А когда пришлось пенсию получать, то и... На якорь посадили»*, – прекращение движения расценивается как окончание активного существования, и в целом негативно.

То, что жизнь-движение по водной поверхности должно быть поступательным, косвенно подтверждает и метафора из следующего фрагмента: *«Вот там Маруся Брулёва жила. А у неё мужик такой, выпьет – дрался, ревновал её. Ну, она села и уехала куда-то туды вот. А он здесь бултыхается. Пьёт»*. Неустойчивое положение человека, проявляющееся в отсутствии постоянного места работы, постоянного занятия, крепкого дома, семьи, является отступлением от нормы, получает отрицательную оценку.

Одной из базовых ценностей для наших информантов является работа. Для абсолютного большинства представителей старшего поколения сельских жителей работа – это образ жизни, принятый с самого детства: *«Мы всю жизнь в труде были»*. Эти люди провели жизнь в непрерывном нелегком труде, не получая за это многого, но упорно продолжая трудиться и на работе, и дома. Работа и сейчас занимает основное место в их жизни, и понятия «работать» и «жить» для многих из них практически равнозначны: и то, и другое интерпретируется через глаголы движения. В сознании диалектоносителей закрепились нормы, которые могут быть выражены метафорически: «Работать – совершать повторяющиеся однотипные движения», что отражается в метафорах *ворочаться, ковыряться, копаться, крутиться, толочься, топтаться, шевелиться* и т.п. При этом конкретное действие типа «пилить», «копать», «сеять» не называется, потому что для говорящего важно не само выполняемое действие, а его характер: однотипность, повторяемость движений: *«Раньше <...> кто крутился, как говорится, работал, тот и жил; Тут у меня два брата, вот они мне помогают. Я-то уже не такая. И то понемножку-то толкусь; Тут уже здоровья нету <...> А мы вот **ворочаемся, возимся, делаем**»*. Глаголы вращательного и беспорядочного движения в диалектном дискурсе получают метафорическое значение 'постоянно быть в работе, хлопотах' и используются как синонимы к глаголам *работать, трудиться, делать*: *«Надо же **крутиться, работать**; Которые живые, тоже живут, **трудятся**. Валя день и ночь **крутится**, бедная»*.

Называют трудовые действия и глаголы физического воздействия на объект *ковыряться, копаться*: *«Хто не хочет (работать), тот живёт хуже, а кто делает помаленьку, **копается**, тот всё равно...; Сделали урыжу (операцию), а чё толку? Надо ж **ковыряться** было, она опять вылезла»*. Значима для метафоризации значения оказывается сема «слабая интенсивность действия».

Прожившие всю жизнь в труде и привыкшие работать, 70-80-летние старики жизнь свою оценивают как непрерывное действие: *«Семьдесят лет, мне уже сидеть на печке надо, ждать, а я **ковыряюсь** и живу этим»*. А для некоторых из них и в 80 лет активная непрерывная работа, как для механизма, является нормой: *«Я с утра встаю, пошла курей накормила, как завелась – и до вечера»*. Эта метафора является дискурсивной реализацией базовой метафорической модели «Жизнь – это движение». Эту же модель отражает метафорическая интерпретация смерти как остановки механизма: *«У нею сердце. Всё. **Остановился мотор**. Никто б не спас»*.

Переданная через метафору негативная оценка невозможности продолжать активный образ жизни достаточно часто появляется в высказываниях диалектоносителей. Болезнь вообще, в силу возраста наших информантов, является одной из самых актуальных тем. Прекращение физической активности интерпретируется как принятие сидячего положения. Заболевший человек лишается физической активности в результате болезни, *садится*: *«Сердце сильно бьётся, вот мне это и горе, а так мне ничё бы <...> И пела, и плясала, и всё делала. Но теперь села»*.

Говоря о части тела, по причине болезни которой человек теряет способность двигаться так же легко, как прежде, диалектоноситель персонифицирует ее в метафорическом высказывании: рука или нога осмысляются как активные субъекты и оказываются «виноваты» в неработоспособности или неподвижности человека, так как *подводят* его, *отказываясь* двигаться, *не работая*: *«А щас вот ноги **не ходют**. Ой, горе. Ноги-то и **подвели-то**; Всё поплачу, поплачу, а щас ручки **не хотят работать**»*.

Активность, движение является нормой жизни и для деревенского общества. Отсутствие движения, развития в деревне, связанное с распадом колхозов и совхозов, расценивается негативно. Чаще всего об изменениях в постсоветскую эпоху сельские жители говорят как о «развале», «разрушении», «разломе», однако отмечены и такие метафоры, которые интерпретируют прекращение социальной активности людей как остановку движения: *«Раньше смотришь, ребята идут, на гармошке играют. Девчаты поют <...> Вот чего сёднишний день все **замерли?**»* Данная метафора также является дискурсивной реализацией базовой метафорической модели «Жизнь – это движение».

Таким образом, метафора движения, как своеобразное зеркало моральных норм, ценностей, отражает значимость активной, деятельной жизни для старшего поколения жителей сел Амурской области. Наши информанты – это крестьяне, имеющие привычку к труду на земле, и, следовательно, «привычку» к постоянному движению, действию, – приняли от своих родителей и от времени такое условие: жить в работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.
2. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики – 1982. М.: Наука, 1984. С. 5-23.
3. Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: ИРЯ РАН, 1995. 491 с.

**НОМИНАТИВНО-КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СРЕДА
СУЩЕСТВОВАНИЯ КОНЦЕПТА
(в связи с опытом создания словаря-концептуария)**

В статье представлены в лексикографически обработанной форме вокабулы различных идеографических групп русского диалектного языка Сибири и Дальнего Востока, являющиеся языковым выражением концепта дождь.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, культурно-когнитивное направление, диалектная лексикография, русские говоры Сибири и Дальнего Востока, метеонимический концепт, метеорологический словарь-концептуарий.

The article presents lexicographical treatment of lexemes of various ideographic groups in the Siberian and Far Eastern dialects which represent the concept RAIN.

Key words: cognitive linguistics, cultural-cognitive approach, dialect lexicography, Russian dialects of Siberia and Far East, metonymic concept, conceptual dictionary of meteorology.

Исследование метеонимического концепта как формы обыденного знания, выражающего целостное познание метеоявления в единстве социокультурных, логико-гносеологических и практических аспектов его освоения, с точки зрения лингвистической экспликации реализуется на двух уровнях рассмотрения – номинативно-категориальном и пропозитивно-дискурсном [1; 2; 4; 5].

Данная статья, обращенная к проблемам формирующейся когнитивной диалектографии [3; 4; 5], ставит своей задачей отразить в лексикографической форме семантическое пространство лексико-фразеологических средств тех идеографических групп, единицы которых удерживают в своем содержании разные сегменты концептуальной информации о дожде.

Решением этой задачи предусматривается показать способ вхождения концепта в лексические множества разной лексико-грамматической природы (н-сиб. *лоток* 'желоб на крыше, по которому стекает вода во время дождя'; алт. *метлесить* 'идти, падать мелкими частыми каплями (о дожде)'; кем. *заливистый* 'покрываемый водой при разливе или во время обильных дождей'; хаб. *накатником* 'периодически усиливаясь или ослабевая. О дожде'), а также продемонстрировать многообразие семантико-идеографических групп, из которых многие или отдельные единицы участвуют в смысловом развертывании базового метеонима *дождь* в лексической системе диалекта, и обосновать категориальное единство гетерогенных по тематической направленности словесных объединений (ср., например: *дождь* 'атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды' – *грязь* 'размягшая от воды, дождя земля, почва' – бурят. *ломтистый* 'ставший плотнее, жёстче после дождя или полива (о земле)' – бурят., хаб. *колпак* 'верхний сноп в укладке снопов, предохраняющий зерно от промачивания дождем').

Межчастеречное семантическое поле (МЧСП), центрируемое метеонимом *дождь*, включает в себя вокабулы, которые находятся с «плювионимами» в разнообразных отноше-

ниях – парадигматических (*дождь*: алт., н-сиб. *мжичка* ‘мелкий дождь’; *дождь* × том. *слезинка* ‘капля какой-л. жидкости (росы, дождя)’; *дождь* с том. *потёк* ‘струи дождя’),

эпидигматических (*дождь* > *дождинка*; *лечь* > *ливень*; *гноить сено* > амур., бурят., кем. *сеножной* ‘мелкий затяжной дождь во время сенокоса’; *помочить* > том. *помочка* ‘увлажнение почвы дождём’ и – ‘дождь’; кем., том. *мочить* ‘идти, лить (о дожде)’ > красн. *мочажина* ‘подмокшее сено’),

синтагматических, соответствующих характеристикам закрытой сочетаемости (чит. *хальной* ‘идуший почти непрерывно. О дожде’; *хлестать* ‘идти, лить сильно. О дожде, ливне’) или узкой сочетаемости (*лечь* ‘сильно или непрерывно течь. О крови, дожде’),

тематико-ситуативных, закрепленных в языковых значениях сопрягаемых слов (*дождь* × н-сиб. *сателка* ‘яма для сбора дождевой воды’) и

фразеологических (*вымочить* и – кем. *дождь вымочит*, *солнышко высушит* ‘так в шутку говорят промокшие под дождём в летнее тёплое время’; *лечь* и – кем. *как сено косить, так и дождик лечь* ‘так говорят о несвоевременном дожде, мешающем уборке сена’).

На этом основании корпус МЧСП, представленный в идеографической части «Сибирского метеорологического словаря» [5], образуется 1) существительными, обозначающими виды дождей: амур. *мотросей* ‘мелкий обложной дождь’ и др.; часть вещества: общерус. *дождинка* ‘капля дождя’; время: кем. *слетье* ‘дождливое лето’; дождь с сопутствующими атмосферными явлениями: амур. *подстёга* ‘крупный с ветром дождь’; углубление: н-сиб. *мочаг* ‘впадина с водой от дождей или разлива’; водное пространство: алт. *калюжа* ‘вода, скопившаяся в углублении на поверхности почвы’; водные потоки: кем. *речка* ‘перен. большой поток воды, образованный стоком дождевой воды’; почву: ирк. *слякиша* ‘жидкая грязь на земле, дороге от дождя и/или мокрого снега’; растение: *гузовка* ‘трава, упавшая под действием ветра, дождя’; грибы: н-сиб. *пыхалка* ‘старый гриб дождевик’; беспозвоночные животные: н-сиб. *дождевик* ‘дождевой червяк’; сооружения и их части: красн. *поветь* ‘навес для защиты дров, хозяйственного инвентаря и т. п. от дождя, снега’, красн. *ендова* ‘желоб для стока дождевой воды с крыши’; производственные установки: *дождевалка* ‘оросительная установка’; урожай: том. *бурт* ‘длинная куча овощей, укрытая соломой от дождя и т. п.’; корма: г.-алт. *чёрное сено* ‘сено, почерневшее от дождя’; человека: ирк. *вершилльщик* ‘тот, кто выкладывает верхнюю часть стога так, чтобы не проливал дождь’; предметы одежды: бурят., чит. *ментик* ‘любая накидка вместо плаща во время дождя’ и т. д. (всего 22 группы);

2) глаголами, обозначающими функциональное состояние: кем., том. *хлюпануть* ‘экспр. с силой пролиться (о дожде)’, н-сиб. *матрусить* ‘идти мелкими каплями (о дожде)’; начало и прекращение существования: кем., том. *хватить* ‘внезапно и силой начаться, проявиться (о дожде, морозе, ветре и т.п.)’, общерус. *перестать* ‘прекратиться (об осадках)’; функциональное состояние в аспекте начала его проявления: бурят. *закрапать* ‘начать капать, падать редкими каплями (о дожде)’; изменение качественного или количественного признака; помещение объекта; покрытие; давление; пропитывание; удаление объекта: красн. *перемякнуть* ‘вымокнуть под дождём’; амур. *распуститься* ‘начав идти, усилиться (о дожде)’; *стлать* ‘раскладывать тонким слоем лён на поверхности земли для мочки под дождём и росой’; ом. *излить* ‘экспр., залить дождём’ и т. д. (всего 18 групп);

3) прилагательными, обозначающими интенсивность: г.-алт. *жирный* ‘сильный, обильный (о дожде)’; неопределенную длительность: амур. *уросливый* ‘длительный, надоедливый (о дожде)’; не-

ограниченную длительность: чит. *хальной* 'идуший почти непрерывно (о дожде)'; отождествление: кем. *моросливый* 'являющийся моросью' (всего 8 групп);

4) наречиями, обозначающими интенсивность: кем. *тихахонько* 'экспр., с очень небольшой скоростью (обычно о дожде без ветра)'; локализованность в пространстве: общерус. *полосами* 'захватив длинное и сравнительно узкое пространство земной поверхности'; количество: том. *хорошо* 'сильно, обильно (о дожде, снеге)', ом. *тонко* 'мало, недостаточно (о дожде)' (всего 4 группы).

Многие из названных групп далее получают дополнительное освещение (в чрезвычайно сжатом виде) путем лексикографирования их отдельных представителей, символизирующих своим словарным значением принадлежность к той или иной семантической рубрике:

I.

ДОЖДЕВИК, а, м. 4. Ястреб. – *Ястреб если свистит – к дождю, часто его дождевиком называют* (Красн. Енис.)⁹

КОЛГАН, а, м. Деревянный бочонок для дождевой воды. – *Да ещё в колгане вода была, колган под крышу поставим и стечёт туда вода* (Амур. Тамб. Тамб.).

ЛЕВЕНЬ, вня или вню, м. Сильный или очень сильный дождь. – *Такой был левень, дак покатилась куда вода вниз, как ручей* (Ом. У.-Иш. Слоб.). *А дожж как пойдёт в левень, ... всё везде смывает* (Кем. Яшк. Солом.). *Не шибко так давно левень этта был, такой страшной* (Якут. Лен. Пел.). + Амур. – Скв. (Алб.); Кем. – Яшк. (Итк. Кул. С.Остр.); Том. – Пар. (Алат. Гор. Даур.), Том. (Верш.).

ЛЫВА, ы, ж. 3. Ручей (после дождя или таяния снега). – *С дожжом, вот ежли с дожжом ветер, ох, грязь... Ох, хлещет! Дак от давно ли, токо лывы таки пошли-то по улице-то?* (Кем. Яшк. Солом.). *Счас дороги хороши, усланы. Где грезь быват, дожжы пройдут, там бороздочки. Весной бежит по рытвине вода. Ой, какую рытвину пробилло, в город пойдёт вода. Ой, каки лывы бегут* (Кем. Яшк. Полом.). + Кем. – Крап. (Каб.), Юрг. (Иск.), Яшк. (Мох.).

ЛЫВКА, и, ж. 1. Скопление дождевой или талой воды в небольшом углублении на поверхности почвы. – *Их одедали только в праздник, да в церковь идут босиком. А до церкви дошёл – обуется. В лывки поглядится, как будто в зеркало, причешется, идёт в церковь* (Том. Шег. Шег.). *Где низинка, там стоит вода. Нынче дожжы были, по неделе, большие стояли лывки* (Кем. Яшк. Полом.). + Кем. – Крап. (Крап. Тар.), Юрг. (Вар.), Яшк. (Итк. С.Остр.); Н-сиб. – Татар. (Каз.).

ПЛЕЧО, а, ср. Чаше мн. **плечи**. Перен. Выступ на боковой поверхности стога, где скапливается дождевая влага. – *И зароды счас тоже всё равно конусом делают. Если смеешь ямами, значит, загниёт дело, домой привезёшь, сколько там выбросишь. В плечи нальёт, и всё* (Кем. Юрг. Зел.). *Говорили: "Вот в плечи стекает". Кто-то мастер метать, а кто-то с плечами смечет. "Вон, – говорят, – у него стог с плечами". Прольёт его и в эти плечи-то, и идёт пар. Вон там загорелось сено. Тогда надо его раскидывать и сушить* (Кем. Юрг. Вар.). + Кем. – Юрг. (Зел. Томил.), Яшк. (Полом. Солом. С.Остр. У.-Пис.).

ПОБЕЖОК, жка или жку, м. Желоб для стока дождевой воды с крыши. – *Побежки, чтоб дождь туды скатывался, ещё они дождевики назывались* (Алт. Красн. Быстр.). + Н-сиб. – Сузун.

⁹ Здесь и далее расшифровку условных сокращений географических названий см. в [5].

ПРОМЫВИНА, ы, ж. Впадина в земле, промытая ливнем, образованная потоком воды. – Если большой ливень, образуется грязная корка. Когда вода идёт сильно, она выбирает низми^нку, лоци^нку, она в этом месте выбивает ямы. Течёт, течёт, получается обвал и образуется промывина. Через пять-шесть лет может получиться лога (Кем. Яшк. Полом.). Это ров какой-то, промывина. Он у меня в огороде небольшой ложочек был, и теперь промыло. Получилась промывина. Там вот эти деревья [ивы] растут (Кем. Юрг. Асан.). + Кем. – Крап. (Комар.), Юрг. (Зел. Томил.), Яшк. (Кул.).

СЕРОЕ СЕНО. Немного подмоченное дождём, чуть испортившееся сено. – ... Скажут: "Дак дож скоро будет, это сено..." – "Ну и что? Какое сено дожжа не дала? А серо сено не бессенница, и серо съедят, зима ить долга" (Том. Том. Верш.). ... а если дождём его помочит, то его надо перекрутить на другую сторону. А другой раз его с места на место. Сено уже плохое, серое, только его уже солить надо, его солить обязательно надо, такое сено. А вот когда в хорошую погоду, хорошо сено, сухое, зелёное (Кем. Крап. Крап.). + Кем. – Крап. (Бар. Бор. Ключи. Кр. Ключ. Тар. Шев.), Юрг. (Асан.), Яшк. (Пача).

СЛЯК, а, м. Мокрый снег, дождь со снегом. – Сонце не грет. Ну, а как же – грязь. Идёт, сляк идёт: и дожж, и снег вместе (Кем. Яшк. Полом.). + Кем. – Крап. (Берд.).

СЛЯЧА, и, ж. 1. Жидкая грязь на земле, дороге от дождя и/или мокрого снега. – Ишь каково на улице, грязь кругом, сляча непролазная (Бурят. Тунк. Кыр.). Вся дорога покрылась слячей... (Чит. Калг. Калга). / по сляче. – ... Проехать по такой сляче нету сил (Чит. Калг. Калга). + (Бурят. – Каб. (Тим.); Ирк. – У.-Уд. (Балаг.). Красн. – Енис.; Камч.; Сиб.; Тюм. – Тобол.; Хаб. – Окт. (Ам.).

СТОГОПРАВ, а, м. Тот, кто выкладывает верхнюю часть стога так, чтобы не проливал дождь. – Граблями, вилами [убирали сено] Ну как? Стогоправ стоял там человек всегда. Завершивал, топтал, набивал середину, чтобы не проливало, граблями заправлял, чтобы вода-то стекала с сена (Кем. Крап. Крап.). Стогоправ [на]верху стоит, сено принимает, утаптыват, укладывает, хорошо завершит, и дожж туда не идёт, завершил стог, потом остожье ставили (Кем. Крап. Ключи). + Алт.; Амур. – Магд. (Чал.); Кем. – Крап. (Бан. Бар. Берёз. Бор. Каб. Кам. Кол. Крап. Лен. Макс. Межд. Н-Бар. Плотн. Попер. Сар. Скар. Тар. Шев.), Мар. (Кол.), Юрг. (Ал. Вар. Зел. Кир. Томил.), Яшк. (Колмог. Мох. Н.Тайм. Полом. Солом.); Красн. – Аб. (Абан.); Н-сиб. – Болотн. (Кайлы); Ом. – Тар. (Орл.); Том. – Крив. (Каз.), Том., Туг.

ЦЫГАНСКИЙ ДОЖДЬ. Дождь при свете солнца. – Люди говорят, что цыганский дожжъ, говорят, сегодня шёл. Или идёшь и смотришь: то солнце светит и дождь реденький, такой крупненький летит. "Во, – говорит, – цыганский дожжъ пошёл" (Кем. Кем. Маз.).

ШИБУРИШКО, и, м. Устар. Пренебр. Верхняя рабочая одежда домашнего производства из холста или полушерстяной ткани, которая может использоваться как плащ. – ...девчонки, дождь идёт, быстро одевайте шибуришки, слякоть там (Кем. Крап. Плотн.). Шубы носили вот с этими вот с зипунишками, с шибуришками. Вот наденут, чтоб она не мокла, а то же снега всяки же были, кода который снег раз сухой летит, а который раз мокрый летит, еишо с дожжом, вот, значит, и шибуришко наденут на шубу (Кем. Крап. Зелен.). + Кем. – Крап. (Арс. Бор. Ключи. Тар.). Том. – Мол. (В. Сор.), Пар.

ШЛЯПКА, и, ж. Перен. Ласк. Верхний сноп в укладке снопов, предохраняющий зерно от дождя. – *Снопы, они стоят в суслонах по девять штук. И шляпой закрывают их. Ага, суслон такой. А потом этот сноп раскроют. Его так растопорят и поставят. Это называется шляпка. Уже дожжжом-то хлеб не мочит* (Кем. Юрг. Вар.). / В сравн. **как шляпку**. – *Один сноп, каблук, его разломают, как шляпку, и сверху положат* (Амур. Магд. Черн.).

ШЛЯПУХА, и, ж. Крупная капля дождя / В знач. нар. **шляпухами**. – *У нас дождь всё улил, шляпухами падают, улица мокрая, токо в чунях ходить* (Ом. Б-реч. Реш.).

II.

ВЫМЫТЬ, моет, сов. Размыв текущей водой почву, удалить, унести из неё что-л. – *Ливень всю землю зальёт, он спрессует землю. Вот недавно был сильный ливень, всю землю вымыл, так я к помидорам не могла подобраться, пришлось их убрать оттэда, никак не могла выташишить. Ливнем дожжж называют не зря – льёт как из ведра* (Кем. Яшк. Итк.). *Как пойдёт-пойдёт [ливень] речкой, везде вымоет с корнями растения. Где замочет* (Кем. Яшк. Кул.). + Кем. – Яшк. (Крыл.).

ЗАЛИВАТЬ, ает, несов. Проникать куда-л., вливаться (о жидкости). – *В брёвнах щели были, и дождь в них заливал* (Ом. Кол. Юйск.).

ЗАМЫВАТЬ, ает, несов., что, безл. Наносить слой грязи потоками дождевой воды. – *Калодиц замыла у нас после даждя* (Бурят. Мухор. Шарал.). + Бурят. (Мухор. Гаш.).

ЗАТРУСИТЬ, сит, сов. Начать идти, падать мелкими частыми каплями (о дожде). – *Смотришь в окошко – грибной затрусил, ненадолго, значит, урожаю тоже хорошо. Он себе мотросит, даже работать можно во дворе. Пусть даже чаще мотросит, по мне лучше, чем ливень* (Алт. Алт.). / В безл. употр. – *Если мелкий дождь, то затрусило, дождя-то и не было, а если дождь, то говорят: "Вот полил хорошо"* (Алт. Шелаб.).

КРАПАТЬ, ает, несов. Падать мелкими редкими каплями. – *Сегодня, вишь, мыгычка крапает* (Амур. Сер. Сер.).

ЛЕЖАТЬ, жит, несов. Располагаться тонким слоем на поверхности земли для мочки дождем и росой (о льне). – *Ну он [лён] лежит, его мочит дождём, и солнце его сушит. Он вылэживается* (Кем. Крап. Крап.). + Кем. – Крап. (Бан. Бар. Бор. Кол. Плотн.), Юрг. (Вар. Н-ром.), Яшк. (Колмог.).

НАПРАВИТЬСЯ, ится, сов. Начаться (о дожде). – *С весны один дожжжык проиёл, сегодня вот тоже дожжжык сперва думал направится, пойдёт, так она, видишь, чё, ветерок подул, раздуло, и всё* (Кем. Юрг. Митр.). *Ой! Дождж какой направился!* (Том. Том. Кисл.). + Г.Алт. – У.-Кан. (Тал.); Том. – В.-Кет. (Б-Пан.).

НАХЛОБУЧИВАТЬ, аю, ает, несов., что. Класть сверху один сноп, чтобы остальные снопы в укладке хлеба не промокли от дождя. – *Скоко снопов вместе ставят, а сверху крышку нахлобучивают, нахлобушкой её и зовут, она растопырится и, если дождь, дак не даст колосьям в других снопах вымокнуть* (Тыва. П.-Хем.).

ПЕРЕЙТИ, дёт, сов. Пройти, окончиться, прекратиться (о дожде). – *Я опять спрячусь куда-нибудь в дожжж, опять дожжжю. Пока дожжж перейдёт, потом опять косить* (Кем. Яшк. Итк.). + Кем. – Крап. (Крап.).

ПЕРЕПАДАТЬ, ает, несов. Выпадать понемногу, с промежутками (о дожде, снеге). – *А вот нынешняя осень, прошедшая, ничё была. Так были дожжжы, перепадали, но и морковь ро-*

дилась, и редька, и всё подобное (Кем. Яшк. С.Остр.). Пошто нету грибов? И дожжы перепадают, и всё (Том. Том. Верш.). Прошлый год, например, весь май не было дожжа и июнь не было. Нонче хоть малыньки, да перепадали дожжы, а в прошлом годе два месяца не было совсем дожжэй (Кем. Юрг. Иск.). + Кем. – Крап. (Иван. Крап.), Юрг. (Вар. Зел.). Яшк. (Итк. Полон.); Том. – Том. (Верш.); Тюм.

ПОЗАЛИТЬ, позальёт, сов. Покрыть сплошь водой, затопить все или многое. – *Дождя не будет шибко – будет урожай. А как прошлый год всё позалили, дак и картошка вся сгнила. Картошка сгнила. Ну прям вот выкопаешь, она вся кашей вот* (Кем. Крап. Попер.).

ПРИБИТЬ, бьёт, сов., что. – Сделать плотнее, тверже поверхность (о земле). В безл. употр. – *Нонче сильны дожжы да быстро проходят. Но вот шибко сильно землю прибило* (Кем. Яшк. Кул.). + Кем. – Юрг. (Вар.).

ПРОЕДАТЬ, ает, несов., что. Делать впадину, углубление действием дождевой или талой воды. – *Ну проливной, заливной [дождь], он валом идёт. Эдак вертит. Просто землю проедат канавой. Нонче не было, нонче шибко уж засуха была* (Кем. Яшк. Полон.).

РАСХОДИТЬСЯ, ится, несов. Начав идти, усиливаться (об атмосферных осадках). – *Дош-та расходитца* (Ирк. Кач.). *Дошть не расходитца. Лучь землю промачил, сполошишит* (Красн. Енис. Плод.).

СЫПАТЬ, пет и паёт, несов. Идти, падать (о мелком частом снеге, дожде). – *Дождь мелконький сыпет* (Г.Алт. У.-Кан. Син.). *Иш, дош, каг бус, сыпет, ровна скрось ситечка* (Ирк. Черемх.). / **сыпать и сыпать; сыпать, сыпать, сыпать; и сыпать, и сыпать** – *Сеногной станет в одну: и сыпет, сыпет, сыпет* (Кем. Яшк. Итк.). *Самый хороший дожжсь, когда без ветру и грозы нет. Вот он потихоньку и сыпет, и сыпет, полегоньку. Землю поливает* (Кем. Крап. Крап.). *Сеногной тихо идёт, и большой не идёт и так сыпет и сыпет, токо мочит и мочит, кода зарядит недели две, боле* (Кем. Яшк. Солом.). / В сравн. **сыпать как мак**. – *Бус? Да ешиш нынче не было. Он так просто сыпет как мак. Сонца не видать, а так сеет, сеет мелким, кода пойдёт и сутки, и двое, по-разному* (Кем. Яшк. Крыл.). / В безл. употр. **сыпать, сыпать**. – *Погода нехорошая, пасмурна, морошина. Заморочат, целый день сыпает, сыпает* (Том. Том. Верш.). + Кем. – Крап. (Клю-чи.). Юрг. (Ал. Зел. Иск. Н-ром.), Яшк. (Итк. Колмог. Кул. Мох. Полон. У.-Пис.); Том. – В.-Кет. (Шир.); Тыва – П.-Хем.

УБИВАТЬ, ает, несов., что. Пригибать, прижимать, придавливать книзу, к земле (о ветре, дожде, граде и т. п.). – *...а еслив с ветром, дак он [дождь] же всё убиват. Тихай дожж лучшие, так чтоб ровно, спокойно поливал, гля земли, гля травы* (Кем. Яшк. Солом.). *Ой, ну это страшный какой-то, обычно такой дождь всё убивает и ломает все растения: и огурцы, всё на свете. Ягоду оббивает сильный дождь* (Кем. Мар. Вт. Пр.).

УЛИТЬ, льёт, сов. 2. Экспр. Начать идти, лить (о дожде). – *Я сколько раз плакала, под берёзой сидела, - без коровы останемся. Один раз это двадцать восемь копён раскидали токо сушить, – как улил дожжжишие. Ой, я сяла под берёзу и давай плакать: "Ой, ой, нонче, наверное, коровы не будет"* (Кем. Яшк. Солом.). / **улить-улить** – *Жар. Вот и сгорит. Трава горит из-за этого жару. Как сено станут косить, так нарошно пойдёт дожж. Бувало нагребёшь, – как ульёт-ульёт* (Кем. Яшк. Солом.).

ХВАТИТЬ, ит, сов., что. Воздействовать на что-л. (обычно нанеся ущерб, причинив вред). О дожде, морозе, ветре и т. п. – *Делали крыши [где молотили], только это само, но*

редко. Это тот ворох, зерно, его со ломой закрывают, чтоб дождем его нехватило (Кем. Крап. Бор.). *Сено, [которое] после дождя намочится, чёрное. Которы дождем не хватит, так оно зелёнько, сено-то* (Кем. Юрг. Зел.). + Кем. – Крап. (Тар.); Том. – Том. (Верш.).

ХЛЕСТАТЬ, хлещет, несов. Ударять во что-л. с силой, с разлету (о ветре, дожде, волнах и т. п.). – *Когда осенью холодный дождь бывает, когда в лицо доболяна бьёт, говорят секущий. Тогда с ветром идёт. Если б тихо шёл, не хлестал бы* (Кем. Топк. Подон.).

III.

ДОЖДЕВОЙ, ая, ое. 1. Несущий дождь (о туче). – *Девчонок всех до крови побило [градом]. Тятка закрывает одежишкой их. Самого тятку побило. Дожжывая туца – чёрна, а градова – бела* (Кем. Крап. Бор.).

ДОЖДИВЫЙ, ая, ое. Охватываемый частыми дождями. – *Там у микольских хороша трава, туда дождывый [край], а здесь похуже, говорит* (Кем. Яшк. Полон.).

ЗАЛИВИСТЫЙ, ое, ая. 1. Покрываемый водой при разливе и во время обильных дождей; затопляемый. – *Если в большой дождь, то, конечно, бегут [ручьи]. Вот как этими канавами дождь пройдет, и поёрло. Вот здесь залиvisto было место, а сейчас прорыто* (Кем. Юрг. Вар.).

2. Обильный. – *Дожджык любой полезен. Прикатывают хлеба при залиvistом дожде, лёглый хлеб* (Кем. Юрг. Томил.).

3. Сопровождающийся залиvным дождем. – *Залиvисты дни вредны: дождь не перестаёт* (Кем. Юрг. Вар.).

ЗАМОЧЛИВЫЙ, ая, ое. Дождливый, ненастный. – *Лето на убыль пошло, опять должно замочливое будет, никаких дорог нет* (Н-сиб. Барабин. Н-чан.). *Лето замочливое, дак фсё изопрет* (Тюм. Н.-Тавд. Антр.). + Том. – В.-Кет. (М. Яр); Тюм. – Н.-Тавд. (Мияс.).

КРЕПКИЙ, ая, ое. О сильном затяжном дожде. – *Вчера в Тегиреке дождь крепкой был* (Г.Алт. У.-Кан. Тал.).

ЛЁЖЫЙ, ая, ое. Упавший под силой тяжести или под действием ветра, дождя, града (о злаковых растениях, льне и т. п.). – *Хлеп лажыцца, када градам иво пабьёт, даждем али ешо как. Ох и мутарна ш лёжыый хлеп-от убирать – яво тока сярнами* (Бурят. Бич. Нов.). + Кем. Яшк. С.Остр.).

МОРОСИСТЫЙ, ая, ое. Являющийся моросью. – *Маленький дождь – так дожджычек называм, а большой – так дожджыише пошёл. Мелкой, это моросистый* (Кем. Яшк. Итк.).

ПРОТЯЖЛИВЫЙ, ая, ое. Долго продолжающийся (о дожде). – *Мелкий и бывает такой тяжкий, протяжливый дождь. Это бывает только осенью* (Кем. Яшк. Колмог.).

РОВНЫЙ, ая, ое. Равномерный, спокойный. – *Какой дождик идёт тихий, ровный, холодный* (Том. Том. Верш.).

УСЯДИСТЫЙ, ая, ое. Такой, который, не скатываясь с поверхности земли, пропитывает её влагой (о дожде). – *Ну, конечно, ... и дождь кода мелкий идёт, такой усядистый, это и для влаги хорошо ...* (Кем. Крап. Бор.).

IV.

БЕЗ ПЕРЕСЫХУ, нар. Без промежутка времени, на который останавливается дождь и в течение которого подсыхает почва, сено; непрерывно. – *Дожди, а как же, трава-то не*

сохнет. Да вот второй месяц льёт без пересыху, без перерыву, не можем сено-то поставить уже, наверно, два месяца (Кем. Л.-Куз. Кр.).

БОЧКОМ, нар. Ласк. Захватив пространство, расположенное сбоку от кого-, чего-л. (о дожде). – Тихий [дождь], и так бочком захватил и помаленечку идёт (Том. Том. Верш.).

КАТКО, нар. Скользко. – Дожди были, катко стало (Якут. Н-кол. Н.-колым.). + Том.; Тюм. – Тобол.

КАК (ЧТО) МОКРОМУ ДОЖДИК. В знач. сказ. Не опасно кому-л. – Я ямиччила три года, два года быков кормила. Мне это [очередная трудность] всё одно, что мокрому дождик (Чит. Нерч.).

Лексикографируемый материал свидетельствует о том, что лексико-семантическая общность «атмосферные осадки» в части языковой категоризации дождя являет собой такой когнитивно-классификационный тип, который характеризуется: стереоскопичностью (по набору связей между ее компонентами), гетерогенностью (по наличию в ней группировок разных семантических тем), единством при ее групповом многообразии, проявляющемся во взаимодействии групп на основе семантических аспектов концепта *дождь*. Так, к примеру, связующим моментом тем 'дождь и 'углубление' (ср. алт., кем, том. *рытвина* 'углубление, образованное потоком дождевой или талой воды') выступает семантический признак "дождевая вода".

Отсюда следует, что МЧСП с опорным словом *дождь*, лексикографически показанное в его грубом очертании, вскрывает то, что в нём отображается познанный участок реальности как континуальная дискретность и что оно отвечает принципу категориальной организации по фамильному сходству [4; 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В.П. Лексическая категория как объект областного когнитивно-идеографического словаря // Теоретическая семантика и системная лексикография. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2007. С. 55 – 58.
2. Васильев В.П., Васильева Э.В. Глаголы функционального состояния как сателлиты метеонима *дождь* // «И нежный вкус родимой речи...». Арзамас: АГПИ, 2011. С. 84 – 89.
3. Васильев В.П., Васильева Э.В. Когнитивный подход в диалектографии // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языкознание. Казань: Казан. гос. ун-т: ИЯ РАН: ИЛИ РАН, 2007. С. 105 – 108.
4. Васильев В.П., Васильева Э.В. Словарное дело Кузбасса в «золотой век» русской лексикографии // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Кемерово, 2013. № 3, т. 2. С. 94 – 106.
5. Васильев В.П., Васильева Э.В. Сибирский метеорологический словарь: опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2013. Т.1 (в печати).
6. Васильев В.П., Васильева Э.В. Межчастеречное семантическое поле как идеографический способ представления знания о мире // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МАКС-Пресс, 2010. С. 240 – 241.

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

В разделе представлены материалы «спевки» – современного варианта деревенских посиделок. Запись сделана в 2011 г. в селе Максимовка Октябрьского района Амурской области.

Участники спевки исполняли песни, которые они слышали в детстве от своих родителей, «прячась под столом во время деревенских гуляний», песни, которые пели и сами как в девичестве, так и выйдя замуж и обзаведясь семьями. Тематика записанных песен разнообразна: это и любовные, и военные, и шуточные, и колыбельные. Различны они и по происхождению: встречаются русские и украинские народные песни, казачьи песни. На спевке исполнялись и авторские песни, однако деревенские жители воспринимают их как народные, поэтому включение их в альманах можно считать оправданным. Кроме того, их устное бытование обычно приводит к изменению текста и появлению фонетических вариантов отдельных слов, что обусловлено как индивидуальными особенностями говорящего, так и языковыми особенностями, характерными для того или иного типа говора.

Во время спевки были также записаны частушки игровой, любовной и бытовой тематики, встретились и веселые озорные куплеты сатирического содержания.

Все фольклорные тексты, как русские, так и украинские, даются в современной русской орфографической записи. В текстах, записанных от одного человека, отражены наиболее яркие диалектные черты. В тех же песнях, которые исполнялись двумя и более людьми, не всегда удавалось отразить особенности произношения, что обусловлено разной языковой компетенцией участников спевки. Так, Федирко Наталья Фёдоровна является носителем русского литературного языка. В речи Брусовой Марии Павловны отмечаются черты южного говора. В речи Артюшиной Раисы Васильевны встречаются как черты южнорусского типа, так и черты украинского говора, который она могла перенять от своей матери, переселенки из Харьковской области. Это отразилось и на исполнении песен. Федирко Анисья Андреевна является носителем украинского говора. Украинские языковые особенности широко представлены в ее речи на фонетическом, морфологическом и лексическом уровне, что находит отражение и в исполняемых ею песнях.

Из трехчасовой записи представлены только те фрагменты, которые непосредственно связаны с фольклорными произведениями: являются своеобразной «подводкой» к ним или комментариями. Пропуск звучащего текста обозначен купюрами.

А.В. Блохинская, Д.Н. Галимова

Н.Ф. – Федирко Наталья Фёдоровна, 1959 г.р.

М.П. – Брусова Мария Павловна, 1931 г.р.

Р.В. – Артюшина Раиса Васильевна, 1940(?) г.р.

А.А. – Федирко Анисья Андреевна, 1930 г.р.

Г.Д. – Галимова Д.Н.

Н.Ф.: Да любую простую, хотя бы вот эту: «Распрягайте, хлопцы, коней», хоть распеться. Мы её все знаем.

М.П.: Мы её уже и пели сколь раз.

Н.Ф.: Да давайте, распеться надо, а не то что уже пели.

А.А.: Мы будэм на военный... то тэ... мотив или на старынный?

Н.Ф.: На старинный.

М.П.: Да как запоёшь, давай.

Выпрягайтэ, хлопцы, конэй,

Да лягайтэ спочивать,

А я выйду в сад зэлэный

В сад крынычэнко копать.

А.А.: У мэнэ тожы чё-то дэрэнчит! Чё ево! Надо в ўлотке промочить!

М.П.: Стесняюсь ли чё ли?

Н.Ф.: Я не стесняюсь!

М.П.: Опять я маршировать буду, чтоб...

Н.Ф.: Нет, нет, ну давайте горячего, давайте чая попьём.

М.П.: А я сказала, надо, дак... не надо.

Н.Ф.: Чтобы про... разгре... разогрелись связки...т <...>

Н.Ф.: Так, всё?

А.А.: Продрало?

Н.Ф.: Ну дава... Опять на меня? (нрзбр.) Ну, давайте. Чё там, «Распрягайте...»

А.А.: «Чём ты не прийшёв,

Як мисяц ишёл,

Як я тэбэ ждала?

Чи коня нэ мал?

Чи стёжки нэ знал?

Чи мать нэ пускала?»

«И коня я мал¹⁰,

И стэжку я знал,

И мать нэ пускала,

Наймэныша сэстра

Бодай нэ взросло

Сидэлыцэ сховала.

А старша сэстра

Сидэлыцэ найшла,

Коня оседлала:

«Сидай, братико,

Да й поидемо,

Дэ твоя кохана».

А.А.: Я тэбэ чё-то нэ чую.

¹⁰ Некоторые исполнители поют *мав*.

Н.Ф.: Я не пойму. Это не могу подобрать. Вот конец могу, а чё-то тут не пойму, каким мне.

А.А.: Ну ты хоть конэц кричи.

Н.Ф.: Ну ладно, давай.

Тиче риченька
Нэвэлыченька,
Схочу – пэрэскочу.
Отдай же мэнэ,
Моя матэнко¹¹,
За коүо я хочу.
Отдай же мэнэ,
Моя матэнка,
За коүо я хочу.

Н.Ф.: Вот что значит чай! Я ещё горячего подолью.

А.А.: Правда? Во. Пый! Будэ хватит. <...>.

Н.Ф.: Давайте.

А.А.: Яку ще?

Н.Ф.: А вот, согласно списку.

А.А.: Я дак тут таких и нэ выйжу, их никто нэ...

Н.Ф.: Тогда другую, я знаю тоже... Да. Вы пойте, я подхвачу. «За туманом» давайте споём...

А.А.: Дава-ай!

Н.Ф.: Она бесконечная, правда, но её я вот...

А.А.: И правда!

Н.Ф.: ...её я знаю.

А.А.: Чё ты! И сидишь молчишь.

Н.Ф.: Давайте.

Туман яром, туман долиною,
Туман яром, туман долиною,
За туманом нэчэго нэ выдно.
За туманом нэчэго нэ выдно.
Тильки выдно дуба зэлэного,
Тильки выдно дуба зэлэного.
Пид тым дубом крыныца стояла,
Пид тым дубом крыныца стояла,
В той крыныци девка воду брала,
С той крыныци¹² девка воду брала.
Дай впустила золотэ вездэрцэ,
Засмутила козаковэ¹³ сэрдцэ.

¹¹ Вариант: матэнька.

¹² Вариант: крыныцэ.

¹³ Вариант: козаково.

«А хто ш тое ведэрцэ достанэт,
Тот зо мною на рушнычок¹⁴ встанэт».
Отыззався козаченько з ўаю,
Отыззався козаченько¹⁵ з ўаю:
«А я ж твое ведэрцэ дастану,
Я с тобою на рушнычок¹⁶ встану».

А.А.: Всё?

Н.Ф.: Всё.

А.А.: Мы ж не старкі доводіць конькі і нэ свіньі бросать на паловіне.

<...>

А.А.: Так, щё ещё?

Н.Ф.: Ну штоб согласно спіску.

А.А.: Та ты нэ поймешь моўо ро... Я так ўрамотно пышу, шо ніхто не поймэт, кроме мэнэ.

Н.Ф.: Ну, ещё какую-то вы зна... Давайте вот, «Что стоишь, качаясь», вы знаете её?
(начинает петь) Что стоишь, качаясь...

А.А. (Ардатовой): Да, ну ты ещё чё, начинать ты будешь, да?

Н.Ф.: Тётъ Рая, давайте, вы её знаете всю. Второй (голос), значит. Давайте. Пойте, я подпевать буду.

(ведёт Р.В. Артюшина)

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склонилась¹⁷
До самого тына?
Головой склонилась
До самого тына?
Там, через дорогу,
За рекой широкой,
Также одиноко¹⁸
Дуб стоит высокий.
Также одиноко
Дуб стоит высокий.
Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться?
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.
Я б тогда не стала

¹⁴ Вариант: рушнычек.

¹⁵ Вариант: отыззался козаченька.

¹⁶ Вариант: рушнычек.

¹⁷ Вариант: склоняясь.

¹⁸ Вариант: одинокий.

Гнуться и качаться.
Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листвою
День и ночь шепталась¹⁹.
И с его листвою
День и ночь шепталась.
Но нельзя рябине
К дубу перебраться.
Знать судьба такая
Век одной качаться.
Знать, судьба такая
Век одной качаться.

Н.Ф.: Качаться или шептаться?

Р.В.: Шептаться.

Н.Ф.: А вы поёте... Я даже ... шо вы поёте...

Р.В.: (нрзбр)поёт «кататься»

Н.Ф.: А я «качаться», вы «кататься», а какая разница, качаемся!

*А.А.: Волки кобылу съили, а мы воза не далы́, они б и воз и съили, та мы ж на ём сиди-
лы!*

Н.Ф.: Да?

А.А.: О, как мы поём хорошо. <...>.

Н.Ф.: Давайте, я частушки спою.

Дорогие вы мои,
Про что будем запивать,
Про любовь, аль про разлуку,
Аль как начали гулять! Ух!

А в Максимовке ребят

Можно издали узнать:

Не снимай!

На макушке сидит вошь,
С пулемета хрен убьешь.

Не снимай!

А.А.: Руки, ноги колесом,

Две сосульки под носом.

Н.Ф.: Ой, давайте «Канава»

Р.В.: Ой, канава, ты канава,

Какой шут тебя копал?

Мой милёнок на свиданье

¹⁹ Вариант: качалась.

Головой туды попал.
М.П.: Ну вот и я ж её знала, а не пели тот раз.
Н.Ф.: У кого какой милёнок,
А мой миленький дурак.
У него насчет любви
Не работает, кхм, чердак.
Кто ещё? Пошли по кругу! Молчите?
Ах, подружка моя,
Хорошо ты пляшешь.
Как лягушка из болота,
Ты ногами машешь.
Р.В.: Подружка моя... Ой.
М.П.: Чё, Анись, давай.
Р.В.: Давай ты.
А.А.: Кого давать туби?! Спивай!
Н.Ф.: Ой, подружка моя,
Где плясать училась?
У нас лошадь подыхала,
Точно так же билась.
Р.В.: Подружка моя,
Что же ты наделала?
Я любила – ты отбила,
Я бы так не сделала.
Н.Ф.: Раньше было приглашали,
Накрывали в доме стол,
А сейчас в окно увидят
И кричат: «Зачем пришёл?».
М.П.: Правильно.
А.А.: Точно!
Р.В.: Точно сейчас так!
Н.Ф.: Нам не надо разных премий,
Нам не надо орденов.
Было б мясо на пельмени
Да сметана для блинов.
Н.Ф.: Так, ну что, дальше поехали. О! И замолчали.
М.П.: У мого-то милого,
Глаза, как у идыла.
Я такого идыла
На базаре видела.
Н.Ф.: Ну вот, видите.
Р.В.: Моего милёночка
Волосы волнистые.
Я его не заменю

На горы золотистые.

Н.Ф.: Во-от.

М.П.: Видишь, как золотистые...

А.А.: А у мого милёночка
 Да поуоворка: мат да мат.
 Вот за ету поуоворку
 Не хочу я с ним уулять.

Р.В.: Моего милёночка
 Аккуратненький носок:
 Восемь курочек усядется,
 Девятый петушок.

Н.Ф.: Вот я вас, ви(д)ите, раззадорила на частушки! Дальше поехали.

Р.В.: Мой милёнок, как телёнок,
 Только веники свивать.
 Проводил меня до дому,
 Не сумел поцеловать.

М.П.: Полюбила я милёнка
 И не знала, что хромой.
 Пригласил меня на танец,
 Сам ковыль-ковыл ногой.

А.А.: От, яки хотела, то забыла частушку тоже. Да я много знала, это уже всё же...

М.П.: Надо петь дома!

А.А.: Забыла, шо як... Я иду прям по дороуе, а он чешет полосой. Ну забыла частушку!

М.П.: Полюбила я милёнка... ой, вот спеть хотела же эту, что кривой... а! Я иду прямой дорогой, а он чешет полосой.
 Полюбила я милёнка
 И не знала, что косой.
 Я иду прямой дорогой,
 А он чешет полосой.

Н.Ф.: Вот, я вспомнила.
 Не смотрите на меня –
 Глазки поломаете.
 Я не с вашего села,
 И вы меня не знаете.

Р.В.: Я одену платье рябо,
 Рябое-прирябое.
 Кто с моим милёнком сядет –
 Морду покорябую.

Н.Ф.: Не смотрите на меня.
 Смотрите на серьги,
 Мне мой милый подарил,
 На мои же деньги.

Р.В.: Я одену бело платье.

Буду в нем красавица.
Пусть ребята не подходят,
Я им не понравилась.

Не, не так.

Н.Ф.: Пусть ребята не подходят, они мне не нравятся. Вот ж какой тут: они мне не нравятся.

*М.П.: Ох, миленький мой,
Пьяненький напился.
Не с ума ли ты сошёл,
Во вдовушку влюбился.*

Полюбила я его,
Такого интересного.
А прибери его, господь,
Царица-мать небесная.

Р.В.: Ничё себе.

М.П.: И прибрал бог его. Пусть лежит.

Н.Ф.: А тут сидит кто... у кого бог не... не забрал? У кого?

М.П.: Не обижайтесь, что я так спела.

Н.Ф.: У кого? У всех забрал.

А.А.: Закувала ... Мы эту пели?

Н.Ф.: Ну и ладно, пойте.

А.А.: Зо... Ты знаешь её?

Н.Ф.: Ага.

А.А.: ...зозуленька

В саду на помосте, э-эй!
Эй, приихалы до дивчины,
Три коза́ка в гости, э-эй! *Кричи!*
Приихалы до дивчины
Три козака в гости.
Э-эй!
Одын козак коня вэдэ,
Дру́гий коне вяжет,
Третий стоит пид виконцем,
«Добрый вэчер», – кажет.

Н.Ф.: Вон тётъ Маша знает, пусть она поёт первым.

М.П.: Щас бабе (нрзбр.)

Н.Ф.: Вот она первым будет. То да вы начали все голосить. То начинали до чая...

*А.А.: «Добрый вечор, стара маты,
Дай воды напыться. Э-эй!
Кажут люди, девка гарна,
Вот бы подывыться!»*

А.А.: (обращаясь к М.П.) И ты, ты не кричишь ничё.

М.П.: Ну как же, только хотела, ты меня перебила.

А.А.: Я тэбе нэ пэрэбив...

М.П.: Я только рот...

А.А.: А кода ты (нрзбр.), тоди тоди!

М.П.: Только я рот разинула, чтоб (нрзбр.)

А.А.: «Добрый вэчер, стара матэ,

Дай воды напыться. Э-эй!

Кажут люди, девка гарна,

Вот бы подывыться!» Э-эй!

(смеются)

Н.Ф.: Уже готовые! Это вот как-то Валя када ваша жила ещё в кирпичном доме, ну и собрались девчата, мы ещё тада все дружные были, Надя, Тамара, я и Валя. Сидим у неё в кўхонке чай пьём. Вот чай! Честно! Потом всех так развезло, подумали, что мы водку пили. Ну в смысле как, мы в азарт вошли, тут пе-есни – подумали, что пьяные. Вот с чая! Вот сейчас даже уже давление поднимается... (нрзбр.)

М.П.: А мы с бабой Настей (нрзбр.) копали, копали картошку, а у её же на бугорок этот, огород...

Н.Ф.: Вот как самовар поставим...

М.П.: И (нрзбр.) говрьт, ну, Настя с Брусихой, видно, пьяны, копали, копали картошку и запели, говрьт, на картошке! А у нас ни одной (нрзбр.)

Н.Ф.: И с чая можно вот так!

М.П.: А на бугру, и далёко слыхать...

Н.Ф.: Голоса разогреются, и так вот...

М.П.: Вот где моя улица, и она... А мы хоть бы...

Н.Ф.: Давайте «Мороз» споём.

А.А.: Да, то, знаешь... У манэ тётка была, вы её (нрзбр.)

М.П.: Обязательно пить что ли.

А.А.: Тётка брата двоюродная...

Н.Ф.: Я говорю, вот с чая даже.

А.А.: Было при́дэ до нас у ўости, вона же, а она любила спивать!

М.П.: Кто?

А.А.: Тётка моя. Нэ моя, а свекрухина сэстра. Ну, тётка до нас. Она (нрзбр.), фести-валит (?). Ещё Мария Уриўорьева жила (нрзбр.) Ёордиенко. Прышлы воны, ну-у, тётка и Марыя, вэчером. А мёсячно было, нэ так чтоб той вон... Мы тут на крыльци силы (сели) утриём и ждём. А тётка Уанна покойна, она же (нрзбр.), хороша тётка, мы (нрзбр.): «О! Оны вси опять уже пьют, а мэнэ нэ приўласилы!» А мы було (нрзбр.). Она (нрзбр.) А я ўля-жу, я думаю, шо оны спиваем у нэй у колідоре, оно ж вон откуда слыхать. О! Опять гита-ры(?) кто-то ночью. Опять...

Р.В.: То верно, вечером сядешь на скамейке и... начинаем.

М.П.: А вот эту вы же не знаете, наверное, это военная, я щас спою.

Р.В.: Давайте, пойте.

М.П.: Когда ещё в столовой была, тада, я там пела, была. Ну, не всуждайте.

Р.В.: Да уосподи!

М.П.: Може знаете, дак подтянете.

Р.В.: Ну давайте!

М.П.: Между гор, крутым Уралом,

Где стояли мы в рядах,

Пробирался ночью темной

Санитарный наш отряд.

Пробирался ночью темной

Санитарный наш отряд.

Впереди идут повозки,

А на повозке красный крест.

А в повозке только слышно –

Стоны раненой боец.

Вот до станции доедем,

Напою и накормлю,

Перевязки всем поправлю,

А жёнам письма напишу.

А сестра та пишет, пишет,

А на сердце тижало... (плачет)

Тижало её петь. Щас, подождите.

А.А.: Ну ладно. Нэ плачь.

М.П.: А на сердце тижело.

Ее муж давно убитый,

А сердце кровью облилось.

А.А.: Таку мы не знаем. Я, например, нэ знаю, може, хто знает...

М.П.: Ну ничё ведь? Но вот... дат... давит оно, от поёшь, и ещё вот ка... куплет, ну...

Ну и правильно, вот на л(о)шадях едут, (нрзбр.)

А.А.: Усё, нэ плачь.

Р.В.: Видро...

А.А.: Усиуда приходэ, я...

М.П.: Выпила, выпила,

И себя похвалила,

А я паночкого роду,

Пью горилочку як воду. <...>.

Р.В.: Давайте, я про любов спою.

Н.Ф.: Ну давайте. А потом я вот «Кто-то третий», тоже про любовь.

Р.В.: Вьется, наче змийка,

Невэлычка ричка,

Тулытся блызэнько,

Промеж бережкив.

А на тому боци,

Там живэ Маричка
В хате, що сховалась
У зэлэный бир.
А як с хаты выдэ,
На порози встанэ,
Заблищит красою,
Ширше чим реки,
А як улыбнэтся,
Щэй с пидлюба глянэ,
«Хоть прыгай у воду», –
Кажуть парубки.
Так нэхай же вьется,
Нэвэличка ричка.
Всё равно дорогу
Я в той край найду,
Чуешь чий нэ чуешь,
Чорвона Маричка,
Я до твою сэрдца
Кладку прокладу.

Н.Ф.: Так, давайте я спою. «Кто-то третий».

Рябины лист колышет ветер,
Тропинка вдаль уводит нас.
А кто-то третий, а кто-то третий
С тропинки той не сводит глаз.
А кто-то третий, а кто-то третий
С тропинки той не сводит глаз.
Луна за речкой ярко светит,
Волна сливается с волной.
А кто-то третий, а кто-то третий
Один остался за рекой.
А кто-то третий, а кто-то третий
Один остался за рекой.
А завтра мы с тобою встретим
За речкой зореньки восход.
А кто-то третий, а кто-то третий
Вновь до рассвета не уснет.
А кто-то третий, а кто-то третий
Вновь до рассвета не уснет.
Ох, нелегко на белом свете,
Свою судьбу-любовь найти.
Ещё трудней остаться третьим
На долгом жизненном пути.

Ох, нелегко остаться третьим

На долгом жизненном пути.

Р.В.: Молодец.

Н.Ф.: Да отдашь... Чё затихли? Такая песня грустная (нрзбр.)

Р.В.: Давай эту... «Васильковое поле». «Васильковое платье».

Н.Ф.: Да что вы будете, я только буду петь?

Р.В.: Ну, я ж не знаю.

Н.Ф.: Давайте такие, какие? «Мороз».

Р.В.: Опять «Мороз»?

М.П.: Ну «Мороз» же пели.

Н.Ф.: Разве?

А.А.: Та ты за ным соскучылась что ли? (нрзбр.)

Н.Ф.: Ну, давайте другую.

Н.Ф.: Васильковое платье и глаза-васильки,

Я стою и не знаю, как к тебе подойти.

Я стою и не знаю, как к тебе подойти.

Васильковое платье и глаза-васильки.

В вальсе кружатся пары, нет веселью конца,

Подойти не решаюсь – вот какая беда.

Я стою и не знаю, как к тебе подойти,

Васильковое платье и глаза-васильки.

Для тебя я бы звезды достал,

И тебе я бы это сказал,

Но стою и не знаю, как к тебе подойти,

Васильковое платье и глаза-васильки.

Вот окончились танцы, ты уходишь одна.

Подойти не решаюсь – вот какая беда.

Я стою и не знаю, как к тебе подойти,

Васильковое платье и глаза-васильки.

А.А.: Так, давайте чай, ешти, бо вы ничё нэ йлы. <...>.

М.П.: Полюбила мужа,

Мужа пьюнчука.

Н.Ф.: Полюбила тракториста,

Думала он пашет.

Прихожу к нему на поле,

Он трусами машет.

М.П.: Мою частушку спела. <...>.

М.П.: Щас я про мужа про сво(е)го спою.

Н.Ф.: Давайте.

Полюбила мужа,

Мужа-пьюнчика.

Ничего не робит,
 Только пьет.
(вместе)
 Ничего²⁰ нэ робэ,
 Тилька пье.
 А придэ до дому,
 А придэ до дому,
 Жинку бье.
 Жинку бье.
 «Нэ бей мэнэ, милой, нэ карай».
 Бросю малых деток,
 Бросю малых деточек,
 Дай пойду ў Дунай.
 М.П.: А то я уеду,
 А то я уеду на Дунай.
 А.А.: *А я скажэ, у Дунай пидэ. Она пойдэ?*
 М.П.: *Поедет.*
 А.А.: *На Дунай? А-а. (нрзбр.)*
 Н.Ф.: *Ну вы сбили.*
 М.П.: *Сбили.*
 А.А.: *Та она не знала то та (нрзбр.)*
 М.П.: *Да зна... Я знаю её всю, но сбили.*
 А.А.: *И я знаю (нрзбр.).*
 М.П.: *И ты знаешь, а чё ж ты... На Дунай поехала.*
 А.А.: *(нрзбр.) и када я ей спивала.*
 М.П.: *Щас, подожди.*
 Р.В.: *Уоворят, плохо, когда не знал да забыл ещё.*
 М.П.: А то я уеду,
 А то я уеду на Дунай.
 Ой, вернися, мила,
 Ой, вернися, жёнка,
 Ой, вернися, жёнка, до дому.
 Ложки не мыты,
 Чашки побыты,
 Сидят дети плачут на печи.
 А.А.: *Диты кричат, хотят исть-то, як это... И ложки не мыты...*
 М.П.: *Ложки не мыты, чашки побыты, сидят дети плачут на печи.*
 Ой, вернися, жёнка,
 Ой, вернися, мила,
 Ой, вернися, жёнка, до дому.
 Ой, не буду быты,

²⁰ Вариант: ничоуо.

Буду я любыты.
Ой, вернися, жёнка, до дому.
Ой, вернулася жёнка,
Ой, вернулася мила,
Ой, вернулася жёнка до дому.
Ложки не мыты,
Чашки побыты,
Сидят дети плачут на печи.

М.П.: Всё перебил и детей загнал. <...>.

Н.Ф.: Давайте «Калину» споём. Знаете?

Ой, калина, ой, малина,
В речке тихая вода.
Ты скажи, скажи, калина,
Как попала ты сюда?
Ты скажи, скажи, калина,
Как попала ты сюда?
Как-то раннею весной
Парень бравый прискакал,
Долго мною любовался,
А потом с собой забрал.
Долго мною любовался,
А потом с собой забрал.
Он хотел меня, калину,
Посадить в чужом краю,
Не довез он, в землю бросил,
Думал, что я пропаду.
Я за землю ухватилась,
Стала на ноги свои,
Навсегда здесь поселилась,
Где щебечут соловьи.
Трактористы, комбайнёры
Проезжают часто тут,
Тонких веток не ломают,
Цвет калины берегут.
Ты не дуй, холодный ветер,
Не считай за сироту,
Я с землею породнилась,
Вот по-прежнему живу.

М.П.: Хороша песня. А я у Сашки када ходила, вот эту включут... Но давно же не была.

Н.Ф.: Это поёт Кадышева эту песню.

М.П.: Вот надо мне записать её, вот, поехать в район, может, там есть...

Н.Ф.: Кадышеву диск кўпите, там есть.

М.П.: Да? <...>.

А.А.: Давай таку, шоб уси знали. «Васыльку».

По-за лууом зелэнэньким,

По-за лууом зэлэнэньким,

Брала вдова...

А.А.: Медленней только.

Брала вдова лён дребнэнький.

Она брала, выбирала,

Она брала, выбирала

Тонкий үолос подавала,

Тонкий үолос подавала.

Тонкий үолос, үолосочок.

Тонкий голос, үолосочек.

У зэлэненский садочек.

Там Васылько сено косэ,

Там Василько сено косэ,

Тонкий үолос перэносэ.

Тонкий үолос пэрэносэ.

Бросыл косу до долоньку,

Бросыл косу до долоньку.

Склоныв на стил үоловоньку,

Склоныв на стил үоловоньку.

Вышла маты из кимнаты,

Вышла маты из кимнаты,

Стала Васыля пытаты,

Стала Васыля пытаты:

«Чё, Васылько, унываєшь?

Чё, Васылько, унываєшь?

Чёуо нэ пьешь, нэ гуляешь?

Чёуо нэ пьешь, не гуляешь?»

«Позволь, матэ, вдову браты,

Позволь, матэ, вдову браты,

Тоды буду пыть, үуляты,

Тоды буду пыть, үуляты».

«Нэ дозволю вдову браты,

Нэ дозволю вдову браты.

Вдова вмие чароваты,

Вдова вмие чароваты.

Чаровала мужа своуо,

Чаровала мужа своуо.

Прычаруе сына мого.

Прычаруе сына мого».
«А я чары не боюся,
А я чары нэ боюся,
Та й на вдови ожэнюся,
Та й на вдови ожэнюся».
По-за лугом зэлэнэньким,
По-за лугом зэлэнэньким,
Брала вдова лён дребнэнький,
Брала вдова лён дребнэнький.

А.А.: И ты кричишь!

М.П.: И я кричу.

А.А.: Так надо не кричать, как я не кричу. <...>.

А.А.: Катылась да ясна зоря с нэба

Да й упала до долу.

Журилася же дивчина молода

Нет, не так. Мотив не той.

Катылася да ясна зоря с нэба.

Да й упала до долу.

Журилася ж до молода дивчина

Да своею бедой.

О, нэт. Вот мотив я (нрзбр.). Вот и песня, така, было, спевать, что....

Н.Ф.: Ну пойте хоть таким мотивом.

А.А.: А?

Н.Ф.: Пойте хоть...

А.А.: Дак вишь, оно вот той...

Журилася ж до молода дивчина

По своею бедой.

Ой, что ж мэнэ да дивкóй молодою же,

Дай провэдэ до дому?

Обиззався да козак молодэнький.

«Уляй, уляй, дивчиноньку, я до дому провожю». Она как: «Проводь, проводь, козачень-ко, проводь, не борыся. Да за мною, козаченька, (нрзбр.) Да хотят мэнэ да за пьяныцю от-дати». (обращаясь к Р.В.) Не знаешь? Ну, она, вишь, ие надо... чтобы-ы...

Р.В.: Наверно, мало пид столом сидэла.

Д.Г.: Почему под столом?

Р.В.: Ну, я ж песни слушала. Кода наши собирались, а я залезу под стол... (обращаясь к А.А.) Ну помнишь, твоя-а мать, моя...

А.А.: Да, а чё ж. Кум и кум – от тут-то идти-то.

Р.В.: Не ўовори.

А.А.: А! Батя приехало пьяный, трэзвый слова нэ видел, а як пьяный был – мамочки мои. Пляшет! Поёт! (смеётся) (обращаясь к М.П.) Яку ты хотила?

М.П.: Это вот, наверно, «Сиротою я выросла», что «моряки», да?

Сиротою я выросла,
Как пылинка в поле.
Моя молодость прошла
В горе да неволе.

Вот про моряков.

А.А.: Чё-то я не помню такую...

М.П.: А вот вспомни. Тот раз так вот.

Н.Ф.: Ну, вы начните, а, мож, вспомните.

М.П.: Ну, давай, я вспомню. Запою.

Сиротою я выросла,
Как пылинка в поле.
Моя молодость прошла
В горе да в неволе.
До семнадцати лет...

Как былинка в поле... Щас, подожди, подожди, не смейтесь, щас.

По людям ходила.
Где качала я детей,
Где коров доила.
Подоившись, я коров
Молочком поила.

Да. А тут вот как-то...

Моряки, вы моряки,
Алы ваши губки,
Ты возьми, моряк, с собой...

А.А.: Это ты придумала.

М.П.: Прокати на шлюпке.

Р.В.: Мотив другой.

М.П.: Ну этот же!

Н.Ф.: Мотив тот же.

М.П.: Моряк с собою не берет.

Спроси совета.
Мать совета не дает
Ехать с моряками.
Не послушала она

А.А.: Маминогo совета, и поехала она с ними вокруг света.

М.П.: Вот, подожди.

Маминогo совета,
И поехала с ними
Вокруг белого света.
Живёт годик,
Живёт два,
Соскучилась по маме.

Поедем, сын, туда...

Нет, перепутала я всё.

А.А.: Прошёл год, прошёл другой... Дак она вэрнулась.

М.П.: Живёт годик, живёт два...

А.А.: «Прими же внука...

М.П.: Мать родная,

Через годик назовёт
Бабушка родная.
«Ступай ты, дочь, туда,
С кем совет имела.
Ты совета моего
Слушать не хотела».
По Амуру по реке
Женский труп несется.
А матрос на корабле
Едет да смеётся.

Н.Ф.: Ну, это песня хорошая.

М.П.: Ну она хорошая вот...

Н.Ф.: Длинная.

А.А.: Начала у нэй нету. <...>.

А.А.: Вот это была песня, стары-ынна-старынна.

Половина да саду цвите – *ми её даже в школе (нрзбр.)* –
Половину вяняэ.
Тяжко Ивашко на сёрдэчке,
Як вечер настал.
Тяжко, тяжко да на сёрдэчку,
Як вечер настанэ же.
Уси хлопци на улицы,
А моуо нэма.
Пошли хлопци да на улицы,
А моуо немае.
В чистом поле, на рóзде
Коня да наповае.
В чистом поле, на рóзде
Коня да наповае.
А кинь ирже, воды нэ пье.
Дороженьку чует.
А кинь ирже да воды нэ пье,
Дороженьку чует.
Дыть мой мылой, чернобрывой,
Друуою ночуй.
«А ночуй, ночуй,

Да мой мылынький,
Да й нэ прыходайся,
А прыедэш ты на улыцю,
Да й нэ сознаваўся».
А пришёл, пришёл,
Да й на улыцю,
Всю правду сознаўся:
«А в цэ ж тая е крыныченька,
Шо ёю умывався.
А в цэ же тая да крыныченька,
Шо ёю умывався.
А в цэ же тая и дівчоночка,
Шо я е повлюбляўся».

Дак ты ж тай ж стары-ынна-старынна ж песня, мы даже в шко-оле было её спивали (нрзбр.). Нэ знала? То ты на том краю живеш, ты уже забула ие. Ты як на тут жила б в нашем круге, ты б знала. Это стары-ынна-старынна, ще я знаю, ще... в детстве.. это. <...>.

А.А.: Звилиста ўора,
Звилиста друґа,
По мэж тэмы крутымы ўорамы
Всходыла зоря.
Ой, то ж не зоря,
Дивчина ж моя
З билим лычиком,
З чэрымы бровамы.
По воду ишла.

Н.Ф.: Не пели.

М.П.: А знаеш? Подпевайте. Рай, ты знаеш?

А.А.: «Дивчина ж моя,
Напой коня.
Из новой срубаной крыницы,
Из полноуо ведра».
Она отвечат:
«Ой, козаче ж мий,
Нэ був... нэволя моя.
Тоди буду коня напуваты,
Як буду я твоя».

Н.Ф.: Не, не пели.

А.А.: Не знаеш тоже?

Д.Г.: Анисья Андреевна, ну, спойте вы.

Р.В.: Спой одна.

А.А.: Ох ты, ўосподи, шо я, артистка тут?

Н.Ф.: Давайте.

Звилиста җора
Звилиста друҗа,
По мѣж тѣмы крутыми җорамы
Всходыла зоря.
Ой, то ж не зоря,
Дивчина ж моя
З билым лычиком,
З чѣрными бровамы.
По воду ишла.
«Дивчина ж моя,
Напой коня.
Из новой срубаной крыныци,
С полноҗо ведра».
«Козаченько ж мий... <...>
Нѣволя моя.
Тоди буду коня напуваты,
Як буду я твоя.
Тоди буду коня напувати,
Як буду я твоя».

А.А.: Тож не знаешь?

Р.В.: Да вот так помню, шо пели. Отец пел хорошо её.

А.А.: Сидай на коня да й поидѣм до моҗо двора. А, наверно, во тѣ вона, наверно и е. А, пидожди. Пидожди.

«Дивчина ж моя,
Сидай на коня.
Да й поедѣм у чистое полѣ
До моҗо двора».
А там ни двора
Нѣма, ни кола.
Тильки стоить
Одын куст калыны,
Да й та нѣ цвѣла.
Тильки стоить
Одын куст калыны,
Да й та нѣ цвѣла.

А.А.: Дивчина моя... И всё?..

Н.Ф.: Села на коня и поехала до куста калыны.

А.А.: А, вин привиз ие, а там нѣма ни кола, ни двора, тильки стоить куст калыны, и та нѣ цвѣла.

Н.Ф.: Вези меня назад.

А.А.: Аҗа (смеѣтся)

Н.Ф.: Посадил на... Посадил её опять на коня и поехали-и от калины... о-опять домой! Что вижу, то и пою, мне кажется, раньше было. Придумывалось само. Ну это шо... «Иди коня напои». – «Да чё я... Вот буду твоей, тада буду это, коня поить». – «Ну садись, поехали». Чёрт с тобой, сели, поехали. При... «Куда ж ты меня привёз! Тут же ничего, ни кола, ни двора!» – «А вон, калина ж стоит. Здесь и будем с тобой жить». От так. Выкопали землянку...

М.П.: А вы думали, чё, жизнь пережить так что ли?

Н.Ф.: Выкопали землянку...

М.П.: Всё надо испытать. И хорошее, и плохó. <...>.

(все вместе)

Ой, при лужку, при луне,
При счастливой доле,
При знакомом табуне
Конь гулял по воле.
При знакомом табуне
Конь гулял на воле.
Ой, гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не споймаю,
А споймаю – зауздаю
Шёлковой уздою.
А споймаю – зауздаю
Шёлковой уздою.
Вот поймал парень коня,
Зауздав уздою,
Тронул шпоры под бокам –
Конь летит стрелою.
Тронул шпоры под бокам –
Конь летит стрелою.
Ой, лети, лети, мой конь,
Да й нэ промахныся,
Против мылоей двора
Стань, остановыся.
Против милого²¹ двора
Встань, остановыся.
Дай вдаи копытамы,
Щёбы вышла да красна девка
С чёрными бровямы.
Щёбы вышла красна девка
С чёрными бровями.
Ой, нэ вышла красна дивка,

²¹ Вариант: милкина.

Вышла ии маты.
«Здравствуй, здравствуй,
Милый зять!
Пожелай у хату.
Милый зять!
Пожелай у хату».
«А я ў хату нэ пиду,
Пиду во светлицу,
Разбужу я крепкий сон,
Спящую девицу.
Разбужу я крепкий сон,
Спящую дивчина».
А девица встала,
Да й сон рассказала,
Правой ручкой обняла,
Ще поцеловала.
Правой ручкой обняла,
Ще²² й поцеловала.

А.А.: От мы дак мы!

Н.Ф.: Какая бесконечная!

А.А.: Понятно?

М.П.: А ты думала! <...>.

Н.Ф.: Анисья Андреевна, про лодку.

А.А.: А?

Н.Ф.: Про лодку.

А.А.: А щас я пид... о! Надумала.

Посеяла огирочки
Блызко над водою,
Сама буду полываты
Дрибною слезою.
Сама буду полываты
Дрибною слезою.
Ростить, ростить, огирочки,
Четыре лысточка.
Нэ бачила мылэнького
Четыре годочка.
Нэ бачила мылэнького
Четыре годочка.
Только тоди побачила,

²² Вариант: Да.

Як черэду гнала.
Не посмела сказать: «Дравствуй»,
Бо матэ стояла.
Не посмела сказать: «Дравствуй»,
Бо матэ стояла.
Бо матэ стояла,
А батько дивывся,
Не посмела сказать: «Дравствуй».
Шоб не насварився.
Не посмела сказать: «Дравствуй».
Шоб не насварився.

А.А. (Наталье Фёдоровне): Ты чё, нэ знаеш?

Н.Ф.: Сварился?

Р.В.: Насварився.

А.А.: (нрзбр.) Ну, ну, а ты попробуй так! Потэхэньку! С хлопцамы! Вот тоби и насварився.

Н.Ф.: А зачем сварился?

А.А.: А?

Н.Ф.: А зачем слово «сварился»?

А.А.: Ну насварився, нарууался.

Р.В.: «Не насварився», значит «не нарууай».

Н.Ф.: О-ой, во слова! «Сварился», «сварился» там... картофель сварился... Сварился. Не сварился!

А.А.: Посварився, а не «смырився».

Н.Ф.: Ну «посварився».

А.А.: Смырився. Смырився – это щё то... рууался, рууался – от нэ помырився. А то посварився. Ну! Ну! (смеётся) <...>.

М.П. (Анисье Андреевне): Ну-ка запевай «Шумел камыш».

Шумел камыш,
Деревья гнулись,
А²³ ночка тёмная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.
А поутру рано вставала,
Кругом помятая трава.
А поутру рано вставала,
Кругом помятая трава.
Да не одна трава помята –
Помята девичья краса.
Приду домой, а дома спросят:
«Ой, где ж ты доченька была?»

²³ Вариант: И.

А я скажу: «В саду гуляла,
Домой тропинку не нашла».
«А если дома ругать будут,
То приходи опять сюда».
Пришла к нему – его там нету,
Его не будет никогда.
Пришла к нему – его там нету,
Его не будет никогда.
Накрылась беленьким платочком
И горько плакать начала.
Накрылась беленьким платочком
И горько плакать начала.

А.А.: Ну, всё, кончили.

Н.Ф.: Кончилась. Щас опять подумаем, чё-нибудь ещё придумаем.

Г.Д.: Грустная такая. А весёлых нет никаких?

Н.Ф.: Ну, все какие-то...

Г.Д.: Шуточные какие-нибудь...

Р.В.: Анисья. Ой, там, на току, на базаре...

Н.Ф.: О! Эта бесконечная у вас тоже. Ну, давайте, давайте! Подпоёт!

А.А.: (нрзбр.)

Р.В.: Жинки чоловіка продавали...

А.А.: А я свою поведу...

Н.Ф.: Во, во! Пойте. Она бесконечная!

А.А.: Забула уже, як...

Н.Ф.: Там как на допечке (?)

А.А.: Ой, там на току, на базари

Жинки чоловіка продавали.

А я свою поведу... (нрзбр) до ладу

А я свою поведу

Да й продам.

Матузок з личчя отсукала,

Взяла мылоуо своего налэуала.

Да й повэла на базар,

До тэрлыцы привязала.

Да й повэла на базар,

До тэрлыцы привязала.

Як наехали покупальни,

Як наехали торуувальни,

Сталы думать да й гадать,

Что за тоуо мужа дать.

Сталы думать да й гадать,

Что за тоуо мужа дать.

А за цьоуо мужа трэба даты,
А за цьоуо мужа трэба даты
Пару конэй вороных,
Ще й сто рублей золотых.
Пару конэй вороных,
Ще й сто рублей золотых.
А я стала й подумала,
А я стала, подумала,
А мой милый чёрнобривый,
На работу нэ лэнывый,
Вин пинадобытся.
Вин насие, наорэ,
Нэ для кого²⁴ – для мэнэ.
Ой, мий милой сэрдэнько,
Пожалэю я тэбе.

А.А.: Пойдём до дому, милый той...

Р.В.: Так, пожалию я тэбэ.

А.А.: Чё нэ буду уже продавать. Цену дюже (нрзбр.)

Н.Ф.: Залыгала и повела.

А.А.: Ценю дюже вжи здорово набыла, ий нэ понравылось. <...>.

М.П.: А вот эту... петь, тоже она же военная: «Не вейтеса чайки над морем»

Не вейтеса чайки над морем,
Вам негде, бедняжечкам, сесть.
Слетайте в Сибирь, край далёкий,
Снесите печальную весть.
В двенадцать часов тёмный ночи
Убили Алешу-молодца.
В двенадцать часов тёмный ночи
Убили Алешу-молодца.
«Ох, стань-ко, ты стань-ко, сын мой милой,
К тебе товарищи пришли».
«Ох, рад бы я, рад бы встать, папаша.
Тяжелыя рана в голове.
Ох, встал бы я, встал бы я, папаша.
Тяжелыя рана в голове».
А шинель его, фуражка на кустике висит.
А конь его буланой у кустика стоит.
«Прощайте, вы братья мои, сёстра,
Прощай же, красавица моя.
Ещё прощайте, мои сёстра,

²⁴ Вариант: сибэ.

Прощай, мать и мой отец,
А ещё же прощай дорогая,
С которой я шёл я под венец».

Вот и всё.

Н.Ф.: Молодец.

М.П.: Вот голос не даёт. Но ничё хоть маленько?

Н.Ф.: Хорошо, хорошо.

А.А.: А як у ту шо...

Сорвал он и с розочки цветочек,
И бросил, стоптал под ноугой.
«Зачем же ты топчешь ноуами
Безвынную душу мою?»

Як она начинается?

Н.Ф.: А чё-т мотив один?

М.П.: Мотив один такой.

Н.Ф.: Да, а песня другая, да? <...>.

*М.П.: Ох, ты, милочка моя,
Чем ты брови навела?
Ни чернилом, ни пером,
Из лохани помелом.*

Бей, товарищ, по окну,
А я по другому,
Заработаем тюрьму
По новому закону. <...>.

М.П.: На нас напали злые чехи...

А.А.: Ой, умру я, умру я...

М.П.: Давай. И то хороша.

А.А.: Знаешь же? Ты знаешь?

Н.Ф.: Никто не узнает, где могилка моя.

М.П.: Ну, давай, Анись, мы же пели тогда...

А.А.: А мы же ты... не ты ли(?) запысывалы?

Н.Ф.: Да... она ж не так начинается.

А.А.: Ой, умру я, умру я,

Похоронют миня...

Н.Ф.: Она не с начала. Это военная песня. «И никто не узнает, где могилка моя».

А.А.: Ни-и, подожди.

Н.Ф.: Это другая?

М.П.: Ну как вот, ну?... <...>

М.П.: Ну ладно, шут с ним, запевай.

Н.Ф.: Давайте, мож это и есть первый (нрзбр.)

М.П.: Ой, помру я, помру я,

Похоронют меня,
И родные не узнают,
Где могила моя.
На могилу мою,
Знать, никто не придёт,
Только раннею весною
Соловей пропоёт.
Пропоёт и просвищет,
И опять улетит,
А скромна моя могила
Одиноко стоит.

М.П.: Второй куплет пропустили. Сбились-то. Начинай, а то глядишь на меня.

Р.В.: А с заду лучше начинать.

Н.Ф.: Давайте заново начинайте петь.

М.П.: Раз ухаживал за девушкой три года.

Она очень красивая была,
И на всё же она соглашалась,
Потому что любила меня.
И на всё же она соглашалась,
Потому что любила меня.
Раз я выпил с друзьями по привычке,
На свиданье²⁵ я к ней поспешил,
Долго-долго на улице гуляли,
А потом пригласила меня в сад.
В том саду было тихо, спокойно,
Меж деревьев светила луна,
На зелёном ковре мы сидели,
Целовала Наташа меня.
На зелёном ковре мы сидели,
Целовала Наташа меня.
«Ты привык с каторжанами знаться,
Ты привык каторжанок любить,
Надо мною пришёл надсмеяться,
Молодую мне жисть погубить.
Надо мною пришёл надсмеяться,
Молодую мне жисть погубить».
Закипела тут кровь у Ванюши,
Уговаривать Наташу он стал,
А Наташа ему отвечала:
«Милый Ваня, не трогай меня».

²⁵ Вариант: свиданку.

А Наташа ему отвечала:

«Милый Ваня, не трогай меня».

Всё.

Р.В.: Нет, ну... не всё ещё, наверно.

*М.П.: Ну не всё, ну... «Гадайте же в эту минуту...» как тут... тут я не ставлюсь(?)
Ну-ка?*

М.П.: (Анисье Андреевне) Ну что ж ты дума(е)шь, подруга?! Раньше пели всё...

А.А.: Ну подумать надо же (нрзбр.)...

М.П.: Подруга ты, подруга,

Соперница моя,

Отбила мила друга,

Люби его, как я.

Ну как, и это не знаешь?

А.А.: Тьфу! Щас, щас тильки той... «Ой, там на горе, ой, там на крутий, ой, там сидело три на... пару голубей». Но то песня, а потом по телевизору я раз слыхала, т-оолько раз, одна женщина пела, вина, знаете, но до того пела, что просто аж с души вылетало. И девчушечка з нэю. Вот эту песню, что то мы, вот то мы пели.

М.П.: «Голубей», да?

А.А.: Ну ты веришь? Аж плакать хотелось.

М.П.: Ну давай споем. Я теперь уже подтяну маленько.

А.А.: У нэй мотив такой жалобный...

М.П.: Не маленько, а (нрзбр.).

А.А.: ... прямо аж (нрзбр.) той. И девчонка така (нрзбр.) спела.

М.П.: (нрзбр.), а сама пою, но всё равно мешает. Кто б надо рядом.

А.А.:

Ой, там на горе,

Да, ой, там на крутий,

Ой, там сидило же пару голубей,

Ой, там сидило же пару голубей.

А в нэй и голос такой. Ну, жа-алобный, прямо да протя-ажный!

М.П.: Давай, давай.

А.А.: Оны сидили дай порувалыся.

Сызымы крыльми же обнималыся,

Сызымы крыльми же обнималыся.

Ой, гдэ же увзялся, дай охотник-стрелэц

Пидбыл, разлучил и пару голубей,

Пидбыл, разлучил и пару голубей.

А голубы вбыл, а голубку сгубыв,

Увзял пид полу же, прынис до дому,

Увзял пид полу же, прынис до дому.

Ой, голуба вбыл, а голубку суубыл,

Принис до дому дэ пустил до долу,
Принис до дому жэ пустил до долу.
Насыпал пшенця аж до колинця,
Налыл водыци жэ аж пид крылици,
Налыл водыци жэ аж пид крылици.
Үолубка ны ист да үолубка ны пьет,
На круту үору да всэ плакать идэ,
На круту үору жэ всэ плакать идэ.
Үолубка моя, да сызокрылая,
Яка ж ты вдалася хлопотливая,
Яка ж ты вдалась ай хлопотливая.
Приуоню тоби аж семь пары үолубий,
Летай, выбирай, дэ краший, тот твий,
Летай, выбирай, дэ краший, тот твий.
«Ой, я же летала, ой, я ж выбирала,
Нэ так вин үудэй жэ, як до менэ тэй.
Не так үоркуче жэ, як истэ хоче.
Не так үоркуче жэ, як истэ хоче,
Немае тоҫо да, шо люблю ёҫо,
Немае тоҫо да, шо люблю ёҫо».

Н.Ф.: Чё замолчали? Дальше.

А.А.: Как дальше? Она кончилась.

Н.Ф.: Другие.

Д.Г.: Вот, Раиса Васильевна, какие-то слова вы вспомнили...

Р.В.: А, ну «Три үороды посадыла»? (Анисье Андреевне) Ты знать должна её. «Три үороды посадыла, одна дыня уродыла».

Н.Ф.: Ну давайте, спойте. Шуточная, наверно. А то все...

А.А.: «Эй, үуляю я...» А дальше я чё-то не...

М.П.: «Гуляю я... Ну-ка, Рай... Я тоже знала.

А.А.: Ну а дальше?

Р.В.: Три үороды посадыла,

Три үороды посадыла,

Одна дыня уродила.

Эх, үуляю я! Эх, үуляю я!

Повезла я продаваты,

Повезла я продаваты,

Да нэ знаю, что казати.

Эх, үуляю я! Эх, үуляю я!

Собралыся добры люди.

Ой, скажите, добры люди,

(нрзбр.) мине будэ?

Эх, үуляю я!

А.А.: Ну а дальше як?

*Р.В.: Пока люды цену далы,
Пока люды цену далы,
А цыгане дыню кралы,
Эй, үүляю я! Эй, үүляю я!
Ой, цыгане, добры люды,
Ой, цыгане, добры люды,
А шо ж менэ дома будэ?
Эх, үүляю я! Ой, үүляю я!
Доезжаю я до хаты,
Доезжаю я до хаты
Да не знаю, шо казаты.
Эх, үүляю я! Эй, үүляю я!*

Н.Ф.: Всё, забыли?

А.А.: Да не ўовори. Ещѐ вона й той...

Р.В.: Она длинна тоже.

М.П.: Цыгане, они всё сопрут! <...>

*М.П.: Милый в армию поехал,
Я глаза им повела.
Он до части не доехал,
Я другого завела.*

Н.Ф.: Ну вот, точно, как я про Афган пела.

М.П.: Ну и я так же! Одного проводила с Брянского, а этого... с Казахстана приехал...

Н.Ф.: А тот где?

М.П.: Ну, я и не поехала с нём в Брянск.

Н.Ф.: Ну, напишите в «Жди меня», может, он тоже одинок, сойдѐтесь.

М.П.: Да ну!

Н.Ф.: Будете жить.

М.П.: Не надо мне. Я привыкла одна.

Р.В.: Ну, ещѐ мало, как умер.

М.П.: И парень был хороший. Вместе работали. Зачем он мне нужен, у него жена да дети, я пойду...

Н.Ф.: Откуда вы знаете?!

Р.В.: Да, откуда вы знаете?

Н.Ф.: Может, он вдовец уже давно.

М.П.: Не надо мне.

Р.В.: День и ночь (нрзбр.)

М.П.: Я привыкла сама себе.

Н.Ф.: Вот и мы тоже про то же.

А.А.: А то же сколько у в этой, (нрзбр.)?

М.П.: Лет шесть, наверно, уже.

Н.Ф.: А чѐ он, раньше наших (умер)?

А.А.: Ну, вроде, недавно.

Р.В.: Раньше, раньше.

Н.Ф.: Раньше?

Р.В.: Нашим четыре.

Н.Ф.: Ну лет шесть же прям? Да ну!

М.П.: Он помер, а за нём Федя помер Павленкин. <...>.

Г.Д.: А когда в армию провожали, вот старые песни? На войну провожали. Там какие песни были?

М.П.: А, в армию что провожали, да? Как её, «Последний нынешний денёчек», да, поют? Када в армию.

Последний нонешный денёчек

Гуляю с вами я, друзья.

А завтра рано, чуть светочек,

Заплачет вся моя семья.

Заплачут братья мои, сёстра,

Заплачет мать и мой отец.

Ещё заплачет дорогая...

Ещё заплачет тот товарищ,

С которым часто выпивал.

Ещё заплачет дорогая,

С которой вместе гулял.

Коляска к дому подкатила,

Колёсы об землю стучат.

С коляски старший отвечает:

«Готовьте сына своего».

Крестьянский сын давно готовый.

Семья вся замертво лежит.

А.А.: А дальше я... нэ пускаю(?) щас.

М.П.: Ну, вот ещё раз повторить.

А.А.: Е-ес семья вся... Так, наверно, и вся тай?

М.П.: Семья вся замертво лежит... Хороша песня.

А.А.: Какие были, о, всэ пэрэспевали, правда?

Д.Г.: А свадебные ещё? Нам Анисья Андреевна свадебные пела, а свадебные ещё какие?

М.П.: Ну-ка давай!

А.А.: Шо?

М.П.: Свадьбишину какую-нибудь.

А.А.: Свадьбенну?

М.П.: Да.

А.А.: Надевай венок, спую!

Н.Ф.: Вы, бедолаги, не знаете, чё и петь, да?

М.П.: А мы всё перепели.

Н.Ф.: Перепили, перепели.

М.П.: И в армию раз провожали, тоже надо...

Н.Ф.: Ну вспоминайте песни, это, свадебные! Обручальное кольцо-о!..

М.П.: Ой, да ты кали-инушка...

Н.Ф.: Во-от!

Р.В.: Это разве свадебная?

М.П.: ...размали-инушка... Ну-ка! Ой, да ты не сто-ой, не стой!

Р.В.: Ну какая свадебная!

М.П.: ...не горе круто-ой...

А.А.: Так то ж не свадебна.

М.П.: Ну, не свадьбина, ну...

Д.Г.: А дальше как?

М.П.: Ой, да ты не стой, не стой

На горе крутой.

Ой, да не спущай листья

Во синё море.

А.А.: В моря. У сини моря.

М.П.: Да. Ну-ка вот давай.

Во синём та море

Три... три или два солдата?

Р.В.: Три полка солдат...

Три полка солдат богу молятся,

Домой просятся.

Р.В.: Молодых ребят.

М.П.: Да. Ну вот знаешь, а тоже сидишь молчишь.

Н.Ф.: На побывку едет молодой моряк.

Грудь его в медалях,

Это вашей молодости песня, вспомнила...

Материалы раздела разнообразны по своему назначению и формам методического исполнения.

Особого внимания заслуживает статья доцента Благовещенского государственного педагогического университета О.Ю. Галуза, представляющая собой презентацию школьного диалектного словаря, созданного на богатой лексической и фразеологической базе амурских диалектных словарей, в первую очередь – на базе «Словаря русских говоров Приамурья», адаптированного для школьного восприятия и способствующего расширению поля знаний школьника о своей малой родине и воспитанию любви к ней.

Программа спецкурса «Старообрядцы Амурской области в аспекте языка и культуры», подготовленная доцентом Амурского государственного университета Н.Г. Архиповой, предназначена уже для студентов высшей школы. Спецкурс разработан с использованием полевых материалов, собранных автором во время фольклорно-диалектологических экспедиций в села Амурской области в 2001-2009 гг., и прошел апробацию у студентов, обучающихся по специальности «Филология» на филологическом факультете Амурского государственного университета.

Публикация краеведческих материалов к урокам русского языка и литературы о пребывании А.П. Чехова на Амуре особенно актуальна в 2014 г., когда исполняется 110 лет со дня смерти великого русского писателя. Материалы подготовлены учителем высшей квалификационной категории, нашим постоянным автором Г.К. Алексеевой.

Мастер словесности, учитель высшей квалификационной категории И.В. Королькова представляет разработку урока, посвященного лишь одному слову «плетень», и «рисует» его выразительный портрет, учитывая значение, происхождение, грамматические особенности, связи с другими словами. Каждое слово в языке, пожалуй, того стоит!

Учимся вместе!

УДК 81 286 (038)

О.Ю. Галуза

ШКОЛЬНЫЙ ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ ПРИАМУРЬЯ КАК ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматриваются аспекты и формы лингвокраеведческой работы, определяется ее значимость для школьников, в связи с чем обосновывается необходимость подготовки школьных региональных словарей, каковым является «Школьный диалектный словарь Приамурья», отмечаются особенности его содержания и структуры.

Ключевые слова: лингвокраеведение, региональный компонент, говоры, диалектная лексика и фразеология, диалектный словарь, словарная статья.

The article deals with aspects and forms of linguistic and local history study. It recognizes its significance for secondary school students and emphasizes necessity of compiling such school dictionaries as “School Dictionary of Amur Dialects”. Features of its structure and content are presented.

Key words: linguistic and local history study, regional component, dialects, dialect vocabulary and phraseology, dialect dictionary, dictionary entry.

Мысль о необходимости создания школьного диалектного словаря нашего региона впервые была высказана Е.А. Оглезневой. В статье «Школьный диалектный словарь как краеведческий источник» она пишет: «Своеобразие амурских говоров на языковом (в частности на лексическом уровне) оказывается достаточно ярко выраженным. В связи с этим особенно обидно почти полное забвение амурских диалектных слов в местной школьной практике. Поэтому важно не столько поднять пласт этих слов, сколько вместе с ним поднять пласт культуры амурского народа в широком смысле этого слова, через эти слова и с их помощью изучить жизнь и быт своих дедов – своё “родство”» [1, с. 50].

Обращение к истокам народной речи особенно актуально в настоящее время, когда на телеэкран, радио, страницы газет огромным потоком обрушились иностранные слова, жаргонизмы, грубое просторечие. В этих условиях важной становится лингвокраеведческая работа, которая, по словам А.П. Майорова, способствует реализации одного из самых актуальных и ответственных направлений государственной и культурно-речевой политики общества – сохранению и преумножению национального языкового богатства [2, с. 5].

Лингвокраеведение – это познание материальной и духовной культуры народа через её «первоэлемент» – язык, это изучение языка и фольклора определенного региона, той или иной местности [3, с. 4].

Лингвокраеведение предполагает разноаспектное исследование местных особенностей языка: 1) язык как культурно-историческая среда (отражение мира в слове); 2) говоры края в его прошлом и настоящем; 3) устное творчество и фразеология родного края; 4) язык городов данной местности, городское просторечие; 5) своеобразие местного быта и его отражение в этнокультуроведческой лексике; 6) язык местных писателей и местных средств массовой информации [4, с. 41].

Лингвокраеведение Приамурья имеет давнюю историю. Впервые о русской речи амурских казаков сообщил в 1910 г. читателям Сборника Императорской Академии наук не специалист-диалектолог, а краевед-любитель, бывший хорунжий Амурского войска Ахилл Бонифатьевич Карпов. В 30-е гг. XX в. записи народной речи на Амуре вел самоучка Григорий Степанович Новиков.

«Забвение» лингвокраеведения в середине XX в. связано с известной языковой политикой, когда бытовало мнение, что говоры исчезают, повсеместно вытесняются литературным языком, и была объявлена чуть ли не борьба с местными особенностями языка в речи людей. Но жизнь показала обратное: говоры не исчезли, в них, как и в любой языковой системе, происходят определенные изменения.

В 70-е г. активизировался интерес к народной речи, в том числе в педагогическом вузе и в школах Амурской области, что в дальнейшем нашло отражение в материалах областных конференций и семинаров: «Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы» (1999), «Инновационные подходы к обучению литературе и русскому языку» (2004), «Региональный аспект изучения народного слова» (2008). Из выступлений на этих конференциях стало известно об интересном опыте наблюдений над фольклором и говорами нашего региона многих учителей области.

Заслуживает внимания работа, проводимая в школе № 2 г. Благовещенска. Под руководством О.И. Косиловой и профессора педуниверситета Н.П. Шенкевец учащимися старших классов Владиславом Зацепиным и Анастасией Михолаповой на местном лексическом материале были подготовлены научные доклады, с которыми они в 2011 г. выступали на Российской научной конференции учащихся в г. Санкт-Петербурге и стали Лауреатами конкурса. В 2012 г. А. Михолапова вновь выступила на Российской конференции в г. Санкт-Петербурге с докладом «Свадебный обряд на Амуре (лексико-фразеологическая характеристика)» и получила диплом Лауреата 1-й степени, она стала также победителем интернет-тура Первого Всероссийского фестиваля русского языка и участницей финального этапа в г. Москве.

Краеведческой работой по языку и литературе в этой школе занимаются также Г.К. Алексеева и И.В. Королькова. Публикации их материалов можно найти в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», который выпускается кафедрой русского языка Амурского государственного университета.

Формированию заинтересованного отношения к народному слову во многом способствует знакомство с текстами народной речи, и самым доступным и богатым источником этого являются региональные словари.

В настоящее время лексические богатства русских народных говоров Приамурья отражены в таких трудах, как «Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского» [5], в «Словаре русских говоров Приамурья» 1983 г. [6] и в «Словаре русских говоров Приамурья» 2007 г. [7], во «Фразеологическом словаре русских говоров Приамурья» [8], в «Словаре охотников и рыболовов Приамурья» [9], в «Албазинском словаре» [10], в материалах к Словарю русских говоров Амурской области, которые помещаются в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово» [11].

К сожалению, не всем юным амурским читателям эти издания известны и доступны. А с введением регионального компонента в школьные программы, усилением внимания к разным аспектам краеведческой работы, в том числе к лингвокраеведению, подготовка «Школьного диалектного словаря Приамурья» стала реальной необходимостью.

«Школьный диалектный словарь Приамурья» (ШДСП) – словарь дифференциального типа, включающий около 1500 словарных статей, предназначен для учащихся средней школы и учителей русского языка и литературы. В него вошли диалектные слова и фразеологические сочетания разных тематических групп (лексика бытовая и промысловая; лексика, характеризующая человека и т.д.), одни из которых являются устаревшими, другие до сих пор активно употребляются в амурских селах. Диалектная лексика и фразеология, представленная в словаре, отражает самые важные стороны жизни амурчан, особенности их мировосприятия, народную языковую картину мира. В словаре показаны характерные для лексических единиц амурских говоров системные связи и отношения (синонимия, омонимия, вариантность). Словарный материал располагается в алфавитном порядке.

Во введении описываются содержание и структура словарной статьи, которая состоит из 1) заглавного слова с грамматическими и при необходимости стилистическими пометами; 2) толкования значения; 3) иллюстративного материала; 4) географических помет.

Заглавное слово приводится в орфографическом написании, сопровождается ударением. Грамматические пометы традиционны, как и в других словарях русского языка. Стилистические пометы указывают на 1) употребление слова в говорах (специальное, новое, уста-

ревшее), 2) эмоциональность, оценочность (ироническое, шутливо-ироническое, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уничижительное, снисходительное неодобрительное, одобрительное, презрительное, пренебрежительное), 3) экспрессивность, то есть степень проявления признака, действия (экспрессивное, уменьшительное, увеличительное). Если эмоционально-оценочные и экспрессивные характеристики слова трудно разграничить, используется помета *экспр.-эмоц.*

Формальные варианты, к которым относятся видоизменения одного и того же слова, имеющие одинаковое лексическое значение, но различающиеся одним-двумя звуками в корне (*мадежй-медежй, глохаль-глохърь-грохаль*), суффиксами или приставками (*молотйло-молотйлка, предпечек-прйпечек*), окончаниями (*вешалá-вёшалы*), даются в одной словарной статье и помещаются в заголовке.

Синонимы перечисляются после пометы «Ср.» в конце словарной статьи, где в качестве заглавного слова указывается и толкуется первый по алфавиту или наиболее распространенный в говоре синоним. Например: **ВЫШКА**, и, ж. Чердак. – Ср. К р ы ш а , П о д ы – з б и ц а.

По типу толкования лексических значений слов «Школьный диалектный словарь Приамурья» – толково-переводной: диалектные слова объясняются общерусскими средствами. Толкования некоторых слов, обозначающих особенности уклада жизни русских на Амуре (этнографизмов, профессионализмов), детализированы и сопровождаются рисунками.

Иллюстративный материал представляет собой записи диалектной речи, в которой зафиксированы заглавное слово или выражение, варианты слова. Диалектная речь передается в обычной орфографии, но с сохранением некоторых особенностей местного произношения (*знам, ломáт, яшшйк, шшó, леснá, котóра* и др.). Объем иллюстративного материала определялся необходимостью наиболее полно раскрыть значение лексической единицы, показать функционирование всех вариантов слова, шире представить косвенные грамматические формы.

Географические пометы указывают, в каком селе и районе или городе произведена запись речи. Они помещаются после каждого высказывания или реплики. Затем отмечается регион, в котором зафиксировано слово: Амур. – Амурская область, Хаб. – Хабаровский край.

В ряде словарных статей после иллюстративного материала вводится помета **Нов.-Даур.**, свидетельствующая о наличии лексической единицы в картотеке известного дальневосточного краеведа Г.С. Новикова-Даурского [5], изучавшего народно-разговорную речь Приамурья в период с 1926 по 1934 гг.

В «Школьном диалектном словаре Приамурья» собраны не только самые важные и интересные примеры диалектных амурских слов. В помощь организации лингвокраеведческой работы к словарю дается методическое приложение – советы учителю и учащимся, как использовать материалы словаря на уроках русского языка и во внеклассной работе, примерные планы и материалы для проведения кружковых занятий.

В частности, авторы отмечают, что слова из ШДСП могут служить прекрасными иллюстрациями фактически ко всем темам раздела «Лексика»: многозначные слова, синонимы и варианты, омонимы, фразеологизмы.

Учащимся возможно показать многообразие тематических групп диалектной лексики, которые отражают определенные фрагменты дальневосточной действительности, содержат

информацию о быте, деятельности сельских жителей. Например, одежда: *козляк, ергач, борчатка, гулами, казачок, курмушка*; головные уборы и рукавицы: *дыроватки, орогда, шубенки, вязенки, фальшонка, верхонки*; обувь: *котики, карпетки, крипотки*; берестяные изделия: *туесок, чуман, биток* и т.д.

Очень своеобразна группа диалектных слов, называющих человека по различным качествам. Это слова, рождающиеся непосредственно в процессе общения людей, в результате совместной деятельности, когда проявляется характер человека, его способности, когда возникает необходимость дать оценку делам, внешнему виду, отношению к другим людям. Часто такие слова становятся прозвищами, они носят качественно-оценочный характер, отличаются точностью, яркостью, выразительностью. Например, *валёжина* – ‘ленивый, неповоротливый человек’. «*Ну и валёжина, ни рукой, ни ногой лишний раз не двинет*» (Алб. Скв.). В литературном языке *валёжина* – ‘упавшее дерево’. Очень точно подмечено сходство малоподвижного ленивого человека с лежащим на земле деревом. Подобные примеры помогают понять учащимся, как возникает образность переносных значений диалектных единиц.

В одной словарной статье можно найти целые ряды слов, называющих одно понятие, иллюстрируются варианты слова и синонимы. Например, слово *суслик* (полевой грызун) в амурских говорах имеет 13 вариантов и синонимов. В ШДСП показаны некоторые из них: *ДЖИМБУРА́, ДЗЮМБУРА́, ЖИМБУРА́* – варианты (приведены в заголовке словарной статьи), *Е в р á ж к а, Н ы р ó к, П и с ч ú к, С у с л á к, Ю р á т к а* – синонимы (перечисляются в конце словарной статьи после пометы «Ср.»). А в иллюстративном материале – контексте – дается оценка этому явлению самими диалектоносителями: «*Четыре деревни сподряд суслика рáзно называли: Михайловка – суслик, Покровка – юра́тка, Сергеевка – писчу́к, Бибиково – дзюмбурá*» (Серг. Благ.). «*На жимбуров раньше охотился*» (Уш. Шим.).

Многолика и выразительна амурская диалектная фразеология:

- ♦ **Шипи́шная ба́ба.** Острая на язык женщина.
- ♦ **Ба́ба рога́тая.** Изделие из сдобного теста в виде кулича.
- ♦ **Бить ба́йдики.** Бездельничать.
- ♦ **Хвати́ть му́рцо́вки (мурцо́вочки).** Испытать лишения, большие трудности в жизни.
- ♦ **Дать разво́лочку.** Наказать.

Фразеологизмы так же, как и отдельные слова, могут быть объединены тематически. Они бывают многозначными, синонимичными, имеют варианты. Большая часть фразеологических единиц – это образные наименования.

Лексика местных говоров может использоваться на уроках русского языка и при изучении словообразования. В диалектах порой неограниченные возможности реализации той или иной словообразовательной модели. Например, пастбище в говорах Приамурья называют *гульбищем*, лесоруба – *дроворубом, дровоколом*, крапиву – *жалючкой*. Появляются многочисленные словообразовательные варианты: *белок – белыш, желток – желтыш, жеребёнок – жеребушка, приманка – заманка, утром – утре, утресь, выздороветь – оздороветь*.

Привлечение местного материала позволит оживить уроки русского языка, сделать их более содержательными и интересными, сможет побудить учащихся быть более внимательными к речи окружающих и к своей собственной речи, даст почувствовать истинную красоту, силу и значимость народного слова.

Однако на уроках русского языка обращение к региональным особенностям из-за ограниченного времени может осуществляться лишь при изучении отдельных тем в виде справок, экскурсов в историю слов.

Более эффективным и целесообразным станет использование регионального языкового материала, отраженного в ШДСП, во внеклассной работе. Приемлемой формой внеклассной работы является кружок, который позволит учителю организовать постоянную и систематическую работу с закреплённым составом учащихся по изучению того или иного лингвокраеведческого материала, а именно – диалектной лексики.

Название кружка может стать его девизом, например, «Живое слово Приамурья», «Алмазный язык моего народа», «В мире есть Россия, у нее слова из серебра» (А. Прокофьев), «Мне русская речь как музыка» (Н. Браун), «Создал народ наш слов златые горы» (В. Боков) и др.

Надеемся, что страницы «Школьного диалектного словаря Приамурья» раскроют любознательным читателям особенности народной речи русских жителей Приамурья, помогут понять мировосприятие людей, живущих в селах, постичь закономерности диалектного языка, углубить их лексикографическую компетентность. Изучение местной народной речи обогащает человека как языковую личность, дает возможность приобщить к народной культуре, показать все стороны русского национального языка, пробудить интерес к родному слову, научить уважать свой язык, свой край. И способствовать этому будет правильно организованная лингвокраеведческая работа, базой для которой может стать «Школьный диалектный словарь Приамурья».

Примерная программа занятий кружка по лингвистическому краеведению

Тема 1. Литературный язык и территориальные диалекты

Первое занятие вводит детей в круг тех понятий, которыми они будут пользоваться: «национальный язык», «литературный язык» и «территориальные диалекты» как основные разновидности русского национального языка, их сопоставление.

Основные отличия севернорусских и южнорусских говоров. Среднерусские переходные говоры.

Тема 2. «Мой учитель – живой русский язык» (В.И. Даль)

Жизнь и деятельность Владимира Ивановича Даля – пример гражданского служения Отечеству. Интерес В. Даля к русскому слову, российской словесности. Изучение народной речи, записи, сбор, накопление материала. «Пословицы русского народа», собранные В. Далем. Сказочник Казак Луганский (В. Даль).

Даль и Пушкин. Встречи, совет поэта написать Словарь. Совместная поездка по Пугачевским местам – Оренбургской губернии.

«Толковый словарь живого великорусского языка». Сбор материала. Работа над Словарем. Особенности словарных статей. Алфавитно-гнездовой принцип расположения материала. Достоинства и недостатки. Словарь Даля – энциклопедия русской жизни середины XIX в. Непреходящая ценность Словаря.

Тема 3. Формирование говоров Приамурья в связи с историей его заселения

Краткие сведения из истории освоения Дальнего Востока. Первые казачьи станицы на Амуре. История с. Албазина. Крестьянские села. Сопоставление сведений о ранних казачьих и крестьянских поселениях по данным словаря А.В. Кириллова.

Особенности амурских говоров. Вторичность говоров Приамурья. Их связи с забайкальскими, сибирскими и материнскими европейскими говорами.

Тема 4. Первые исследователи говоров Приамурья

«Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками» А.Б. Карпова, хорунжего Амурского казачьего войска (1910 г.). Экспедиционные поездки на Амур в 1913 и 1914 гг. М.К. Азадовского, выпускника Петербургского университета. Особенности диалектной лексики. Судьба собранного материала.

Записи народно-разговорной речи Г.С. Новиковым в Забайкалье (1913-1914 г.), в Приамурье (1926, 1932-1934 гг.). Тематический диапазон Словарной картотеки Г.С. Новикова-Даурского. Комплексная экспедиция 1928 г. в Приамурье А.П. Георгиевского, его выводы о говорах Приамурья.

Тема 5. Изучение русских говоров Приамурья во 2-й половине XX – начале XXI вв.

Диалектологические экспедиции в села Приамурья и создание словарных картотек. «Словарь русских говоров Приамурья» как результат сотрудничества словесников дальневосточных вузов. Центр лингвистики при Благовещенском педуниверситете и издание других словарей.

Лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета, фольклорно-диалектологическое направление ежегодных экспедиций в села Амурской области. Ежегодные выпуски фольклорно-диалектологического альманаха «Слово» по материалам экспедиций.

Тема 6. Знакомство со «Школьным диалектным словарем Приамурья»

Выходные данные ШДСП. Задачи словаря. Словник. Заголовочное слово. Словарная статья. Алфавитный порядок диалектных слов.

Понятие о диалектном слове. Типы диалектных слов с позиций носителя литературного языка.

Тема 7. Лексические богатства говоров Приамурья

Отражение в ШДСП особенностей дальневосточной природы, уклада жизни первых амурских поселенцев. Мировосприятие амурцев через призму слова.

Понятие о тематических группах слов. Характерные тематические группы в ШДСП. Историческая подвижность тематических групп диалектной лексики. Слова устаревшие и новые.

Тема 8. Синонимы в русских говорах Приамурья и их отражение в ШДСП

Синонимия как показатель богатых изобразительно-выразительных возможностей языка и народных говоров. Понятие о синонимах. Их типы. Синонимический ряд. Лексикографические средства подачи синонимов в ШДСП. Источники диалектной синонимии в реальных высказываниях амурчан.

Тема 9. Этнографическая лексика в русских говорах Приамурья и её отражение в ШДСП

Понятие об этнографизмах. Этнографическая лексика как показатель а) традиционной культуры русских людей, б) взаимодействия культур. Этнографизмы общерусские и диалектные. Наиболее яркие этнографизмы, представленные в ШДСП. Этнографизмы в рисунках, отражающие материальную культуру амурчан, и этнографизмы, связанные с духовной культурой сельских жителей (обрядами, суеверными предрассудками и т.п.). Энциклопедизм

в толковании значений. Использование этнографической лексики в музейной практике, публицистике, научно-популярной литературе.

Тема 10. Слова заповедные

Образность народного слова. Внутренняя форма слова. Мотивационный признак слова, положенный в основу названия. Мотивированные слова в ШДСП. Писатели и поэты об образности народной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оглезнева Е.А. Школьный диалектный словарь как краеведческий источник // Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 1999. С. 50.
2. Майоров А.П. Введение в лингвокраеведение Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. 114 с.
3. Кирпикова Л.В., Шенкевец Н.П. Лингвистическое краеведение в школе. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 1988. 28 с.
4. Кирпикова Л.В. Лингвокраеведение в Приамурье: возможности и перспективы // Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы: материалы областной научно-практической конференции. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 1999. С. 40-44.
5. Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского / Подготовка к печати Л.В. Кирпикова, В.В. Пирко, И.А. Стринадко; вступ. ст. и ред. Л.В. Кирпикова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 199 с.
6. Словарь русских говоров Приамурья / сост.: Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец; отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1983. 341 с.
7. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
8. Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: Л.В.Кирпикова, Н.П.Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. 155 с.
9. Словарь охотников и рыболовов Приамурья / авт.-сост.: Л.В.Кирпикова, Н.П. Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. 188 с.
10. Галуза О.Ю. Албазинский словарь. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 296 с.
11. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2–10 / под ред. Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005-2013.

УДК 800.86/87; 801.3; 801.1

Н.Г. Архипова

ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА «СТАРООБРЯДЦЫ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ»

В методической публикации автор предлагает в рамках специального курса освещение темы амурского старообрядчества на фоне старообрядческого движения в России для студентов-филологов высших учебных заведений. Лингвистический и историко-культурный анализ текстов осуществляется на базе материалов, собранных автором во время экспедиций 2001-2009 гг. в села, где проживают амурские старообрядцы.

Ключевые слова: филологическое образование, лингвистический анализ, старообрядцы, миграция, диалектная система.

The author proposes to include a theme of Amur Old Believers in a special course for students of Philological departments of Universities. Linguistic, cultural and historic analysis is performed on the corpus of texts collected by the author during expeditions (2001-2009) in the villages with Old Believers residents.

Key words: *philological education, linguistic analysis, Old Believers, migration, dialect system.*

Цель спецкурса – углубить языковедческую подготовку студентов-филологов в аспекте этнолингвистического анализа диалектного текста; познакомить с историей и современным состоянием языка и культуры старообрядцев мира, России и Амурской области.

В ходе изучения курса решаются следующие задачи:

- усвоить основные понятия курса, знать связь с другими лингвистическими дисциплинами;
- иметь представление об истории и современном состоянии старообрядчества, а также о специфике языковой системы современных старообрядческих говоров;
- знать о различных методах изучения языка и культуры старообрядцев.

Дисциплина органично связана с другими разделами лингвистики, непосредственно с курсом истории языка в его основных разделах: диалектологией, старославянским языком, исторической грамматикой, историей русского литературного языка, а также с курсом общего языкознания.

По завершении обучения в рамках дисциплины студент должен научиться:

- владеть системой знаний о прошлом и современном состоянии старообрядческих говоров, об основных этапах развития старообрядческого движения; иметь представление о жизни старообрядцев по данным их языка; получить сведения о духовной и материальной культуре, религиозных особенностях старообрядчества;
- знать классификацию старообрядческих толков и согласий, теорию возникновения старообрядчества;
- уметь проводить научную дискуссию по вопросам языка и культуры старообрядчества.

Общая трудоемкость дисциплины составляет 1 зачетную единицу (36 часов).

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов и трудоемкость (в часах)		Формы текущего контроля успеваемости
				л	с/р	
1	Русские старообрядцы: понятие, основные этноконфессиональные признаки.	5	1	1	0,5	
2	Исторические судьбы русского старообрядчества.	5	2	1	0,5	
3	Старообрядческие толки и согласия.	5	3	1	1	

4	Миграция и расселение старообрядцев, социальная структура и особенности жизнеустройства.	5	4	1	1	
5	История старообрядчества, запечатленная в публицистике и мемуарах.	5	5	1	1	Собеседование по основным понятиям диалектологии
6	Обсуждение монографии Зеньковского С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006.	5	6	1	1	Проверка развернутого плана и конспектов материалов монографии.
7	Обзор исследований, посвященных разноаспектному изучению старообрядчества.	5	7	1	1	Проверка библиографического списка по теме спецкурса.
8	Обзор исследований, посвященных говорам семейских. Перспективы лингвистического изучения.	5	8	1	1	Проверка библиографического списка по лингвистическим аспектам старообрядчества.
9	Знакомство с архивом диалектных текстов амурских старообрядцев.	5	9	1	1	Проверка тематического каталога-указателя по архивной базе.
10	Выступления с докладами по теме исследования. Обсуждение докладов.	5	10	1	1	Проверка текста доклада, обсуждение доклада.
11	История заселения и освоения старообрядцами Амурской области.	5	11	1	1	Проверка конспектов.
12	Старообрядческие толки в Амурской области.	5	12	1	1	Проверка конспектов, выступление с докладами по прочитанным материалам.
13	Русские говоры Приамурья в общей диалектной системе России. Говоры семейских Приамурья как говоры вторичного образования.	5	12	1	1	Проверка конспектов, выступление с докладами по прочитанным материалам.
14	Диалектная система говоров семейских Амурской области. Фонетика. Вокализм. Консонантизм.	5	13	1	1	Проверка конспектов, выступление докладами по прочитанным материалам. Проверка таблицы «Консонантизм в говорах семейских».
15	Диалектная система говоров семейских Амурской области. Морфология.	5	14	1	1	Проверка конспектов, выступление с докладами по прочитанным материалам. Проверка таблицы «Морфологические особенности говоров семейских».

16	Диалектная система говоров семейских Амурской области. Синтаксис.	5	15	1	1	Проверка конспектов. Проверка таблицы «Синтаксические особенности говоров семейских».
17	Диалектная система говоров семейских Амурской области. Лексика.	5	16	1	1	Проверка конспектов. Проверка таблицы «Лексика говоров семейских».
18	Вариативность в говорах семейских. Основные типы вариантов: акцентологические, фонетические, грамматические. Синонимия в говорах семейских. Основные типы синонимов.	5	17	0,5	1	Проверка конспектов. Проверка таблицы «Вариативность в говорах семейских».
19	Этнографические особенности семейских Амурской области по данным языка. Родильно-крестильный обряд. Свадебный обряд. Погребально-поминальный обряд.	5	18	0,5	1	Проверка материалов спецкурса. Собеседование, выступление с докладами.
	ИТОГО: 36 ч.			18 ч.	18 ч.	

Самостоятельная работа студентов

№ п/п	№ раздела (темы) дисциплины	Форма (вид) самостоятельной работы	Трудоёмкость в час.
1	Русские старообрядцы: понятие, основные этноконфессиональные признаки.	Чтение и конспектирование отдельных глав (1-5 т.1) из монографии Зеньковского С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 56-276.	1
2	Исторические судьбы русского старообрядчества.	Чтение и конспектирование отдельных глав (1-5 т.1) из монографии Зеньковского С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 56-276.	1
3	Старообрядческие толки и согласия.	Чтение и конспектирование главы 5 (т.1) из монографии Зеньковского С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 276-347.	1
4	Миграция и расселение старообрядцев, социальная структура и особенности жизнеустройства.	Чтение и конспектирование глав 1-2 (т.2) из монографии Зеньковского С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 356-483.	1
5	История старообрядчества, запечатленная в публицистике и мемуарах.	Чтение и конспектирование статей и воспоминаний из монографии Зеньковского С.А. Русское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006. С. 643-675, 679-687.	1
6	Обсуждение монографии Зеньковского С.А. Русское старообрядчество.	Составление развернутого плана монографии Зеньковского С.А. Рус-	1

	рядчество. В 2-х т., М., 2006.	ское старообрядчество. В 2-х т., М., 2006.	
7	Обзор исследований, посвященных разноаспектному изучению старообрядчества.	Работа в научной библиотеке с целью составления библиографии по теме исследования.	1
8	Обзор исследований, посвященных говорам семейских. Перспективы лингвистического изучения.	Составление библиографии по лингвистическим аспектам старообрядчества.	1
9	Знакомство с архивом диалектных текстов амурских старообрядцев.	Изучение архивной базы, составление тематического каталога-указателя.	1
10	Выступления с докладами по теме исследования. Обсуждение докладов.	Подготовка доклада.	1
11	История заселения и освоения старообрядцами Амурской области.	Чтение и конспектирование научной литературы по теме. Составление плана научной работы.	1
12	Старообрядческие толки в Амурской области.	Чтение и конспектирование научной литературы по теме.	1
13	Русские говоры Приамурья в общей диалектной системе России.	Чтение и конспектирование научной литературы по теме.	1
14	Говоры семейских Приамурья как говоры вторичного образования.	Чтение и конспектирование научной литературы по теме.	1
15	Диалектная система говоров семейских. Фонетика. Вокализм.	Чтение и конспектирование научной литературы по теме. Работа в архиве лаборатории региональной лингвистики с целью сбора материала по вокализму в говорах семейских, составление таблицы «Вокализм в говорах семейских».	1
16	Диалектная система говоров семейских Амурской области. Фонетика. Консонантизм.	Чтение и конспектирование научной литературы по теме. Работа в архиве лаборатории региональной лингвистики с целью сбора материала по консонантизму в говорах семейских, составление таблицы «Консонантизм в говорах семейских».	1
17	Диалектная система говоров семейских Амурской области. Морфология.	Чтение и конспектирование научной литературы по теме. Работа в архиве лаборатории региональной лингвистики с целью сбора материала по морфологии в говорах семейских, составление таблицы «Морфологические особенности говоров семейских».	1
18	Диалектная система говоров семейских Амурской области. Синтаксис.	Чтение и конспектирование научной литературы по теме. Работа в архиве лаборатории региональной лингвистики с целью сбора	0,5

		материала по синтаксису в говорах семейских, составление таблицы «Синтаксические особенности говоров семейских».	
19	Вариативность в говорах семейских. Основные типы вариативности: акцентологические, фонетические, грамматические варианты.	Чтение и конспектирование научной литературы по теме. Работа в архиве лаборатории региональной лингвистики с целью сбора материала по лексике в говорах семейских, составление таблицы «Лексика говоров семейских».	0,5
		ИТОГО:	18

В рамках изучаемого курса предполагается использование интерактивных форм обучения в количестве 4 часов. К ним относятся проблемные лекции (темы 1 – 4; по 1 часу на каждую тему); поисковая исследовательская работа в проблемной группе (темы 5, 12; по 1 часу на каждую тему). Планируется привлечение носителей амурских говоров, сотрудников Амурского областного краеведческого музея и Музейного научно-учебного центра Амурского государственного университета. Активно используется звуковое приложение к фольклорно-диалектологическому альманаху «Слово», содержащее записи речи старообрядцев (семейских) Амурской области, их фотографии.

Примерные вопросы к зачету

1. Русские старообрядцы: понятие, основные этноконфессиональные признаки.
2. Исторические судьбы русского старообрядчества.
3. Старообрядческие толки и согласия.
4. Миграция и расселение старообрядцев, социальная структура и особенности жизнеустройства.
5. История старообрядчества, запечатленная в публицистике и мемуарах.
6. История заселения и освоения старообрядцами Амурской области.
7. Старообрядческие толки в Амурской области.
8. Русские говоры Приамурья в общей диалектной системе России.
9. Говоры семейских Приамурья как говоры вторичного образования.
10. Диалектная система говоров семейских Амурской области. Фонетика. Вокализм.
11. Диалектная система говоров семейских Амурской области. Фонетика. Консонантизм.
12. Диалектная система говоров семейских Амурской области. Морфология.
13. Диалектная система говоров семейских Амурской области. Синтаксис.
14. Диалектная система говоров семейских Амурской области. Лексика.
15. Вариативность в говорах семейских Амурской области. Основные типы вариативности: акцентологические, фонетические, грамматические варианты.
16. Синонимия в говорах семейских Амурской области. Основные типы синонимов.
17. Этнографические особенности семейских Амурской области по данным языка. Родильно-крестильный обряд.
18. Свадебный обряд.

19. Погребально-поминальный обряд.

Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

А) Научная литература

1. Аргудяева Ю.В. Культура и быт старообрядцев юга Дальнего Востока: традиции и современность // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результат и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998. С. 3-12.
2. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы Дальнего Востока / <http://www.fegi.ru>. 25.05.05.
3. Архипова Н.Г. Внутрисистемные процессы в лексике старообрядческих говоров Амурской области: на материале наименований женского головного убора // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 58. С. 67-69.
4. Архипова Н.Г. Восточнославянское взаимодействие в лексике старообрядческих говоров Амурской области // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2011. № 9. С. 34-41.
5. Архипова Н.Г. Генетическая неоднородность словарного состава старообрядческих говоров Амурской области // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А.П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 106-109.
6. Архипова Н.Г. Лексика пищи как системное образование в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 17-22.
7. Архипова Н.Г. Лексико-семантическая группа «пища» в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 62. С. 130-136.
8. Архипова Н.Г. Наименования элементов женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Язык. Литература. Культура». – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. № 1. С. 70-81.
9. Архипова Н.Г. Тема исхода в Китай в рассказах старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2010. № 8. С. 37-39.
10. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. М.: ИПЦ «ДИК», 2004.
11. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира // Язык: изменчивость и постоянство. Сб. статей к 70-летию Л.Л.Касаткина / отв. ред. М.А.Каленчук. М.: Изд-во РАН, 1998.
12. Дарбанова Н.А. Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
13. Касаткин Л.Л. Катагощинское яканье в говоре семейских – старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики / отв. ред. Р.Ф.Касаткина. М.: Наука, 2002. С. 152-160.
14. Касаткин Л.Л., Юмсунова Т.Б. Некоторые фонетические особенности говоров семейских – старообрядцев Забайкалья // Материалы исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 2004. С. 83-94.
15. Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894.
16. Кирпикова Л.В. Архаические элементы в речевой практике амурских старообрядцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местная традиция. Русские и зарубежные связи. Владивосток. 2000. С. 32-38.
17. Кирпикова Л.В. Непредметная лексика села Новоандреевка Белогорского района Амурской области: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1972.
18. Кирпикова Л.В. Особенности быта и воззрений амурских старообрядцев, отраженные в лексике их говора // Алтарь России. Владивосток – Большой камень, 1997. С. 83-86.

19. Майоров А.П. Этимологизация диалектного слова и орфографический принцип его подачи в региональных словарях // Русские народные говоры Забайкалья (лексикография, лексикология). Улан-Удэ: Бурят.книжн. изд-во, 1955. С. 16-32.
20. Матанцева М.Б. Архаичная лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят.гос. ун-та, 2001.
21. Махтеева Л.Б. Почитание икон у семейских Забайкалья // Живая старина, 2002, № 3. С. 20-25.
22. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900 – 1902 гг. Благовещенск. 1903.
23. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1903 – 1905 гг. Благовещенск. 1906.
24. Поздеева И.В. Русское старообрядчество конца XIX в. // Алтарь России. Вып. 1. Владивосток – Большой Камень, 1997. С. 7-12.
25. Реестр учета сектантов и иноверцев Амурской области. Благовещенск, 1910.
26. Селищев А.М. Диалектологические очерк Сибири. Иркутск: Иркут.гос. ун-т, 1921.
27. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Иркут.гос. ун-т, 1920.
28. Степанова И.Ж. Репрезентация фрагментов языковой картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья в идеостиле романов И.Калашникова // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 2004. С. 472-487.
29. Тынтуева Е.И. Бытовая лексика говоров семейских Забайкалья: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
30. Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1992.
31. Юмсунова Т.Б. Язык забайкальских старообрядцев-семейских и их языковая прародина // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002). М., 2003. С. 368-379.
32. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Материально-техническое обеспечение дисциплины

1. Комплект презентаций, раздаточный материал к лекциям.
2. Карты, плакаты, схемы.
3. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.1-10 /Под ред. Н.Г.Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2003-2013. Звуковое приложение на CD-ROM.

УДК 801.1; 82.0: 801.6

Г.К. Алексеева

ЧЕХОВ НА АМУРЕ: МАТЕРИАЛЫ К УРОКАМ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Публикация представляет собой подборку материалов, посвященных пребыванию А.П. Чехова в городе Благовещенске в конце XIX в., из художественных произведений местных авторов, публикаций разных лет из региональных газет и журналов. Статья приурочена к 110-летию со дня смерти великого русского писателя.

Ключевые слова: урок русского языка и литературы, А.П. Чехов, Благовещенск, амурские литераторы, изложение.

The article contains facts about A.P. Chekhov's stay in Blagoveshchensk at the end of the XIXth century which are based on texts of fiction and journalism. The article is dedicated to the 110th date of death of the prominent Russian writer.

Key words: a Russian language and literature lesson, A.P. Chekhov, Blagoveshchensk, Amur writers, narration.

«Ни поэзия, ни литература не существуют сами по себе – они вырастают на родной почве и могут быть поняты только вместе со своей родной страной» [1], – эти слова академика Д.С. Лихачева понятны и близки каждому учителю литературы, кто хоть раз обращался к краеведческому материалу, использовал его на уроках и во внеклассной работе. Краеведение нельзя обойти стороной, оно органично вписывается в содержание уроков по русскому языку и литературе. Российская земля рождала и продолжает рождать таланты. Кроме того, уникальность природы, своеобразие каждого уголка нашей обширной России притягивает внимание, заставляет, увидеть, услышать, почувствовать красоту малой родины. И опять обратимся к словам академика Д.С. Лихачёва: «Понять литературу, не зная, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена» [1]. Хочется отметить, что не только познавательные задачи решает краеведение, основная его цель – это, конечно же, воспитание любви к родному краю, к Родине. Думаем, что это сейчас должно стать главной задачей преподавания русского языка и литературы. Как бы трудно ни было всем нам, Родину, свою землю мы должны любить, беречь и совместными усилиями преодолевать все трудности.

Как изучать литературу родного края? В школьной программе нет отдельных уроков. Чаще всего это бывает на факультативах, элективных курсах, кружках. Нам кажется, что, прежде всего, надо самому учителю увлечься этим объектом изучения. Исследовать, полюбить и донести до детей определенную идею, используя уроки различного типа: лекции, встречи с местными литераторами, экскурсии в музей или архив. Большая роль в формировании краеведческой компетенции учащихся принадлежит историко-литературным экскурсиям по городу. Иногда уроки проводятся в парке, на городской площади. Получается совсем неплохо. Например, в 7 классе изучается рассказ А.П. Чехова «Хамелеон». Предварительное домашнее задание – подготовить материал о жизни писателя, о его поездке на остров Сахалин. Известно, что по пути на Сахалин Чехов два дня провел в Благовещенске.

Работу советуем начать следующим образом. Приводим детей на берег Амура к одному из красивейших старинных зданий – бывшему речному вокзалу, где есть мемориальная доска с портретом А.П. Чехова. Учитель читает стихотворение благовещенского поэта Станислава Демидова, написанное к 100-летию со дня рождения писателя.

В человеке будет всё прекрасно:
Мысли, и одежда, и душа.
Вы писали пламенно и страстно,
Веря в это, этим лишь дыша...
В будущее проникая взглядом
И любви к живому не тая,
Вы мечтали, чтоб вишнёвым садом

Расцвела российская земля [2].

Далее идёт рассказ о пребывании Чехова в Благовещенске. Писатель в 1890 г. решил совершить путешествие на остров Сахалин. Часть его пути была по Амуру. В письме к Суворину от 27 июля 1890 г. Чехов писал: «Я в Амур влюблён: охотно бы пожил на нём два гола. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России». В Благовещенске писатель пробыл два дня. Городу в те годы было немногим более 30 лет, почти как Чехову. Город был по тем временам крупным административным центром. В нём проживало более 20 тысяч жителей. Здания в основном были деревянные. Широкие и прямые улицы не мощёны, но, благодаря песчаной почве, грязи не было. Вдоль Амура располагался бульвар. Город часто затоплялся во время наводнения, и берега были искусственно укреплены. Город был центром русской торговли с Северным Китаем, играл важную роль в развитии золотодобычи в Приамурье. Благовещенск был местом ссылки политически неблагонадежных граждан. Далее в письме к Суворину читаем: «Амур чрезвычайно интересный край. Жизнь тут кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки тут остаться жить».

Жители Благовещенска бережно хранят все, что связано с пребыванием в нём А.П. Чехова. На старинном здании установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь 27 июня 1890 года останавливался А.П. Чехов». К полувековой годовщине смерти писателя в 1954 г. в Благовещенске получила имя писателя городская детская библиотека. Улица имени Чехова появилась в октябре 1973 г.

Следующая наша экскурсия будет в Амурский краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, где хранится картина художника И.М. Литовченко «Чехов на Амуре». На картине писатель изображен на пароходе «Ермак» среди пассажиров.

Амурские литераторы-исследователи написали достаточно большое количество статей о пребывании Чехова на Амуре. Работать над ними мы будем в Амурской областной научной библиотеке им. Н.Н. Муравьёва-Амурского. В читальном зале можно прочитать ряд статей. В 1960 г. к 100-летию со дня рождения А.П. Чехова в литературном журнале «Дальний Восток» была опубликована статья дальневосточного писателя Н. Рогая «А.П. Чехов на Дальнем Востоке».

В 1971 г. в газете «Амурская правда», а затем в 1974 г. в газете «Амурский комсомолец» инженер Амурского речного пароходства Александр Трошин рассказал о том, на каких пароходах путешествовал А.П. Чехов по Шилке и Амуру и что написал он о своих путешествиях. Краеведы исследовали историю этих пароходов, нашли их фотографии.

В 1990 г. в журнале «Дальний Восток» была напечатана статья Б.Д. Лищинского «Путешествие с Чеховым». Врач по профессии, краевед по призванию, он много лет посвятил сбору материалов, касающихся путешествия Чехова на остров Сахалин и на Дальний Восток.

В 1998 г. в газете «Старая мельница» (приложение к газете «Амурская правда») была опубликована статья О. Федотовой «Я в Амур влюблён...» с интригующим подзаголовком: «Молодой Чехов встретил в Благовещенске очаровательную японку и увёз с собой в Москву...». Данная статья вызвала полемику в научных кругах. Что это? Красивая легенда или быль? Тем не менее она легла в основу сюжета художественного фильма, эпизоды которого

японская телевизионная компания ТВ-НИСИ-НИХОН снимала в Благовещенске осенью 1990 г. Роли обоих действующих лиц, русского писателя и японской гейши, исполняли японская актриса и драматург.

В 2008 г. в газете «Амурский дилижанс» появляется статья В. Телуховой: «Антон Чехов: Я в Амур влюблён». Статья состоит из нескольких разделов: «Уеду в дальние края», «Сибирский тракт», «На Амуре», «В Благовещенске», «Местный либерализм», «У нас есть прошлое». К работе над статьей можно привлечь учащихся: заранее дать им задание подготовить выступления по содержанию каждого раздела статьи.

Интересный материал к уроку можно найти в статье члена Союза журналистов России В.П. Кобзарь «А.П. Чехов. Путешествие по Амуру в 1890 году». Если в Томске и Иркутске, где Чехов останавливался на несколько дней, он писал путевые очерки, встречался с местной интеллигенцией, делал серьезные покупки, вроде тарантаса в Томске, в Благовещенске он просто отдыхал. Рассказать об отдыхе Чехова можно предложить учащимся по следующему плану:

1. Писал письма.
2. Ходил в почтово-телеграфную контору.
3. Общался с китайцами.
4. В Благовещенске нырял в Амур.
5. Встречался с японкой.
6. Лечил мальчика.

Материал по данным вопросам можно найти в Информационно-методическом сборнике «Чехов на Амуре», изданном Амурской областной научной библиотекой имени Н.Н. Муравьёва-Амурского [3]. В ходе работы с детьми, говоря о восторженном отношении Чехова к красоте Амурской земли, можно прочитать стихи Амурского поэта Петра Комарова «Уголок России», «На краю России», «Приамурье». А по завершении работы, подводя итоги, следует сказать, что писатель много путешествовал по родной стране, побывав в Таганроге, Москве, Одессе, Ялте, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Тюмени, Томске, Красноярске, Ачинске, Иркутске, Николаевске, Владивостоке и других городах. Был за границей: в Берлине, Париже, Вене, Милане, Ницце, Неаполе, Риме и так далее. И нам, благовещенцам, Чехов близок, интересен, и каждый раз он новый. Как сказал Саша Чёрный в 1910 г.: «Ты один, тревожно-мудрый Чехов, С каждым днём нам ближе, чем вчера» [4].

Хочется посоветовать учителям, работающим в школах сел, расположенных по берегам Амура: Албазине, Пояркове, Калинине – тоже вести поисковую краеведческую работу, ведь кроме Благовещенска, были и другие остановки, совершенные А.П. Чеховым.

Продолжая работу над биографией и творчеством Чехова, советуем проводить интегрированные уроки русского языка и литературы. Во временных рамках параллельно с изучением творчества писателя на уроках литературы по русскому языку изучается наречие. Рекомендуем провести изложение по тексту А.И. Куприна «Чеховский дом в Ялте». Данный текст расширит представление о писателе как о человеке. Материал текста созвучен и стихотворению благовещенского поэта Станислава Демидова: «В человеке будет всё прекрасно...», написанному к 100-летию со дня рождения А.П. Чехова. Изложение напечатано в сборнике «Изложения. 5-7 классы» (Москва, 2001г.). Оно предназначено для сжатого изло-

жения текста. Предлагаем план: 1. Дача на окраине. 2. Цветник и сад. 3. Мысли о будущем. Напоминаем элементы сжатия текста: убираем ряд однородных членов предложения, оставляя обобщающее слово, заменяем прямую речь косвенной, убираем причастные и деепричастные обороты.

Очень важно в среднем звене научить детей писать именно изложение, так как оно помогает овладеть всеми необходимыми навыками создания текста. В отличие от сочинения оно направлено исключительно на овладение техническими приемами письменной речи и демонстрирует то, насколько человек владеет русским языком: чувствует ли стилистику данного текста, может ли разбить текст на смысловые отрезки и вычленить проблемы, насколько богат словарный запас учащегося, каков уровень его общего развития, степень образности и насыщенности языка.

В силу всего перечисленного изложение формирует у учащихся разнообразные умения и навыки, позволяет освоить методику работы с текстовыми источниками, развивает логическое мышление, а также формирует навыки правильной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: Русский язык, 2006. 124 с.
2. Демидов С.А. Стихи. М., 1997. 143 с.
3. А.П. Чехов на Амуре. Информационно-методический сборник. Благовещенск: Изд-во б-ки им. А.П. Чехова, 2013. 56 с.
4. Черный С. Ах, зачем нет Чехова на свете // Стихи. М.: Экспо-пресс, 2006. 132 с.

УДК 801.1

И.В. Королькова

ПОРТРЕТ ОДНОГО СЛОВА: УРОК СЛОВЕСНОСТИ В 6 КЛАССЕ

Статья посвящена интегрированному уроку – уроку словесности, на котором рассматриваются различные аспекты одного слова: его значение, этимология, произношение, словоизменение, подчеркивается его уникальность. Автор предлагают интерактивные формы на уроке такого типа.

Ключевые слова: урок словесности, слово, лексическое значение, этимология, орфоэпия, синонимы, фразеологизмы, грамматические свойства, игра.

The article presents an integrated lesson – a lesson of the Russian language which focuses of various aspects of a word: its meaning, etymology, pronunciation, morphology, its unique features. The author suggests interactive methods of teaching.

Key words: a Russian language lesson, a word, lexical meaning, etymology, orthoepy, synonyms, phraseology units, grammatical features.

Трудно представить работу учителя-словесника без работы над словом.

Вопросы развития речи, повышения уровня культуры устной и письменной речи школьников являются одними из актуальных в современном обучении родному языку. Важнейшее направление в решении этих вопросов – обогащение словарного запаса, который не всегда, увы, демонстрируют наши подростки. Работа по обогащению словаря учащихся способствует развитию речи и повышению уровня речевой культуры учеников.

Формированию языковой компетенции учащихся способствует лексический анализ текста, позволяющий, с одной стороны, рассмотреть структуру, семантику, функции лексического явления. С другой стороны, художественный текст демонстрирует особенности употребления слов в речи, позволяя тем самым повысить коммуникативную компетенцию обучающихся.

Предлагаем вариант подобной работы на интегрированном уроке русского языка и литературы.

Цель занятия – на примере лингвистического анализа слова «плетень» показать богатство русского языка, взаимосвязь языковых явлений, воспитывать внимание и интерес к слову.

Оборудование урока:

1. Интерактивная доска.

2. Словари [1-6]

1. Вхождение в тему занятия.

Начинается занятие с загадки.

На улице нашей сто братьев стоят.

Все в один ряд вместе связаны?

Ответ: плетень.

– Как вы понимаете название урока «Портрет одного слова»?

Озвучивается цель занятия. Ребята работают в группах или коллективно.

– Что входит в понятие «портрет»?

Портрет – жанр изобразительного искусства, отражающий внешний и внутренний облик человека или группы людей. Портрет – один из древнейших жанров изобразительного искусства.

– Где мы чаще используем это понятие? Да, конечно, на уроках литературы, когда говорим о портрете литературного героя, на уроках изобразительного искусства.

– А что, на ваш взгляд, включает понятие «портрет слова»?

Итак, начнем. Как вам кажется, что должно послужить отправной точкой в нашей работе? (Лексическое значение слова). Помогла ли нам в этом загадка?

2. Работа с лексическим значением слова. Обратимся к толковому словарю (словарные статьи – на слайде, на доске).

1. Толковый словарь Ожегова.

Плетень, -тня, м. Изгородь из сплетённых прутьев и ветвей. Обнести огород плетнём. Прил. плетнёвый, -ая, -ое.

2. Большой толковый словарь.

Плетень, -тня; м. Изгородь из сплетённых прутьев, ветвей. *Чинить плетень, высокий плетень, плотный плетень. Окружить дом плетнём. Вытащить кол из плетня. Сушить горшки, чугуны на плетне. Сидеть в тени плетня.*

– Выписать словосочетания из словарной статьи, указать главное слово.

– Почему так называется слово? Какова история происхождения этого существительного? После обсуждения обратимся к этимологическому словарю.

3. Этимология.

Происходит от гл. плести, далее из праслав. формы, от которой в числе прочего произошли: др.-русск. плести, плету, ст.-слав. плести, плетѣ (др.-греч. συρ'ράπτειν). Ср.: укр. плести́, плету́, белор. плесць, болг. плета́, сербохорв. плѐсти, плѐте̑м, словенск. plésti, plétem, чешск. plést, plētu, словацк. pliesť, plietiem, польск. pleść, plote, в.-луж. plesć, н.-луж. plasć. Родственно лат. plectō, -ere «плести», д.-в.-нем. flehtan – то же, греч. πλέκω – то же, πλεκτή «верёвка, сеть», πλοκή «плетение», πλόκος, πλόκαμος «коса, заплетенные волосы», др.-инд. prāṣṇas «плетение, плетеная корзина».

4. Орфоэпия.

Чтобы иметь полный портрет, следует вспомнить орфоэпическую норму. Русское словесное ударение -плетЕнь, плетнЯ.

5. *Синонимика слова.* Как мы знаем, один из способов определения лексического значения слова – подбор синонимов. Ребята составляют синонимическую цепочку, потом обращаемся к словарю.

Синонимы к слову *плетень* – забор, городьба, изгородь, огорожа, ограда, палисад, палисадник, стена, тын, частокол.

6. Морфологические и синтаксические свойства.

<u>падеж</u>	ед. ч.	мн. ч.
<u>Им.</u>	плетёнь	плетнѣ
<u>Р.</u>	плетнѣ	плетнѣй
<u>Д.</u>	плетнѣю	плетнѣм
<u>В.</u>	плетёнь	плетнѣ
<u>Тв.</u>	плетнѣм	плетнѣми
<u>Пр.</u>	плетнѣ	плетнѣх

– Обратите внимание на формы изменения слова. Какое фонетическое явление в этом слове присутствует? (Беглая гласная: е // Ѧ).

– Какова морфологическая характеристика слова?

Существительное, неодушевлённое, мужской род, 2-е склонение.

Работа с предложением.

Человек пятнадцать солдат за избами, с края деревни, с весёлым криком раскачивали высокий плетень сарая, с которого снята уже была крыша (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

На доске – задания для индивидуальной работы. Синтаксический разбор предложения.

1. Мы повернули несколько вправо и въехали в нашу усадьбу, обгороженную свежим зеленым плетнем (С. Аксаков «Детские годы Багрова-внука»).

2. Сергей Федорович ковырялся в ограде, он неспешно починял плетень (В. Шукшин «Любавины»).

7. Физкультминутка.

– А любой ли забор может быть назван плетнем? Русская народная игра «Соорудим плетень». Игра сопровождается народной песней (С данным текстом можно поработать отдельно, повторить обращение и найти данную синтаксическую единицу в тексте).

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, лента шелковая,
Что на свете сера утица
Потопила малых детушек,
Что во меду, во патоке,
Что во ясной сохранности.

Расплетися, плетень, расплетися,
Ты развейся, труба золотая,
Развернися, лента шелковая,
Что на свете сера утица
Вынимала малых детушек,
Что со меду, со патоки,
Что со ясной сохранности.

Водящие хоровод встают в одну линию, держась за руки. Крайние справа поднимают руки, образуя «ворота». Стоящий в конце левой стороны хоровода заводит в эти «ворота» цепочку из детей и выводит на своё место. Поскольку руки на протяжении всего хоровода не размыкаются, то второй от начала, стоящий в «воротах», проворачивается по ходу движения (по часовой стрелке) вокруг правого плеча, и, закручиваясь, кладет правую руку себе на левое плечо. Его правая рука, будучи частью «ворот», «закрутилась», а левую руку он поднимает для «ворот» с третьим участником хоровода. Вновь крайний с другого конца «закручивает плетень», и уже третий участник, поворачиваясь по часовой стрелке через свое правое плечо, оборачивает вокруг шеи правую руку, и она оказывается лежащей на левом плече. «Ворота» образуются уже между третьим и четвертым. После очередного закручивания передвигаются на четвертого и пятого. Далее, когда все «заплелись», звучит вторая часть песни; со слов: «Расплетися, плетень...» и, начиная с последнего, закрутившегося в «плетне», идет расплетение. Крайний слева начинает двигаться против часовой стрелки, описывая небольшой круг, тем самым освобождаясь от рук на плечах (рук при этом никто не размыкает). Таким образом, дети раскручиваются, «расплетают плетень».

Другой вариант игры: Дети, берутся за руки и становятся шеренгами (одна напротив другой). Берутся за руки крест-накрест («заплетают плетень»).

– Итак, мы слышали, что это слово встречается в народной песне. А в каком другом фольклорном жанре мы находим это слово? (Русские потешки)

Варианты работы с данными потешками:

1. Выразительное чтение текста.
2. Пунктуационное задание: правильно расставить знаки препинания и объяснить их постановку.
3. Отыскать слово «плетень». Определить падежные формы и синтаксическую роль слова «плетень».

Тень-тень-потетень, выше города плетень.

Сели звери под плетень, похвалялися весь день.

Похвалялася лиса: «Всему свету я краса».

Похвалялся заяка: «Поди догоняй-ка».
Похвалялись ежи: « У нас шубы хороши».
Похвалялись блохи: « И у нас неплохи»,
Похвалялся медведь: «Могу песни я петь».
Похвалялася коза: «Всем я выколю глаза».

Тень-тень-потетень,
Села кошка под плетень.
Налетели воробьи.
Хлопни им в ладошки.
Улетайте, воробьи,
Берегитесь кошки.

8. *Фразеология.* Использование слова *плетень* во фразеологизме.

Наводить тень на плетень (прост.) 'Намеренно запутывать, делать неясным что-либо'.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова указывает значение выражения *навести тень* – затушевывать дело, намеренно сбивать с толку. Выражения *навести тень на плетень* в нем не упоминается. Видимо, *навести тень на плетень* – более современная модификация ранее существовавшего выражения *навести тень*. Это подтверждает, например, то, что у А.П. Чехова упоминается именно *навести тень*.

Происхождение выражения вполне понятно: *навести тень* – сделать что-либо менее заметным, понятным, оставить без солнечного света. Отсюда и его значение. Как и когда добавилось слово *плетень*, пока достоверно не установлено.

Возможно, что фраза *Навести тень на плетень* произошла от русской загадки, которая указана в книге «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля (раздел – «Вера (загадки)»): *Тень-потетень, заплету плетень в 77 рядов, выше сел и городов.* Правильный ответ на эту загадку – колокольня.

9. *Морфемика и словообразование.*

Возможные варианты работы с учащимися:

- постройте словообразовательную цепочку;
- создайте свою словарную статью;
- выполните морфемный разбор предложенных слов;
- игра «Кто больше?» (подобрать производные слова от слова «плеть») (ниже приводится список таких слов)

10. *Диалектология.*

Но есть и другие стороны, «черты» портрета этого слова. Обратимся к другим словарям.

– Какую информацию содержит диалектологический словарь? Представляю Албазинский словарь О.Ю. Галуза. Обращаемся к словарной статье.

ПлетнЯ, и, ж. Сарай со стенами, сплетенными из ивовых прутьев. *Плетни крылись соломой, хворост тоже тепло давал.*

Плетёнка, плетенуха, и, ж. Плетеное из прутьев изделие в виде корзины. *Плетёнки плели из лыка, из прутьев.*

11. История фамилии. Ономастика.

Собственные имена людей: Пётр Николаевич Амехин, Иван Калита, Игорь Кио, Рюрик, – исследует антропонимику.

«...а старину был обычай давать фамилию по названию города, деревни или местечка, откуда ты родом....Фамилии в своё время давали не только по месту жительства, но и по профессии. Сын кузнеца – Кузнецов, сын кожевника – Кожевникоав, сапожника – Сапожни-ков, ну и так далее...» (Анатолий Рыбаков. Роман «Тяжелый песок»).

– Придумайте фамилии, имеющие отношение к изучаемому слову.

Словарь русских фамилий дает следующий перечень: Плетнев, Плетенев, Плетухин, Плетюхин.

Да, действительно, эти фамилии образовались от слова *плетень*, но не в значении «плетеная ограда», а от севернорусского *плетень* «выдумщик, фантазер, тот, кто небылицы плетет». Источник: «Словарь русских фамилий. Ономастикон».

12. Обобщение по уроку.

Таким образом, сегодня на занятии мы с вами предприняли попытку написать «портрет» одного русского слова. Да, слова немного позабытого: не все из вас его знали, употребляли в речи. Я думаю, нам удалось убедить самих себя, что история слов – удивительная история. Следует быть внимательнее к отдельно взятому слову, ведь за ним, этим словом, скрываются тайны лингвистики.

13. Домашнее задание (может быть вариативным):

- сочинение-миниатюра «Что там, за плетнем?»;
- придумать несколько предложений с использованием слова *плетень*;
- найти в художественной литературе примеры использования данного слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000сл. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986. 891 с.
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Изд-во АН СССР, 1998. 1012 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. М.: Русский язык, 2007.
4. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. М.: Русский язык, 2002. 104 с.
5. Галуза О.Ю. Албазинский словарь. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 296 с.
6. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Наука, 2001. 472 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛАХ*

Село Великокнязевка Белогорского района

По официальной версии основано в 1910 г. По мнению жителей села, год образования – 1898. Первое название – Великая Княжевка, названо в честь великого князя Константина Александровича Романова, который разрешил поселиться здесь переселенцам из Украины. По другой версии с. Великокнязевка названо в честь самого богатого жителя по фамилии Князев.

Расположено в долине р.Зеи.

Село Грибовка Архаринского района

Основано в 1898 г. переселенцами из Могилёвской губернии; названо в честь землеустроителя Грибского. Одними из первых переселенцев, основавших село, были семьи Игнатовых, Масниковых, Шурановых, Смоляковых. Здесь сохранилась небольшая община староверов, прадеды которых в числе первых осваивали эту территорию в конце XIX в.

Расположено в 26 км к северо-востоку от п. Архара на правом берегу р. Архары. На 2003 г. в селе проживало около 360 человек.

Село Максимовка Октябрьского района

Основано в 1909 г. Первые переселенцы приехали из Полтавской и Черниговской губерний (Украина). Первоначально село называлось Софиевкой по имени инженера-землеустроителя. Современное название село получило потому, что первые переселенцы были из украинского с. Максимовка Полтавской губернии. На 2010 г. в селе проживало около 450 человек.

Расположено в верховьях р. Дим в 39 километрах от районного центра – с. Екатеринославка.

Село Новоандреевка Белогорского района

Основано в 1886 г. старообрядцами из Забайкалья.

Расположено на левом берегу р. Зеи в 70 км от г. Белогорска. Первоначально располагалось тремя километрами ниже по течению р. Зеи, перенесено на более высокий берег после наводнения. На 2005 г. в селе проживало около 200 человек.

Село Новоивановка Свободненского района

Основано в 1907 г.

Расположено в 15 км от г. Свободного на р. Джалунь. В 2009 г. в селе проживало около 600 человек.

Село Песчаноозёрка Октябрьского района

Основано в 1884 г. переселенцами из с. Кутенёвка Новочеркасской волости Донской губернии. Первоначальное название села – Алексеевка. Настоящее название получило в связи с тем, что недалеко от села находилось озеро с песчаным дном. До революции в селе была церковь.

Расположено на берегу р. Ивановки. На 2010 г. в селе проживало около 760 человек.

Село Поярково Михайловского района

Основано как казачья станица переселенцами с р. Аргуни в 1858 г. Названо в честь русского землепроходца, якутского воеводы Василия Пояркова. До революции казачья станица

* Использованы данные «Топонимического словаря Амурской области» Е.В.Сутурина (Благовещенск, 2000), книги «Амурская область. Опыт энциклопедического словаря» Н.К.Шульмана (Благовещенск, 1989), репринтного издания 1994 г. «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» А.Кириллова (Благовещенск, 1894), а также материалы научных экспедиций в села.

Поярково – центр Поярковского станичного округа. В округ входили казачьи поселения Константиновка, Коврижка, Дим, Ключи, Новопетровка, Золотоножка, Чесноково.

Расположено на левом берегу р. Амура, в устье р. Завитой. Поярково - административный центр Михайловского района Амурской области. В настоящее время там располагается ЗАО «Поярково - Торговый порт» - одно из важнейших предприятий района, осуществляющее грузопассажирские перевозки в Китай и по Дальнему Востоку. В 2013 г.в с. Поярково проживало около 7000 человек.

Село Черновка Свободненского района

Основано в 1911 г. Первоначально существовало как разъезд Черновский. Название дано в честь инженера Чернова, руководившего строительством железной дороги на этом участке Транссиба. Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии (семьи Кабановых, Пчельниковых, Андрияшко).

Располагается в 30 км от г. Свободного на правом берегу р. Большой Пёры. В селе имеется действующий керамический завод, железнодорожная станция.

Село Чагоян Шимановского района

Основано в 1910 г. на месте стойбища манегров (тунгусо-язычного племени). Раннее название – Михайловское. Современное название дано селу в 1912 г. (монгольское «цаган» – «белый»; в том месте, где расположено село, берега Зеи сложены белым известняком). По другим версиям, название села происходит от китайских слов «чага» (известь) и «ян» (есть) или от имени китайского купца-промышленника Ча Го Яна. Первые поселенцы – семьи Кухлиных, Нетунаевых, Мищенко.

Расположено в 45 км от г.Шимановска на берегу р.Зеи, где находится каменный карьер по разработке известняка.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Артюшина Раиса Васильевна, 1940 (?) г.р. Родилась и проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Мать переселилась на Дальний Восток из Харьковской области (Украина).

Борисова Неонилла (Нина) Максимовна, 1931 г.р. Родилась в с. Татакан Архаринского района Амурской области. С 1981 г. проживает в с. Грибовка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Белоруссии.

Бурсова Мария Павловна, 1931 г.р. Родилась в с. Нижний Троицк Уфимской области (Башкирия). Мать родилась в Сибири. С 1969 г. проживает в с. Максимовка Октябрьского района.

Гребенщикова Степанида Евстафьевна, 1927 г.р. Родилась и проживает в с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Мать приехала в Амурскую область из Забайкалья.

Лазарева Ирина Антроповна, 1931 г.р. Родилась и проживает в с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Деды переселились в Амурскую область из Забайкалья.

Лощенко Валентина Епифановна, 1937 г.р. Родилась и проживает в с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Родители отца переселились в село из Забайкалья. Мать родилась в с. Натальино Благовещенского района.

Маркова Вера Степановна, 1923 г.р. Родилась в Воронежской области. С 195(?) г. проживает в пос. Поярково Михайловского района Амурской области.

Мошегирова Мария Терентьевна, 1920 г.р. Родилась на Украине. В 1985 г. переехала в с. Марково Благовещенского района, с 1990 г. проживает в с. Черновка Свободненского района.

Наконечникова Елена Анисимовна, 1934 г.р. С 1951 г. проживает в с. Чагоян Шимановского района. Отец родом из Белоруссии. Мать родилась в Амурской области, её родители переселились на Дальний Восток в 1906 г.

Петрова Мария Ефимовна, 1930 г.р. Родилась и проживает в с. Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Мать родилась в с. Натальино Благовещенского района Амурской области, её родители переселились из Забайкалья, родители отца также приехали в с. Новоандреевка из Забайкалья.

Ратушкина Пелагея Петровна, 1921 г. р. Родилась в с. Красное Знамя Рязанской обл. С 1939 г. проживает в с. Новоивановка Свободненского района.

Федирко Анисья Андреевна, 1930 г.р. Родилась и проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Мать и отец переселились в 1906 г. из г. Харькова (Украина).

Федирко Наталья Фёдоровна, 1959 г.р. Родилась и проживает в с. Максимовка Октябрьского района. Родители матери переселились из Украины.

Чубенко Мария Андреевна, 1924 г.р. Родилась в г. Воронеже. С 1964 г. проживает в с. Черновка Свободненского района.

Юдина Пелагея Григорьевна, 1930 г.р. Родилась в г. Курске. С 195(?) г. проживает в с. Великокнязевка Белогорского района Амурской области.

АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВА ГАЛИНА КУЗЬМИНИЧНА, учитель русского языка и литературы МОБУ СОШ № 10 г. Благовещенска. Имеет высшую квалификационную категорию, звания «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель школы Российской Федерации».

E-mail: charli71@mail.ru

АНДРОСОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА, доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №1 АмГУ.

E-mail: androsova_s@mail.ru

АНДРОСОВ ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ, начальник отдела планирования и оптимизации ОАО «Вымпелком» (г. Благовещенск).

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: charli71@mail.ru

БЕЛОЗУБОВА НАТАЛЬЯ ИННОКЕНТЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ.

E-mail: bin7272@mail.ru

БИКТИМИРОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного университета (г. Чита).

E-mail: pravo_chita@mail.ru

БЛОХИНСКАЯ АЛЁНА ВЛАДИМИРОВНА, старший преподаватель кафедры русского языка АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики, аспирант АмГУ.

E-mail: avblokhinskaya@mail.ru

БОРОДАТОВ АРТЁМ ВАСИЛЬЕВИЧ, технический сотрудник отдела по связям с общественностью АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: borodatov_artem@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

E-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ВАСИЛЬЕВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

E-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ГАЛИМОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: darja_galimova@mail.ru

ГАЛУЗА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педагогического университета.

E-mail: vladimirgaluza@rambler.ru

ИГНАТОВИЧ ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного университета (г. Чита).

E-mail: ignatovich_chita@mail.ru

ИЛЬИН ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Волгоградского государственного университета.

E-mail: dilyin99@mail.ru

КАСИМОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА, советник главы Благовещенского района (администрация Благовещенского района), аспирант АмГУ.

E-mail: kat-ppppp@yandex.ru

КЕЙДУН ИРИНА БОРИСОВНА, кандидат исторических наук, доцент кафедры китаеведения АмГУ.

E-mail: ikeidun@mail.ru

КОРМАЗИНА ОЛЬГА ПЕТРОВНА, ассистент кафедры русского как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), преподаватель Школы региональных и международных исследований, аспирант Дальневосточного федерального университета.

E-mail: olga.kormazina@mail.ru

КОРОБКОВА ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА, ассистент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), аспирант Дальневосточного федерального университета.

E-mail: tanyakorobkov@gmail.com

КОРОЛЬКОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА, учитель русского языка и литературы МОБУ СОШ № 2 г. Благовещенска. Имеет высшую квалификационную категорию, звание «Заслуженный учитель школы Российской Федерации».

E-mail: kri59@mail.ru

КОСИЦЫНА ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА, преподаватель общегуманитарных дисциплин Амурского областного колледжа искусств и культуры (г. Благовещенск), аспирант АмГУ.

E-mail: saga-82@mail.ru

КУНГУШЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ.

E-mail: kunguseva@mail.ru

КУРОЕДОВА МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ.

E-mail: kuroyedova@mail.ru

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: nlaguta@mail.ru

ЛЕМЕШКО ЮЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения АмГУ.

E-mail: ulemeshko@mail.ru

МИХАЙЛЮКОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), преподаватель Школы региональных и международных исследований.

E-mail: belon_63@mail.ru

НАЗАРОВА МАРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА, специалист по учебно-методической работе Амурского областного института развития образования (г. Благовещенск), и.о. заведующего отдела мониторинга, экспертизы и оценки качества образования и обработки информации, ассистент кафедры русского языка АмГУ.

E-mail: makaryeva_masha@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка АмГУ, руководитель лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

ПАНАСЕНКО МАРИНА АНДРЕЕВНА, ассистент кафедры русского языка АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики, аспирант АмГУ.

E-mail: geterra666@mail.ru

ПЕТРОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), преподаватель Школы региональных и международных исследований.

E-mail: petrova27@mail.ru

ПЛЯСКИНА ЕЛЕНА ИВАНОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита).

E-mail: PlyaskinaEI@mail.ru

ПРОЦУКОВИЧ ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1 АмГУ.

E-mail: amursea@mail.ru

СОСИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, старший преподаватель кафедры русского языка АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: na_sosina@mail.ru

СТАРЫГИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

E-mail: starygina36@mail.ru

ЧАЛА РОСТИСЛАВ, студент 3 курса филологического факультета АмГУ.

ШАТРАВКА АННА ВЛАДИСЛАВОВНА, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой китаеведения АмГУ.

E-mail: ashatravka@mail.ru

ШЕЛЕВАЯ НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1 АмГУ.

E-mail: natalya-shelevaya@mail.ru

20-22 июня 2013 г. студенты филологического факультета А. Потапова и Е. Шамакова приняли участие в областной краеведческой конференции **«VI Дорохинские чтения»**, посвященной 155-летию образования Амурской области и Амурского казачьего войска. Конференция состоялась в историческом селе Албазино. Студенты успешно выступили с докладами, посвященными топонимии Приамурья (научный руководитель профессор Л.М. Шипановская) и вернулись, полные впечатлений от интересных встреч, доброго общения и с желанием продолжать свои научные исследования.

Летом 2013 г. кафедрой русского языка Амурского государственного университета была организована **фольклорно-диалектологическая экспедиция**. Были обследованы села Михайловского района: Поярково, Коршуновка, Чесноково, Шадрино, а также село Константиновка Константиновского района. Все села располагаются по берегу реки Амура.

В составе участников экспедиции были сотрудники лаборатории региональной лингвистики при кафедре русского языка Е.А. Оглезнева, Д.Н. Галимова, Г.М. Старыгина, А.В. Блохинская, Н.В. Лагута. Сопровождал экспедицию водитель В.П. Дыльков.

Главной темой экспедиции 2013 г. была тема амурского казачества: «искали амурских казаков». Нашли потомков первопоселенцев-казаков на Амуре, записали их воспоминания и фольклор. Собранные материалы дополнили создаваемые на кафедре русского языка диалектные и фольклорные базы данных. Время цифровой записи, сделанной во время экспедиции, составило 31 час, время видеозаписи – 2 часа. Всего за время работы в поле было опрошено 19 информантов.

После работы в селе очередной раз стало понятно: жемчужиной русской провинции остается ее народ, терпеливый, талантливый, мудрый.

27-29 сентября 2013 г. кафедра русского языка Амурского государственного университета провела II международную научную конференцию **«Проблемы региональной лингвистики»**, посвященную языковому бытию регионов.

Ученые из разных университетов и академических научных центров России – Москвы, Санкт-Петербурга, Читы, Благовещенска, а также представители КНР, обсудили научные проблемы, связанные с актуальными вопросами современной лингвистики. Заочное участие в конференции приняли ученые из Парижа (Франция), Владивостока, Волгограда, Кемерова.

На конференции был затронут широкий круг вопросов, связанных со спецификой регионального языкового существования.

Актуальность данной проблематики связана с развитием нашего национального языка, который в каждом регионе России обнаруживает свою специфику. Эта специфика представляет интерес в сравнении с другими языками, и на конференции были рассмотрены особенности регионального функционирования не только русского языка, но и других языков:

английского, китайского, эвенкийского, а также контактных языков, возникающих в процессе активного взаимодействия представителей разных национальных культур, например, русско-китайский пиджин.

Проблематика конференции самым непосредственным образом связана с научными направлениями, разрабатываемыми на лингвистических кафедрах нашего университета, что, безусловно, послужит их дальнейшему продуктивному развитию уже на новом уровне. Конференция способствовала интеграции научных интересов лингвистических кафедр университета, что весьма положительно может отразиться в проведении научных мероприятий и участии в совместных грантовых проектах.

География второй конференции (первая была проведена в октябре 2010 г.) расширилась, что также является новым шагом к мобильному обмену научной информации, обсуждению дискуссионных и неоднозначно оцениваемых научным сообществом языковых фактов, выработке путей решения научных проблем, дальнейшему объединению в реализации проектов по созданию лингвистических баз данных, лексикографической и иной обработке лингвистической информации, а также совместных проектов полевых исследований.

Среди участников конференции были ведущие специалисты из научных и образовательных центров России: **Владимир Иванович Беликов**, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета, **Елена Всеволодовна Перехвальская**, профессор Санкт-Петербургского университета, ведущий научный сотрудник Отдела языков России Института лингвистических исследований РАН, а также ведущие специалисты из ближайших регионов – доктор филологических наук **Татьяна Юрьевна Игнатович**, представляющая Забайкальский государственный университет, и другие.

В работе конференции приняли очное и заочное участие в виде публикаций 41 человек, в том числе 5 докторов филологических наук, 22 кандидата наук, а также аспиранты. В качестве слушателей выступили преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты АмГУ.

Была организована работа **2 пленарных заседаний и 5 секций**:

Секция 1. Территориальные диалекты в Сибирском и Дальневосточном регионах.

Секция 2. Региональная лексикография. Источниковедение и топонимия.

Секция 3. Языковое бытие региона.

Секция 4. Национальная и региональная языковые картины мира.

Секция 5. Фонетический уровень языка: специфика регионального воплощения в речи.

Следует отметить высокий уровень научных докладов, прозвучавших на конференции, и вопросов, заданных в обсуждении.

Конференция прошла в атмосфере научного поиска, были обсуждены многие дискуссионные вопросы современного бытования языка в регионах.

В рамках конференции прошла **презентация 10-го выпуска фольклорно-диалектологического альманаха «Слово»**. В своем выступлении Е.А. Оглезнева, один из редакторов альманаха, охарактеризовала историю его создания (поскольку выпуск юбилейный), структуру и наполнение данного выпуска.

Завершили конференцию **публичные лекции профессора Московского государственного университета Владимира Ивановича Беликова**, которые были посвящены проблематике регионального варьирования. Лекции вызвали большой интерес у преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов.

7-10 октября 2013 г. профессор кафедры русского языка АмГУ Е.А. Оглезнева по приглашению Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы и Дальневосточного федерального университета побывала в ДВФУ, где приняла участие в V международной научно-практической конференции **«Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР»**, прочитала лекции для студентов, аспирантов, преподавателей по темам, связанным с бытованием русского языка в восточном зарубежье в XX в. и с различными формами межъязыкового взаимодействия в условиях приграничья, а также провела мастер-класс «Функционирование русского языка в регионе: проблемы изучения», на котором познакомила коллег с опытом работы кафедры и лаборатории региональной лингвистики нашего университета по изучению русского языка в Дальневосточном регионе.

Состоялось плодотворное научное общение, которое должно найти продолжение в дальнейшем научном сотрудничестве.

17-20 октября 2013 г. профессор кафедры русского языка АмГУ Е.А. Оглезнева, доцент кафедры русского языка АмГУ Н.Г. Архипова, старший преподаватель, аспирант АмГУ А.В. Блохинская и преподаватель Хэйхэйского университета (КНР), аспирант АмГУ С.В. Гордеева приняли участие во Всероссийской (с международным участием) научной конференции **«Региональные варианты национального языка»** в Бурятском государственном университете (Улан-Удэ) и успешно выступили с докладами. Общение с коллегами было продолжено на озере Байкал, где состоялся круглый стол по проблемам лексикографического описания региональных вариантов национального языка и по проблемам исторической лексикографии в региональном аспекте.

**Амурский государственный университет
Кафедра русского языка
Лаборатория региональной лингвистики**

Адрес: 675027, Амурская обл., Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21

Тел.: (4162)394583;
(4162)394588

Факс: (4162)367353

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», посвященном проблемам русской диалектологии, лингвофольклористики и этнолингвистики. Альманах «Слово» – это продолжающееся научное издание кафедры русского языка Амурского государственного университета. Издание входит в базу данных РИНЦ и elibrary.ru.

В альманахе публикуются статьи и материалы следующей тематики:

- ✧ *Современное языковое бытие региона*
- ✧ *Русские говоры на рубеже XX-XXI веков*
- ✧ *История формирования русских народных говоров*
- ✧ *Региолект как современное и историческое явление*
- ✧ *Межъязыковое взаимодействие в регионах*
- ✧ *Русский язык в зарубежных регионах*
- ✧ *Региональная и национальная языковая картина мира*
- ✧ *Особенности языка религиозных конфессиональных сообществ в регионах*
- ✧ *Язык современного города*
- ✧ *Региональная лингвоперсонология и жанрология*
- ✧ *Язык традиционного и современного фольклора*
- ✧ *Лингвогеографический аспект изучения русских народных говоров*
- ✧ *Региональная лексикография и источниковедение*

Альманах будет сопровожден звуковым приложением на компакт-диске.

Требования к публикации

Объем статьи — до 0,5 п.л. (12 стр. по 1800 знаков в каждой), шрифт Time New Roman, формат – RTF, DOC; кегль – 14, интервал 1,5.

Статья должна сопровождаться краткой аннотацией на русском и английском языках, ключевыми словами на английском языке, иметь код универсальной десятичной классификации (УДК).

Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, должность, ученая степень, ученое звание, полное название организации, адрес, телефон, e-mail.

Для отражения особенностей диалектной речи рекомендуется использовать следующий набор символов:

знак	звук	шрифт
Ү ү	г фрикативный	Symbol
ӱ	в билабиальный	Times New Roman
W w	в губно-губной	Times New Roman
ə	средний гласный	Tahoma

Для отображения ударных гласных используйте шрифт **Times New Roman Cyrillic Accent** Все указанные символы вставляйте в текст командой (*вставка > символ*).

Иллюстрации и диаграммы вставляйте в текст в виде предварительно подготовленных изображений (*вставка > рисунок > из файла*), а не создавайте средствами MS Word.

Требования обусловлены особенностями электронной версии альманаха, верстка которой осуществляется в формате **html**.

При наличии звукового фрагмента к статье рекомендуется присылать его на компакт-диске (параметры аудиозаписи: **.mp3** [минимум 44kHz, 192kbps] или **.wav**) или указывать адрес в Интернет, откуда может производиться копирование Вашего звукового фрагмента.

Статьи присылаются до 1 сентября по адресу: Благовещенск Амурской обл., 675027, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка

или по электронной почте: slovoamgu@yandex.ru

Авторские экземпляры будут высылаться бесплатно.

Желающие приобрести уже вышедшие из печати выпуски, а также другие издания кафедры могут сделать заказ по адресу: 675027, Амурской обл., Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка

или по электронному адресу: slovoamgu@yandex.ru

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.1. Фольклор. 2003 (стоимость – 100.00 руб.); ISBN 5-93493-037-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка. Сборник научных статей. 2005 (стоимость – 100.00 руб.);

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. 2006 (стоимость – 150.00 руб.); ISBN 5-93493-068-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье. 2008 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора. 2009 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2011. (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2013 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с. ISBN 978-5-93493-070-2 (стоимость – 200.00 руб.);

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с. ISBN 978-5-93493-122-4 (стоимость – 250.00 руб.);

Языковой портрет Приамурья: монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. 223 с. (стоимость – 150.00 руб.).

Издания высылаются наложенным платежом (+ почтовые расходы), авторские экземпляры – бесплатно.

По желанию можно заказать компакт-диск, содержащий электронную версию альманаха, а также фото, видео и аудиофайлы (для выпусков 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10).

Стоимость компакт-диска – 50 руб.

Внимание! Только в электронном виде существуют:

Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора (2005).

Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора (2007).

Вып. 8. Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе (2010).

Амурский государственный университет
Филологический факультет
предлагает обучение
по направлению подготовки 45.03.01
«ФИЛОЛОГИЯ»

Квалификация БАКАЛАВР

Срок обучения 4 года, очно

Профили подготовки (по выбору):

***Преподавание русского языка как иностранного и неродного
Филологическое обеспечение рекламы***

Ты по складу гуманитарий, но не решаешься поступать на филологию, думая, что сегодня филолог не востребован на рынке труда?

Ты ошибаешься!

Наше время – это время, когда знание языка и литературы помогает их продвижению в мире.

Наше время – это время, когда филологическое умение работать с текстом позволяет делать его грамотным, креативным, востребованным в таких сферах коммуникации, как реклама, PR, СМИ.

Наше время – это время информации, которую нужно уметь донести до адресата и тем самым достичь целей общения.

А кто, как не **ФИЛОЛОГ**, владеет искусством убеждения!

Кто, как не **ФИЛОЛОГ**, знаток языка и литературы, умеет обращаться со СЛОВОМ, обеспечивая тем самым высокое качество любой речевой коммуникации!

Кроме того, **филологическое образование** предполагает получение большого культурного опыта человечества, что неизбежно меняет наших студентов в личностном плане, делая их людьми утонченными в восприятии мира, интересными собеседниками, хорошими психологами.

В наше время выпускник филологического факультета найдет применение своим знаниям в самых разнообразных **сферах деятельности**:

- ☒ учреждениях науки, образования и управления;
- ☒ отделах по связям с общественностью и рекламе;
- ☒ пресс-службах;
- ☒ средствах массовой информации;
- ☒ редакциях и издательства;
- ☒ общественных организациях;
- ☒ учреждениях культуры – литературных музеях, архивах, библиотеках и др.

Освоив программу профиля **«Преподавание русского языка как иностранного и неродного»**, выпускник может преподавать русский язык иностранцам и тем гражданам, для которых русский язык не является родным, как в России, так и за рубежом, осуществлять тестирование на знание русского языка, работать в иностранных представительствах.

Освоив программу профиля **«Филологическое обеспечение рекламы»**, выпускник

найдет сегодня работу в рекламных отделах предприятий и учреждений.

Итак, направление подготовки – **ФИЛОЛОГИЯ**

Изучаемые дисциплины

История русской и зарубежной литературы, современный русский язык и его история, основы филологии, введение в языкознание, введение в литературоведение, устное народное творчество, введение в теорию коммуникации, введение в славянскую филологию, стилистика русского языка, современные информационные технологии в лингвистических исследованиях, древние языки (латинский, старославянский), социолингвистика, практическая риторика, история и теория литературной критики, основы деловой коммуникации, основы теории текста и др.

Дисциплины профиля «Преподавание русского языка как иностранного и неродного»: *психология и педагогика, этнопсихология, межкультурная коммуникация, методика обучения русскому языку как иностранному и неродному (РКИ), теория и практика лингводидактического тестирования, практикум по произношению и интонированию, лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного и др.*

Дисциплины профиля «Филологическое обеспечение рекламы»: *социология и психология массовой коммуникации, основы менеджмента, основы маркетинга, реклама в коммуникационном процессе, имиджелогия, язык рекламы и основы копирайтинга, дизайн в рекламе и др.*

Обучение по направлению подготовки «Филология» ведут квалифицированные преподаватели – доктора и кандидаты наук, являющиеся специалистами в области русского языка и литературы.

Выпускники бакалавриата по направлению подготовки «Филология» имеют возможность продолжить свое обучение **в магистратуре** АмГУ по программам подготовки «Экспертиза рекламы и ПР-продуктов», «Русский язык в межкультурной коммуникации», «Филологическое обеспечение международных культурных связей», «Издательское дело» и др.

По окончании магистратуры возможно продолжить образование **в аспирантуре** АмГУ по научным специальностям «Русский язык», «Теория и история культуры», «Социальная философия», «Философия религии и религиоведения».

Кафедры сотрудничают со специалистами из ведущих университетов страны (Москва, Томск, Красноярск, Улан-Удэ) и с зарубежными вузами и научными центрами (Германия, КНР, США, Франция).

Возможности студентов во время обучения в университете:

- участие во Всероссийских олимпиадах, международных, Всероссийских и региональных стипендиальных программах (Благотворительный фонд В. Потанина, стипендия Н.Н. Муравьева-Амурского, стипендия ректора АмГУ, стипендия Губернатора и др.), конкурсах грантов;
- проведение собственных научных исследований, результатом которых могут быть выступления на научных конференциях и научные публикации;
- участие в творческих коллективах университета: команде КВН, студенческих театрах «Глобус» и «М.и.р.», танцевальных и вокальных коллективах и др.

Условия обучения

Обучение проходит в оборудованных аудиториях новых учебных корпусов. В распоряжении студентов – Научная библиотека АмГУ, лингафонные кабинеты, компьютерные классы, научные лаборатории.

Университет располагает спортивным комплексом, бассейном.

Культурная жизнь сосредоточена в новом Общественно-культурном центре АмГУ.

Иногородним студентам предоставляется общежитие.

Для поступления необходимо сдать ЕГЭ по следующим предметам:

русский язык; литература; обществознание

Наш адрес: 675027, г.Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, АмГУ,
корпус 7, ауд.407 (кафедра русского языка), ☎: (4162) 394-583

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Зав. кафедрой русского языка

Елена Александровна Оглезнева

Сайт университета: www.amursu.ru

*Мы ждем на факультете людей, понимающих и любящих СЛОВО,
верящих в его непреходящую силу,
готовых улучшить мир своими познаниями в области филологии!*

Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка
предлагает обучение
по направлению подготовки 42.03.01
«РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»

Квалификация БАКАЛАВР

Срок обучения: 4 года, очно

Область профессиональной деятельности выпускников по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» включает:

- государственные структуры федерального, регионального, местного уровней;
- негосударственные учреждения и организации, общественные организации, СМИ;
- консалтинговые агентства, рекламные агентства, агентства по связям с общественностью, коммуникационные агентства;
- учреждения и организации политической, экономической, социальной, образовательной, научной, производственной, сервисной, культурной и других областей и сфер;
- рекламные подразделения и подразделения связей с общественностью коммерческих фирм и других организаций в различных сферах деятельности и различных отраслях народного хозяйства.

По окончании обучения вы можете продолжить свое образование в магистратуре АмГУ, а после окончания магистратуры – в аспирантуре по различным специальностям гуманитарного профиля.

Будущая профессиональная деятельность:

- управление и организация работы рекламных служб и служб по связям с общественностью;
- планирование и контроль рекламной работы;
- мероприятия по повышению имиджа организации, продвижению товаров и услуг на рынке;
- проектирование программ и мероприятий в области рекламы и связи с общественностью;
- разработка и подготовка к выпуску, производство и распространение рекламной продукции, презентационных материалов.

Возможности студентов:

- участие во Всероссийских олимпиадах, международных, Всероссийских и региональных стипендиальных программах (Благотворительный фонд В. Потанина, стипендия Муравьева-Амурского, стипендия ректора АмГУ и др.);
- проведение собственных научных исследований (научные конференции, публикации, аспирантура);
- участие во всероссийских, областных конкурсах рекламы, Днях рекламы и ПР, выездных ПР-школах, проводимых в Амурском государственном университете;

➤ самореализация в творческих коллективах факультета и университета (команда КВН, художественные конкурсы, студенческие театры «Глобус» и «М.и.р.», танцевальные и вокальные коллективы и др.);

➤ реализация организаторских и лидерских способностей (работает студенческий актив).

Студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью», изучают следующие дисциплины:

- *основы теории коммуникации,*
- *теория и практика связей с общественностью,*
- *социология и психология массовой коммуникации,*
- *основы менеджмента,*
- *основы маркетинга,*
- *реклама в коммуникационном процессе,*
- *имиджелогия,*
- *язык рекламы,*
- *организация работы отдела по связям с общественностью,*
- *современная пресс-служба,*
- *проведение ПР-кампаний,*
- *дизайн в рекламе,*
- *ПР-технологии в переговорном процессе,*
- *ПР-технологии в избирательной кампании и др.*

За время обучения студенты проходят учебные и производственные практики, места проведения которых могут стать потенциальным местом трудоустройства выпускников: отделы по связям с общественностью и рекламе в государственных и негосударственных структурах, рекламные агентства, СМИ и др.

Для поступления необходимо сдать ЕГЭ по следующим предметам:

обществознание; русский язык; история

Наш адрес:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, АмГУ,
7 корпус, ауд.407 (кафедра русского языка)

Сайт университета: www.amursu.ru

Зав. кафедрой русского языка

Елена Александровна Оглезнева

☎: (4162) 394-583

ПРИХОДИТЕ УЧИТЬСЯ К НАМ!

**МЫ ЖДЕМ ТВОРЧЕСКИХ, КРЕАТИВНЫХ,
ПОЗИТИВНЫХ СТУДЕНТОВ,
КОТОРЫХ НАУЧИМ ДЕЛАТЬ МИР ЯРЧЕ!**

Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка
предлагает обучение по направлению подготовки 42.04.01
«РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»
(магистратура)
специализированная программа
«ЭКСПЕРТИЗА РЕКЛАМЫ И ПР-ПРОДУКТОВ»

Квалификация МАГИСТР

Срок обучения 2 года, очно

➤ Хотите профессионально разбираться в современных технологиях в области рекламы и ПР?

➤ Хотите выступать квалифицированным экспертом рекламных и ПР-продуктов?

Поступайте к нам в магистратуру!

Вы получите знания и профессиональные навыки в области современной рекламной и ПР-коммуникации, что позволит Вам реализовать себя профессионально в этой сфере деятельности, а также выступать квалифицированными экспертами рекламных и ПР-продуктов.

Это особенно актуально в современный период, характеризующийся жесткой конкуренцией товаров и услуг, сопровождаемой рекламными кампаниями и ПР-акциями, которые даже в этих условиях должны соответствовать правилам цивилизованного общества. Квалифицированная экспертиза такого соответствия с учетом правовых, психологических, языковых и других составляющих – то основное профессиональное умение, которое формируется в процессе освоения нашей магистерской программы.

По завершении обучения вы получите диплом магистра государственного образца, который позволит применить вам свои знания в любом уголке нашей страны и за рубежом.

В магистратуру принимаются лица, имеющие дипломы российских вузов, подтверждающие квалификацию бакалавра или специалиста (*по любой специальности или направлению подготовки*) или дипломы других государств, эквивалентные российским.

Вступительные испытания: тест по русскому языку с последующим собеседованием.

Перед тестом проводится консультация. Планируется проведение подготовительных занятий для поступающих в магистратуру.

Обучение в магистратуре предполагает аудиторные занятия (14 часов в неделю в вечернее время) и самостоятельную работу, включая научно-исследовательскую, проектную, производственную практики.

Завершается обучение защитой магистерской диссертации.

Возможно дальнейшее продолжение образования в аспирантуре.

Дисциплины учебного плана магистратуры по специализированной программе подготовки магистров «Экспертиза рекламы и ПР-продуктов»:

- *Теория текста, Теория речевого воздействия, Активные процессы в современном русском языке, Языковая прагматика, Лингвистическая экспертиза рекламы и ПР-текстов, Психология массовой коммуникации, Психология рекламы, Психологическая экспертиза рекламы и ПР-текстов, Правовая экспертиза рекламы и ПР-продуктов, Основы юрислингвистики, Нейролингвистическое программирование, Стилистика и литературное редактирование, Язык рекламы, Основы копирайтинга, Имиджелогия, Конфликтология, Теория и практика ПР, Теория и практика рекламы, Коммуникационный менеджмент, Репутационный менеджмент, Теория и практика массовой информации, Экономические основы массовой коммуникации, Организация и проведение кампаний по рекламе и связям с общественностью, Реклама и ПР в Интернете, Информационные технологии в рекламе и ПР, Семиотика социальной коммуникации, Медиапланирование в рекламе и ПР, Иностранный язык, Коммуникативно-риторический практикум.*

Объектами профессиональной деятельности магистров по направлению подготовки 42.04.01 – «Реклама и связи с общественностью» являются государственные структуры, негосударственные общественные организации, коммерческие учреждения, средства массовой информации.

Магистр готовится к следующим видам профессиональной деятельности:

- **организационно-управленческой:** управление коммуникационными службами рекламы и PR фирмы и организации, контроль и оценка эффективности деятельности организации в области рекламы и ПР;
- **коммуникационной:** руководство проектированием, подготовкой и реализацией коммуникационных кампаний, создание эффективной коммуникационной инфраструктуры организации;
- **проектной:** разработка стратегических рекламных и ПР-концепций и оценка их качества и эффективности;
- **информационно-аналитической:** проведение исследований, анализ и интерпретация первичной и вторичной информации, связанной с рекламой и ПР, составление экспертных заключений и аналитических рекомендаций по оптимизации рекламной и PR-деятельности, проведение консультационной работы по вопросам рыночных и социальных отношений в области рекламы и ПР;
- **научно-исследовательской и педагогической:** выявление тенденций, динамики процессов и инновационных явлений рекламного характера, определение проблем, подбор методик проведения рыночных и социологических исследований, анализ и интерпретация результатов, подготовка публикаций, прогнозов по результатам выполненных научно-практических исследований в сфере рекламных и ПР-коммуникаций.

(Выписка из Федерального государственного стандарта направления подготовки магистра по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью»)

Что для меня магистратура? Я решила поставить перед собой задачу, выполнение которой открыло бы новые грани моих возможностей. Содержание обучения настолько интересно и разнообразно, красота и гармония внутреннего мира преподавателей настолько ощутимы, что уходит ментальная ограниченность, жизнь наполнена новым смыслом, и

ценным становится понимание: счастье, что много дней еще впереди! Для меня магистратура – это возвышенное сознание!

Любовь Крачкова, гр. 298-ом

Для меня магистратура – это одна из самых популярных и престижных сегодня форм обучения. За годы обучения в вузе все стало родным и знакомым, поэтому я решила продолжить обучение в магистратуре. Здесь я познакомилась с интересными людьми, приобрела достаточно знаний и навыков, которые мне уже пригодились и, не сомневаюсь, пригодятся еще в будущем. В целом для меня магистратура стала территорией успеха.

Регина Шохирева, гр. 298-ом

От преподавателей добавим, что магистратура – это действительно новый, более высокий уровень образования, который, с одной стороны, обязывает нас быть на высоте современных знаний и образовательных технологий, а с другой стороны – дарит действительно счастье от сотворчества с благодарной, знающей и пытливей аудиторией.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Наш адрес: 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21.

Тел.факс (4162)39-45-25, тел. (4162)39-46-86.

Сайт АмГУ: www.amursu.ru

Кафедра русского языка: учебный корпус № 7, ауд. 407, тел. 8(4162)39-45-83,

e-mail: slovoamgu@yandex.ru

Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка
предлагает обучение по направлению подготовки 45.04.01

«ФИЛОЛОГИЯ»

(магистратура)

специализированная программа

«РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Квалификация МАГИСТР

Срок обучения 2 года, очно

- Вы хотите преподавать русский язык иностранцам и делать это на высоком научном и методическом уровне?
- Вы хотите профессионально разбираться и выступать экспертом в вопросах межкультурного и межъязыкового взаимодействия?

Мы поможем Вам в этом в магистратуре Амурского государственного университета по филологии.

Вы получите фундаментальные знания и профессиональные навыки в области современной межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Это особенно актуально на российском Дальнем Востоке и в приграничных странах Азии – в регионах тесного межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Квалификация магистра по указанной программе позволит успешно преподавать русский язык как иностранный в зарубежных странах, занимать руководящие должности в сфере образовательных и культурных международных связей, заниматься научно-исследовательской деятельностью.

В магистратуру принимаются лица, имеющие дипломы российских вузов, подтверждающие квалификацию бакалавра или специалиста (**не обязательно по филологии**), или дипломы других государств, эквивалентные российским.

По завершении обучения вы получите диплом магистра государственного образца, который позволит успешно преподавать русский язык как иностранный в зарубежных странах и в России.

Обучение в магистратуре предполагает аудиторные занятия (14 часов в неделю в вечернее время) и самостоятельную работу, включая научно-исследовательскую, проектную, педагогическую практики

Завершается обучение защитой магистерской диссертации. Возможно дальнейшее продолжение образования в аспирантуре.

Вступительные испытания: тест по русскому языку с последующим собеседованием.

Перед тестом проводится консультация. Планируется проведение подготовительных занятий для поступающих в магистратуру.

Руководитель магистерской программы Елена Александровна Оглезнева – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Амурского государственного университета, автор книг «Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания» (2007), «Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине) (2009), в 1998-1999 гг. преподавала русский язык в главном вузе Китая – Пекинском университете.

Дисциплины учебного плана магистратуры по специализированной программе подготовки магистров «Русский язык в межкультурной коммуникации»:

Филология в системе современного гуманитарного знания, Теория коммуникации, Теория текста, Теория дискурса и основы дискурсивного анализа, Языковая прагматика, Активные процессы в современном русском языке, Межкультурная коммуникация, Этнопсихология, Информационные технологии, Деловой иностранный язык, Филологический анализ текста в иноязычной аудитории, Методика обучения русскому языку как иностранному (РКИ), Моделирование учебного процесса, Теория и практика лингводидактического тестирования, Практическая стилистика в изучении РКИ, Практикум по произношению и интонированию, Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, Язык СМИ / Лингвокультурология, Сопоставительное языкознание, Педагогика, Психология коммуникации / Возрастная психология, Лексикографические источники в преподавании РКИ, Имиджелогия в сфере межкультурной коммуникации, Гуманитарная семиотика, Спецкурсы, спецсеминары и мастер-классы.

Практики: научно-исследовательская, педагогическая (в вузах КНР), практика по педагогическому проектированию.

Объектами профессиональной деятельности магистров по направлению подготовки 032700.68 – «филология» являются различные типы текстов – письменных, устных и виртуальных (включая гипертексты и текстовые элементы мультимедийных объектов); устная и письменная коммуникация.

Опыт подготовки магистров на кафедре русского языка Амурского государственного университета показывает высокую заинтересованность магистрантов в получении специализированных знаний, творческий подход к процессу обучения. Это вполне объяснимо: в магистратуру идут осознанно с целью повысить свой профессиональный уровень или получить новые знания дополнительно к имеющемуся базовому образованию.

➤ *Магистратура – это возможность расширить круг знаний и поднять на более высокий уровень свою профессиональную планку. А еще это возможность перенять знания и опыт профессионалов, встречи с интересными людьми и радость общения с коллегами-магистрантами.*

Светлана Калугина, гр. 198-ом

➤ *Обучение в магистратуре – это интересно и перспективно, к тому же очень удобно учиться по очной форме вечером после работы. В магистратуре многое приходится изучать самостоятельно, а это учит мыслить системно, анализировать, ответственно относиться к выполнению заданий, что потом переносится и на работу.*

Ольга Хлебникова, гр. 198-ом

➤ *Для меня магистратура – это любимые преподаватели, захватывающая учеба и возможность снова почувствовать себя студентом.*

Михаил Заремба, гр.198-ом

От преподавателей добавим, что магистратура – это действительно новый, более высокий уровень образования, который, с одной стороны, обязывает нас быть на высоте современных знаний и образовательных технологий, а с другой стороны, – дарит действительно счастье от сотворчества с благодарной, знающей и пытливой аудиторией.

Международные контакты – на новый уровень!

Наш адрес:

Почтовый адрес: Россия, 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21.

Тел.факс (4162)39-45-25, тел. (4162)39-46-86.

Сайт АмГУ: www.amursu.ru

Кафедра русского языка: учебный корпус №7,

ауд. 407, тел. 8(4162)39-45-83, e-mail: slovoamgu@yandex.ru

Кафедра русского языка
Амурского государственного университета
проводит
**ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ И ПРОГРАММЫ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
для иностранных граждан**

В программу обучения входят лингвистические, лингвострановедческие и культуроведческие дисциплины, а также практические курсы, направленные на формирование и совершенствование всех видов речевой деятельности.

Подготовительные курсы по русскому языку как иностранному,

в том числе для поступления в университет и сертификационного тестирования

Сроки обучения: один год (с 1 сентября 2014 г. по 30 июня 2015 г.)

Стоимость: 75 000 рублей

Правила приема: без экзамена, на основе личного заявления.

Обучение в группе 12 человек

Программа обучения

Разговорная речь	136 ч.
Литература	68 ч.
Грамматика	136 ч.
Аудирование	68 ч.
Лексика	136 ч.
Лингвострановедение	68 ч.
Фонетика	68 ч.
Домашнее чтение	68 ч.
Письменная речь	68 ч.

Всего: 34 учебные недели, 816 аудиторных часов в год

Стажировки по русскому языку как иностранному

Сроки обучения: один год (с 1 сентября 2014 г. по 30 июня 2015 г.)

Стоимость: 75 000 рублей (1 год), 38 000 рублей (1 семестр)

Правила приема: без экзамена, на основе личного заявления

Обучение в группе 12 человек

Программа обучения

Лексикология современного русского языка	102 ч.
Морфология и синтаксис современного русского языка	102 ч.
Фонетический практикум	68 ч.
Разговорная речь	102 ч.
Язык СМИ (радио, телевидение, газета)	68 ч.
Чтение и аудирование	68 ч.

Практический перевод	34 ч .
Письмо и правила деловой переписки	34 ч.
Лингвистическое страноведение	68 ч.
Деловое общение	34 ч.
Стилистика текста	34 ч.
История русской культуры	34 ч.
История русской литературы (классика и современный период)	68 ч.

Всего: 34 учебные недели, 816 аудиторных часов в год

Количество аудиторных часов зависит от срока обучения

По окончании обучения выдается сертификат установленного образца

Культурная среда, живое общение преподавателей и студентов способствуют формированию высокого уровня владения русским языком.

В подготовке стажеров, бакалавров и магистрантов принимают участие 2 профессора, 1 доктор и 7 кандидатов филологических наук.

Иностранные граждане могут обучаться в **магистратуре** Амурского государственного университета по направлению подготовки «**Филология**» (*специализированная программа подготовки магистров «Русский язык в межкультурной коммуникации»*) и по направлению подготовки «**Реклама и связи с общественностью**» (*специализированная программа подготовки магистров «Экспертиза рекламных и ПР-продуктов»*).

Наши координаты

Почтовый адрес: Россия, 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21.

Тел.факс (4162)39-45-25, тел. (4162)39-46-86.

Сайт АмГУ: www.amursu.ru

Кафедра русского языка: учебный корпус №7, ауд. 407, тел. 8(4162)39-45-83,

e-mail: slovoamgu@yandex.ru.

Координатор – доцент, канд.филол.наук Старыгина Галина Михайловна,

e-mail: starygina36@mail.ru.

*Кафедра русского языка
Амурского государственного университета
проводит*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

на основании договоров с Головным Центром тестирования иностранных граждан при Министерстве образования РФ.

**Тестирование осуществляется на соответствие
по следующим уровням владения русским языком:**

- *элементарный уровень*
- *базовый уровень*
- *первый сертификационный уровень*
- *второй сертификационный уровень*
- *третий сертификационный уровень*
- *четвертый сертификационный уровень*

✓ **Тестирование по русскому языку для приема в гражданство Российской Федерации**

ЭКЗАМЕН представляет собой тестирование на подтверждение уровня владения русским языком, достаточного для общения в условиях языковой среды. При успешной сдаче экзамена выдается государственный сертификат о прохождении тестирования.

На тестировании необходимо иметь при себе:

- 1. Оригинал документа, удостоверяющего личность (паспорт и его перевод, вид на жительство, удостоверение беженца).*
- 2. Копию паспорта (страница с фотографией) и его перевода, либо первой страницы вида на жительство.*
- 3. Квитанцию об оплате тестирования на гражданство.*

Для успешной сдачи экзамена необходимо набрать не менее 65% по каждому субтесту. Если по одному из них вы получили менее 65%, вы имеете право еще раз за дополнительную плату (50% стоимости экзамена) пройти повторное тестирование по несданному субтесту. В случае несдачи тестируемому выдается справка о прохождении тестирования, срок действия которой составляет 2 года. В справке указываются результаты всех тестовых экзаменов. Результаты успешно сданных субтестов перезачитываются автоматически при повторной сдаче экзамена.

✓ **Тестирование по русскому языку трудящихся мигрантов**

Трудовые мигранты, которые работают или планируют работать в сфере жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли или бытового обслуживания с 1 декабря 2012 г. в соответствии с Федеральным законом от 12 ноября 2012 г. № 185-ФЗ, должны подтверждать владение русским языком в объеме не ниже базового уровня. Владение русским языком подтверждается одним из следующих документов:

а) сертификатом о прохождении тестирования по русскому языку (в объеме не ниже базового уровня общего владения русским языком), выданным образовательной организацией (учреждением) на территории Российской Федерации или за рубежом, которой (которому) Министерством образования Российской Федерации разрешено проведение государственного тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку как иностранному языку;

б) документом государственного образца об образовании, выданным образовательным учреждением на территории государства, входившего в состав СССР до 1 сентября 1991 г.;

в) документом об образовании, выданном на территории иностранного государства и имеющим в приложении запись об изучении курса русского языка с нотариально удостоверенным переводом и свидетельством об эквивалентности документа об образовании.

Гражданам стран, в которых русский язык является государственным, подтверждать его знание не требуется.

На тестировании необходимо иметь при себе:

1. Оригинал документа, удостоверяющего личность (паспорт и его перевод, миграционную карту);
2. Копию паспорта (страница с фотографией) и его перевода, копию миграционной карты;
3. Квитанцию об оплате тестирования.

Для успешной сдачи экзамена необходимо набрать не менее 60 % по каждому субтесту. После прохождения теста вы получаете сертификат государственного образца, в котором указан уровень владения русским языком «базовый для трудящихся мигрантов». Предполагается, что данный сертификат будет действовать в течение 5 лет.

Главным центром тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку установлена следующая стоимость тестирования:

- ✓ Тестирование трудящихся мигрантов по русскому языку для осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации – 3 000 руб.
- ✓ Тестирование для приема в гражданство РФ – 5 330 руб.
- ✓ Элементарный уровень – 5 125 руб.
Базовый уровень – 5 125 руб.
Первый сертификационный уровень – 5 330 руб.
Второй сертификационный уровень – 5 740 руб.
- ✓ Третий, четвертый сертификационные уровни – 6 150 руб.

По всем вопросам обращаться **по телефону:** (8-416-2)394-583, ежедневно (кроме субботы и воскресенья) с 9 до 15.00.

Кафедра русского языка АМГУ расположена по адресу: г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе 21. Учебный корпус № 7, 4 этаж, ауд. 407.

(наименование получателя платежа)

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

в ГРКЦ ГУ Банка России по Амурской обл. г. Благовещенск

(наименование банка получателя платежа)

OKATO 10401000000

000000000000000000130 п.1. Доходы, получаемые
структурными подразделениями образовательного
учреждения от оказания платных услуг
(подписка на журнал «Альманах «Слово» вып. 11 на 2014 год)
(наименование платежа)

руб. 00 коп.

руб. коп.

руб. коп.

(наименование получателя платежа)

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

в ГРКЦ ГУ Банка России по Амурской обл. г. Благовещенск

(наименование банка получателя платежа)

OKATO 10401000000

000000000000000000130 п.1. Доходы, получаемые
структурными подразделениями образовательного
учреждения от оказания платных услуг
(подписка на журнал «Альманах «Слово» вып. 11 на 2014 год)
(наименование платежа)

руб. 00 коп.

руб. коп.

руб. коп.

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

(подпись плательщика)

« ____ » _____ 20 ____ г.

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

(подпись плательщика)

« ____ » _____ 20 ____ г.

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Выпуск 11. Научное издание.

Изд-во АмГУ. Подписано к печати. 25.03.2014 Формат 60х84/8. Усл.-печ.л. 33, 59.
Тираж 500. Заказ 484 Отпечатано в типографии АмГУ.